

В. Парамонов, А. Строков, О. Столповский

Россия и Китай в энергетике Центральной Евразии: соперники или партнеры?

**Присутствие России и Китая
в отраслях ТЭК стран Центральной Азии:
состояние, проблемы и перспективы**

Содержание

Введение	5
Глава 1. Энергетическое взаимодействие России и стран Центральной Азии	8
Казахстан	11
Кыргызстан	91
Таджикистан	125
Туркменистан	152
Узбекистан	180
Основные проблемы во взаимодействии России и стран Центральной Азии в ТЭК	211
Проблема № 1	212
Проблема № 2	215
Проблема № 3	217
Основные рекомендации по усилению энергетического взаимодействия России и стран Центральной Азии	223
Рекомендация № 1	224
Рекомендация № 2	226
Рекомендация № 3	229
Рекомендация № 4	234
Глава 2. Энергетическое взаимодействие Китая и стран Центральной Азии	236
Роль и место отраслей ТЭК стран Центральной Азии в экономической политике Китая	238
Роль и место конкретных отраслей ТЭК стран Центральной Азии в энергетической стратегии Китая	240
Китайские проекты в отраслях ТЭК стран Центральной Азии	251
Казахстан	254
Кыргызстан	271
Таджикистан	278

Туркменистан	285
Узбекистан	294
Основные выводы	303
Основные проблемы	307
Глава 3. Последствия и возможности для России в результате усиления позиций Китая в ТЭК стран Центральной Азии	312
Основные сценарии	312
Основные рекомендации	315
Информация об авторах	334

Введение

В период существования СССР топливно-энергетический комплекс (ТЭК) России и республик Центральной Азии был единым организмом, жизнеспособность которого обеспечивалась за счет тесных структурно-технологических связей между всеми ключевыми отраслями ТЭК указанных республик, отлаженных десятилетиями схем и алгоритмов взаимодействия. Функционирование самих отраслей ТЭК, в свою очередь, тесно подчинялось целям развития реального сектора экономики в рамках объединенной единым и долгосрочным государственным планом общей для России и Центральной Азии стратегии в сферах политики, экономики и безопасности.

Распад СССР привел не только к исчезновению единого экономического, политического, оборонного и энергетического пространства, но и к двум другим принципиально важным последствиям:

– эрозии основной функции самого ТЭК – обеспечивать устойчивость общей сферы материального производства, что представляется естественным в условиях «стратегического» курса России и ряда стран Центральной Азии на реализацию либеральных реформ и глобализацию;

– волне центробежных – дезинтеграционных тенденций, поддерживаемых курсом России и стран Центральной Азии на многовекторность.

В результате многие отрасли ТЭК (в первую очередь, нефтегазовая) Российской Федерации (РФ) и государств Центральной Азии (ЦА), с одной стороны, перестали подчиняться стратегическим целям развития реального сектора своей же экономики, а с другой стороны, ориентироваться на цели эффективной реализации в общих государственных и долгосрочных интересах совокупного энергетического потенциала. Наоборот, сегодня ТЭК РФ и стран ЦА в основном ориентируются в лучшем случае на краткосрочные национальные интересы, а в худшем – на узкокорпоративные и чисто коммерческие бизнес-задачи (например, той же купли-продажи).

Как представляется, предпринимаемых в России и странах Центральной Азии усилий по изменению данной ситуации и решению связанных с ней основных проблем крайне недостаточно для того, чтобы в корне переломить ход уже запущенных с распадом СССР негативных тенденций и вывести энергетическое сотрудничество на качественно новый уровень. Требуется кардинальный пересмотр не только схем и алгоритмов современного взаимодействия между РФ и ЦА в ТЭК, но и самой парадигмы экономического развития России и государств Центральной Азии, что реально достижимо только в случае, если все эти прогрессивные изменения будут инициированы именно российской стороной.

Однако подобный сценарий исторически оправданного и долгосрочного поведения России является крайне маловероятным. Наиболее же вероятным является сценарий дальнейшей дезинтеграции России и стран Центральной Азии, их вхождения в орбиту влияния мощных глобальных политических, экономических и оборонных блоков и центров силы. Так или иначе, но именно этот сценарий просматривается исходя из анализа характера современного состояния энергетического взаимодействия РФ и стран ЦА, а также того глобального и регионального фона (процессов и тенденций), в которое это взаимодействие вписано.

В этом плане особо показателен характер присутствия в отраслях ТЭК государств ЦА со стороны Китайской Народной Республики (КНР), интерес которой к энергетическому потенциалу региона обозначился еще в середине 1990-х годов. Начиная с этого времени значение региона в китайской энергетической, равно как и в целом в экономической политике, поступательно растет. При этом если в середине–конце 1990-х годов проектная активность КНР и китайских компаний в энергетическом сегменте экономик стран ЦА фокусировалась только лишь на Казахстане и его нефтегазовой отрасли, то с началом XXI века интерес Пекина стал постепенно распространяться и на другие государства региона, диверсифицируясь и по отраслям ТЭК. Основное внимание Китая в настоящее время приковано к нефтегазовым отраслям Казахстана и Туркменистана, а также атомной отрасли Казахстана (со второй половины первого десятилетия нынешнего века). Китайское

же присутствие в отраслях ТЭК остальных стран ЦА связано не столько с энергетическими потребностями КНР, сколько с задачей продвижения иных (экономических и политических) интересов в данных государствах и в регионе в целом.

По состоянию на конец первого десятилетия наступившего века деятельность Китая и китайских компаний в энергетическом сегменте стран центральноазиатского региона, как представляется, не оказывает заметного влияния на развитие российского ТЭК и серьезно не ущемляет российских интересов, тем более, что они не носят долгосрочный и объединенный единым планом характер, не вписаны в программу модернизации экономики России.

С одной стороны, теоретически КНР может выступить в роли конкурента РФ в ТЭК стран ЦА лишь в случае выработки и начала реализации в России стратегии по интенсивному промышленно-инновационному развитию: именно тогда потребуются масштабная модернизация российской электроэнергетики и, соответственно, значительное увеличение поставок центральноазиатских энергоресурсов (для поддержания высокого уровня внутреннего потребления и повышенных обязательств по экспорту). **С другой стороны,** даже в этом случае Китай способен выступить в качестве стратегического партнера России, тем самым обеспечив прорыв в плане развития российско-китайско-центральноазиатского энергетического и в целом экономического сотрудничества на многосторонней основе.

Поэтому примет ли российско-китайское энергетическое взаимодействие в Центральной Азии форму партнерства или напротив соперничества во многом зависит от самой России, а точнее, от ее готовности в корне пересмотреть основные принципы своей внутренней и внешней энергетической стратегии, переориентировав ее с «экспортно-сырьевого» направления на следующие цели:

- собственного промышленно-инновационного развития;
- продвижения экономической реинтеграции на постсоветском пространстве;
- выстраивания долгосрочных взаимовыгодных экономических отношений на многосторонней основе в рамках ЕвразЭС и ШОС.

Глава 1. Энергетическое взаимодействие России и стран Центральной Азии

В 1990-х годах российско-центральноазиатское энергетическое взаимодействие имело место в основном между Россией и Казахстаном, что обуславливалось крайне тесной структурно-технологической взаимозависимостью их экономик, в первую очередь приграничных областей. Взаимодействие же России с другими странами региона – Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном – практически не наблюдалось, если не считать в целом незначительных и нерегулярных поставок газа из Туркменистана и Узбекистана, а также коммерческих и гуманитарных поставок нефти и нефтепродуктов в Кыргызстан и Таджикистан.

С приходом к власти в Кремле **В. Путина и его команды** значение Центральной Азии в российской внешней стратегии стало поступательно возрастать. Следствием этого стала кардинальная интенсификация энергетического взаимодействия России не только с Казахстаном, но и с другими государствами региона. И хотя по истечении первого десятилетия XXI века данное взаимодействие по-прежнему касается преимущественно нефтегазовой отрасли, но тем не менее наблюдаются признаки диверсификации российско-центральноазиатского сотрудничества и по другим отраслям ТЭК.

По истечении первого десятилетия XXI века, общее состояние дел в сфере энергетического взаимодействия РФ со странами ЦА можно вкратце охарактеризовать следующим образом.

Казахстан. Масштабы взаимодействия в нефтегазовой отрасли кардинально интенсифицировались по сравнению с 1990-ми годами и приближаются к масштабам советского времени. Однако российские нефтегазовые компании сталкиваются с жесткой конкуренцией, и их позиции в данной отрасли казахстанской энергетики выглядят заметно слабее конкурентов. Взаимодействие же в угольной и электроэнергетической отраслях в целом постепенно налаживается, но оно еще далеко от уровня и масштабов советского времени. В свою очередь, взаимодействие в атомной отрасли только во второй половине нынешнего

десятилетия начало возрождаться, а перспективы его развития в условиях мирового кризиса выглядят не такими уж безоблачными, тем более, учитывая назревающую конкуренцию со стороны Китая. Перспективы энергетического взаимодействия представляются достаточно многообещающими, но тем не менее остаются крайне подверженными значительным факторам риска, преодоление которых к тому же не входит в число приоритетов России и Казахстана.

Кыргызстан. Взаимодействие имеет место фактически пока только в нефтегазовой отрасли: по вопросам приобретения «Газпромом» объектов данной отрасли и контроля над кыргызским рынком нефтепродуктов. Взаимодействие же в других отраслях ТЭК, прежде всего, гидроэнергетической – ключевой отрасли энергетики и экономики Кыргызстана пока по ряду причин практически не развивается. Перспективы развития энергетического взаимодействия в целом крайне туманны, особенно учитывая нестабильность ситуации в самом Кыргызстане, и отсутствие должного внимания со стороны России к задаче установления полного контроля над этой республикой для ее стабилизации.

Таджикистан. Масштабы энергетического взаимодействия представляются значительными в нефтегазовой отрасли (геологоразведка углеводородных месторождений) и в гидроэнергетической (завершение строительства Сангтудинской ГЭС – крупного долгостроя советского времени). В то же время перспективы дальнейшего развития энергетического взаимодействия по ряду причин объективного и субъективного характера остаются под вопросом. Это связано как с недалеконovidной политикой самого Таджикистана, так и отсутствием у России комплексного подхода к решению ряда проблем регионального характера (например, водно-энергетической проблемы Центральной Азии).

Туркменистан. Взаимодействие практически не претерпело качественных изменений по сравнению с 1990-ми годами, ограничивается газовой торговлей. Хотя в период 2001–2008 годов ее объемы увеличились на порядок по сравнению с 1990-ми годами, однако в 2009 году в результате последствий мирового кризиса сократились в несколько раз. Поэтому и перспективы энергетического взаимодействия остаются неопределенными, тем более учитывая растущую внешнюю конкурен-

цию за газовые ресурсы и маршруты их транспортировки, разрушение российской монополии на экспорт/транзит туркменского газа.

Узбекистан. Взаимодействие в нефтегазовой отрасли кардинально интенсифицировалось по сравнению с 1990-ми годами, представлено масштабными геологоразведочными работами, добычными проектами и, разумеется, торговлей газом. Взаимодействие же в других отраслях ТЭК пока не наблюдается. Перспективы во многом определяются сложной комбинацией политических и экономических факторов, связанных с политикой России как в отношении самого Узбекистана, так и всей Центральной Азии и смежных пространств, в первую очередь соседнего Афганистана.

По состоянию на начало 2010 года, **общий объем российских финансовых ресурсов**, вложенных в энергетику центральноазиатских стран предположительно составил около **4,7–4,8 млрд. долларов**¹. Большая часть данных ресурсов сосредоточена в Казахстане (примерно от 1,8 до 1,9 млрд. долларов инвестиций), несколько в меньшей степени – в Узбекистане (около 1,5 млрд. долларов инвестиций), еще в меньшей степени – в Таджикистане (чуть более 800 млн. долларов, из которых 765 млн. – инвестиции, а остальные финансовые ресурсы направлены на закрепление на рынке нефтепродуктов) и Кыргызстане (от 610 до 615 млн. долларов, из которых только примерно 60–65 млн. –

---

¹Оценки являются расчетными, получены на основании суммирования опубликованных сведений по объемам финансовых ресурсов (главным образом, инвестиций, кредитов и грантов) по каждому проекту в каждой из стран региона. Некоторая неопределенность в оценке реальных объемов финансовых средств носит как субъективный, так и объективный характер. Во-первых, специфика взаимодействия в такой стратегической сфере, как энергетическая обуславливает отсутствие в открытых источниках многих точных цифр. Во-вторых, в энергетической сфере присутствует пропагандистский фактор. В-третьих, сведения по объемам российских (так же, как и прочих иностранных) финансовых ресурсов в ТЭК стран региона сильно разнятся в зависимости от источников. Наибольшую сложность вносит то, что при оценке тех же инвестиций в большинстве официальных источников учитываются еще и объемы кредитов, которые привлекаются компаниями и/или правительствами в те или иные энергетические проекты.

инвестиции, 350 млн. – кредиты и 100 млн. – грантовые средства, а остальные около 90–100 млн. – приобретенные активы нефтетрейдерских компаний и средства, вложенные в цели закрепления на рынке нефтепродуктов). В свою очередь, совсем незначительно российское финансовое присутствие в Туркменистане. Оценить его масштабы тяжело, так как на период начала 2010 года взаимодействие ограничивалось в основном торговлей.

Однако, несмотря на казалось бы достаточно большие финансовые ресурсы, значительные политические усилия и достигнутые очевидные успехи, российско-центральноазиатское взаимодействие в ТЭК осложняется комплексом проблем и является гораздо менее эффективным, чем могло бы быть. Главное, как представляется, заключается в том, что в отношениях между Россией и странами Центральной Азии сохраняется ярко выраженная тенденция дальнейшей экономической дезинтеграции. Именно это во многом и определяет весь комплекс проблем энергетического взаимодействия РФ и ЦА.

Очевидно, что перелом в данном взаимодействии может наступить только лишь при кардинальной смене Россией и странами Центральной Азии стратегий своего развития, их подчинения долгосрочным и общим целям стабилизации разбалансированного в результате распада СССР постсоветского пространства. Однако насколько это реально? Для того, чтобы приблизиться к ответу на данный вопрос, необходимо, прежде всего, понять характер и сложившийся формат энергетического взаимодействия России с каждой из стран Центральной Азии в отдельности.

Казахстан

В период существования СССР энергетические отношения России (РСФСР) с Казахстаном (КазССР) развивались в рамках единого общесоюзного ТЭК. Энергетические комплексы РСФСР и КазССР были структурно и технологически глубоко интегрированы друг с другом, обеспечивая тесное взаимодействие по функционированию единой нефтегазотранспортной системы, переработке нефти и газа, интенсив-

ному обмену углем и электроэнергией, а также производству ядерного топлива.

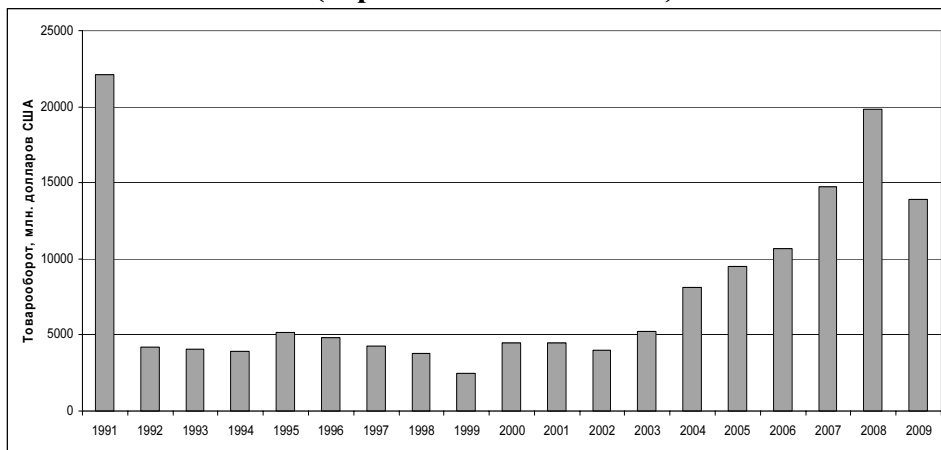
После распада СССР российско-казахстанские энергетические и в целом экономические отношения заметно ослабли. Отражением этого стало кардинальное уменьшение масштабов торгово-экономических связей между Российской Федерацией и Республикой Казахстан (РК). Так, по сравнению с 1991 годом в 1992 году двусторонний торговый оборот России с Казахстаном снизился в среднем в 5,2 раза. На протяжении 1992–2003 годов ежегодные объемы торговли находились в пределах 3,7–5,3 млрд. долларов. При этом практически прекратилось взаимодействие в угольной и атомной отраслях, кардинально снизились масштабы обмена электроэнергией, а в нефтегазовой отрасли сотрудничество ограничивалось участием российских компаний лишь в трех проектах².

С приходом же к власти в России В. Путина и его команды, последовавшего за этим возвращения России в Центральную Азию, российско-казахстанские отношения в энергетике (и в экономике в целом) стали возрождаться. Отражением этого является то, что, начиная с 2003 года, масштабы торгово-экономических связей РФ с РК стали развиваться динамично и поступательно. Так, в период 2003–2008 годов двусторонний товарооборот вырос более чем в 3,7 раза – с 5,2 до 19,8 млрд. долларов. Однако в 2009 году из-за негативного влияния мирового экономического кризиса российско-казахстанский товарооборот уменьшился на 30% по сравнению с предыдущим годом – с 19,8 до 13,9 млрд. долларов, составив около 13,9 млрд. долларов (диаграмма № 1).

---

²Строительство нефтепровода «Тенгиз – Новороссийск», освоение углеводородных месторождений «Карачаганак» и «Тенгиз».

Диаграмма № 1. Торговля России с Казахстаном (период 1991–2009 годов)

Источники: данные по товарообороту России (РСФСР) с Казахстаном (Казахской ССР) за 1991 год получены расчетным путем на основании информации Всемирного банка (Kazakhstan: Transition of the State. – The World Bank, Washington, D.C., 1997, p.208); данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Казахстана (Key Indicators of Developing Asia and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002); данные за период 2002–2009 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Казахстана (Kazakhstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009, входили в состав СССР; в настоящей таблице данные за 1991 год пересчитаны в долларах США, исходя из соотношения курса советского рубля к доллару, который March 2010).

Примечание: данные за 1991 год в первоисточнике даны в советских рублях, так как в то время республики устанавливался Государственным Банком СССР на основе паритета покупательской способности валют (1 доллар США = 0,78 рубля); (*) означает, что данные по объемам экспорта и импорта России за 1992 год отсутствуют.

Однако структура торговли свидетельствует о преимущественно сырьевой ориентации Казахстана в торговых связях с Россией. Так, в 2008 году около 76% поставок из РК в РФ пришлось на сырьевые ресурсы (энергоносители – около 53%, черные и цветные металлы – порядка 17%, химическое сырье – около 6%). В свою очередь, ассорти-

мент товаров, поставляемых из России, включал продукцию машиностроения и металлообработки (около 30%), продовольствие (порядка 8%) и другие товары (таблица 1).

Таблица 1. Товарная структура торговли России с Казахстаном (2008 год)

Наименование	Импорт России из Казахстана		Экспорт России в Казахстан	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Химическая продукция	558	5,9	1342	11,8
Черные и цветные металлы	1626	17,2	1843	16,2
Энергоносители	5051	53,4	1558	13,7
Машины и оборудование	265	2,8	3435	30,2
Продовольствие и прочие товары широкого потребления	699	7,4	944	8,3
Прочее	1257	13,3	2253	19,8
Всего	9456	100	11375	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Казахстана (Kazakhstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, March 2010).

Тем не менее превалирование энергоносителей в российско-казахстанском торговом обороте дает основание утверждать о возросшем уровне взаимодействия двух стран именно в отраслях ТЭК и заинтересованности России развивать экономические отношения в данном направлении. А поскольку производственные мощности и инфраструктура ТЭК обоих государств еще в недалеком прошлом являлись тесно взаимосвязанными, это, безусловно, способствует интенсификации отраслевой кооперации и интеграции. Масштабы энергетического взаимодействия между РФ и РК представляются значительными, хотя все еще гораздо меньшими, нежели в советское время.

На современном этапе российско-казахстанское энергетическое взаимодействие затрагивает все ключевые отрасли казахстанского ТЭК: нефтегазовую, угольную, атомную и электроэнергетическую. Именно в данных отраслях сосредоточены основные российские капиталовложения (инвестиции, активы и кредиты). По состоянию на начало 2010 года, общий объем российских инвестиций ориентировочно мог составить **1,8–1,9 млрд. долларов³**, а в ближайшие годы (причем согласно обещаниям, в основном сделанным до начала мирового финансового кризиса), может возрасти еще на 9-10 млрд. долларов.

Нефтегазовая отрасль

В силу географии и структурно-технологической взаимозависимости практически всех отраслей топливно-энергетического комплекса российско-казахстанские отношения в нефтегазовой отрасли в первые годы после распада Советского Союза не подверглись существенной коррозии, сохранив отработанные схемы и механизмы взаимодействия. Тем не менее к середине 1990-х годов, когда Казахстан сознательно сделал основную ставку на многовекторность и создание максимально высокой конкурентной среды вокруг своей нефтегазовой отрасли, Россия и российский бизнес не успели к дележу казахстанского «нефтегазового пирога» и обозначили свой интерес к нему лишь несколько позже.

Проекты по освоению месторождений

В настоящее время⁴ российские компании (в основном «ЛУКОЙЛ», а также «Роснефть» и «Газпром») принимают непосредственное участие в составе международных консорциумов либо совместных предприятиях в добычных проектах не менее чем на 8 крупных месторождениях нефти и газа в Казахстане.

---

³В том числе, 1,6–1,7 млрд. – в нефтегазовую отрасль, 80–90 млн. – в атомную, около 100 млн. – в угольную.

⁴По состоянию на начало 2010 года.

Освоение нефтяных месторождений «Тенгиз» и «Королевское»⁵ (Атырауская область, северо-западная часть Казахстана). Открыты в 1979 и 1982 годах соответственно. Месторождение «Тенгиз» является одним из крупнейших не только в Казахстане, но и в мире. Извлекаемые запасы обоих месторождений оцениваются от 750 млн. до 1,1 млрд. тонн нефти. Общие разведанные запасы «Тенгиза» прогнозируются в объеме 3,1 млрд. тонн нефти, а «Королевского», также относящегося к месторождениям мирового класса, в 300 млн. тонн.

Для разработки месторождений в 1993 году правительство Казахстана совместно с американским концерном Chevron Техасо, первой из иностранных нефтяных компаний пришедших работать в республику, учредило объединенную корпорацию ТОО (товарищество с ограниченной ответственностью) «Тенгизшевройл» с долей участия сторон 55% и 45% соответственно. Срок соглашения о совместной деятельности составляет 40 лет (период 1993–2033 годов). В 1997 году к проекту присоединились компании Mobil (США), перекупившая 25% активов у казахстанского правительства, и «ЛУКОЙЛ» (Россия), купивший 5% из доли Chevron Техасо.

По состоянию на начало 2010 года, российская доля в ТОО «Тенгизшевройл» составляет 5% и принадлежит компании LUKARCO BV (дочерняя структура «ЛУКОЙЛа»)⁶. Остальные 95% принадлежат дру-

---

⁵Поскольку месторождения находятся в непосредственной близости друг от друга, их разработка ведется в рамках одного лицензионного соглашения.

⁶До конца 2009 года компания LUKARCO BV являлась совместным предприятием «ЛУКОЙЛа» (54%) и компании Atlantic-Richfield Company (46%), дочерней структуры British Petroleum (BP). В декабре 2009 года BP вышла из проекта освоения месторождения «Тенгиз» (а также из проекта «Каспийского трубопроводного консорциума») путем продажи своих активов в LUKARCO BV «ЛУКОЙЛу» за 1,6 млрд. долларов. Российская компания, которая в результате сделки стала единственным владельцем LUKARCO BV, планировала выплатить указанную сумму тремя траншами в период 2010–2011 годов. Кроме того, «ЛУКОЙЛ» погасит оставшуюся часть кредита BP в размере 43 млн. долларов. Продажа доли BP компании «ЛУКОЙЛ» была одобрена правительством Казахстана и партнерами по «Тенгизшевройл».

гим компаниям: «КазМунайГаз» (РК) – 20%, Chevron Техасо (США) – 50% и Exxon Mobil (США) – 25%.

Если в первый год разработки месторождений (1993 год) было добыто всего 940 тыс. тонн нефти, то в 2008 году добыча на них достигла уже 17,3 млн. тонн. В 2009 году на месторождениях «Тенгиз» и «Королевское» было добыто 22,53 млн. тонн нефти. В 2010 году планируется выйти на объем добычи в 23,5 млн. тонн, а в ближайшие годы в результате мер по расширению производства⁷ добыча только на «Тенгизе» может достигнуть уровня 37–38 млн. тонн в год.

Тенгизская нефть пользуется высоким спросом на мировом рынке, благодаря своему высокому качеству. Она является очень «легкой», облегчая задачу переработки нефти в бензин, дизельное топливо и другие продукты. С 2001 года нефть с месторождений поставляется в порт Новороссийск по нефтепроводу «Тенгиз – Новороссийск», оператором которого является «Каспийский трубопроводный консорциум» (КТК)⁸. С ноября 2008 года частичные поставки также осуществляются через нефтепровод «Баку – Тбилиси – Джейхан» (БТД): сырая нефть перевозится из порта Актау (РК) танкерами в Азербайджан и затем закачивается в БТД.

В 2009 году ТОО «Тенгизшевройл» построило на месторождении «Тенгиз» дополнительную железнодорожную ветку, а также станцию для взвешивания железнодорожных вагонов. Это позволило наладить более эффективную транспортировку вагонов с серой и сжиженным газом. В свою очередь, за счет сооружения новых насосных установок и двух нефтяных резервуаров емкостью 30 тыс. кубических метров каждый, были увеличены емкости для хранения сырой нефти. Помимо этого в 2009 году был завершён монтаж специального оборудования по утилизации попутного газа, что способствовало резкому снижению объемов его сжигания на факелах. Прямые инвестиции на реализацию

---

⁷Расширение, в первую очередь, связывается с увеличением объемов закачки попутного газа обратно в пласты, что позволит поднять дебит скважин.

⁸«Каспийский трубопроводный консорциум» был учрежден с целью реализации проекта строительства трубопровода для экспорта казахстанской нефти транзитом через территорию России.

указанных работ составили 20 млн. долларов. Кроме того, у казахстанских компаний было закуплено товаров и услуг на 110 млн. долларов.

Всего же за период деятельности ТОО «Тенгизшевройл» в разработку углеводородных месторождений было вложено более 20 млрд. долларов прямых инвестиций, из которых на долю российской стороны ориентировочно приходится порядка **250–300 млн. долларов** (с момента вхождения компании «ЛУКОЙЛ» в состав международного консорциума в 1997 году).

Освоение нефтяного и газоконденсатного месторождения «Карачаганак» (Западно-Казахстанская область, северо-западная часть Казахстана). Открыто в 1979 году. Месторождение считается одним из крупнейших в мире. Его доказанные запасы составляют 1,2 млрд. тонн нефти около и 1,35 трлн. кубических метров природного газа.

Разработка «Карачаганака» началась еще в 1984 году. После распада СССР Казахстан приступил к активным поискам инвесторов для собственной разработки данного месторождения. В 1992 году по проекту «Карачаганак» правительством республики был объявлен тендер, который выиграли британская компания British Gas и итальянская компания Agip. В 1995 году к проекту присоединился российский «Газпром», однако уже в 1997 году он переуступил право своего участия компании «ЛУКОЙЛ». Тогда же участником проекта стала и американская компания Chevron Техасо. В ноябре 1997 года между членами консорциума было подписано окончательное соглашение о разделе продукции (ОСРП), которое вступило в силу в январе 1998 года⁹. Срок действия ОСРП – 40 лет (период 1998–2038 годов)¹⁰.

---

⁹В состав участников проекта не вошла ни одна казахстанская госкомпания, а параметры соглашения никогда официально не разглашались – очевидно, по взаимной договоренности инвесторов и принимающей стороны.

¹⁰На основании вступившего в силу 1 января 2010 года нового Налогового кодекса Республики Казахстан, местные власти были намерены пересмотреть ряд СРП с международными участниками ряда проектов. До 1 января 2010 года иностранные компании платили налоги по законодательству, которое действовало на момент подписания контрактов.

Вышеупомянутые компании выступили учредителями международного консорциума Karachaganak Petroleum Operating B.V., который и стал основным оператором проекта. На начало 2010 года российская доля («ЛУКОЙЛ Оверсиз»¹¹) в консорциуме составляет 15%. Остальные 85% принадлежат другим зарубежным компаниям: British Gas (Великобритания) – 32,5%¹², ENI (Италия) – 32,5%¹³, Chevron Техасо (США) – 20%. С 2009 года переговоры о покупке доли в международном консорциуме ведет Казахстан. По некоторым данным, речь может идти о приобретении либо 10%, либо 20% из долей BG и ENI.

«Карачаганак» обеспечивает до 49% общей добычи газа и около 18% жидких углеводородов в Казахстане. В 2007 году объемы добытой на месторождении нефти и газового конденсата составили 11,6 млн. тонн, 14,2 млрд. кубических метров газа, в 2008 году – около 12,1 млн. тонн нефти и газового конденсата, 14,3 млрд. кубических метров газа. В 2009 году на месторождении добыто порядка 12 млн. тонн жидких углеводородов и 14,5 млрд. кубических метров газа. Всего же за период 1995–2009 годов консорциум добыл более 86 млн. тонн нефти и газового конденсата, около 100 млрд. кубических метров газа. Однако следует отметить, что порядка 40% добываемого на месторождении «Карачаганак» газа закачивается обратно в пласт для частичного восстановления там давления.

До 2012 года планируется пробурить около 120 новых скважин и довести уровень добычи нефти и газового конденсата до 16 млн. тонн в год, природного газа до 15–16 млрд. кубических метров. В целом, за 40-летний период действия ОСРП консорциум рассчитывает добыть

---

¹¹Дочерняя структура «ЛУКОЙЛа», управляет его зарубежными проектами.

¹²По условиям ОСРП компании British Gas и Agip являются единым оператором проекта.

¹³В конце 2009 года компании British Gas и ENI приняли решение о продаже доли в проекте разработки месторождения «Карачаганак». Причиной тому стал спор между крупнейшими операторами проекта и казахстанскими властями по поводу экспортных пошлин. Ранее британский оператор месторождения направил в международный арбитражный суд иск по данному вопросу против правительства Казахстана на сумму, превышающую 1 млрд. долларов.

около 320 млн. тонн нефти и газового конденсата и порядка 800 млрд. кубических метров газа¹⁴.

Основная часть карачаганакских жидких углеводородов поставляется на экспорт через трубопроводную систему «Каспийского трубопроводного консорциума», для чего в 2002 году был введен в строй 635-километровый трубопровод «Карачаганак – Большой Чаган – Атырау», который соединил месторождение с нефтепроводом КТК «Тенгиз – Новороссийск». Небольшие объемы нефти с 2006 года также реализуется через трубопровод «Атырау – Самара». В свою очередь, весь добытый природный газ поставляется на Оренбургский ГПЗ для очистки и дальнейшего экспорта через трубопроводную систему России.

За период 1998–2009 годов в проект было инвестировано предположительно около 5,5 млрд. долларов (включая приблизительно **825 млн. долларов** российских инвестиций). По другим данным, объемы иностранных инвестиций в месторождение «Карачаганак» значительно выше: сумма инвестиций на начало 2010 года составила 10,7 млрд. долларов.

Освоение нефтяного и газового месторождения «Кумколь Северный» (Кызылординская область, центральная часть южного Казахстана). Открыто в 1984 году. Запасы нефти данного месторождения оцениваются в 42 млн. тонн, а газа – 4,5 млрд. кубических метров.

Промышленная разработка месторождения начата в 1990 году. Российская сторона стала принимать участие в его освоении после того, как в 1995 году компания «ЛУКОЙЛ» подписала с Министерством нефтяной и газовой промышленности Казахстана соглашение о создании совместного предприятия ЗАО «Кумколь – ЛУКОЙЛ» с равной долей участия сторон. В 2000 году СП было переименовано в ЗАО «Тургай Петролеум». В настоящее время СП на паритетных условиях владеют российская компания «ЛУКОЙЛ Оверсиз» и китайско-

---

¹⁴Тем не менее по заявлению министра энергетики и минеральных ресурсов Казахстана в 2009 году участники консорциума уже обращались к правительству республики с просьбой пересмотреть темпы дальнейшего освоения Карачаганакского месторождения.

казахстанская компания PetroKazakhstan Inc.¹⁵. Причем последняя осуществляет разработку целой группы Кумкольских месторождений («Восточный», «Южный», «Северный»), а «ЛУКОЙЛ Оверсиз» участвует только в разработке месторождения «Кумколь Северный». При этом руководство «ЛУКОЙЛа» неоднократно выражало намерение выкупить 50%-ю долю PetroKazakhstan Inc. в ЗАО «Тургай Петролеум».

В 2008 году на месторождении было добыто около 3,26 млн. тонн нефти¹⁶ и 142 млн. кубических метров попутного газа. В 2009 году уровень добычи остался фактически на прежнем уровне. Значительного увеличения добычи нефти на «Кумколь Северный» в ближайшее время не ожидается.

Основной объем поставок с месторождения идет на экспорт в западном направлении – через возможности КТК, и в восточном/китайском направлении – через возможности нефтепровода «Атасу – Алашанькоу». Кроме того, некоторые объемы нефти поставляются на внутренний рынок Казахстана, в частности на Шымкентский НПЗ, через возможности нефтепровода «Арысқум – Джусалы»¹⁷. С 2006 года небольшие партии нефти (в среднем по 20 тыс. тонн в месяц) с месторождения «Кумколь Северный» периодически поставляются в Узбекистан. В целях диверсификации направлений поставок кумкольской нефти казахстанский оператор транспортировки нефти компания «КазТрансОйл» в 2009 году ввела в эксплуатацию нефтеналивной пункт «Шагыр» мощностью 3 млн. тонн в год. На данном объекте осуществляется разлив кумкольской нефти в железнодорожные цистерны и отправка ее потребителям по железной дороге.

---

¹⁵Акционерами PetroKazakhstan Inc. являются китайская нефтегазовая компания CNPC Exploration and Development Company Ltd. (CNPC E&D), которой принадлежит 67% акций компании, а также «КазМунайГаз» (33% акций).

¹⁶Для кумкольской нефти характерно низкое содержание серы, однако в ее составе присутствует 10–16% парафина.

¹⁷Построен в 2000-м году. Имеет протяженность 185 километров. По нефтепроводу нефть с месторождения «Кумколь» поставляется в наливной терминал на станции Джусалы для погрузки на железнодорожный транспорт.

К 2007 году инвестиции в разработку месторождения составили около 117 млн. долларов, включая 66 млн. долларов – на обустройство месторождения, 18 млн. долларов – на бурение скважин, 33 млн. долларов – на утилизацию попутного газа. Причем примерно 50% всех вышеуказанных инвестиций (порядка 58 млн. долларов) предоставила компания «ЛУКОЙЛ». В целях финансирования дальнейшего освоения месторождения в начале 2008 года «Тургай Петролеум» подписал кредитный договор с банками BNP Paribas и Citibank в объеме 250 млн. долларов сроком на три года (на период 2008–2010 годов)¹⁸. Кредит обеспечивается выручкой от экспортных контрактов «Тургай Петролеум» без предоставления гарантий материнских компаний СП.

Освоение нефтяного месторождения «Северные Бузачи» (прибрежная зона Каспийского моря на севере полуострова Бузачи, Мангистауская область, западная часть Казахстана). Открыто в 1975 году. Извлекаемые запасы нефти месторождения оцениваются примерно в 60–80 млн. тонн, а геологические запасы предположительно составляют не менее 220 млн. тонн.

Месторождение было введено в разработку в 1999 году компаниями Chevron Техасо (США) и Nimir Petroleum (Саудовская Аравия). В 2002–2003 годах они продали свои активы (65% и 35% акций соответственно) в проекте китайской КННК. Чуть позже китайская сторона уступила 50%-ю долю канадской компании Nelson Resources Ltd.¹⁹,

---

¹⁸В 2009 году в рамках данного кредита на месторождении уже построен и введен в эксплуатацию газоперерабатывающий комплекс, рассчитанный на ежегодную переработку 150 млн. кубических метров попутного нефтяного газа. Стоимость строительства составила 92 млн. долларов. В 2010 году компании «Тургай Петролеум» и PetroKazakhstan Inc. планировали построить на месторождении две газотурбинные установки общей стоимостью 50 млн. долларов, которые должны позволить вырабатывать электроэнергию за счет использования попутного газа.

¹⁹Компания Nelson Resources Ltd. образована в 1993 году канадскими предпринимателями, зарегистрировавшими компанию с наименованием Nelson Trade&Finance. В 1995 году компания приступила к разработке золотодобывающих проектов в Таджикистане и поэтому сменила свое наименование на

с которой и стала разрабатывать данное месторождение на паритетных началах. Российское участие в данном проекте обозначилось в 2005 году, после того как 100% акций компании Nelson Resources Ltd. в нефтегазовых проектах на территории Казахстана²⁰ за **2 млрд. долларов** приобрел «ЛУКОЙЛ». Однако уже в конце 2006 года российская компания продала 50% акций Nelson Resources Ltd. концерну Mittal Investments (Индия²¹) за 980 млн. долларов²². С 2007 года разработка месторождения ведется операторской компанией Buzachi Operating Ltd., которой на паритетных условиях владеют китайская КННК (50% долевого участия) и СП Caspian Investments Resources Ltd. («ЛУКОЙЛ Оверсиз» и Mittal Investments²³ – по 25% долевого участия в проекте).

В 2008 году добыча нефти на месторождении «Северные Бузачи» составила порядка 1,8 млн. тонн нефти, а в 2009 году достигла 1,9 млн. тонн²⁴. К 2017 году планируется выйти на максимальный уровень до-

---

Nelson Gold Corporation Ltd. Приступив к нефтегазовым операциям в Центральной Азии, компания в 2000 году еще раз сменила наименование на Nelson Resources Ltd., и с 2002 года после продажи своей 44%-ной доли участия в золотодобывающих активах в Таджикистане полностью сосредоточилась на нефтегазовой деятельности в Казахстане.

²⁰Канадская компания Nelson Resources Ltd. участвовала в проектах по добыче углеводородов в западной части Республики Казахстан не только на месторождении «Северные Бузачи», но и «Алибекмола», «Кожасай», «Каракудук», «Арман».

²¹СП индийского предпринимателя Лакшми Миттала и индийской государственной нефтекомпании ONGC Videsh Ltd.

²²В СМИ была озвучена версия, согласно которой руководство «ЛУКОЙЛа» мотивировало свое решение по продаже 50% пакета активов индийскому концерну Mittal Investments «оптимизацией портфеля активов и разделением рисков с иностранным инвестором».

²³В конце 2009 года Л. Миттал заявил, что намерен выйти из нефтегазовых проектов в Казахстане и продать индийской государственной нефтекомпании ONGC Videsh Ltd долю в совместном предприятии Caspian Investments Resources Ltd.

²⁴Летом 2009 года на месторождении запущен комплекс по утилизации попутного нефтяного газа. В комплекс вошло несколько сложных технологических объектов, включая газосборные сети из высокоэффективного стекловолокна, печи для сжигания влажного газа и подогрева нефти и воды, закачиваемой в

бычи – 2,2 млн. тонн в год. Нефть с месторождения «Северные Бузачи» поставляется как на внутренний рынок (примерно 15%), так и на мировой (85%) через порт Актау танкерами на Махачкалу и далее²⁵. В 2006 году был введен в эксплуатацию подводный нефтепровод «Северные Бузачи – Каражанбас»²⁶, который обеспечил транспортировку нефти с данного месторождения по системе магистральных нефтепроводов АО «КазТрансОйл» с дальнейшей поставкой на экспорт.

По состоянию на начало 2010 года, российские инвестиции в данный проект оцениваются в пределах **90–110 млн. долларов.**

Освоение нефтяных и газоконденсатных месторождений «Алибекмола» и «Кожасай» (Актюбинская область, северо-западная часть Казахстана). Месторождения открыты в конце 1980-х годов. Запасы нефти оцениваются в 70 млн. тонн, а газового конденсата – 13 млн. тонн.

Реализация проекта началась в 1999 году с создания совместного предприятия ТОО «КазахОйл Актобе», участниками которого стали национальная нефтегазовая компания «КазахОйл» (50%) и канадская компания Nelson Resources Ltd. (50%). Был подписан контракт на проведение добычи углеводородного сырья сроком на 25 лет. Промышленная разработка месторождений стала осуществляться с 2001 года («Алибекмола») и 2003 года («Кожасай») соответственно. С 2005 года активы Nelson Resources Ltd. перешли сначала российской компании «ЛУКОЙЛ Оверсиз», а с 2006 года – СП Caspian Investments Resources Ltd. («ЛУКОЙЛ Оверсиз» и Mittal Investments)²⁷. В настоящее время участниками СП «КазахОйл Актобе» являются

продуктивный пласт в целях поддержания горного давления и повышения нефтеотдачи. Продолжительность строительства и пусконаладочных работ составила 18 месяцев, общая стоимость проекта – 14 млн. долларов. Проектирование и строительство комплекса осуществили специализированные казахстанские организации.

²⁵ Нефть данного месторождения отличается повышенной плотностью и вязкостью. Характерной ее особенностью является наличие в ней промышленных концентраций ванадия и никеля.

²⁶ Каражанбас – нефтеперегонная станция.

²⁷ В рамках сделок, осуществленных «ЛУКОЙЛом» в период 2005–2006 годов.

правопреемник «КазахОйл» – компания «КазМунайГаз» (50% долевого участия), «ЛУКОЙЛ Оверсиз» (25%) и Mittal Investments (25%) в рамках СП Caspian Investments Resources Ltd.

За период с начала разработки месторождений по 2009 год на них добыто более 6 млн. тонн нефти и конденсата. В последние несколько лет ежегодная добыча на обоих месторождениях стабильно составляет порядка 1–1,5 млн. тонн нефти.

До прихода в проект «ЛУКОЙЛа» объем капиталовложений в разработку обоих месторождений составил порядка 140 млн. долларов. Для модернизации технического оборудования в 2004 году «КазахОйл Актобе» также привлек кредит в размере 10,6 млн. долларов, который был взят у Экспортно-кредитного агентства Великобритании сроком на 7 лет по фиксированной ставке 4,12%. В течение ближайших 10–15 лет в обустройство и развитие месторождений планируется вложить еще около 1 млрд. долларов (по 500 млн. долларов в каждое)²⁸. Ожидается, что «ЛУКОЙЛ» инвестирует около 50% (примерно 500 млн. долларов) всех вышеуказанных средств.

По состоянию на начало 2010 года, российские инвестиции в данный проект составили не менее **70 млн. долларов**.

Освоение нефтяного месторождения «Каракудук» (Мангистауская область, западная часть Казахстана). Открыто в 1971 году. Запасы нефти оцениваются примерно в 45 млн. тонн.

Разработка месторождения осуществляется с 1998 года ЗАО «КаракудукМунай», первоначально участниками которого стали «КазахОйл»/«КазМунайГаз» (РК, 40%) и Chaparral Resources Inc. (США, 60%)²⁹. В 2004 году 60% акций американской компании, а также всю долю в данном проекте казахстанской стороны выкупила Nelson Resources Ltd. После приобретения в ноябре 2005 года всех активов

---

²⁸В 2009 году на месторождении «Алибекмола» введена в эксплуатацию установка по переработке и утилизации жидких и твердых промышленных отходов бурения.

²⁹Лицензия на разработку месторождения на 25 лет выдана ЗАО «Каракудук-Мунай» в 1995 году.

канадской компании в Казахстане, а в 2006 году – оставшейся долевой части у Chaparral Resources Inc. за **88,6 млн. долларов** в проект вошла российская компания «ЛУКОЙЛ Оверсиз». В итоге с конца 2006 года компания «КаракудукМунай» на паритетных условиях принадлежит «ЛУКОЙЛ Оверсиз» (50%) и Mittal Investments (50%) в рамках СП Caspian Investments Resources Ltd.³⁰

В 2007 году объем добычи нефти на месторождении составил порядка 700 тыс. тонн, в 2008 году – 820 тыс. тонн, а в 2009 году достиг уже почти 900 тыс. тонн. В ближайшие несколько лет добычу предполагается довести до уровня более 1 млн. тонн нефти в год.

Еще в 2007 году на месторождении введена в эксплуатацию нефтеналивная железнодорожная эстакада³¹, стоимостью около 15 млн. долларов, которая позволяет обеспечивать бесперебойную отгрузку до 1 млн. тонн нефти ежегодно. В конце 2008 года на «Каракудуке» также запущена установка комплексной подготовки и утилизации попутного нефтяного газа стоимостью около 70 млн. долларов, которая обеспечивает сбор попутного газа (включая доведение до качества, соответствующего государственному стандарту) и его подачу в магистральный газопровод «Окарем – Бейнеу». До 2017 года в дальнейшую разработку месторождения планируется вложить еще не менее 200 млн. долларов.

По состоянию на начало 2010 года, российские инвестиции в данный проект составили около **50–60 млн. долларов**.

Освоение нефтяного месторождения «Арман» (полуостров Бузачи на побережье Каспийского моря, Мангистауская область, западная часть Казахстана). Открыто в 1979 году. Месторождение не относится к числу крупных. Первоначальные оценки извлекаемых запасов нефти составляли около 3,5 млн. тонн.

---

³⁰В рамках сделок, осуществленных «ЛУКОЙЛом» в период 2005–2006 годов.

³¹До этого времени высококачественная нефть с «Каракудука» транспортировалась по трубопроводам, смешиваясь с продукцией других мангистауских месторождений. В результате цена барреля каракудукской нефти в среднем снижалась на 4 доллара.

Разработка месторождения началась в 1998 году казахстанско-американским СП ТОО «Арман» (соучредители «КазахОйл» (50%) и американская компания Kerr-McGee (50%)). В 2003 году активы американской компании в данном проекте выкупила британо-голландская компания Shell. Долю казахстанской стороны в начале 2005 года приобрела канадская Nelson Resources Ltd. После же покупки в конце 2005 года «ЛУКОЙЛом» всех активов Nelson Resources Ltd. в Казахстане участником проекта стала российская компания. В итоге с конца 2006 года компания «Арман» на паритетных условиях принадлежит компании Shell (50%), «ЛУКОЙЛ Оверсиз» (25%) и Mittal Investments (25%) в рамках СП Caspian Investments Resources Ltd.³².

С момента разработки месторождения на нем ежегодно добывалось порядка 300 тыс. тонн нефти. Однако с 2005 года стала отмечаться устойчивая тенденция снижения ежегодной добычи до уровня 160–170 тыс. тонн. Так, по итогам 2009 года добыча нефти на месторождении «Арман» снизилась еще на 6,2% (хотя несколько увеличилась добыча попутного газа)³³.

До 2002 года нефть, добываемая на месторождении «Арман», экспортировалась на мировые рынки через трубопровод «Атырау – Самара». В настоящее время большая часть объемов с данного месторождения поступает в нефтепроводную систему КТК.

По состоянию на начало 2010 года, российские инвестиции в данный проект не превышали **40 млн. долларов**.

---

³²В рамках сделок, осуществленных «ЛУКОЙЛом» в период 2005–2006 годов.

³³Одной из причин падения объемов нефтедобычи является то, что на многих месторождениях на территории Мангистауской области Казахстана происходит непрерывное ухудшение качественного состояния сырьевой базы за счет значительной выработки высокопродуктивных залежей, находящихся в длительной эксплуатации.

*Проекты по геологоразведке
и последующему освоению месторождений*

В настоящее время³⁴ российские компании осуществляют геологоразведку, проводят подготовительные работы или декларируют намерения принять участие в разработке с целью дальнейшего освоения более 7 месторождений на территории Казахстана.

Геологоразведка и последующее освоение нефтяных и газоконденсатных месторождений «Тюб-Караган» и «Аташская» (центральная часть казахстанского участка шельфа Каспийского моря). Запасы нефти (с учетом газового конденсата) на месторождении «Тюб-Караган» оцениваются в 324 млн. тонн условного топлива, а месторождения «Аташская» – 249 млн. тонн.

Проект осуществляет компания «ЛУКОЙЛ Оверсиз» совместно с казахстанской Морской нефтяной компанией (МНК) «КазМунайТениз» (100%-я дочерняя структура «КазМунайГаза», учрежденная в 2003 году для управления нефтегазовыми проектами в акваториях Каспийского и Аральского морей). Согласно подписанному в 2003 году СРП, «ЛУКОЙЛ Оверсиз» полностью взял на себя финансирование начальных геологоразведочных работ и бурение пробных скважин в период до 2010 года. В случае обнаружения коммерческих запасов углеводородов последующие затраты на разведку и промышленную разработку месторождений российская и казахстанская стороны предполагается будут делить поровну. Срок действия СРП – 40 лет (период 2003–2043 годов). Операторами проекта являются компании «Тюб-Караган Оперейтинг Компани Б.В.» (на участке «Тюб-Караган») и ТОО «Компания Аташ» (на участке «Аташская»).

На ряде площадей месторождений уже пробурено несколько разведочных скважин и проводится анализ полученных данных, однако промышленных запасов нефти и газа пока не обнаружено. Проведение геологоразведочных работ будет продолжено до 2011 года.

---

³⁴По состоянию на начало 2010 года.

На начало 2010 года российские инвестиции в освоение месторождений «Тюб-Караган» и «Аташская» ориентировочно могли составить **от 190 до 210 млн. долларов**. Планируется, что в случае, если по результатам геологоразведки все же будут обнаружены запасы углеводородов, то общие затраты на освоение обоих месторождений значительно увеличатся и составят порядка 3 млрд. долларов³⁵.

Геологоразведка и последующее освоение нефтяного и газоконденсатного месторождения «Курмангазы» (южная часть казахстанского участка шельфа Каспийского моря). Оценки запасов нефти и газового конденсата на месторождении сильно разнятся – от 500 млн. тонн до 1,8 млрд. тонн.

Разработку месторождения осуществляют компании **«Роснефть – Казахстан»** и «КазМунайТенгиз» (дочерние структуры ОАО «Роснефть» и НКК «КазМунайГаз») на основании подписанного в 2005 году с Министерством энергетики и минеральных ресурсов Казахстана СРП (50%/50%) сроком на 55 лет (период 2005–2060 годов). Оператором проекта является компания «Курмангазы Петролеум». При этом, согласно достигнутой еще в 2002 году договоренности между ОАО «Газпром» и ОАО «Роснефть», последняя является единственным представителем российской стороны в проекте освоения месторождения «Курмангазы» на этапе проведения изыскательских работ. В последующем «Роснефть» должна будет передать «Газпрому» половину из своей доли активов (25%) в данном проекте с разделением понесенных затрат пропорционально долевому участию.

Первая разведочная скважина на месторождении «Курмангазы» была пробурена в 2006 году, а в первой половине 2009 года завершено бурение второй скважины. Однако промышленных запасов углеводородов пока не обнаружено. Геологоразведочные работы будут прово-

---

³⁵Г. Рахматуллина. Россия и Казахстан – энергетический диалог. / Портал Информационно-аналитического центра Московского государственного университета по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве (Россия), 11 января 2007 года, http://www.ia-centr.ru/public_details.php?id=283

даться вплоть до 2012 года. Планируется пробурить еще не менее 5 разведочных скважин. В случае успешных результатов, потребуется еще примерно 4 года для полного обустройства месторождения и начала с 2016 года его коммерческой эксплуатации. При этом, согласно оптимистичным оценкам, добыча нефти и газового конденсата на месторождении ожидается на уровне 64,5 млн. тонн в год, а согласно пессимистичным – 18 млн. тонн в год.

Общий объем инвестиций за период действия соглашения предполагается в размере 23 млрд. долларов, включая 8,5 млрд. долларов – капитальных затрат и 14,5 млрд. долларов – эксплуатационных расходов. Планируется, что инвестиции Казахстана и России будут осуществляться по 50% с каждой стороны. По состоянию на начало 2010 года, российские инвестиции предположительно составили порядка **200 млн. долларов.**

Подготовка к геологоразведке и последующему освоению нефтяного и газового месторождения «Жамбай-Южный» (северо-западная часть шельфа Каспийского моря)³⁶. Считается одним из крупнейших перспективных месторождений. Общие геологические запасы нефти оцениваются в 6,5 млрд. тонн, а извлекаемые – в 1–1,5 млрд. тонн. Проектная добыча нефти может составлять 20–40 млн. тонн в год.

Оператором проекта является ТОО «Жамбай» (создано в 1999 году ННК «КазахОйл» для осуществления разведки, разработки и добычи углеводородов на участке «Жамбай-Южный»). С 2006 года участниками проекта являются «КазМунайТенгиз» (50%), испанская компания Repsol Exploration Kazakhstan (25%), «ЛУКОЙЛ Оверсиз» (12,5%) и Mittal Investments (12,5%) в рамках СП Caspian Investments Resources Ltd.

До 2007 года включительно на месторождении силами ТОО «Жамбай» велась сейсморазведка, по результатам которой выявлены три перспективные структуры: «Едил», «Косарна» и «Карабулак». В период 2008–2009 годов планировалось и бурение первой разведочной скважины. Однако из-за последствий мирового финансового кризиса работы на месторождении в начале 2009 года были временно приостановлены.

---

³⁶Участок расположен в мелководной и замерзающей зоне Каспия.

Планы по геологоразведке и последующему освоению газоконденсатного месторождения «Имашевское» (Атырауская область, западная часть Казахстана и Астраханская область, южная часть России). «Имашевское» считается вторым по объемам газоконденсатным месторождением в Казахстане после «Карачаганак». Его подтвержденные запасы составляют 128,7 млрд. кубометров газа, 20,7 млн. тонн газового конденсата и 63,5 млн. тонн серы. В то же время имашевские углеводороды относятся к разряду трудноизвлекаемых. Открытое еще в 1970-х годах месторождение было законсервировано из-за сложных условий бурения, так как глубина залегания газоконденсата превышает 5 тыс. метров. Кроме того, в ходе исследований было выявлено неблагоприятное воздействие на экологию из-за сероводорода, содержание которого в газоконденсате достигает 15–17%.

Поскольку месторождение «Имашевское» находится на территории двух государств – России и Казахстана, долгое время оно было спорным. Только в 2005 году президенты РФ и РК, подписав договор о делимитации государственной границы, договорились о принципах раздела месторождения³⁷ и поручили профильным ведомствам урегулировать хозяйственные вопросы. Было решено, что месторождение «Имашевское» делится между двумя странами поровну и будет разрабатываться совместными усилиями, причем при равном долевом участии в финансировании работ. Однако, в силу ряда нерешенных с обеих сторон организационных и технических вопросов, работы по освоению месторождения постоянно откладывались. Лишь осенью 2009 года главы двух государств распорядились подготовить проект межправительственного соглашения, а в марте 2010 года премьер-министр России В. Путин подписал Распоряжение «О соглашении между правительствами Российской Федерации и Республики Казахстан о совместной деятельности по геологическому изучению и разведке трансграничного газоконденсатного месторождения «Имашевское». Согласно

---

³⁷В рамках данного договора Москва официально отказалась от любых претензий на территории, переданные Казахской ССР во времена Советского Союза. В ответ Астана согласилась на паритетных началах осваивать месторождение «Имашевское».

распоряжению российскому Министерству природных ресурсов и экологии было поручено провести переговоры с казахстанской стороной и по достижении договоренностей подписать соглашение от имени правительства РФ. После завершения геологоразведки месторождения и постановки его запасов на государственные балансы России и Казахстана, стороны подпишут соглашение, регламентирующее порядок освоения месторождения. Расходы на геологоразведку будут распределяться поровну между «Газпромом» и «КазМунайГазом», которые являются уполномоченными организациями и должны выбрать оператора проекта, а после получения прав пользования совместно разработать и утвердить программу геологоразведки.

По экспертным оценкам, освоение месторождения «Имашевское» потребует инвестиций в размере от 2 до 3 млрд. долларов.

Планы по геологоразведке и последующему освоению нефтяных и газовых месторождений «Хвалынское» и «Центральное» (северная часть Каспийского моря, российский и казахстанский участки шельфа). Запасы месторождения «Хвалынское» (открыто в 2002 году) оцениваются в 332 млрд. кубических метров газа, 17 млн. тонн конденсата, 36 млн. нефти, а месторождение «Центральное» (открыто в 2001 году) – 169,1 млн. тонн условного топлива.

Месторождения, расположенные на срединной линии шельфа северной части Каспийского моря, так же, как и в случае с месторождением «Имашевское», долгое время были спорными. В мае 2002 года Казахстан и Россия подписали протокол к Соглашению «О разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование» от 6 июля 1998 года. В протоколе были определены координаты прохождения разграничительной линии по дну северной части Каспийского моря. И хотя, согласно документу, казахстанская юрисдикция распространяется на месторождение «Курмангазы», российская – на месторождения «Хвалынское» и «Центральное», стороны договорились разрабатывать эти месторождения на паритетных началах.

Месторождение «Хвалынское» (северная часть Каспийского моря, 260 километров к юго-востоку от г. Астрахани). Протокол о совместном освоении месторождения «Хвалынское» Россия и Казахстан подписали еще в 2002 году, когда оно было открыто. Интерес к разработке месторождения с российской стороны проявил «ЛУКОЙЛ», который в 2005 году создал вместе с «КазМунайГазом» совместное предприятие ООО «Каспийская нефтегазовая компания». Летом 2009 года «ЛУКОЙЛ» и «КазМунайГаз» направили правительству России проект соглашения о разделе продукции по месторождению «Хвалынское». Однако в октябре 2009 года «КазМунайГаз» уступил 25% из своих 50% в проекте французским компаниям Total и GDF Suez, с которыми заключил соглашение о принципах совместной деятельности при освоении данного месторождения³⁸. По мнению экспертов, иностранные инвесторы понадобились «КазМунайГазу» не столько для привлечения финансирования в проект, сколько для диверсификации рисков.

В конце 2009 года «ЛУКОЙЛ» подготовил и представил профильным ведомствам России и Казахстана свое технико-экономическое обоснование разработки месторождения на условиях СРП, которое планируется заключить на 40 лет с возможностью продления. По состоянию на начало 2010 года, договоренностей по принципам СРП российской и французскими компаниями с казахстанской стороной пока не достигнуто³⁹, и поэтому на месторождении работы не велись.

---

³⁸ Документ подписан в начале октября 2009 года в г. Астане в присутствии президентов Казахстана и Франции – Н. Назарбаева и Н. Саркози. Стоимость сделки оценивается примерно в 1 млрд. долларов. Для GDF Suez это первый совместный проект на территории Казахстана, в то время как компания Total уже имеет опыт участия в освоении нефтяного месторождения «Кашаган».

³⁹ По заявлению руководства Министерства природных ресурсов и экологии РФ, сроки оформления СРП на месторождение «Хвалынское» могут занять 2–2,5 года, поскольку будет рассматриваться вопрос о возможном внесении изменений и дополнений в российское законодательство. Как и с другим месторождением «Центральное» – решается вопрос о том, может ли «ЛУКОЙЛ» представлять российскую сторону в этом шельфовом СРП. Дело в том, что, согласно изменениям закона «О недрах», принятым в 2009 году, ме-

Проект может быть запущен не ранее 2015 года. Общий объем капиталовложений предварительно оценивается в 3,8 млрд. долларов. Транспортировку газа с месторождения планируется осуществлять по подводному трубопроводу длиной 206 километров, который будет проложен до компрессорной станции «Артезианская» (Россия) и далее по наземному трубопроводу длиной 40 километров в направлении северокавказского региона. Кроме того, газовый конденсат с месторождения будет доставляться танкерами в порт Махачкала.

Месторождение «Центральное» (северная часть Каспийского моря, в пределах российского сектора акватории, в 150 километрах восточнее г. Махачкалы) было открыто «ЛУКОЙЛом» и «Газпромом». В марте 2005 года уполномоченная компания со стороны России ООО «ЦентрКаспНефтегаз» (совместное предприятие «Газпрома» и «ЛУКОЙЛа», созданное на паритетной основе в 2003 году) и «КазМунайГаз» подписали соглашение о принципах освоения месторождения. К концу 2008 года «ЦентрКаспНефтегазом» были завершены сейсморазведочные работы и пробурена первая скважина. Также была проведена первичная оценка запасов. Согласно ей запасы составляют примерно 160–170 млн. тонн нефтяного эквивалента, что значительно меньше первоначально ожидаемых⁴⁰. Вторую разведочную скважину планировалось пробурить к концу 2010 года. По состоянию на начало 2010 года, «Газпром» совместно с «ЛУКОЙЛом» прорабатывал с казахстанской стороной вопрос создания совместного предприятия между «ЦентрКаспНефтегазом» и «КазМунайГазом» в форме общества с ограниченной ответственностью с целью дальнейшего получения прав недропользования на условиях СРП.

Планы по геологоразведке и последующему освоению нефтяных и газовых месторождений «Исатай» и «Шагала» (северо-

---

сторождения российского шельфа могут разрабатывать только государственные компании, к каковым «ЛУКОЙЛ» не относится.

⁴⁰Первоначально специалистами «ЛУКОЙЛа» ожидалось, что извлекаемые ресурсы нефти месторождения «Центральное» составят 521,1 млн. тонн, попутного газа – 91,7 млрд. кубометров.

восточная часть шельфа Каспийского моря). Суммарные перспективные ресурсы «Исатай» оцениваются в 468 млн. тонн нефти. С данным месторождением сопоставимы и прогнозные оценки «Шагала».

В ноябре 2009 года «КазМунайГаз» и итальянская компания ENI подписали договор о партнерстве, который предусматривает совместную геологоразведку и освоение месторождений, а в перспективе – строительство ГПЗ, газогенераторной электростанции, судостроительной верфи и модернизацию Павлодарского НПЗ. Согласно заявлению сторон к участию в проекте могут быть также привлечены и другие иностранные компании, в том числе и российская «ЛУКОЙЛ». Окончательное решение по увеличению числа участников, а также в отношении инвестиций, которые по оценкам могут составить от 40 до 50 млрд. долларов, будет принято в течение двух лет после завершения разработки детальных технико-экономических обоснований (предположительно до 2011 года).

Проекты по переработке сырья

Перерабатывающие мощности России и Казахстана еще в бытность СССР формировались и функционировали как единое целое. Несмотря на снижение данной структурно-технологической взаимозависимости в постсоветский период времени, тем не менее полностью отказаться от использования существовавшей ранее схемы переработки углеводородов обе страны так и не смогли.

Совместная переработка газа и газового конденсата на Оренбургском ГПЗ (г. Оренбург, Россия). Введен в строй в 1978 году. Проектная мощность – 45 млрд. кубических метров природного газа и 6,26 млн. тонн газового конденсата в смеси с нефтью в год. В настоящее время ГПЗ располагает мощностями для переработки 37,5 млрд. кубических метров газа в год.

Оренбургский ГПЗ был специально построен для переработки газа с открытого в конце 1960-х годов крупного Оренбургского газоконденсатного месторождения (ОГКМ). В начале 1980-х годов объединение «ОренбургГазпром», в состав которого входил Оренбургский газопе-

перерабатывающий завод, начало освоение и Карачаганакского газоконденсатного месторождения в Казахской ССР. Добытое сырье проходило на месте добычи первичную очистку и стабилизацию (казахстанское месторождение характеризуется повышенным содержанием сероводорода), а затем по специально построенному газопроводу направлялось на Оренбургский ГПЗ для более глубокой переработки.

В постсоветский период поставки карачаганакского газа и конденсата на Оренбургский ГПЗ продолжились, несмотря на то, что во второй половине 1990-х годов Казахстан передал права на разработку месторождения международному консорциуму Karachaganak Petroleum Operating B.V. (КРО). Для российской стороны принципиальная важность сохранения поставок была обусловлена постепенным истощением основной сырьевой базы Оренбургского ГПЗ – Оренбургского газоконденсатного месторождения, где добыча газа стала падать примерно на 1 млрд. кубометров ежегодно⁴¹. Именно поэтому в 2003 году на Оренбургском ГПЗ дополнительно был запущен новый комплекс специально для приема газа с Карачаганакского месторождения, который позволил увеличить его переработку с 3,5 млрд. до 7 млрд. кубических метров в год.

Тем не менее власти Казахстана и руководство КРО рассматривали возможность строительства новых газоперерабатывающих мощностей непосредственно на территории республики⁴². Это, в свою очередь, заставляло российскую сторону лоббировать проект создания на базе Оренбургского ГПЗ совместного предприятия⁴³.

---

⁴¹К середине первого десятилетия нынешнего века оскудение ОГКМ по газу превысило 60%, а остаточные запасы уже относят к категории трудноизвлекаемых.

⁴²Рассматривалась возможность строительства газоперерабатывающего завода мощностью до 10 млрд. кубических метров газа непосредственно на Карачаганакском месторождении. Строительство такого завода, по оценкам специалистов, обошлось бы примерно в 1,3–1,5 млрд. долларов, в то время как реконструкция ОГПЗ – 300–350 млн. долларов.

⁴³Проект создания СП на Оренбургском ГПЗ начал обсуждаться еще с середины 90-х годов по инициативе «Газпрома», которому необходимо было возмес-

Первые конкретные договоренности были достигнуты лишь после визита президента России В. Путина в Казахстан в 2005 году, когда главы двух государств приняли решение о создании СП по переработке казахстанского газа в г. Оренбурге. В 2006 году между РФ и РК было уже подписано межправительственное соглашение, которое предусматривало расширение мощностей Оренбургского ГПЗ и создание на его базе совместного предприятия при условии заключения долгосрочных (не менее 15 лет) контрактов по закупке карачаганакского газа в объеме не менее 15 млрд. кубических метров в год.

В 2007 году уполномоченные от РФ и РК компании «Газпром» и «КазМунайГаз» подписали соглашение об основных принципах функционирования СП, которое будет осуществлять первичную переработку⁴⁴ углеводородного сырья с казахстанского месторождения на условиях процессинга (давальческая схема⁴⁵), а доли между участниками распределятся на паритетной основе⁴⁶. При этом оператор разработки месторождения «Карачаганак» – Karachaganak Petroleum Operating V.V., должен заключить договор о долгосрочных поставках газа на создаваемое СП. Оператором купли/продажи будет выступать ЗАО «КазРосГаз»⁴⁷.

тить падающую добычу на Оренбургском газоконденсатном месторождении за счет поставок газа с Карачаганакского месторождения.

⁴⁴Первичная переработка предусматривает очистку газа от серы, пыли, влаги и других жидких примесей с последующей выработкой товарного метана.

⁴⁵Давальческая схема: сырье вывозится в другую страну с целью переработки с последующим возвращением готовой продукции в страну владельца сырья.

⁴⁶«КазМунайГаз» должен был внести 350 млн. долларов (по другим данным от 500 до 700 млн.) за 50%-ную долю в создаваемом предприятии, а российская сторона в качестве своей доли в СП – активы завода. Кроме того, стороны должны были инвестировать по 250 млн. долларов (всего 500 млн. долларов) на развитие газотранспортной системы и модернизацию предприятия. Также планировались быть построены установки по переработке серы и введены в строй новые мощности по переработке газа.

⁴⁷СП «КазРосГаз» создано в 2002 году «Газпромом» и «КазМунайГазом» на паритетной основе для закупки и маркетинга природного газа, его переработки на ГПЗ России и других видов деятельности.

В том же году «КазРосГаз» и международный консорциум КРО подписали договор купли-продажи газа с месторождения «Карачаганак» для Оренбургского ГПЗ. Объем закупок составит до 16 млрд. кубических метров газа в год, срок контракта – 15 лет. В соответствии с договоренностью «КазРосГаз» будет закупать сырье у консорциума и затем направлять его на переработку на Оренбургский ГПЗ. После этого основные объемы переработанного газа планируется возвращать на внутренний рынок Казахстана, а оставшуюся часть – реализовывать по экспортным контрактам.

Согласно данному договору в 2007 году с месторождения «Карачаганак» на Оренбургский ГПЗ на переработку поступило 7,4 млрд. кубических метров газа, в 2008 году – уже 8 млрд., в 2009 году – чуть менее 9 млрд. кубических метров. С 2012 года объемы газа должны будут составить уже 10–12 млрд. кубических метров (в дополнение к 16 млрд. кубическим метрам российского газа, которые уже перерабатываются на Оренбургском ГПЗ). При условии же создания российско-казахстанского СП объемы поставок газа с «Карачаганак» должны возрасти до 15–16 млрд. кубических метров в год.

Однако, по состоянию на начало 2010 года, вопрос создания совместного предприятия на базе Оренбургского ГПЗ все еще находился на стадии проработки. По заявлению официальных представителей Казахстана начало реализации российско-казахстанского проекта вообще может быть отложено на неопределенный срок из-за изменений в сроках освоения месторождения «Карачаганак». Как считают казахстанские специалисты, начало функционирования СП «жестко завязано на начало третьего этапа освоения Карачаганакского месторождения, поскольку именно третий этап должен предоставить возможности для дополнительных поставок газа на Оренбургский ГПЗ в объеме 16 млрд. кубических метров».

Общий объем инвестиций по данному проекту оценивается примерно в 0,5 млрд. долларов⁴⁸. На начало 2010 года объем инвестиций «Газпрома» составлял предположительно около **70 млн. долларов**.

Планы по совместной переработке нефти на Павлодарском НПЗ (г. Павлодар, северная часть Казахстана). Один из трех НПЗ Казахстана, построен в 1978 году. Проектная мощность – 7 млн. тонн нефти в год, фактическая переработка в последние несколько лет не превышала 4 млн. тонн в год.

Компания «КазМунайГаз» после приобретения летом 2009 года 58% акций Павлодарского нефтеперерабатывающего завода (остальные 42% принадлежат правительству Казахстана) предложила ряду российских компаний принять участие в инвестировании предприятия, не исключая при этом возможность передачи части доли в обмен на бесперебойные поставки нефти на завод. Павлодарский НПЗ зависит от поставок российской нефти (поставщики: «Роснефть», «ЛУКОЙЛ», «Сургутнефтегаз», «Газпром нефть», ТНК-ВР)⁴⁹, поскольку работает по давальческой схеме⁵⁰.

---

⁴⁸Г. Рахматуллина. Россия и Казахстан – энергетический диалог. / Портал Информационно-аналитического центра Московского государственного университета по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве (Россия), 11 января 2007 года, http://www.ia-centr.ru/public_details.php?id=283

⁴⁹Указанные российские компании также осуществляют поставки нефти для переработки и на Шымкентский (Чимкентский) НПЗ, который был введен в строй в 1984 году с проектной мощностью 7 млн. тонн нефти ежегодно. Но если Павлодарский НПЗ полностью работает на российской нефти, то доля ее переработки на Шымкентском НПЗ составляет не более 40%.

⁵⁰Предприятие не покупает сырье, а оказывает услуги по переработке нефти, возвращая ее собственникам полученные нефтепродукты. До сентября 2009 года российские компании, осуществлявшие поставки нефти в Казахстан для переработки, могли экспортировать из страны нефтепродукты. После того, как из-за дефицита ГСМ на местном рынке казахстанские власти ввели запрет на экспорт, поставки на НПЗ заметно сократились. Кроме того, на сокращение объемов поставок в Казахстан повлияло и решение российских властей о введении с 1 февраля 2010 года экспортной пошлины на нефть, поставляемую в

Наибольшую заинтересованность в приобретении активов казахстанского предприятия проявляет «Газпром нефть», поскольку Павлодарский НПЗ соединен трубопроводом с Омским НПЗ (входит в состав «Газпром нефти»). В 2008 году российская компания уже заявляла о своем интересе к Павлодарскому НПЗ, собираясь выкупить у его акционеров 49% активов завода. Но сделка тогда не состоялась. Заинтересована в приобретении активов НПЗ и компания «ЛУКОЙЛ», имеющая возможность поставлять для переработки нефть не только из России, но и непосредственно с казахстанских месторождений, в разработке которых принимает участие. Однако, по состоянию на начало 2010 года, инвестор с российской стороны пока не определился. Стоимость активов Павлодарского НПЗ оценивается приблизительно в 500 млн. долларов.

Планы по строительству Каспийского ГКХ (поселок Карабатан, Атырауская область, западная часть Казахстана). Основной целью строительства газохимического комплекса является доведение углеводородов, добываемых на месторождении «Кашаган», до товарного состояния. Для реализации проекта еще в 2006 году была создана рабочая группа из представителей «КазМунайГаза» и «ЛУКОЙЛа Оверсиз». Предполагаемая проектная мощность Каспийского ГКХ – переработка примерно 14 млрд. кубических метров газа ежегодно, включая 9 млрд. для выработки товарного метана (первичная переработка) и 5 млрд. – для газохимии (в основном производство полиэтилена и полипропилена). Общий объем инвестиций оценивается примерно в 3,6 млрд. долларов. Вопросы долевого участия российской и казахстанской сторон в проекте, а также сроки его реализации все еще являются предметом переговоров⁵¹.

страны-участницы Таможенного союза. Прежде поставки российской нефти в республику были беспошлинными.

⁵¹Однако перспективы строительства Каспийского ГКХ пока представляются неясными.

Трубопроводные проекты

По мере освоения новых казахстанских углеводородных месторождений, в первую очередь в Прикаспийской зоне, а также восстановления в начале первого десятилетия наступившего века схемы транзита туркменского и узбекского газа через Казахстан в Россию/российском направлении, важным элементом российско-казахстанского нефтегазового сотрудничества стало обеспечение функционирования старых и строительство новых трубопроводных систем. Однако в условиях мирового экономического кризиса и ухудшения финансового состояния как казахстанских, так и российских нефтегазовых компаний, перспективы реализации любых, в том числе совместных крупномасштабных проектов по реконструкции действующих магистральных трубопроводов представляются неясными. Тем более, что активный поиск рядом государств Центральной Азии новых импортеров газа/нефти и альтернативных маршрутов их экспорта будет сказываться на объемах поставок углеводородов в Россию/российском направлении. Это, в свою очередь, ставит под вопрос целесообразность проведения работ по увеличению пропускных способностей целого ряда трубопроводов.

Увеличение пропускной способности магистрального нефтепровода «Атырау – Самара» (является составной частью трубопровода «Узень – Атырау – Самара», бывший «Узень – Гурьев – Куйбышев»)⁵². Нефтепровод, протяженностью около 700 километров, введен в эксплуатацию в 1970 году с проектной мощностью 30 млн. тонн в год. По нему транспортируется нефть с месторождений из западной части Казахстана в Самарскую область России. Затем по системе российских трубопроводов (нефтепровод «Дружба» и Балтийскую трубопроводную систему) нефть поступает на рынки Восточной Европы, а

---

⁵²Нефтепровод «Узень – Атырау – Самара» специально подогревают печами для быстрозастывающей нефти Жетыбай-Узеньской группы месторождений. Нефтепровод начинается на казахстанском месторождении «Узень», идет до Атырауского НПЗ и далее – до г. Самара (Россия). Общая протяженность нефтепровода составляет более 1380 километров, из них на территории Казахстана 1232 километра.

также к терминалам Черного моря. К началу первого десятилетия XXI века пропускная способность нефтепровода снизилась до 15 млн. тонн в год. Примерно с 2005 года его мощность постепенно стала увеличиваться⁵³. В 2008 году по нефтепроводу экспортировано уже 16,8 млн. тонн, в 2009 году – более 17,5 млн. тонн.

Операторскими компаниями по транспортировке нефти являются ЗАО «КазТрансОйл» (по территории Казахстана) и **ОАО «Приволжск-Нефтепровод»** (дочерняя структура «Транснефти» по территории России). На основании подписанного в 2002 году между правительствами России и Казахстана договора о транзите казахстанской нефти через российскую территорию сроком на 15 лет, было принято решение о поэтапном увеличении пропускной способности нефтепровода с 15 до 25 млн. тонн в год. Первый этап данного проекта был реализован в период 2005–2008 годов. В соответствии с планом совместных действий по дальнейшему расширению пропускной способности нефтепро-

---

⁵³За счет применения антитурбулентных добавок (присадок) – специальных водорастворимых полимерных веществ, которые вводятся в нефтяной поток в целях предотвращения образования турбулентности (хаотичности) в потоке нефти (ламинизируют – т.е. стабилизируют поток, придавая всей жидкости направленный вектор скорости вдоль трубы). При использовании антитурбулентных добавок появляется возможность за счет снижения потерь на трение при перекачке жидкости увеличить среднюю скорость движения жидкости по трубам, за счет чего и увеличивается пропускная способность нефтепровода. Помимо этого, за счет введения в нефтяной поток антитурбулентных добавок можно уменьшить число насосных станций, что дает дополнительный экономический эффект. Как правило, антитурбулентные добавки закачивают в нефтяной поток на участках, расположенных после насосов, счетчиков или регулирующих устройств. Антитурбулентные добавки используются в следующих случаях: когда желательно увеличение пропускной способности трубопровода, но применение труб большего диаметра экономически не целесообразно; когда применение труб большего диаметра затруднено вследствие сложного географического рельефа и других особенностей окружающей среды; когда необходимо добиться временного повышения пропускной способности или когда потребность в дополнительной пропускной способности появляется в определенный сезон или вообще нерегулярна.

вода «Атырау – Самара»⁵⁴ в первой половине 2009 года компании «КазТрансОйл» и «Транснефть» подписали договоры с подрядными организациями о разработке ТЭО данного проекта. Предполагаемый срок окончания реализации проекта – 2016 год. Общий объем инвестиций оценивается в 190 млн. долларов, где Россия и Казахстан вкладывают равные доли.

Увеличение пропускной способности нефтепровода «Тенгиз – Новороссийск». Нефтепровод протяженностью около 1510 километров и пропускной способностью 28,2 млн. тонн в год введен в эксплуатацию в конце 2001 года. Уровень проектной пропускной способности был достигнут к середине 2004 года. К 2005 году пропускная способность нефтепровода была увеличена за счет применения антитурбулентных добавок уже до 35,5 млн. тонн в год. Объем прокачки нефти в 2008 году составил 31,47 млн. тонн, в 2009 году – более 34,5 млн. тонн. По трубопроводу нефть с месторождений «Тенгиз» и «Карачаганак» из западной части Казахстана транспортируется к российскому порту Новороссийск (терминал «Южная Озереевка») и далее танкерами через турецкие проливы Босфор и Дарданеллы. Через нефтепровод осуществляются самые крупные экспортные поставки казахстанской нефти.

Оператором проекта является международная акционерная компания «Каспийский Трубопроводный Консорциум» (КТК), построившая и эксплуатирующая нефтепровод. Доля российской стороны в КТК составляет более 40%: 31% принадлежат правительству РФ (акции находятся в доверительном управлении ОАО «Транснефть»)⁵⁵ и около 16% –

---

⁵⁴Утвержден Совместным соглашением президентов Д. Медведева и Н. Назарбаева 19 декабря 2008 года в г. Бурабае (Акмолинская область Казахстана) во время неформального саммита глав государств Армении, Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана и России.

⁵⁵Долевое участие увеличилось с 24 до 31% за счет приобретения в 2008 году у Султаната Оман его доли в 7% в КТК за 770 млн. долларов.

частным российским компаниям («ЛУКОЙЛ» и «Роснефть») в составе совместных предприятий⁵⁶.

Нефтепровод создавался с таким расчетом, чтобы его пропускная способность при соответствующей реконструкции могла бы быть увеличена примерно до 67 млн. тонн нефти в год. Для этого необходимо построить ряд новых нефтеперекачивающих станций, нефтехранилищ в районе г. Новороссийска и выносной причал.

Еще в 2007 году Россия и Казахстан приступили к разработке условий и положений пакетного соглашения по проекту расширения транспортировки казахстанской нефти через российскую территорию. При этом предполагалось, что часть нефти из Казахстана пойдет по планируемым нефтепроводам «Бургас – Александруполис» (Болгария – Греция)⁵⁷ и «Самсун – Джейхан» (Турция)⁵⁸ в обход ту-

---

⁵⁶В целом же распределение долей акционеров КТК выглядит следующим образом: Правительство России – 31%, LUKARCO BV (Россия) – 12,5%, Rosneft – Shell Caspian Ventures Ltd. (Россия) – 7,5%, Казахстан – 20,75% (компании «КазМунайГаз» – 19% и Kazakhstan Pipeline Ventures LLC. – 1,75%), нефтегазовые компании Chevron Caspian Pipeline Consortium Co. (США) – 15%, Mobil Caspian Pipeline Co. (США) – 7,5%, Agip International (структура ENI, Италия) – 2%, BG Overseas Holdings Ltd. (Великобритания) – 2%, Oryx Caspian Pipeline LLC. (США) – 1,75%. В 2009 году британская компания BP, которая владела в КТК 6,6% через два совместных предприятия – LUKARCO BV (СП с «ЛУКОЙЛом») и KPV (СП с «КазМунайГазом»), вышла из проектов освоения месторождения «Тенгиз» и КТК путем продажи 46% участия в совместном предприятии LUKARCO «ЛУКОЙЛу» за 1,6 млрд. долларов и 49,9% в Kazakhstan Pipeline Ventures казахстанской государственной компании «КазМунайГаз» за 250 млн. долларов. Продать свою долю британцы решили после возникших разногласий с остальными акционерами КТК по вопросам финансирования расширения трубопроводной системы. BP выступала за привлечение внешних заимствований, а остальные акционеры – за использование собственных средств консорциума.

⁵⁷В 2007 году был создан консорциум для строительства трубопровода «Бургас – Александруполис» протяженностью 312 километров, где Болгарии принадлежит 24,15%, Греции – 24,71%, а остальные акции распределены между «Транснефтью», «Газпром нефтью» и «Роснефтью». Нефтепровод протяженностью 285 километров и предварительной стоимостью около 1,5 млрд. евро должен пройти по территории Греции и Болгарии. Его проектная мощ-

рецких проливов. Оба эти проекта ориентированы на каспийскую нефть, которая будет поставляться по КТК⁵⁹.

В конце 2008 года акционеры КТК достигли договоренности по принципам расширения трубопровода, а в декабре 2009 года утвердили решение, предусматривающее проведение конкретных мероприятий по увеличению пропускной способности трубопроводной системы КТК до 67 млн. тонн нефти в год (с использованием же антитурбулентных присадок (добавок) – до 76 млн. тонн нефти в год). Его реконструкцию планировалось начать в 2010 году после согласования ТЭО. Строительные работы должны будут вестись в три этапа. Первый предполагает модернизацию существующих нефтеперекачивающих станций (НПС). В ходе второго и третьего будет построено по пять новых НПС, выносное причальное устройство на морском терминале. Также будет

ность на первом этапе должна составить 35 млн. тонн в год с возможностью увеличения до 50 млн. тонн. Нефтепровод позволил бы поставлять российскую и казахстанскую нефть в Европу в обход турецких проливов. Однако будущее трубопровода, сроки запуска которого не раз переносились, находится под вопросом, особенно с учетом позиции Болгарии, которая отказывалась от финансового участия в консорциуме, и сложной экономической ситуации в Греции. В июне 2010 года болгарские власти заявили о своем отказе от участия в данном проекте, что фактически может свидетельствовать об его прекращении.

⁵⁸Решение о строительстве трубопровода «Самсун – Джейхан» было принято в 2005 году итальянским концерном ENI и турецкой компанией Celik Holdings. В октябре 2009 года российская правительственная делегация под руководством вице-премьера И. Сечина подписала с ENI и Celik Holdings совместное заявление о подключении к проекту «Траснефти» и «Роснефти». Непосредственно строительные работы начались в начале 2010 года. Трубу протяженностью 555 километров планировалось проложить параллельно турецкому участку уже существующей трубопроводной магистрали «Баку – Тбилиси – Джейхан». В планах акционеров проекта – запустить нефтепровод во втором квартале 2015 года, хотя ранее ввод его в эксплуатацию был намечен на 2012 год. Стоимость проекта ориентировочно составляет 3 млрд. долларов.

⁵⁹В январе 2010 года руководство «Транснефти» предложило объединить два конкурирующих друг с другом проекта в одном холдинге. Чуть позже о своем намерении войти в состав нового холдинга заявили Chevron и «КазМунайГаз». Обе компании являются крупнейшими поставщиками нефти в КТК, от которого напрямую зависят оба альтернативных проекта.

проведена замена 88 километров трубопровода на территории Казахстана. Реализация первого этапа проекта запланирована на 2011 год, второго – на 2012 год, третьего – на 2014 год. Инвестиции в проект расширения КТК оцениваются в 3,5 млрд. долларов. При этом должна быть приостановлена выплата консорциумом кредиторам по займам до окончания строительства, что и позволит профинансировать проект расширения в основном за счет собственных средств КТК. После окончания строительства выплаты задолженности будут осуществляться на основе принципа «наравне и одновременно».

Однако конкретные сроки реализации проекта пока неясны. Более того, и сама перспектива увеличения пропускной способности нефтепровода «Тенгиз – Новороссийск» также все еще остается туманной. Основные причины – отсутствие четких гарантий «большой нефти» с шельфа Каспийского моря и значительная задолженность консорциума КТК перед кредиторами⁶⁰.

Транзит туркменского и узбекского газа через территорию Казахстана по системе действующих трубопроводов – «Средняя Азия – Центр», «Мака́т – Северный Кавказ» и «Бухара – Урал».

Магистральный газопровод «Средняя Азия – Центр» (САЦ) протяженностью около 4000 километров построен еще в советский период для транспортировки туркменского и узбекского газа в европейскую часть Советского Союза. Газопровод проходит по территории Туркменистана, Узбекистана (кроме третьей ветки), Казахстана и далее ответвления газопровода идут по территории 8 областей России (вход САЦ на российскую территорию через газораспределительную стан-

---

⁶⁰Еще во второй половине 2008 года госакционеры международного консорциума (Россия и Казахстан) намеревались запустить процесс банкротства, поскольку долг КТК на тот период уже составлял 4,7 млрд. долларов. Из-за неэффективности проекта весной 2008 года консорциум уже покинул Оман. Одним из условий, которое российская и казахстанская стороны выдвигали во избежание объявления процедуры банкротства, было согласие всех международных участников консорциума на расширение пропускной способности нефтепровода. Против выступала британская компания BP, которая впоследствии продала свои активы в КТК «ЛУКОЙЛу» и «КазМунайГазу».

цию «Александров-Гай», Саратовская область). Введение его в эксплуатацию производилось поэтапно: с 1966 года (первая ветка) по 1985 год (пятая ветка). Проектная мощность данного газопровода (всех пяти веток) составляла около 68 млрд. кубических метров в год. В постсоветский период из-за физического износа пропускная способность газопровода «Средняя Азия – Центр» снизилась до уровня 50 млрд. кубических метров в год.

Магистральный газопровод «Макап – Северный Кавказ» протяженностью около 650 километров является ответвлением от газопровода САЦ. Введен в эксплуатацию в 1987 году для снабжения центральноазиатским газом северокавказских республик. Проектная мощность на момент ввода составляла 25,5 млрд. кубических метров газа в год, но из-за физического износа к середине первого десятилетия наступившего века упала до 15 млрд. кубических метров.

Магистральный газопровод «Бухара – Урал» протяженностью около 4500 километров также строился в советское время и был введен в эксплуатацию в 1965 году. Газопровод был проложен для поставок природного газа с месторождения «Газли» (Бухарская область, Узбекистан) в промышленные центры южноуральского региона России. Проектная мощность двух веток трубопровода составляла 19 млрд. кубических метров в год. Однако со временем из-за физического износа пропускная способность данного газопровода снизилась практически до 7 млрд. кубических метров газа в год (по крайней мере, на его узбекском участке).

Рост объемов газа, закупаемого Россией в первом десятилетии XXI века в Туркменистане и Узбекистане, обуславливал необходимость модернизации действующей сети газопроводов с целью увеличения их пропускной способности. Указанные работы на казахстанском участке с 2000 года осуществляются компанией ОАО «КазТрансГаз» (дочерняя структура «КазМунайГаза»). Оператором проекта является АО «Интергаз Центральная Азия»⁶¹ (входит в состав «КазТрансГаза»).

---

⁶¹Компания создана в 1997 году для осуществления непосредственного управления переданной ей в концессию газотранспортной системы Казахстана. АО «Интергаз Центральная Азия» контролирует в РК основную сеть транспортных

После проведения ремонтно-восстановительных работ Казахстан смог довести пропускную способность на своем участке САЦ в 2008 году до 60 млрд. кубических метров в год. В среднесрочной перспективе (период 2013–2015 годов) планируется увеличение пропускной способности казахстанского участка уже до 80 млрд., а в дальнейшем – и до 100 млрд. в год.

В целом все работы по увеличению пропускной способности магистральных газопроводов, проходящих по территории РК, осуществляются казахстанской стороной самостоятельно, без инвестиционного и иного участия России. Но поскольку газотранспортная система Казахстана объективно является составной частью газотранспортной системы всего постсоветского пространства, то взаимодействие между Россией и Казахстаном по вопросам обеспечения транзита туркменского и узбекского газа объективно неизбежно.

Транзит российского газа через Казахстан по трубопроводам «Оренбург – Новопсков» и «Союз». Магистральные газопроводы «Оренбург – Новопсков» (760 километров) и «Союз» (2750 километров) проходят параллельно друг другу. Они были введены в строй в 1976 и 1978 годах соответственно для транспортировки газа с Оренбургского ГПЗ через территорию КазССР (Уральская область, северо-западная часть Казахстана) к газораспределительной станции «Александров-Гай» (Россия) и далее на Украину и в Европу.

Первоначально общая проектная мощность данных газопроводов составляла 42 млрд. кубических метров в год («Оренбург – Новопсков» – 14 млрд. кубических метров, «Союз» – 28 млрд. кубических метров в год). Однако из-за физического износа пропускная способность данных трубопроводов к середине 1990-х годов снизилась до уровня 30 млрд. кубических метров в год («Оренбург – Новопсков» – 10 млрд. кубических метров, «Союз» – 20 млрд. кубических метров).

газопроводов протяженностью более 11 тыс. километров с годовой пропускной способностью до 190 млрд. кубических метров газа.

В соответствии с соглашением между правительствами РФ и РК о сотрудничестве в газовой отрасли от 28 ноября 2001 года было принято решение об увеличении объемов транзита российского газа через территорию Казахстана. Для практической реализации намеченных целей казахстанская компания «КазТрансГаз» уже в 2002 году приступила к ремонтно-восстановительным работам на казахстанских участках газопроводов «Оренбург – Новопсков» и «Союз», что позволило уже к 2005 году вернуться к их проектной пропускной мощности и даже незначительно повысить ее до уровня 47–48 млрд. кубических метров ежегодно.

Транзит российской нефти по нефтепроводу «Сургут – Омск – Павлодар – Шымкент – Чарджоу». Нефтепровод общей протяженностью свыше 3000 километров был введен в строй в три этапа: 1977 год – «Сургут – Омск – Павлодар», 1983 год – «Павлодар – Чимкент», 1989 год – «Чимкент – Чарджоу». С сооружением этих участков нефтепровода связан и ввод в эксплуатацию трех НПЗ: Павлодарского (1978 год) и Чимкентского (1984 год) в Казахстане, а также Чарджоуского (1990 год) в Туркменистане, предназначенных для переработки именно западносибирской нефти. Проектная пропускная способность нефтепровода на участках «Омск – Павлодар» – 36 млн. тонн в год, «Павлодар – Чимкент» – 17 млн. тонн в год, «Чимкент – Чарджоу» – 7 млн. тонн в год⁶².

Несмотря на то, что в постсоветский период объемы поставляемого на НПЗ углеводородного сырья из западносибирского региона России на порядок сократились, нефтепровод и в настоящее время продолжает выполнять важные транзитные функции. В первую очередь, нефть поставляется на Павлодарский и Шымкентский (Чимкентский) НПЗ для ее переработки в ГСМ. Например, в 2008 году по нефтепроводу в Казахстан было поставлено около 5 млн. тонн российской нефти, в 2009 году – 6,3 млн. тонн. Крупнейшими экспортерами стали ТНК-ВР

---

⁶²После распада СССР и прекращения поставок западносибирской нефти в Туркменистан, нефтепровод «Шымкент – Чарджоу» не эксплуатировался. В 1999 году АО «КазТрансОйл» произвело его консервацию.

(2,2 млн. тонн) и «Сургутнефтегаз» (1,5 млн. тонн). Поставки нефти на этом направлении осуществляют также и другие крупные российские компании: «Роснефть», «ЛУКОЙЛ», «Газпром нефть», «Славнефть».

Также с 2007 года нефть с западносибирских месторождений России по нефтепроводу «Сургут–Омск–Павлодар» и далее через нефтеперекачивающую станцию «Атасу» (Карагандинская область Казахстана) стала поступать в нефтепровод «Атасу – Алашанькоу»⁶³ для последующего экспорта в Китай. В 2008 году в данном направлении было прокачано около 1,2 млн. тонн российской нефти (компании «Газпром нефть» и ТНК-ВР), а в 2009 году – около 1,5 млн. тонн. Однако в конце 2009 года по решению китайской стороны поставки российской нефти по трубопроводу «Атасу – Аланшакоу» были приостановлены.

Кроме того, ряд российских компаний неоднократно выражали заинтересованность в возобновлении транзита нефти через территорию Казахстана и Узбекистана по трубопроводной системе «Омск – Павлодар – Шымкент – Чарджоу» для переработки на НПЗ «Сейди» (бывший Чарджоуский НПЗ) в Туркменистане и дальнейшей транспортировки в Иран (прямыми поставками или по схеме замещения). Также в последние годы в экспертных кругах рассматривается вариант использования данного нефтепровода в обратном направлении (реверсном режиме) для поставки сырой нефти с месторождений в южных регионах Казахстана на Павлодарский НПЗ, который испытывает постоянную нехватку сырья.

Транзит российской нефти через Казахстан по нефтепроводу «Туймазы – Омск – Новосибирск» (ТОН-2). Нефтепровод введен в эксплуатацию в 1962 году. Является одним из трех магистральных нефтепроводов «Туймазы – Омск – Новосибирск» (ТОН-1, ТОН-2,

---

⁶³ Нефтепровод введен в промышленную эксплуатацию в 2006 году. Протяженность нефтепровода составляет 962 километра, а проектная пропускная способность – до 10 млн. тонн в год. Оператором трубопровода является китайско-казахстанская компания ТОО «Казахстано-китайский трубопровод». Учредителями данной компании на паритетных началах выступают АО «КазТрансОйл» и Китайская национальная корпорация по разведке и разработке нефти и газа (CNODC).

ТОН-3), которые соединили нефтяное месторождение «Гуймазинское» в Башкирии с НПЗ в Сибирском регионе. Проектная пропускная способность нефтепровода – 18 млн. тонн нефти в год. Казахстанский участок нефтепровода ТОН-2 протяженностью 186 километров обслуживается крупнейшим казахстанским трубопроводным оператором – компанией АО «КазТрансОйл». Транзит российской нефти по нефтепроводу в 2008 году составил 4,98 млн. тонн, а в 2009 году – более 5,36 млн. тонн.

Планы по интеграции нефтепроводов «Дружба» и «Адрия».

Магистральный нефтепровод «Дружба» протяженностью около 6000 километров является крупнейшим в мире. Он был введен в строй в 1964 году для поставок нефти из Советского Союза в страны-члены бывшего Совета экономической взаимопомощи. Северный участок нефтепровода «Дружба» проходит через территории России, Белоруссии, Польши и Германии, а южный участок – по территории России, Украины, Словакии, Чехии, Венгрии. Пропускная способность нефтепровода «Дружба» составляет порядка 80 млн. тонн нефти в год.

Магистральный нефтепровод «Адрия». Трубопровод представляет собой систему из двух участков: один участок (венгерский) проходит по территории Венгрии от г. Сазхаломбатты до венгерско-хорватской границы, а другой участок (Ядранский нефтепровод) – от венгерско-хорватской границы по территории Хорватии к порту Омишаль (Хорватия, побережье Адриатического моря). Пропускная способность нефтепроводной системы «Адрия» составляет 15 млн. тонн нефти в год.

Москва и Астана рассматривают возможность создания в перспективе нового экспортного направления транспортировки нефти из России и Казахстана на мировые рынки через территорию Европы и морской порт Омишаль. С этой целью предполагается состыковать участок нефтепровода «Дружба» с нефтепроводной системой «Адрия». Это позволило бы значительно увеличить объемы экспорта российско-казахстанской нефти и, что не менее важно, экспортировать нефть в обход турецкого пролива Босфор, уже перегруженного интенсивным движением нефтеналивных танкеров. Однако перспективы реализации данных планов пока представляются неясными.

Планы по строительству Прикаспийского газопровода (ПКГ).

12 мая 2007 года президентами Казахстана, России и Туркменистана подписана декларация о реализации проекта строительства Прикаспийского газопровода от компрессорной станции «Белек» (Туркменистан) до компрессорной станции «Александров-Гай» (Россия) с учетом реконструкции существующего газопровода САЦ-3 для транспортировки туркменского и казахстанского природного газа по территории Туркменистана, Казахстана и России. Казахстанский участок планируемого трубопровода является самым длинным – около 1200 километров, а предполагаемый объем казахстанского газа для ПКГ должен составить до 10 млрд. кубических метров. В целях выполнения договоренностей подписано межправительственное соглашение, а также соглашение об основных принципах сотрудничества, в рамках которых определена программа мероприятий по реализации проекта. Однако до сих пор не ясны ни оценочная стоимость Прикаспийского газопровода, ни сроки начала его строительства.

* * *

Реальные масштабы российского присутствия в казахстанской нефтегазовой отрасли пока представляются не столь впечатляющими, а российские позиции не являются ни доминирующими, ни ведущими. Особенно это касается таких принципиально важных аспектов, как инвестиции и технологии, добыча нефти и газа, а также глубокая переработка углеводородов.

Во-первых, доля российских финансовых ресурсов в нефтегазовой отрасли Казахстана на фоне всех других иностранных вложений не так уж велика, тем более учитывая все еще сохраняющуюся высокую структурно-технологическую взаимозависимость ТЭК и экономик двух стран. В постсоветский период в нефтегазовую отрасль республики было направлено более 50 млрд. долларов иностранных инвестиций и других финансовых ресурсов, из которых всего лишь в пределах

1,6–1,7 млрд. долларов (чуть более 3%) из России⁶⁴. Основной же объем иностранных капиталовложений приходится на США, Нидерланды, Великобританию, Италию и Китай.

Во-вторых, пока не столь значительна доля России и в проектах по добыче нефти и газа на территории Казахстана. По итогам 2008 года, российские компании (в основном «ЛУКОЙЛ») добыли в Казахстане всего около 5,9 млн. тонн нефти, что составляет лишь 8,2% от общего объема добытой нефти (72 млн. тонн), и 2,3 млрд. кубических метров газа – порядка 15% от общего объема добытого газа (более 16 млрд. кубических метров). В свою очередь по итогам 2009 года, российские компании добыли около 6,2 млн. тонн нефти, что составило 8,15% от общего объема добытой нефти (76 млн. тонн).

Все это не удивительно, поскольку более 70% нефтегазовых ресурсов Казахстана находятся под контролем западных и азиатских компаний, которые к тому же на порядок более активно участвуют в разработке именно наиболее крупных (хотя и более сложных в освоении) месторождений, в том числе и «Тенгиз» и «Кашаган», где сосредоточено свыше 50% всех разведанных нефтяных запасов Казахстана. При этом в разработке месторождения «Тенгиз» российская сторона представлена лишь компанией LUKARCO (дочерняя компания «ЛУКОЙЛа»), располагающая всего 5% активов, а в «Кашаган» – не представлена вообще.

---

⁶⁴В том числе 250–300 млн. долларов в проект по освоению месторождений «Тенгиз» и «Королевское», 825 млн. долларов – месторождения «Карачаганак», 90–110 млн. долларов – месторождения «Северные Бузачи», 70 млн. долларов – месторождений «Алибекмола» и «Кожасай», 50–60 млн. долларов – месторождения «Каракудук», 40 млн. долларов – месторождения «Арман», 190–210 млн. долларов в проект по подготовке к освоению месторождений «Тюб-Караган» и «Аташская», 200 млн. долларов – месторождения «Курмангазы». Кроме того, российской стороной инвестировано около 70 млн. долларов в проект по совместной переработки газа на Оренбургском ГПЗ и 1,145 млрд. долларов на строительство нефтепровода «Тенгиз – Новороссийск», что, однако, неверно рассматривать в качестве финансовых вливаний в проекты на территории РК.

В-третьих, российские компании в ряде случаев не выдерживают конкуренции с иностранными компаниями по многим технологическим вопросам освоения углеводородных месторождений. Как показывает практика, российские компании в целом не ориентируются на проекты повышенной сложности, хотя именно таких проектов в Казахстане большинство. Например, только этим можно объяснить неучастие России в разработке месторождения «Кашаган» – одного из крупнейших в мире (5-е место по запасам нефти: 5,4 млрд. тонн, включая 1,9 млрд. тонн извлекаемых запасов)⁶⁵, но чрезвычайно сложного в освоении. Хотя именно на кашаганскую нефть Казахстан делает основную ставку в стремлении войти в число ведущих мировых нефтеэкспортеров.

Однако у России остается все меньше времени и возможностей для того, чтобы исправить ситуацию: значительно укрепить свои позиции в Казахстане и в корне изменить складывающийся формат нефтегазовых отношений. Это тем более маловероятно в условиях нарастания влияния факторов более высокого порядка: устойчивой тенденции преобладания в сотрудничестве коммерческих интересов над стратегическими, многовекторной политики РК и усиливающейся внешней конкуренции за углеводородные ресурсы и маршруты их транспортировки.

---

⁶⁵Месторождение «Кашаган» было открыто еще в середине 1970-х годов, но его разработка не производилась из-за чрезвычайной технологической и экономической сложности, а также высокого риска экологической катастрофы на Каспийском море. Именно из-за этого сроки введения в эксплуатацию месторождения неоднократно переносились. Во время устойчиво высоких мировых цен на нефть месторождение было привлекательным. Однако в условиях глобального финансово-экономического кризиса и чрезвычайной нестабильности мировых цен на нефть «Кашаган» в определенной степени утратил инвестиционную привлекательность, и поэтому сроки ввода данного месторождения в коммерческую эксплуатацию представляются неясными.

Атомная отрасль

Еще в бытность СССР, с учетом специфики ядерного производства, взаимодействие между Казахстаном (КазССР) и Россией (РФ) носило самый тесный характер в рамках единой структуры – Министерства среднего машиностроения СССР. После распада Советского Союза единая административно-управленческая система и структурно-технологическая цепь предприятий союзного Минсредмаша, а следовательно, и российско-казахстанская кооперация в атомной энергетике была разрушена. В 1992 году Россия полностью прекратила закупки казахстанского урана.

Первые шаги к возрождению производственной кооперации РФ и РК в атомной отрасли были сделаны в результате подписания в 1998 году Соглашения между правительствами двух стран об интеграции предприятий ядерно-топливного цикла. Однако реальный импульс российско-казахстанское сотрудничество в области мирного использования атомной энергии получило лишь в 2006 году, когда президентами В. Путиным и Н. Назарбаевым был поставлен ряд конкретных задач по интеграции предприятий ядерно-промышленных комплексов двух стран⁶⁶. В том же году в г. Актау (Казахстан) состоялось совещание с участием главы Федерального агентства по атомной энергии РФ С. Кириенко, на котором была принята Программа стратегического партнерства РФ и РК в области использования атомной энергии в мирных целях. Комплексная программа предусматривала шесть основных направлений сотрудничества: в области производства ядерного топлива; в области атомной энергетики; развитие транспортной инфраструк-

---

⁶⁶Совместное заявление «О сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии» от 25 января 2006 года. Во исполнение подписанного в Санкт-Петербурге 25 января 2006 года президентом РК Н. Назарбаевым и президентом РФ В. Путиным совместного заявления о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях ведется подготовка и согласование Комплексной программы сотрудничества в ядерной сфере с Российской Федерацией, включающей совместную работу по добыче природного урана в Казахстане, изготовлению топлива, услуги по переработке урана и строительству реакторов малой мощности в Казахстане, России и в третьих странах.

туры поставок урановой продукции на мировой рынок; совершенствование нормативно-правовой базы российско-казахстанского сотрудничества по мирному использованию атомной энергии; в научно-технической сфере; в сфере подготовки кадров для атомной отрасли. В дальнейшем в рамках данной программы был создан ряд совместных российско-казахстанских предприятий.

В настоящее время⁶⁷ взаимодействие между РФ и РК в атомной отрасли осуществляется в рамках 7 совместных предприятий, а российская сторона (в лице ОАО «Атомредметзолото»⁶⁸) за счет долей в совместных российско-казахстанских предприятиях (СП «Заречное», СП «Акбастау» и СП «Каратау») контролирует более 20% урановых запасов Казахстана.

*Проекты по добыче и первичной переработке уранового сырья,
а также производству ядерного топлива*

С учетом потребностей развития атомного комплекса России в дополнительных объемах ядерного топлива, что определено федеральной целевой программой, наибольший интерес для российской стороны представляют именно проекты, связанные с добычей и первичной переработкой уранового сырья, с целью его дальнейшего обогащения.

Производство ядерного топлива в рамках ЗАО «Совместное украинско-казахстанско-российское предприятие по производству ядерного топлива» (ЗАО «СП УКРТВС», зарегистрировано на Украине, где и находится офис компании).

Предприятие, созданное в конце 2001 года, стало одним из первых совместных проектов по развитию кооперационных связей между

---

⁶⁷По состоянию на 2010 год.

⁶⁸ОАО «Атомредметзолото», или Урановый холдинг «АРМЗ» – крупная российская уранодобывающая компания, занимающая пятое место в мире по объему добычи урана и второе по объему запасов урана. «АРМЗ» является основным поставщиком уранового сырья для российской атомной отрасли и в 2009 году произвел более 4,6 тыс. тонн урана на предприятиях в России и Казахстане. Запасы холдинга на начало января 2009 года составили 538 тыс. тонн урана – второе место в мире среди добывающих компаний.

предприятиями ядерно-топливного цикла стран СНГ. Задачей ЗАО «СП УКРТВС» было определено совместное с российскими, казахстанскими и украинскими предприятиями производство ядерного топлива для реакторов ВВЭР-1000, которые используются на АЭС Украины. Учредителями СП с уставным капиталом в 450 тыс. долларов в равных долях стали **ОАО «ТВЭЛ»** (Россия)⁶⁹, ЗАО Национальная атомная компания (НАК) «Казатомпром» (Казахстан) и Фонд государственного имущества Украины. В мае 2003 года было подписано украинско-казахстанско-российское межправительственное соглашение о содействии в развитии деятельности данного совместного предприятия.

В рамках СП было запланировано сотрудничество пяти предприятий: ОАО «Новосибирский завод химконцентратов», ОАО «Машиностроительный завод» (оба – Россия), завода «Цирконий», Восточного горно-обогачительного комбината (оба – Украина), а также Ульбинского металлургического завода (Казахстан). Каждому предприятию отводилась своя роль в кооперационной схеме производства ядерного топлива. Данная схема, в частности, предусматривала, что казахстанская сторона будет производить топливные таблетки, украинская – циркониевый прокат и комплектующие изделия для тепловыделяющих элементов (ТВЭЛов) и тепловыделяющих сборок (ТВС), а российская – осуществлять окончательную сборку ТВЭЛов и ТВС.

Первая продукция СП поступила потребителям (украинским АЭС) в 2003 году. При этом, несмотря на запущенный совместный проект, его участники практически не финансировали ЗАО «СП УКРТВС». Деятельность предприятия поддерживалась в основном за счет агентских премий при поставках ядерного топлива, которые частично проходились через СП. В 2009 году на очередном собрании акционеров

---

⁶⁹ОАО «ТВЭЛ» – российский производственный холдинг, 100% акций которого принадлежит ОАО «Атомэнергопром». Включает ряд предприятий ядерно-топливного цикла и вспомогательной инфраструктуры. Является одним из мировых лидеров по производству ядерного топлива. На топливе «ТВЭЛ» работают 74 энергетических (17% мирового рынка) и 30 исследовательских реакторов в 17 странах мира.

даже обсуждался вопрос о том, что в случае окончательной потери интереса со стороны учредителей к компании, не исключается постановка вопроса об ее ликвидации.

Добыча и первичная переработка уранового сырья в рамках АО СП «Заречное» (Отрарский район Южно-Казахстанской области РК). Ресурсной базой ЗАО является месторождение «Заречное», общие запасы которого составляют около 19 тыс. тонн урана.

Предприятие создано в 2002 году. Первоначально СП было зарегистрировано как российско-казахстанско-кыргызское предприятие (доли России и Казахстана были установлены в размере 45% каждая, а Кыргызстана – 10%). Суть проекта заключалась в том, что после добычи урана и его технической переработки «Казатомпромом» (Казахстан) из сырья будет изготавливаться урановый концентрат на Кара-Балтинском горнорудном комбинате (КГРК, Кыргызстан), который затем будет закупаться **ОАО «Атомредметзолото»** (Россия) для нужд российской энергетики. Стоимость проекта была утверждена в размере 8 млн. долларов.

После перерегистрации предприятия в 2003 году доли «Казатомпрома» и КГРК остались без изменений, а российская сторона перераспределила свою долю между **ОАО «Атомредметзолото»** (10%), **ОАО «ТВЭЛ»** (20%) и **ОАО «Техснабэкспорт»** (15%). Стоимость проекта была повышена до 18 млн. долларов за счет привлечения заемных средств под гарантии российских учредителей предприятия. Во второй половине 2003 года руководство СП объявило о начале добычи урана на месторождении. Однако в 2004 году работы на руднике были прекращены. По одной из версий основной причиной этого явилась позиция администрации Южно-Казахстанской области, которая выдвинула СП ряд обвинений по поводу вреда Арыско-Карактауской государственной заповедной зоне, причиняемого в результате деятельности предприятия. Свою работу СП возобновило в 2005 году, а промышленная добыча урана на месторождении «Заречное» началась лишь с конца 2006 года.

В настоящее время⁷⁰ предприятием на паритетных началах владеют НАК «Казатомпром» и ОАО «Атомредметзолото» (в 2004 году российская сторона выкупила долю КГРК). В соответствии с контрактом ОАО вплоть до 2022 года имеет возможность приобретать весь объем производимого урана.

В 2008 году на предприятии произведено 166 тонн урана, в 2009 году – около 500 тонн. Выход предприятия на проектную мощность в 1 тыс. тонн урана в год планировался к 2011 году. С этой целью в 2008 году начаты работы по подготовке к освоению месторождения «Южное Заречное».

Общая стоимость проекта уже превышает **1 млрд. долларов**, а суммарный объем инвестиций в СП «Заречное» до 2011 года должен составить около **60 млн. долларов**. Пока же объем российских инвестиций предположительно мог составить порядка **50 млн. долларов**⁷¹.

Добыча уранового сырья в рамках АО «СП «Акбастау» (Созакский район Южно-Казахстанской области РК). Ресурсной базой СП являются участки №1, №3, №4 месторождения «Буденовское», общие запасы которых составляют 25,1 тыс. тонн урана.

Предприятие создано в 2006 году. Учредителями СП стали **ОАО «Атомредметзолото»**, частная российская компания **«Эффективная энергия Н.В.»**⁷² (по 25% долевого участия) и НАК «Казатомпром» (50%). В начале 2009 года ОАО «Атомредметзолото» выкупило у частной российской компании ее доли в двух проектах, в том числе и в СП «Акбастау»⁷³. По мнению российских экспертов, примерная стоимость

---

⁷⁰По состоянию на 2010 год.

⁷¹По состоянию на 2010 год.

⁷²Частная компания «Эффективная энергия Н.В.» принадлежит совладельцу «Металлоинвеста» В. Анисимову, который стал первым российским частным инвестором на урановом рынке Казахстана.

⁷³В январе 2009 года ОАО «Атомредметзолото» заключило договор о приобретении активов компании «Эффективная энергия Н.В.», владеющей 50% российских долей ТОО «Каратау» и 25% акций российского пакета в АО СП «Акбастау». Таким образом, российская государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», в структуру которой входит ОАО «Атомредметзолото», в рамках реализации межправительственной российско-казахстанской

совершенной сделки (официально данные не были озвучены в СМИ) могла составить порядка **560–580 млн. долларов**. При оценке ее уровня стоимости принимались во внимание такие факторы, как объем запасов и стоимость их разработки, то, что месторождения по двум проектам являются разведанными и там уже ведется добыча урана, а также имеется готовая инфраструктура.

Геологоразведочные работы на месторождении начались в 2008 году. Одновременно проводилась подготовка участков к началу промышленного освоения⁷⁴. В первом квартале 2009 года СП приступило к добыче урана в опытно-промышленном режиме, и к концу года было получено 390 тонн уранового сырья. В 2010 году планируется увеличение производства урана уже до 1 тыс. тонн, а также строительство инфраструктуры на участке №3 и утверждение ТЭО по участку №1. После выхода к 2015 году на проектную мощность планируется, что предприятие будет ежегодно производить до 3 тыс. тонн урана, часть которого будет направляться в Россию. Одновременно проект предполагает **строительство общего с СП «Каратау» перерабатывающего комплекса**.

Объем российских инвестиций, предположительно мог составить **от 30 до 40 млн. долларов**⁷⁵.

комплексной программы сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях, консолидировала все российские уранодобывающие активы на территории Казахстана в трех совместных с НАК «Казатомпром» на предприятиях «Заречное», «Акбастау» и «Каратау», где доля участия РФ стала составлять по 50% в каждом проекте.

⁷⁴Значительная доля разведанных запасов казахстанского урана заключена в месторождениях так называемого песчаникового типа. Благодаря этому уран в Казахстане добывается не путем разработки шахт и карьеров, как в России, а методом подземного выщелачивания, когда в скважины подаются сернокислотные растворы, из которых потом извлекаются продуктивные элементы. В результате себестоимость казахстанского урана в четыре раза дешевле урана, добываемого в России. Работы по бурению ведет ТОО СП «РБМ-Казахстан», созданное в 2007 году российскими компаниями ЗАО «Русбурмаш» (дочерняя структура ОАО «Атомредметзолото») и ТОО «Волковгеология».

⁷⁵По состоянию на 2010 год.

Добыча уранового сырья в рамках ТОО СП «Каратау» (Созакский район Южно-Казахстанской области РК). Ресурсной базой СП является участок №2 месторождения «Буденовское», запасы которого составляют 18,2 тыс. тонн урана.

СП создано в 2006 году. Учредителями предприятия на паритетных началах выступили российская компания «**Эффективная энергия Н.В.**» и НАК «Казатомпром». В начале 2009 года в ходе консолидации ядерных активов в Казахстане 50% долю в СП «Каратау» выкупило **ОАО «Атомредметзолото»**. Однако летом 2009 года российский холдинг объявил о сделке по обмену своей доли в ТОО «Каратау» на 117 млн. долларов обыкновенных акций канадской компании Uranium One Inc. и денежную компенсацию в размере 90 млн. долларов. Сделка также предусматривала дополнительную денежную компенсацию в зависимости от фактических и финансовых показателей деятельности СП в течение 3-х лет. Одновременно с соглашением о купле-продаже акций ОАО «Атомредметзолото» и Uranium One Inc. подписано соглашение о приобретении российской стороной урана (контракт «офф-тейк»), дающее ей возможность получения 50% уранового концентрата, произведенного «Каратау» (1 тыс. тонн с 2011 года), или до 20% всего уранового концентрата, произведенного Uranium One Inc. В ноябре 2009 года сделка получила одобрение Министерства энергетики и минеральных ресурсов Республики Казахстан.

Опытно-промышленная добыча урана началась в 2007 году, а в 2008 году СП стало работать в промышленном режиме, добыв 653 тонны урана. После выхода СП в 2010 году на проектную мощность «Каратау» будет ежегодно производить до 2 тыс. тонн урана. Проект предполагает строительство общего с СП «Акбастау» наземного перерабатывающего комплекса.

Планы по обогащению урана в рамках ЗАО СП «Центр по обогащению урана» (ЦОУ, г. Ангарск, Иркутская область РФ). Было создано в конце 2006 года на базе ФГУП «Ангарский электролизный хи-

мический комбинат» (АЭХК)⁷⁶, обладающего уникальной центрифужной технологией специально для изотопного обогащения урана, добываемого на казахстанских месторождениях. Учредителями СП на паритетных началах стали **ОАО «Техснабэкспорт» (РФ)**⁷⁷ и НАК «Казатомпром».

Государственная экспертиза данного проекта была завершена лишь летом 2009 года. На начало 2010 года проект находился на заключительной стадии согласования технико-экономического обоснования. Первую очередь нового производства по обогащению урана, которое будет организовано на производственной площадке АЭХК, планируется ввести в 2011 году, а вывод предприятия на полную мощность намечен на 2013 год. Стоимость проекта составляет 2,5 млрд. долларов, причем объем инвестиций каждой из сторон пропорционален доле в СП (российской стороны – не менее **1,25 млрд. долларов**).

Планы по обогащению урана в рамках ОАО «Международный центр по обогащению урана» (МЦОУ, г. Ангарск, Иркутская область РФ).

Инициатива о создании системы международных центров по предоставлению услуг ядерного топливного цикла, включая обогащение урана, была впервые озвучена президентом России В. Путиным в январе 2006 года на саммите ЕврАзЭС в г. Санкт-Петербурге. Уже в 2007 году в г. Астане в присутствии президентов РФ и РК глава «Росатома» С. Кириенко и министр энергетики и минеральных ресурсов Казахстана Б. Измухамбетов подписали соглашение о создании на базе АЭХК

---

⁷⁶АЭХК, занимавшийся получением оружейного урана (оружейный уран – это высокообогащенный изотопом-235, а топливный – низкообогащенный этим же изотопом), в конце 2006 года был выведен из списка стратегических предприятий и юридические препятствия для начала работы международного центра на его базе были сняты. В январе 2008 года МАГАТЭ было проинформировано о включении АЭХК в список российских предприятий ядерного топливного цикла, в отношении которых возможно применение гарантий МАГАТЭ.

⁷⁷ОАО «Техснабэкспорт» – один из крупнейших в мире поставщиков товаров и услуг в атомной отрасли, 100% дочернее предприятие ОАО «Атомэнергпром». Имеет деловые связи с 40 странами мира, обеспечивая услугами по обогащению урана около 40% мирового рынка.

«Международного центра по обогащению урана» (МЦОУ)⁷⁸. Основная цель проекта – обеспечение равного и гарантированного доступа всех заинтересованных стран к услугам и продукции ядерного топливного цикла при надежном соблюдении требований режима нераспространения ядерного оружия. Для этого на МЦОУ предусматривается переработка отработанного ядерного топлива (в основном гексафторида урана), поступающего из-за рубежа, и складирование гарантийного запаса в размере 120 тонн низкообогащенного урана. В начале 2010 года Россия и МАГАТЭ договорились о создании при МЦОУ «Международного банка ядерного топлива», на котором и будет осуществляться хранение ядерного топлива под контролем экспертов МАГАТЭ.

Российско-казахстанское межправительственное соглашение и уставные документы ОАО «МЦОУ» предусматривают возможность присоединения к нему других заинтересованных государств на основе отдельных межправительственных соглашений. В 2007 году намерение стать участником МЦОУ выразили Украина, а в 2008 году – Армения. В 2009 году украинская и армянская стороны получили официальные согласия со стороны России и Казахстана на участие в данном проекте. Предполагается, что Украина в лице государственного концерна «Ядерное топливо»⁷⁹ и Армения в лице ЗАО «Армяно-российская горнорудная компания» приобретут по 10% активов долевого участия в МЦОУ. О своем желании принять участие в работе Центра заявляли также ряд других зарубежных государств, в частности, Индия, Финляндия, Южная Корея и Бельгия.

В настоящее время⁸⁰ 90% акций МЦОУ принадлежит ОАО «Техснабэкспорт», 10% акций находится в собственности НАК «Казатомпром». Планируется передача пакета акций от ОАО «Техснабэкспорт»

---

⁷⁸Согласно заявлению главы «Росатома» С. Кириенко, создание МЦОУ является скорее политическим, нежели техническим проектом, поскольку он сам по себе не приведет к появлению новых мощностей, так как подразумевает лишь создание соответствующей нормативно-правовой базы международного сотрудничества в области переработки ядерного сырья.

⁷⁹Государственный концерн «Ядерное топливо» рассчитывал приобрести 10% акций Международного центра по обогащению урана до 2011 года.

⁸⁰По состоянию на 2010 год.

к Госкорпорации «Росатом». Как ожидается, в дальнейшем российская доля в капитале МЦОУ будет уменьшаться за счет присоединения к проекту других стран.

*Проекты по разработке ядерного оборудования,
проектированию и строительству АЭС*

В советский период атомная энергетика не имела широкого распространения в Казахстане. Единственным объектом являлась АЭС с ядерным экспериментальным реактором на быстрых нейтронах мощностью в 350 МВт, которая располагалась в г. Актау (областной центр Мангистауской области, юго-западная часть Казахстана). АЭС работала в период 1973–1999 годов, а затем была закрыта. В последние годы в Казахстане, учитывая наличие в стране сырьевой базы, вновь вернулись к идее введения энергогенерирующих мощностей на основе ядерного топлива. Российские компании также проявили интерес к налаживанию взаимовыгодных кооперационных связей в данном направлении, тем более, что это предусматривает задействование смежных отраслей промышленности.

Участие в проектировании строительства Балхашской АЭС (район н.п. Улькен, юго-восточное побережье озера Балхаш, Алматинская область, восточная часть Казахстана). Впервые предложение о строительстве АЭС было озвучено в 1997 году. Реализацию проекта предполагалось осуществить в период 1998–2005 годов. В состав станции должны были войти три энергоблока с реакторами ВВЭР-640 общей мощностью 2000 МВт, которые могли бы вырабатывать 14,8 млрд. кВт/ч электроэнергии. Общая стоимость строительства оценивалась в 2 млрд. долларов.

Разработка проекта велась в сотрудничестве с российским **НИИ «Атомпроект»** (г. Санкт-Петербург, Россия), которое в 2000 году представило ТЭО атомной электростанции. Однако идея строительства АЭС на озере Балхаш, который представляет собой уникальную природную систему, вызывала резкие протесты казахстанских экологов и общественности. В сентябре 2000 года правительство Казахстана приняло решение об отказе от строительства станции.

Разработка ядерного оборудования и проектирование АЭС на базе АО СП «Атомные станции» (АО «КРКАС») (офис компании расположен в г. Алматы).

СП создано в конце 2006 года в рамках реализации комплексной программы российско-казахстанского сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях. Предприятие предназначено для создания и продвижения на рынках России, Казахстана и третьих стран новых ядерных реакторов малой и средней мощности⁸¹, проектирования атомных электростанций с энергоблоками нового типа ВБЭР-300 (водяной блочный энергетический реактор мощностью 300 мегаватт), выполнения строительно-монтажных и пусконаладочных работ на площадках сооружения АЭС, обучения обслуживающего персонала заказчиков, а также оказания услуг по обеспечению жизненного цикла атомных станций. Учредителями СП на паритетных началах стали российское ЗАО «Атомстройэкспорт»⁸² и НАК «Казатомпром».

Первую АЭС с двумя энергоблоками данного типа, спроектированную СП «Атомные станции», планируется построить вблизи г. Актау в Мангистауской области Казахстана⁸³. СП «Атомные станции» примет также участие в монтажных и пусконаладочных работах на объекте. Технико-экономическое обоснование строительства АЭС уже прошло экологическую экспертизу и по состоянию на начало 2010 года прохо-

---

⁸¹По данным маркетинговых исследований «Росатома», реакторы этого типа имеют хорошие перспективы для продвижения на мировой рынок, прежде всего в страны с большой территорией и низкой плотностью населения, а их экспортный потенциал оценивается в 30–50 установок (15–20 млрд. долларов).

⁸²ЗАО «Атомстройэкспорт» – российская инжиниринговая компания, один из ведущих участников на рынке строительства атомных электростанций. Основные акционеры: «Росатом», ОАО «Газпромбанк», «Зарубежатомэнергострой», «ТВЭЛ».

⁸³Необходимость строительства именно данного типа энергоблока на территории Казахстана продиктована техническими требованиями энергосистемы республики. Существующие в мире реакторы на сегодняшний день в основном имеют мощность 1000 и более мегаватт. Они не подходят для электроэнергосетей Казахстана, отличающихся большой протяженностью, так как при остановке реактора для перезагрузки топлива требуются большие объемы резервирования энергии.

дит экономическую экспертизу. Ранее руководство НАК «Казатомпром» заявляло, что первый из двух блоков электростанции будет запущен в 2016 году, а второй блок – в 2017 году. Электроэнергия, полученная на атомной станции, будет поставляться как в Мангистаускую область, так и в прилегающие к ней соседние области Казахстана.

* * *

В первом десятилетии XXI века Россия стала придавать большое значение восстановлению и развитию связей с Казахстаном в атомной отрасли. Во многом это обуславливается стратегическими и долгосрочными по своему характеру и масштабам задачами, которые поставлены российским руководством и отражены, в частности, в федеральной целевой программе «Развитие атомного энергопромышленного комплекса на 2007–2010 годы и на перспективу до 2015 года». До 2030 года в России планируется построить 40 новых атомных энергоблоков и довести уровень атомной энергии в общем энергетическом балансе страны с нынешних 16% до 25%. Так как реализация столь грандиозных планов требует значительных и системных усилий по восстановлению структурно-технологических связей и наращиванию ресурсной базы, можно уверенно утверждать, что потребность России в сотрудничестве в атомной отрасли именно с Казахстаном по сути является неизбежной и будет только расти.

Во-первых, Казахстан является одним из богатейших государств мира по разведанным запасам урана: на его долю приходится около 21% мировых запасов. В настоящее время казахстанские запасы урана оцениваются в 1,6 млн. тонн. Причем около 65% от данного объема пригодны для промышленной разработки наиболее прогрессивным, экологически безопасным, экономически рентабельным методом подземного выщелачивания. В сравнении с этим месторождения урана России расположены в основном в Бурятии, Забайкальском крае и Курганской области, относятся к числу трудноизвлекаемых, с высокой себестоимостью добычи. Именно поэтому ведущие профильные российские компании проявляют особый интерес, в первую очередь, к казахстанскому урановому сырью и вовлечению его максимально возмож-

ных объемов в энергетический баланс РФ. Общий объем российских инвестиций, уже вложенных в конкретное производство, ориентировочно может составлять не менее **80–90 млн. долларов**⁸⁴, планируемых к вложению в ближайшие несколько лет – до **1,5 млрд**. В свою очередь, объем российских активов в атомной отрасли РК оценивается не менее чем в **1,6 млрд. долларов**⁸⁵, а общая стоимость совместных российско-казахстанских проектов достигает порядка 4,5 млрд. долларов.

Во-вторых, атомные комплексы РФ и РК являлись составными частями некогда единой советской атомной индустрии, взаимодополняют друг друга по технологической цепочке топливно-ядерного цикла: добыча урана в Казахстане, российское обогащение урана, казахстанские таблетки, российские ТВЭЛы. Совместная же разработка, производство и строительство реакторов могут логически завершить эту цепочку вертикального топливно-ядерного цикла.

В-третьих, немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что многие казахстанские ученые и руководители, занимающие в настоящее время ответственные посты на предприятиях и НИИ атомного комплекса, обучались в российских вузах и тесно связаны со своими российскими коллегами. Налажены программы научного обмена и стажировок казахстанских ученых в России. Эти обстоятельства могут обусловить выбор в пользу российских технологий и сотрудничества с российскими партнерами.

Однако России предстоит вступить в серьезную конкурентную борьбу за рынок уранового сырья Казахстана: казахстанский уран становится предметом пристального внимания Франции, Канады, США, Японии и Южной Кореи. Внешние инвесторы готовы войти на этот рынок с помощью инструментов прямых инвестиций, кредитного финансирования, а также торгового финансирования под гарантии поставки продукции. Кроме того, в последние годы все более активно проявляет себя и Китай, который так же, как и Россия, создал с Казахстаном ряд совместных предприятий в атомной отрасли. В итоге, учи-

---

⁸⁴Включая 50 млн. долларов в проект по переработке уранового сырья в рамках АО СП «Заречное» и 30–40 млн. долларов в проект по добыче уранового сырья в рамках АО «СП «Акбастау».

⁸⁵Включая предположительно 0,5 млрд. долларов активов в АО СП «Заречное» и 1,1 млрд. долларов в АО СП «Акбастау».

ывая все это, возрастающий глобальный спрос на ядерное топливо, активно проводимую Казахстаном политику по диверсификации партнеров, России придется действовать все более решительно и эффективно, если она хочет как минимум сохранить, а как максимум усилить свои позиции в атомной отрасли страны, сосредоточившей значительную часть мировых запасов урана и расположенной в непосредственной географической близости.

Угольная отрасль

Еще в советский период Казахстан (КазССР), входивший в число основных угледобывающих республик⁸⁶, тесно взаимодействовал с Россией (РСФСР), обеспечивая поставки крупных объемов угля на российские коксохимические предприятия и тепловые электростанции. Традиционно крупнейшими потребителями казахстанского угля были промышленные предприятия Урала (Магнитогорский и Новотроицкий металлургические комбинаты использовали коксующий уголь Карагандинского бассейна) и Западной Сибири (тепловые электростанции – использовали уголь с Экибастузского месторождения⁸⁷). В 1991 году объем добычи в КазССР составил 130,4 млн. тонн (около 21% от общей добычи угля в СССР)⁸⁸, из которых около 40 млн. тонн были направлены в РСФСР.

---

⁸⁶В 1990 году на долю Казахстана приходилось 18,8%, на долю России – 55,7%, Украины – 23,7% общесоюзной добычи угля.

⁸⁷Причем часть вырабатываемой электроэнергии возвращалась казахстанским потребителям.

⁸⁸По запасам угля Казахстан входит в первую десятку стран, уступая лишь США, России, Китаю, Австралии, Индии, ЮАР и Украине. Доля республики в мировых разведанных запасах угля составляет около 4%. Базой развития и функционирования угледобывающей отрасли Казахстана являются уже разведанные значительные запасы угля, общий объем которых составляет около 35 млрд. тонн. Оценочные же запасы различных типов угля составляют порядка 150–160 млрд. тонн (66,5% – каменные угли, 33,5% – бурые). При этом более 60% прогнозных ресурсов страны размещены в Костанайской области Казахстана. Большая же часть разрабатываемых месторождений сосредоточена в Центральном (Карагандинский, Экибастузский угольные бассейны и месторождение «Шубарколь») и Северном Казахстане (Тургайский угольный бассейн). Источник: Э. Джантуреева. Топливо-энергетический комплекс Казах-

После распада СССР масштабы отраслевой кооперации между Российской Федерацией и Республикой Казахстан кардинально снизились. К концу 1990-х годов объем поставок казахстанского угля в Россию уменьшился почти в 2,5 раза, составив в 1999 году лишь 16,8 млн. тонн. При этом сама угледобывающая отрасль РК переживала не лучшие времена, что во многом было обусловлено как снижением экспорта и внутреннего потребления, так и прекращением государственной дотации, устаревшим либо нерентабельным шахтным фондом. Добыча угля в республике упала почти в 3 раза (в 1999 году было добыто всего лишь 58,4 млн. тонн).

С переходом в начале первого десятилетия наступившего века крупных угледобывающих предприятий Казахстана в собственность иностранных инвесторов, в том числе и российских, уровень их менеджмента значительно повысился, что дало возможность этим предприятиям адаптироваться к рыночным условиям. На сегодняшний день угледобывающая промышленность является одной из базовых отраслей экономики Казахстана, обеспечивающей топливом энергетику (85% от всей вырабатываемой в РК электроэнергии)⁸⁹, металлургию, химическое производство, транспорт, сельское хозяйство и население. Часть добываемого в республике угля поступает на экспорт, общий объем которого к середине первого десятилетия XXI века стабилизировался на уровне 22–27 млн. тонн.

На середину первого десятилетия приходится и возрождение кооперации между РФ и РК, поскольку для России и российского бизнеса

стана. Запасы, добыча и инвестиции. / Международный деловой журнал KAZAKHSTAN (Казахстан), 2007 год, №3, <http://www.investkz.com/journals/52/495.html>

⁸⁹По заявлению министра энергетики и минеральных ресурсов (МЭМР) РК С. Мынбаева, сделанному на прошедшем в сентябре 2009 года Евразийском энергетическом форуме KazEnergy, в структуре энергетики львиную долю занимает электроэнергия, вырабатываемая на угольных станциях – 85%. Остальные 9% и 5% приходится на электроэнергию, получаемую соответственно на гидро- и газотурбинных электростанциях. По словам главы МЭМР, доля угля в выработке электроэнергии в последнее время снижается. Тем не менее уголь остается основным стратегическим топливом в национальной электроэнергетике.

интерес к угледобывающей отрасли Казахстана во многом был обусловлен восстановлением бесперебойных поставок высокосортного угля на промышленные предприятия Уральского и Западно-Сибирского регионов, находящихся в непосредственной близости от казахстанских месторождений. Для этого в 2004 году правительства РФ и РК утвердили программу «Совместный баланс угля Российской Федерации и Республики Казахстан на 2004–2020 годы», согласно которой экибастузский уголь (95% казахстанского экспорта приходится именно на него) стал поставляться в Россию (в 2004–2009 годах в среднем по 26 млн. тонн в год).

Проекты по добыче угля

Стремление России в условиях экономического подъема середины первого десятилетия XXI века обеспечить бесперебойные поставки казахстанского угля на свои промышленные предприятия обусловило резкую активизацию российских компаний в угольной отрасли Казахстана, где первоочередной интерес был связан с установлением контроля над разработкой угольных месторождений, в частности, крупнейших разрезов Экибастузского угольного бассейна – «Богатырь» и «Северный».

Разработка разрезов «Богатырь» и «Северный» Экибастузского угольного бассейна (Павлодарская область, северная часть Казахстана).

Разрез «Богатырь» мощностью 50 млн. тонн угля в год вводился в эксплуатацию девятью очередями с 1965 по 1979 годы. В 1985 году была достигнута максимальная годовая производительность – 56,8 млн. тонн угля⁹⁰. Разрез такой большой единичной мощности был построен впервые в мире и по этому показателю в 1985 году был занесен в Книгу рекордов Гиннеса. Балансовые запасы угля разреза «Богатырь» составляют 1,34 млрд. тонн. До 1996 года разрез «Богатырь» входил в состав государственного акционерного общества (ГАО)

---

⁹⁰Экибастузский уголь обладает рядом привлекательных потребительских свойств, которые исключают шлакование котлоагрегатов при его сжигании, смерзание в железнодорожных вагонах в зимнее время.

«Экибастузкомир», после чего в результате открытого тендера был приватизирован американской компанией Access Industries⁹¹, которая создала для работы в Казахстане операторскую компанию ТОО «Богатырь Аксесс Комир». В 2002 году указанная бизнес-структура заключила с Министерством энергетики и минеральных ресурсов РК контракт на разработку месторождения сроком на 45 лет (до 2047 года).

Разрез «Северный» введен в эксплуатацию в 1957 году с проектной мощностью 15 млн. тонн угля в год. Балансовые запасы угля разреза составляют около 1,18 млрд. тонн. В 1996 году право на недропользование и имущественный комплекс угольного разреза «Северный» в счет долга за поставки российской электроэнергии Казахстан передал корпорации РАО «ЕЭС». В свою очередь, в конце 1999 года российский концерн передал активы разреза «Северный» в управление на один год компании ТОО «Богатырь Аксесс Комир», которая к тому времени уже разрабатывала соседний разрез «Богатырь». Через некоторое время было заключено соглашение об аренде разреза «Северный» на 15 лет с ежегодной выплатой российскому энергохолдингу арендной платы в размере 15 млн. долларов. В начале 2007 года РАО «ЕЭС» продала все свои активы ТОО «Богатырь Аксесс Комир»⁹².

В первой половине 2007 года право владения угольными разрезами Экибастузского бассейна («Богатырь» и «Северный») от американской

---

⁹¹Компания Access Industries Inc., зарегистрированная в США в штате Делавер, фактически принадлежала бывшему гражданину СССР Л. Блаватнику (акционеру компании «СУАЛ») и В. Вексельбергу (владельцу «СУАЛ»). Столь пристальный интерес компании «СУАЛ» (производство алюминия) объяснялся тем, что ее владельцы вынашивали планы создания электрометаллургического холдинга на базе экибастузских угольных активов.

⁹²К продаже разрезов РАО «ЕЭС» подтолкнули претензии «Богатырь Аксесс Комир», который считал, что передача разрезов в аренду не сняла с энергохолдинга обязательств по инвестициям в их модернизацию. Поэтому в феврале 2006 года ТОО «Богатырь Аксесс Комир» подал на РАО «ЕЭС» в суд иск с требованием взыскать 1,5 млрд. рублей и понудить к исполнению контрактных обязательств. Руководство РАО «ЕЭС» оценило вероятность того, что суд признает справедливыми требования ТОО и решило предложить компании Access Industries снять разногласия путем заключения мирового соглашения.

компании Access Industries перешло **Объединенной корпорации «РУСАЛ» (РФ)**⁹³ в рамках соглашения об объединении активов российских концернов «РУСАЛ», «СУАЛ» и швейцарской компании Glencore. Однако правительство Казахстана тогда не дало разрешение на реоформление прав недропользования, предъявив приоритетное право на активы в соответствии с действующим законодательством. В результате переговоров в ноябре 2007 года стороны договорились создать на паритетной основе совместное российско-казахстанское предприятие. Тогда же казахстанский Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына» (холдинг по управлению государственными активами), выполняя поручение правительства РК о возвращении угольных разрезов в государственную собственность, подписал с ОК «РУСАЛ» соглашение о создании на базе ТОО «Богатырь Аксесс Комир» совместного предприятия по добыче угля на Экибастузском каменноугольном месторождении⁹⁴. Согласно подписанному документу, ОК «РУСАЛ» передало Фонду «Самрук-Казына» 50% доли своего участия в добыче угля на разрезах «Богатырь» и «Северный». Казахстанская сторона в конце 2008 года выплатила «РУСАЛу» **345 млн. долларов**, соответствующих стоимости 50% доли (по мнению же экспертов российского «Альфа-банка», стоимость 50% доли гораздо выше и могла составлять от 1,25 до 1,75 млрд. долларов).

В рамках СП стороны обязались осуществлять добычу и поставку угля для удовлетворения потребностей Казахстана и России, а также рассмотреть возможность его использования для создания энергогенерирующих мощностей как основы для развития металлургического

---

⁹³Объединенная корпорация «РУСАЛ» – крупнейший в мире производитель алюминия и глинозема. На ее долю приходится около 12,5% мирового рынка алюминия и 16% глинозема. ОК была создана в марте 2007 года в результате объединения активов российских концернов «РУСАЛ», «СУАЛ» и глиноземных активов швейцарской компании Glencore.

⁹⁴Согласно подписанному документу, в течение первых пяти лет с момента создания СП представитель ОК «РУСАЛ» будет занимать должность генерального директора, а представитель «Самрук-Казына» – председателя совета директоров. Управление угольным разрезом российской стороной началось с 1 июля 2008 года.

производства РК. Кроме того, стороны планировали совместно изучить возможности по участию созданного СП в развитии энергетической отрасли Казахстана.

В 2008 году СП «Богатырь Аксесс Комир» (в марте 2009 компания переименована в «Богатырь Комир») добыла на обоих разрезах и реализовала потребителям 46,2 млн. тонн угля – 24 млн. тонн казахстанским⁹⁵ и 22,2 млн. тонн российским (в основном на электростанциях, обслуживающие концерн «РУСАЛ»)⁹⁶. Однако в результате мирового финансово-экономического кризиса, вызвавшего экономический спад и, соответственно, снижение спроса на каменный уголь, в 2009 году компания вынуждена была сократить добычу. Потребителям было реализовано всего лишь 34,8 миллиона тонн угля, в том числе энергопредприятиям России – 13,95 миллиона тонн.

Тем не менее СП «Богатырь Комир» остается самым крупным производителем угля в Казахстане. На его долю приходится почти 43% общереспубликанской добычи. В планах российской и казахстанской сторон при восстановлении спроса на уголь и вводе в строй новых электростанций к 2020 году увеличить объемы добычи угля на разрезах Экибастузского бассейна до 57 млн. тонн за счет внедрения новых технологических решений и использования самой современной техники. К этому времени на них планируется полный переход на новейшие циклично-поточную и автоконвейерную технологии добычи.

Известно, что к началу 2009 года российская сторона уже инвестировала в развитие технологической базы СП «Богатырь Комир» **88,5 млн. долларов**. Общий же объем инвестиций, которые планируется выделить на развитие производства в период до 2015 года, составляет более 500 млн. долларов. В итоге, по состоянию на начало 2010

---

⁹⁵Основные потребители угля с разреза «Богатырь» в Казахстане: крупнейшие в республике Экибастузские ГРЭС-1 и ГРЭС-2 (по 11 млн. тонн), АО «Астана Энергия», АО «Алматинские электрические станции».

⁹⁶Основные потребители угля в России: Рефтинская ГРЭС (12,2 млн. тонн), Троицкая ГРЭС (6 млн. тонн), Серовская ГРЭС (2 млн. тонн), Верхнетагильская ГРЭС (1,7 млн. тонн).

года, объем российских инвестиций ориентировочно мог составить не менее **100 млн. долларов**.

В долгосрочные стратегические планы развития «Богатырь Комир» входит создание на базе СП глобальной энергетической компании с угольными активами в России, Юго-Восточной Азии и Австралии. Также известно, что в 2010–2011 году российская компания «Интер РАО ЕЭС»⁹⁷ в рамках расширения своих профильных зарубежных активов в Казахстане⁹⁸, наряду с приобретением половины Экибастузской ГРЭС-1, намерена взять в управление угольный разрез «Северный» или «Богатырь».

* * *

Несмотря на достаточно продолжительный период спада в сотрудничестве между РФ и РК в угольной отрасли (пришелся на период 1990-х – начало первого десятилетия XXI века), есть все признаки того, что за последние пять лет ситуация изменилась в лучшую сторону, возможно, даже и коренным образом. Россия и Казахстан проявили встречную заинтересованность в восстановлении хорошо отлаженной еще в советский период отраслевой кооперации. Созданное совместное российско-казахстанское предприятие «Богатырь Комир» на сегодняшний день является самым крупным производителем угля в Казахстане, на долю которого приходится более 40% общереспубликанской добычи. Важно и то, что обе страны по-прежнему заинтересованы в дальнейшем развитии данного сотрудничества и увеличении его масштабов, в том числе путем привлечения дополнительных российских инвестиций в угольную отрасль РК.

Во-первых, хотя сама Россия и входит в число крупнейших угледобывающих стран мира, потребность российской энергетики в казах-

---

⁹⁷ОАО «Интер РАО ЕЭС» – российская энергетическая компания, образована в 1997 году. Весной 2008 года в рамках реформы РАО «ЕЭС» компания была преобразована из закрытого акционерного общества в открытое, при этом ей был передан ряд российских генерирующих активов.

⁹⁸В августе 2009 года «Интер РАО ЕЭС» уже приобрела 76% акций компании «Казэнергоресурс».

станском угле по-прежнему высока. В значительной степени это связано с тем, что финансовые и материальные затраты на добычу казахстанского угля значительно меньше, чем на большинстве угольных месторождений России. Глубина залегания казахстанского угля невелика и его добычу можно вести открытым способом, что гораздо рентабельнее и безопаснее, чем, например, разработка того же, близлежащего к Экибастузскому, Кузбасского угольного бассейна, где работы ведутся глубоко под землей и связаны с риском для жизни людей. Причем качество того же экибастузского угля достаточно высокое.

Во-вторых, несмотря на повсеместное использование углеводородного сырья, на обозримую перспективу уголь все же останется одним из основных, широкодоступных и стратегически важных видов топлива, способным обеспечить развитие электроэнергетики и создающим надежную сырьевую основу для будущего экономического прорыва. Представляется, что уровень его потребления в промышленности и других отраслях экономики как минимум сохранится, а как максимум вырастет, особенно в случае реализации разработанных еще в период СССР стратегических планов по переводу тепловой энергетики с газа (что было временной мерой) на водно-угольную смесь. Все это говорит о потенциально высоком, хотя пока не востребованном значении угля для экономического развития России и всего постсоветского пространства. Тем более, что современные технологии позволяют использовать уголь и как сырье для получения жидкого и газообразного синтетического топлива, в том числе синтетической нефти. И хотя мировой финансово-экономический кризис привел к снижению объемов добычи, потребления и продажи угля, в том числе и в Казахстане, в то же время с учетом производственного потенциала угледобывающей отрасли республика при необходимости имеет возможность уже в ближайшие годы довести объемы добычи угля до 110–115 млн. тонн (в 2009 году добыча составила 93 млн. тонн), а экспортных поставок угля до 30–35 млн. тонн. Все это означает, что РК является принципиально важной энергетически сырьевой базой для обеспечения технологического и промышленно-инновационного прорыва РФ (без-

условно, что в случае повышенного внимания именно к новым возможностям по использованию угля).

В-третьих, прямое участие в угледобывающих проектах дает российскому бизнесу также возможность выхода на привлекательные проекты в других отраслях как самого ТЭК Казахстана (например, электроэнергетике), так и непосредственным образом связанным с угледобычей (металлургия, тяжелое машиностроение и т.п.).

Однако, несмотря на достигнутые значительные успехи и крайне высокий потенциал двустороннего сотрудничества в угольной отрасли, позиции в РК со стороны РФ и российского бизнеса все же не следует считать устойчивыми в среднесрочной и тем более долгосрочной перспективах. Так, Россия представлена в угольном сегменте казахстанского ТЭК всего лишь только одним концерном – «РУСАЛ» и в случае, например, его банкротства или продажи контрольного пакета акций зарубежным акционерам, говорить об устойчивых российских позициях уже не придется.

Другим важным индикатором неустойчивости российских позиций является то, что из 935 млн. долларов общих капиталовложений в казахстанскую угольную отрасль в 2008 году (представлены в основном самим Казахстаном) на долю российской стороны пришлось всего лишь около 88,5 млн. долларов, или чуть более 9%⁹⁹. И хотя российский концерн «РУСАЛ» планирует инвестировать в развитие СП «Богатырь Комир» еще порядка 500 млн. долларов, эта сумма рассчитана на 5 лет (до 2015 года), и в любом случае не столь значительна на фоне общих ежегодных капиталовложений в угольную отрасль РК. В итоге, по состоянию на начало 2010 года, масштабы российских инвестиций (**100 млн. долларов**) выглядят не так уж внушительно, особенно учитывая высокое значение угольных ресурсов Казахстана для экономического развития сопредельных с РК областей России.

Более того, следуя по пути диверсификации экспортных направлений реализации своего сырья, Казахстан за последние годы значительно расширил географию зарубежных поставок угольной продукции.

---

⁹⁹Инвестиции в развитие СП ТОО «Богатырь Комир».

Потребителями казахстанского угля наряду с Россией стали также Румыния, Чехия, Польша, Эстония, Турция, Украина. И хотя около 90% экспорта казахстанского угля пока все еще приходится на РФ, в то же время нельзя исключать того, что Астана в будущем предпримет более решительные шаги по дальнейшему расширению числа потребителей своего угольного сырья за счет новых зарубежных государств, в первую очередь Китая. Причем для КНР (в отличие от РФ) могут быть важны не сами поставки казахстанского угля, сколько закрепление в электроэнергетической отрасли Казахстана для последующего экспорта электроэнергии в Китай и, соответственно, установление контроля над сырьевой базой тепловой энергетики – казахстанскими месторождениями угля.

Электроэнергетическая отрасль

Российско-казахстанское сотрудничество в электроэнергетической отрасли в рамках единого ТЭК получило свое развитие еще в советский период времени. Электроэнергетика Казахстана стала формироваться лишь в середине 1960-х годов, когда в республике началось строительство крупных электростанций (Ермаковской ГРЭС, Экибастузских ГРЭС-1 и ГРЭС-2) и линий электропередачи постоянного тока сверхвысокого напряжения, до сих пор не имеющих аналогов в мировой практике.

Поскольку в централизованной экономике бывшего СССР развитие производства и инфраструктуры осуществлялось в рамках территориально-промышленных комплексов (ТПК), которые формировались с учетом союзных потребностей, Казахстан имел на своей территории три достаточно автономных экономических пространства: Западный Казахстан входил в систему Уральского ТПК, Северный, Восточный и Центральный Казахстан – Западно-Сибирского ТПК, Южный Казахстан – Среднеазиатского ТПК. Нахождение КазССР в единой общесоюзной энергосистеме позволяло осуществлять в рамках первых двух ТПК взаимовыгодный обмен электроэнергией между различными казахстанскими и российскими регионами. В свою очередь, значение третьего ТПК выросло к 1991 году, когда завершилось формирование

региональной энергосистемы, включающей энергосистемы современных Кыргызстана, Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана и Южного Казахстана как Объединенной Энергетической Системы Центральной Азии (ОЭС ЦА). Таким образом, узбекские и кыргызские энергосистемы снабжали юг Казахстана, а энергетика его севера подпитывала ЛЭП России. Через северный Казахстан также проходили мощные линии электропередач, передающие электроэнергию, вырабатываемую на сибирских электростанциях в европейскую часть СССР и на Урал.

В первые годы после распада СССР взаимодействие между РФ и РК по ранее существующим схемам обмена электроэнергией в целом сохранилось. Российская сторона в лице РАО «ЕЭС России» продолжала осуществлять поставки электроэнергии в Казахстан. Однако из-за возникшего долга РК за поставленную энергию из РФ ее подача в Казахстан в период 1995–1997 годов была прекращена. В рамках погашения задолженности РАО «ЕЭС России» получило право на участие в приватизации объектов электроэнергетики Казахстана. В частности, в счет долга российскому энергохолдингу была передана часть акций Экибастузской ГРЭС-2 и ряда разрезов Экибастузского угольного бассейна.

Осенью 1997 года было принято решение о возобновлении подачи электроэнергии в Казахстан, но параллельно РАО «ЕЭС России» приступило к строительству новых мощных линий электропередач, проходящих полностью по российской территории. С 2000 года энергосистема северных районов РК стала работать в параллельном режиме с ЕЭС РФ, а с 2001 года – осуществляться передача электроэнергии из Казахстана в энергодефицитные российские регионы по ранее действующей схеме.

В ноябре 2009 года между правительствами двух стран подписано Соглашение «О мерах по обеспечению параллельной работы единых энергетических систем Республики Казахстан и Российской Федерации». В апреле 2010 года в соответствии с данным Соглашением подписан пакет договоров об обеспечении параллельной работы энергетических систем России и Казахстана. Их реализация должна привести к

повышению точности планирования нагрузок и объемов энергопотребления в энергосистемах России и Казахстана, и, как следствие, к сглаживанию цен на энергорынках обеих стран в результате снижения потребления топлива за счет оптимизации работы энергетического оборудования двух энергосистем.

Взаимообмен электроэнергией между Россией и Казахстаном продолжает осуществляться. Часть вырабатываемой в северных районах Казахстана электроэнергии экспортируется в Россию. В свою очередь, для западных районов РК электроэнергия в основном (до 68% потребления) поставляется из Самарской и Оренбургской областей РФ¹⁰⁰. В 2009 году импорт из РК в РФ составил 2,12 млрд. кВт/часов электроэнергии, экспорт – 0,58 млрд. кВт/часов соответственно. По оценкам специалистов «ИНТЕР РАО ЕЭС», объем торговых операций по экспорту/импорту электроэнергии между Россией и Казахстаном в ближайшие годы может увеличиться почти в 3 раза.

Проекты по совместному использованию электрогенерирующих мощностей

В целях углубления интеграции в электроэнергетической отрасли в 2005 году Россия и Казахстан договорились о принятии Программы создания общего рынка электрической энергии РФ и РК, где в качестве локомотивного проекта было определено создание российско-казахстанского совместного предприятия на базе Экибастузской ГРЭС-2.

Достройка и совместная эксплуатация Экибастузской ГРЭС-2 (расположена в Павлодарской области, северная часть Казахстана). Электростанция, строительство которой началось в 1979 году в непосредственной близости от Экибастузского угольного месторождения, введена в эксплуатацию в 1990 году (первый блок). Первоначально предусматривался монтаж 8 энергоблоков по 500 МВт каждый. Однако

---

¹⁰⁰Регион Южного Казахстана не располагает достаточными первичными энергетическими ресурсами, и его электроэнергетика базируется на привозных углях и импорте газа. Часть потребности в электроэнергии (до 15%) покрывается за счет ее импорта из Кыргызстана и Узбекистана.

в 1993 году после пуска в эксплуатацию второго энергоблока дальнейшее строительство станции было приостановлено. В настоящее время станция имеет установленную мощность 1000 МВт и соединяется с ЕЭС России линиями «Сибирь – Урал» напряжением 500 и 1150 Кв. Доля Экибастузской ГРЭС-2 в общем объеме вырабатываемой электроэнергии в Казахстане составляет около 8%.

В 1998 году в счет образовавшегося долга в размере 26,9 млн. долларов за поставки электроэнергии из России казахстанским потребителям между РФ и РК было достигнуто соглашение о передаче российскому холдингу «РАО ЕЭС» половины акций Экибастузской ГРЭС-2. Для управления станцией было создано АО «Станция Экибастузская ГРЭС-2».

В конце 2005 года на базе Экибастузской ГРЭС-2 было создано совместное казахстанско-российское энергетическое предприятие «СП АО «Станция Экибастузская ГРЭС-2». В настоящее время¹⁰¹ 50% акций этого предприятия принадлежат казахстанской компании АО «Экибастузский энергоцентр», которое входит в АО «СамрукЭнерго», а вторая половина акций принадлежит ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС». По оценкам специалистов, стоимость активов российской компании в данном проекте оценивается в **200–250 млн. долларов.**

В соответствии с программой модернизации предприятия и увеличения его мощностей при создании СП Россия и Казахстан взяли на себя обязательства по строительству на станции 3-го и 4-го энергоблоков. Соглашение о строительстве и эксплуатации 3-го блока Экибастузской ГРЭС-2 было подписано министрами энергетики РФ и РК в сентябре 2009 года на форуме межрегионального сотрудничества в г. Оренбурге.

Финансированием работ по возведению данных энергоблоков и модернизации существующих займуются российский «Внешэкономбанк» и Евразийский банк развития (ЕАБР)¹⁰². Для этого ВЭБ и ЕАБР предоставят на паритетных началах кредит на общую сумму 770 млн.

---

¹⁰¹По состоянию на начало 2010 года.

¹⁰²Инвестиционное соглашение с АО «Экибастузская ГРЭС-2» было подписано ЕАБР еще в 2008 году.

долларов на 15 лет. Эти средства будут направлены на приобретение нового оборудования станции, реконструкцию и модернизацию действующих блоков, что обеспечит повышение эффективности ее работы, а также строительство третьего энергоблока ГРЭС.

Планы по совместной эксплуатации Экибастузской ГРЭС-1 (расположена в 20 километрах от Экибастузской ГРЭС-2). Первый энергоблок электростанции мощностью 500 МВт введен в эксплуатацию в 1980 году, восьмой энергоблок – в 1984 году. Проектная мощность ГРЭС – 4000 МВт (самая мощная электростанция в Казахстане и самая мощная угольная станция в СНГ). В настоящее время Экибастузская ГРЭС-1, работая на 2/3 располагаемой мощности (2450 МВт)¹⁰³, производит 12% электроэнергии Казахстана и является единственным на данный момент поставщиком казахстанской электроэнергии в Россию.

В конце 2009 года российский энергохолдинг **ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС»** выразил намерение выкупить 50% активов Экибастузской ГРЭС-1 у казахстанской группы компаний «Казыхмыс», в состав которой входит компания Ekibastuz Holdings B.V., нынешний владелец электростанции. В случае положительного решения, стоимость работ по завершению реконструкции электростанции может составить около 670 млн. долларов. На начало 2010 года сделка находилась в стадии обсуждения.

* * *

Начиная с середины первого десятилетия XXI века между Россией и Казахстаном отмечается устойчивая тенденция к расширению сотрудничества в электроэнергетической отрасли. Эта тенденция подкреплена экономически оправданной, взаимовыгодной и долгосрочной заинтересованностью в более тесной интеграции национальных энергетических систем. Однако не может не тревожить то обстоятельство,

---

¹⁰³По состоянию на начало 2010 года, на Экибастузской ГРЭС-1 не функционировали блоки № 1, 2 и 8, которые находились на реконструкции.

что пока вовсе не эти долгосрочные соображения лежат в основе развивающегося формата взаимодействия в электроэнергетике.

Во-первых, стремление России/российского бизнеса закрепиться в энергетической отрасли Казахстана вполне обосновано с точки зрения расширения экономического присутствия РФ в РК, поскольку контроль над энергогенерирующими мощностями дает возможность самого широкого доступа к другим отраслям казахстанской экономики. Не случайным в этой связи представляются те финансовые ресурсы, которые уже потрачены на приобретение энергетических активов в РК или планируются к вложению российской стороной. По состоянию на начало 2010 года, только объем уже приобретенных в Казахстане активов составляет от **200 до 250 млн. долларов**, а в случае достижения окончательных договоренностей по покупке 50% доли Экибастузской ГРЭС-1, эта сумма может увеличиться еще на 670 млн. долларов, что позволит России контролировать уже 20% вырабатываемой в Казахстане электроэнергии. Помимо этого, российские финансовые структуры намерены выделить в виде кредита еще порядка 770 млн. долларов на цели модернизации и развития казахстанских электроэнергетических объектов.

Во-вторых, большая часть электроэнергетической инфраструктуры Казахстана разработана еще в советский период в основном российскими проектными организациями и привязана к советским/российским технологиям и оборудованию, а казахстанская конструкторская база, обеспечивающая реконструкцию и модернизацию национальных объектов, развита в недостаточной степени. В этой связи рынок Казахстана в настоящее время имеет значительный потенциал для увеличения поставок российской электротехнической продукции.

В-третьих, курс на дальнейшую интеграцию национальных энергетических систем позволит России в отсутствие в ближайшей перспективе планов по созданию на своей территории новых генерирующих мощностей сохранить уже отлаженную схему взаимопоставок электроэнергии, а Казахстану – не только решить свои внутренние энергетические проблемы, но и выйти на более масштабный по объемам экспорт электроэнергии, сформировав тем самым единый оптовый рынок элек-

троэнергии. При этом модернизация действующих и строительство новых блоков Экибастузской ГРЭС-2, как представляется, станет принципиально важным шагом в направлении формирования единого энергетического рынка.

Однако России следует учесть то, что в предлагаемом бизнес-ориентированном (или другими словами «чисто коммерческом») формате «интеграции» в будущее двусторонних отношений закладываются системные проблемы, на решение которых ни у РФ, ни у РК в перспективе может просто не хватить ни экономических ресурсов, ни политической воли. Одной из главных причин этого может стать активно формирующаяся в электроэнергетической отрасли Казахстана конкурентная среда, в первую очередь со стороны Китая. Поэтому, несмотря на то, что именно в электроэнергетической отрасли Россия и Казахстан наиболее существенно продвинулись по пути интеграции, данная отрасль сможет придать импульс к интеграции в других отраслях ТЭК и экономики лишь в случае, если будет контролироваться и управляться государством. Государство, в свою очередь, должно рассматривать данный вектор интеграции в тесной увязки с интеграцией по другим направлениям в сферах политики, экономики и безопасности, а также, не менее важно, – в рамках согласованной программы совместного промышленно-инновационного развития.

Выводы: проблемы, прогноз и риски

Российско-казахстанское энергетическое взаимодействие сосредоточено преимущественно в нефтегазовой отрасли РК, где тем не менее российские позиции не выглядят устойчивыми на фоне позиций других ведущих внешних игроков, зарубежных стран и компаний. И хотя за рамками нефтегазовой отрасли (в тех же атомной, угольной и электроэнергетической отраслях) РФ и российский бизнес пока еще не сталкиваются с серьезной внешней конкуренцией, однако и здесь уровень российско-казахстанского взаимодействия пока все еще крайне далек от уровня взаимодействия в советское время. В итоге, несмотря на очевидно высокое внимание со стороны России к ТЭК Казахстана, реаль-

ные масштабы российского присутствия здесь представляются все же достаточно скромными.

Во-первых, доля российских финансовых ресурсов даже в нефтегазовой отрасли Казахстана на фоне всех других иностранных вложений не так уж и велика, составляет всего лишь порядка 17–18%. Основной же объем иностранных капиталовложений приходится на США, Нидерланды, Великобританию, Италию и Китай. Более 70% нефтегазовых ресурсов Казахстана находятся под контролем западных и азиатских компаний, которые к тому же гораздо более активно участвуют в разработке именно наиболее крупных (хотя и более сложных в освоении) месторождений, в том числе «Тенгиз» и «Кашаган», где сосредоточено свыше 50% всех разведанных нефтяных запасов Казахстана.

Во-вторых, российское присутствие в других отраслях казахстанского ТЭК (атомной, угольной и электроэнергетической) несущественно. Российско-казахстанское взаимодействие в рамках данных отраслей практически свернулось после распада СССР и лишь во второй половине первого десятилетия наступившего века начало демонстрировать некоторые признаки возрождения. Причем, учитывая современные реалии, нет никаких гарантий, что российско-казахстанское взаимодействие в атомной, угольной и электроэнергетической отраслях получит динамичное и устойчивое развитие. В условиях ярко выраженной экономической дезинтеграции на постсоветском пространстве, общей экономической рецессии в условиях мирового кризиса, сложного финансового положения российских и казахстанских компаний велика вероятность того, что российская проектно-инвестиционная деятельность в ТЭК Казахстана за рамками нефтегазовой отрасли будет иметь спорадический и импульсивный (причем с пропагандистским налетом), а вовсе не системный характер.

В-третьих, российско-казахстанское энергетическое сотрудничество находится под сильным и разрушающим воздействием фактора внешней конкуренции. Пока данная конкуренция наблюдается в основном в нефтегазовой отрасли, однако есть все основания предполагать, что и другие отрасли казахстанского ТЭК скоро станут объектами все более острого соперничества, особенно учитывая высокую

экономическую активность Китая. Об этом свидетельствует начавшийся в 2007 году процесс проникновения КНР в атомную отрасль РК, а также китайские планы по строительству в Казахстане крупных тепловых электростанций. Все это делает принципиально важным необходимость поиска РФ возможностей по сотрудничеству, нежели соперничеству с КНР. Тем более, что российские компании в целом ряде случаев уже не выдерживают конкуренции с западными и даже китайскими компаниями по многим технологическим вопросам. Это хорошо видно на примере освоения ряда казахстанских углеводородных месторождений. Как показывает практика, российские компании в целом не ориентируются на проекты повышенной сложности. Например, только этим можно объяснить неучастие России в разработке месторождения «Кашаган»¹⁰⁴ – одного из крупнейших в мире (5-е место по запасам нефти: 5,4 млрд. тонн, включая 1,9 млрд. тонн извлекаемых запасов), однако чрезвычайно сложного в освоении¹⁰⁵.

В итоге, по сравнению с другими иностранными компаниями и государствами, присутствующими в ТЭК Казахстана, Россия и российские компании пока имеют определенные преимущества лишь по следующим трем важным позициям:

---

¹⁰⁴Месторождение «Кашаган» было открыто еще в середине 1970-х годов, но его разработка не производилась из-за чрезвычайной технологической и экономической сложности, а также высокого риска экологической катастрофы на Каспийском море. Именно из-за этого сроки введения в эксплуатацию месторождения неоднократно переносились. Во время устойчиво высоких мировых цен на нефть месторождение было привлекательным. Однако, в условиях глобального финансово-экономического кризиса и чрезвычайной нестабильности мировых цен на нефть «Кашаган» в определенной степени утратил инвестиционную привлекательность, и поэтому сроки ввода данного месторождения в коммерческую эксплуатацию представляются неясными.

¹⁰⁵Аномально высокое давление в углеводородных пластах (до 600 атмосфер), высокая концентрация сероводорода, тяжелая ледовая обстановка в акватории Каспия в зимний период (участок моря, где расположено месторождение, зимой замерзает, что нарушает режим работы оборудования), необходимость дорогостоящих природоохранных мероприятий.

- контроля над основными объемами первичной переработки казахстанского природного газа и, соответственно, экспорта произведенного товарного газа из Казахстана в Россию/российском направлении;

- обеспечения транзита большей части казахстанской нефти на внешние рынки;

- сохраняющейся структурно-технологической взаимозависимости в атомной, угольной и электроэнергетической отраслях.

Однако все меньше гарантий того, что российской стороне удастся сохранить данные преимущества в будущем. Так, монополия России на транзит казахстанских углеводородов на внешние рынки уже в значительной степени разрушена. В декабре 2009 года сдана в эксплуатацию первая ветка нового магистрального газопровода «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай», а в ближайшее время могут выйти на проектную мощность два альтернативных российскому направлению трубопровода: нефтепровод «Баку – Тбилиси – Джейхан» (БТД, до которого казахстанская нефть поставляется танкерами) и нефтепровод в Китай «Атасу – Алашанькоу». Кроме того, в Казахстане изучаются и проекты поставок нефти и газа в южном направлении, в том числе через Туркменистан и Иран, а также по дну Каспийского моря.

В свою очередь, существует угроза размыва структурно-технологической взаимозависимости РФ и РК в атомной отрасли, учитывая то, что еще в 2007 году Китайская Гуандунская ядерно-энергетическая корпорация (CGNPC) и НК «Казатомпром» подписали базовое соглашение о совместном производстве ядерного топлива для китайских АЭС. Планируется, что добытый в Казахстане уран будет поступать в Китай для обогащения, а затем – обратно на Ульбинский металлургический комбинат (собственность НК «Казатомпром», расположен в Восточно-Казахстанской области), где пройдет переработку в ядерное топливо, которое будет направляться в Китай.

В целом энергетическое сотрудничество между Россией и Казахстаном нацелено главным образом на наращивание объемов добычи, первичной переработки и экспорта углеводородов на внешние рынки, а в этой связи практически не касается вопросов глубокой переработки углеводородного сырья, развития производственных мощностей в дру-

гих отраслях ТЭК. Тем более, что за рамками нефтегазовой отрасли российско-казахстанское энергетическое взаимодействие сохраняется лишь постольку, поскольку к этому объективно подталкивает структурно-технологическая взаимозависимость российских и казахстанских отраслей ТЭК. В то же время представляется, что данный формат российско-казахстанского «стратегического» сотрудничества в ТЭК способствуют скорее энергетическому ослаблению обеих стран и закреплению за их экономиками сырьевой ориентации, нежели развитию комплексного и полноценного (в первую очередь промышленно-инновационного) взаимодействия между РФ и РК.

Прогноз

Несмотря на то, что нынешний формат энергетических отношений между РФ и РК оставляет желать много лучшего, тем не менее российско-казахстанское взаимодействие в ТЭК в целом может иметь многообещающие перспективы в случае, если России в ближайшее время (до 5 лет) все же удастся добиться определенного успеха в плане развития своей экономики и реализации конкретных проектов в Казахстане.

Нефтегазовая отрасль. Будущий характер российско-казахстанского сотрудничества в нефтегазовой отрасли во многом зависит от того, оправдаются ли надежды на «большую нефть» на ряде Каспийских шельфовых месторождениях с высокими оценочными запасами углеводородов, где с конца 1990-х – начала первого десятилетия нынешнего века закрепились российские компании. В первую очередь, это касается месторождения «Курмангазы», а также месторождений «Хвалынское», «Центральное», «Тюб-Караган» и «Аташская». В случае успешной реализации уже осуществляемых нефтегазовых проектов российские компании смогут кардинально (в несколько раз) увеличить объемы добычи, первичной переработки и транзита углеводородов, что выведет российско-казахстанское нефтегазовое взаимодействие на уровень, превышающий даже тот, что наблюдался в советское время. Если же добычные проекты к тому же будут сопровождаться масштабными проектами по развитию транспортной инфраструктуры и глубокой переработки углеводородов все это вместе по-

зволит говорить об устойчивых в долгосрочной перспективе позициях РФ и российского бизнеса в нефтегазовой отрасли РК.

Атомная отрасль. Перспективы российско-казахстанского сотрудничества в атомной отрасли зависят от реализации Россией планов по развитию своей атомной энергетики. В случае успеха этих планов, потребность РФ в кооперации и интеграции с РК будет только возрастать. С одной стороны, будет расти потребность в казахстанском уране, тем более, что по истечении первого десятилетия нынешнего века складские запасы урана, накопленные Россией за советский период, подходят к концу. С другой стороны, будет расти заинтересованность в восстановлении технологической цепочки ядерно-топливного цикла: добыча урана в Казахстане – обогащение урана в России – производство топливных таблеток в Казахстане – производство ТВЭЛов в России. В результате, совместная разработка, производство и строительство ядерных реакторов ВБЭР-300 могут логически завершить эту цепочку вертикального ядерного цикла.

Угольная отрасль. Будущее российско-казахстанского взаимодействия в угольной отрасли во многом определится характером реализации промышленной политики РФ. Именно в этом случае следует ожидать прорыва в сотрудничестве в угольной отрасли. Несмотря на то, что сама Россия входит в число крупнейших угледобывающих стран мира, потребность российской энергетики в казахстанском угле будет возрастать. В значительной степени это будет связано с тем, что финансовые и материальные затраты на добычу казахстанского угля значительно меньше, чем на большинстве угольных месторождений России. Глубина залегания казахстанского угля невелика и его добычу можно вести открытым способом. Причем качество того же экибастузского угля достаточно высокое. Немаловажно и то, что угольные месторождения северного Казахстана расположены вблизи крупных промышленных объектов Урала и Сибири.

Электроэнергетическая отрасль. Потенциал отношений между РФ и РК в электроэнергетической отрасли может быть реализован в случае, если России удастся закрепить и развить (причем к обоюдной выгоде) успехи последних лет. Так, в настоящее время Казахстан фак-

тически передает часть своих энергетических сетей России, что позволяет начать реальную и, самое главное, взаимовыгодную интеграцию систем электроснабжения двух стран. Данная интеграция дает РК шанс не только решить ряд внутренних проблемы электроснабжения, но и выйти на экспорт электроэнергии, сформировав единый оптовый рынок электроэнергии с РФ. Тем более, что именно в электроэнергетике структурно-технологическая взаимозависимость экономик двух стран проявляется наиболее сильно, учитывая, что северный Казахстан и приграничные области России были и остаются связаны в единую систему электроснабжения. Это, в свою очередь, формирует достаточно прочный фундамент для развития российско-казахстанского сотрудничества в данной отрасли.

Основные риски

Как представляется, основными рисками являются следующие:

- объективные трудности в освоении перспективных месторождений нефти и газа;
- консервация сырьевой направленности российско-казахстанского энергетического сотрудничества.

Объективные трудности в освоении перспективных месторождений нефти и газа

В связи с последствиями мирового финансово-экономического кризиса, возможен срыв планов освоения ряда стратегических месторождений, в первую очередь, месторождений на шельфе Каспийского моря («Кашаган», «Курмангазы», «Тюб-Караган», «Аташская», «Центральное», «Хвалынское»), на которые Казахстан возлагает особые надежды. Из-за сокращения глобального спроса на углеводороды, неблагоприятной конъюнктуры мировых цен на нефть, а также наличия финансовых проблем у крупных российских нефтегазовых компаний они вынуждены сокращать свои инвестиционные программы, в том числе и в Казахстане. Более того, проведенное в 2008 и 2009 годах российскими компаниями безрезультатное бурение скважин на целом ряде шельфовых месторождений, объективно снижает оптимизм в отноше-

нии «большой каспийской нефти» и, соответственно, инвестиционную привлекательность соответствующих проектов. Многие российские эксперты уже стали высказываться о том, что запасы каспийских шельфовых месторождений ранее были сильно переоценены.

***Консервация экспортно-сырьевой направленности
российско-казахстанского энергетического сотрудничества***

Преимущественная ориентация российско-казахстанского энергетического взаимодействия на добычу и экспорт сырья, на что Россия продолжает делать основной акцент, формирует достаточно хрупкий фундамент для эффективного развития двустороннего сотрудничества в ТЭК. Даже масштабы нынешнего взаимодействия могут в значительной степени сократиться в случае стечения ряда неблагоприятных обстоятельств. Сегодня признаки этого уже налицо. С одной стороны, мировой финансово-экономический кризис, а с другой – ухудшение экономического положения внутри самих энергетических корпораций. По этой причине российские компании в краткосрочной перспективе, скорее всего, будут вынуждены сосредоточиваться на «легких проектах» – т.е. таких, которые при минимальных инвестициях дают максимально быструю прибыль, сокращая при этом долгосрочные капиталовложения, в том числе на геологоразведку, разработку месторождений повышенной сложности, не говоря уже о введении в строй новых перерабатывающих мощностей.

Однако, если Россия кардинально не изменит прежнего формата энергетического сотрудничества с Казахстаном, то в будущем российские позиции в ТЭК данной центральноазиатской страны могут оказаться не только неустойчивыми, но и размытыми, тем более, учитывая наличие конкурентной среды в казахстанском энергетическом сегменте. Логично предположить, что если речь пойдет исключительно об экспорте энергоносителей (углеводородов, уранового сырья, электроэнергии и т.п.) из Казахстана, то Астана предпочтет руководствоваться конкретными рыночными соображениями, нежели иллюзорными стратегическими, будет прагматично ориентироваться преимущественно на сотрудничество с западными и азиатскими корпорациями, обладаю-

щими технологиями и финансами, а также возможностями по формированию позитивного международного имиджа РК.

Тем более, в самом Казахстане понимают, что активность России и российских компаний в республике в краткосрочной перспективе, скорее всего, будет оставаться низкой. По-видимому, по этой причине в плане поиска внешнего партнера по энергетическому сотрудничеству Казахстан начинает в большей степени надеяться на Китай, нежели на Россию¹⁰⁶. Все вышеизложенное значительно снижает вероятность реализации оптимистичных сценариев развития российско-казахстанского взаимодействия в ТЭК. Поэтому, если Россия действительно хочет усилить свои позиции в Казахстане, то ей целесообразно принципиально изменить формат своего энергетического взаимодействия с Казахстаном. Очевидно и то, что необходимо усилить акцент на проектах по глубокой переработке нефти и газа с получением широкого ассортимента продуктов с высокой нормой добавочной стоимости, а также форсировать российско-казахстанскую интеграцию в атомной, угольной отраслях и электроэнергетике. Тем более, что благоприятные условия для этого имеются.

Кыргызстан

В советский период энергетическое взаимодействие между Россией (РСФСР) и Кыргызстаном (Киргизской ССР) осуществлялось в рамках единого общесоюзного ТЭК. Несмотря на отсутствие промышленных запасов углеводородов и ограниченность других видов энергоресурсов (за исключением гидроэнергоресурсов), Кыргызстан был достаточно гармонично вписан в систему межреспубликанского обмена энергоресурсами: нефтепродукты в республику поставлялись из России, газ – из Туркменистана и Узбекистана, уголь – из Казахстана. В свою очередь, Кыргызстан наряду с соседним Таджикистаном вхо-

---

¹⁰⁶В какой-то степени об этом свидетельствует визит в апреле 2009 года казахстанского президента Н. Назарбаева в Пекин, главным результатом которого стало подписание договора о выделении беспрецедентного по масштабам китайского кредита в размере 10 млрд. долларов, предназначенного исключительно для развития нефтегазовой отрасли Казахстана.

дил в число крупных производителей и поставщиков электроэнергии. Помимо этого, в период 1955–1991 годов на Кара-Балтинском горно-рудном комбинате (г. Кара-Балта, Чуйская область) осуществлялась переработка урановых руд, поставляемых в основном из Казахстана и Узбекистана.

После распада СССР схема межреспубликанского обмена энергоресурсами была в значительной степени разрушена. Полностью прекратилось российско-кыргызское взаимодействие по переработке урановых руд. Поставки энергоресурсов в Кыргызскую Республику (КР), в первую очередь газа и нефтепродуктов, стали осуществляться не на плановой и стратегической основе, а на коммерческой. Их своевременность и объемы в значительной степени определяются целым рядом обстоятельств, в первую очередь, характером взаиморасчетов, общим состоянием межгосударственных отношений и ситуацией в самой КР. В свою очередь, поставки электроэнергии из Кыргызстана в соседние республики также стали осуществляться на коммерческой и краткосрочной основе, а их объемы значительно сократились.

Отсутствие в Кыргызстане промышленных запасов энергоресурсов, в первую очередь углеводородов¹⁰⁷, обусловило крайне низкий интерес к республике со стороны зарубежных государств и компаний, в том числе России и российских компаний. К тому же в «ельцинский период» РФ в целом не была готова к проведению активной экономической политики в регионе и даже в такой маленькой стране, как Кыргызстан. В результате этого российско-кыргызские торгово-экономические связи вплоть до начала XXI века находились на крайне низком уровне.

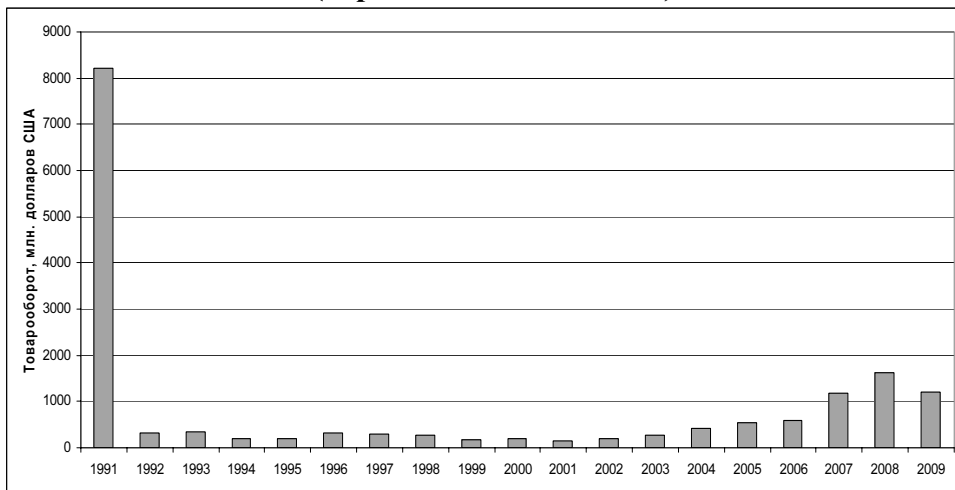
---

¹⁰⁷Разведанные запасы нефти в республике составляют около 6,3 млн. тонн. Доказанные запасы газа в КР невелики и не превышают 10 млрд. кубических метров, а по другим оценкам – не более 6 млрд. кубических метров. Прогнозные запасы углеводородов в Кыргызстане пока неизвестны. Освоение газовых месторождений затруднено из-за геологических особенностей и недостаточно развитой инфраструктуры. Источник: Центр политических исследований (Узбекистан). Проектное исследование ЦПИ «Энергетический потенциал Центральной Азии: проблемы оценки запасов, разработки и транспортировки нефти и природного газа». / Энергорынок Центральной Азии: тенденции и перспективы. – Итоговые материалы научно-практической конференции, Ташкент, 6–7 декабря 2005 года. – Ташкент: Patent-Press, 2006 года.

Так, по сравнению с 1991 годом в 1992 году двусторонний торговый оборот России с Кыргызстаном снизился в 26 раз – с 8,2 до 0,3 млрд. долларов, и на протяжении 1992–2003 годов ежегодные объемы торговли находились в пределах 200–350 млн. долларов.

С приходом к власти в России нового руководства, повышением роли и места Центральной Азии в системе российских внешнеполитических приоритетов, подходы России/российского бизнеса к Кыргызстану, в том числе в плане присутствия в местном ТЭК, также претерпели значительные изменения. В 2003 году была сформирована договорно-правовая основа для российско-кыргызского энергетического сотрудничества, что способствовало некоторому оживлению взаимодействия между Россией и Кыргызстаном в энергетической и в целом в экономической сфере. Это, в свою очередь, определило поступательное развитие торгово-экономических связей между двумя странами. Так, за период 2003–2008 годов двусторонний товарооборот вырос почти в 6 раз – с 273 до 1635 млн. долларов. Однако, в 2009 году из-за негативного воздействия мирового кризиса российско-кыргызский товарооборот уменьшился на 27% – с 1,6 до 1,2 млрд. долларов (диаграмма № 2).

**Диаграмма № 2. Торговля России с Кыргызстаном
(период 1991–2009 годов)**

Источники: данные по товарообороту между Россией (РСФСР) и Кыргызстаном (Киргизской ССР) за 1991 год получены расчетным путем на основании информации Всемирного банка (Kyrgyz Republic: The Transition to a Market Economy. – World Bank, Washington, D.C., 1993, p.195); данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Кыргызстана (Key Indicators of Developing Asia and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002); данные за период 2002–2009 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Кыргызстана (Kyrgyzstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009, March 2010).

Примечание: данные за 1991 год в первоисточнике даны в советских рублях, так как в то время республики входили в состав СССР; в настоящей таблице данные за 1991 год пересчитаны в долларах США, исходя из соотношения курса советского рубля к доллару, который устанавливался Государственным Банком СССР на основе паритета покупательской способности валют (1 доллар США = 0,78 рубля).

Структура торговли свидетельствует о практически полной сырьевой ориентации Кыргызстана в торгово-экономических отношениях с Россией. В 2008 году поставки из КР в РФ включали драгоценные металлы (около 29%), текстильное сырье (преимущественно кожевенное и шерсть – около 9%), минеральное сырье (около 30%). В свою очередь, ассортимент поставок из России включал машины и оборудование (около 11%), минеральное сырье, преимущественно нефть и нефтепродукты (примерно 11%), продовольствие (порядка 34%) (таблица 2).

**Таблица № 2. Товарная структура торговли России
с Кыргызстаном (2008 год)**

Наименование	Импорт России из Кыргызстана		Экспорт России в Кыргызстан	
	млн. долла- ров США	доля, %	млн. долла- ров США	доля, %
Химическая продукция	48	9,4	79	7,1
Драгоценные металлы	152	29,2	-	-
Минеральное сырье	159	30,5	69	6,2
Текстильное сырье	46	8,8	-	-
Машины и оборудование	-	-	125	11,2
Продовольствие	-	-	383	34,4
Прочее	115	22,1	459	41,1
Всего	520	100	1115	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Кыргызстана (Kyrgyzstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, March 2010).

В настоящее время энергетическое взаимодействие между РФ и КР затрагивает в основном нефтегазовую и гидроэнергетическую отрасли. При этом масштабы российских капиталовложений крайне незначительны. По состоянию на начало 2010 года, их объем ориентировочно составлял **610–615 млн. долларов**, причем большая часть – 450 млн. долларов в виде кредитов и грантов была направлена на цели развития кыргызской гидроэнергетики (средства были использованы руководством КР во главе К. Бакиевым не по назначению), а 100 млн. долларов – на приобретение активов нефтетрейдерских компаний. Собственно же инвестиции составляют **не более 60–65 млн. долларов**, из которых примерно до 40 млн. долларов было направлено в нефтегазовую отрасль КР и 20–25 млн. долларов – в атомную отрасль.

Столь невысокая финансовая активность России и российских компаний в нефтегазовой отрасли обусловлена тем, что сама по себе нефтегазовая отрасль Кыргызстана не только не представляет особого

коммерческого интереса для России и российского бизнеса¹⁰⁸, но и еще является крайне малопривлекательной для извлечения прибыли¹⁰⁹. В свою очередь, гидроэнергетические проекты в силу своей масштабности и стратегической важности оказались более подвержены воздействию политической ситуации как внутри, так и вокруг самого Кыргызстана.

Нефтегазовая отрасль

Отсутствие в Кыргызстане промышленных запасов углеводородов является основной причиной достаточно низкой активности в республике зарубежных нефтегазовых компаний, в том числе и российских. Особенно это было характерно для 1990-х, тем более, что в тот период времени Россия не была готова к проведению активной экономической политики в регионе. С приходом же в Кремль нового руководства, изменением роли и места Центральной Азии в системе внешнеполитических приоритетов РФ интерес России/российского бизнеса к Кыргызстану, в том числе к нефтегазовой отрасли, несколько увеличился.

После подписания в 2003 году между ОАО «Газпром» и правительством Кыргызстана долгосрочного соглашения о сотрудничестве сроком на 25 лет стали заметны все более отчетливые признаки активизации России/российского бизнеса в нефтегазовой отрасли республики. Наиболее отчетливо это проявилось с точки зрения закрепления «Газпрома» на кыргызском рынке нефтепродуктов. Кроме того, РФ стала

---

¹⁰⁸В последние годы в Кыргызстане добывается в среднем 70-90 тыс. тонн нефти в год (по другим оценкам, не более 120 тыс. тонн), а построенный в 1996 году нефтеперерабатывающий завод в г.Джалал-Абад, рассчитанный на переработку 500 тыс. тонн нефти в год, практически простаивает. Добыча газа в Кыргызстане в последние годы стабильно поддерживается на уровне около 30 млн. кубических метров в год. Однако минимальные потребности Кыргызстана составляют 750 млн. кубических метров в год. По этой причине Кыргызстан продолжает оставаться в жесткой зависимости от поставок газа из Узбекистана (около 0,5-0,7 млрд. кубических метров в год), а также нефти и нефтепродуктов – преимущественно из России и Казахстана.

¹⁰⁹В частности, геологическая структура кыргызских газовых месторождений чрезвычайно сложна, что требует высоких финансовых вложений и дорогостоящего оборудования для их разработки.

проявлять и определенный интерес к приватизации ряда объектов нефтегазовой отрасли КР и геологоразведке месторождений углеводородов на кыргызской территории.

Проекты по реализации нефтепродуктов

Попытки проникновения на кыргызский рынок нефтепродуктов предпринимались российским бизнесом еще в 1990-х годах. В частности именно в этот период компания ОАО «ЛУКОЙЛ» открыла на территории республики немногочисленную сеть АЗС. Кроме «ЛУКОЙЛа» в начале первого десятилетия XXI века на рынок КР вышла и частная нефтяная компания «Альянс»¹¹⁰, которая приобрела 50% акций местной ЗАО «Мунай Мырза»¹¹¹, одного из крупнейших нефтетрейдеров Кыргызстана.

Через некоторое время после подписания в 2003 году долгосрочного соглашения между правительством Кыргызстана и «Газпром», и сам российский газовый монополист начал предпринимать все более активные попытки закрепиться на кыргызском рынке нефтепродуктов. В 2006 году «Газпром нефть» (бывшая «Сибнефть») за 88 млн. долларов (по другим данным – за 99 млн. долларов) выкупила у компаний «Мунай Мырза» и ООО «Альянс Ойл Азия» (дочерняя структура НК «Альянса») все их акции, что позволяет оценивать российские активы в диапазоне **90–100 млн. долларов**. На тот момент указанные компании располагали сетью из 73 АЗС (в основном на севере страны), 8 собственными и 3 арендованными нефтебазами с общим резервуарным парком около 105 тысяч кубических метров, а также двумя базами для хранения сжиженного газа.

Для управления активами в Кыргызстане «Газпром нефть» учредила дочернюю компанию ООО «Газпром нефть Азия». С самого начала

---

¹¹⁰ОАО «Нефтяная компания «Альянс» (НК «Альянс») создана в 2001 году. Учредителями являются ОАО «Группа Альянс», дочернее предприятие ЗАО «Инвестиционная компания «Альянс Капитал» (Россия) и АО «ВИНКОР.СА» (Швейцария).

¹¹¹Компания «Мунай Мырза» пользовалась поддержкой бывшего президента Кыргызстана А. Акаева. После смены власти в республике в 2005 году, новое руководство КР решило вытеснить НК «Альянс», используя возможности российского газового концерна «Газпром».

своей деятельности данная бизнес-структура заявила об амбициозных планах не только на рынке нефтепродуктов Кыргызстана, но и на рынках Казахстана и Таджикистана, причем с перспективой выхода и на рынок Китая¹¹². Уже в 2007 году «Газпром нефть Азия» презентовала свою инвестиционную программу развития сбытовой сети нефтепродуктов на территории Кыргызстана, ориентированную на период до 2011 года.

Всего за четыре года руководство компании намеревалось значительно расширить розничную сеть своих автозаправочных станций в КР, доведя их количество до 125–130. При этом акцент делался на «интервенцию» в южные области Кыргызстана (Баткенская, Джалалабадская, Ошская), где «Газпром нефть Азии», по состоянию на 2007 год, принадлежало всего 2% рынка сети розничного сбыта нефтепродуктов (на территории трех областей юга действовало лишь 5 АЗС, контролируемых этой российской компанией). Причем масштабное расширение предполагалось осуществить не только за счет приобретения уже имеющихся на территории страны автозаправочных станций, но и за счет строительства новых. Всего на юге к 2011 году планировалось построить 41 автозаправочную станцию.

По состоянию на 2008 год, из более чем 530 АЗС, функционирующих на территории Кыргызстана, на долю «Газпром нефть Азия» приходилось уже 82: в Бишкеке – 39, Чуйской области – 18, Иссыккульской области – 9, Нарынской области – 1, Таласской области – 6, Ошской области – 4, Баткенской области – 1, Джалалабадской области – 4. Кроме того, в активах ООО «Газпром нефть Азия» насчитывалось 9 нефтебаз и 2 кустовые базы сжиженного углеводородного газа. Кроме того, по заявлению руководства компании, на этот период времени «Газпром нефть Азия» являлась одним из основных налогоплательщиков в Кыргызстане. Только за два года своей деятельности (начиная с середины 2006 года) в виде налогов и таможенных платежей в бюджет республики она перечислила свыше 140 млн. долларов (более 5 млрд. сомов).

---

¹¹²Компания «Газпром нефть Азия» в 2008 году (до начала мирового финансово-экономического кризиса) рассматривала возможности строительства в Китае НПЗ объемом более 1 млн. тонн нефти в год.

В настоящее время «Газпром нефть Азия» входит в число крупнейших операторов на рынке нефтепродуктов Кыргызстана. Тем не менее, российская компания сталкивается со все более острой конкуренцией со стороны бизнес-структур из соседнего Казахстана, которые также стремятся расширить свое присутствие в КР. При этом казахстанские компании «Дениз-Ойл»¹¹³ и «КазМунайГаз», владеющие сетью АЗС в Кыргызстане, имеют преимущество за счет более низких издержек на транспортировку топлива, в то время как «Газпром нефть Азия» поставляет нефтепродукты только с Омского нефтеперерабатывающего завода (принадлежит компании «Газпром нефть»), расположенного на более значительном удалении от Кыргызстана, чем казахстанские НПЗ.

Чтобы как-то усилить свои позиции компания «Газпром нефть Азия» даже изучала возможность приобретения НПЗ в г. Джалал-Абаде (южная часть Кыргызстана) мощностью 500 тыс. тонн в год. Предприятие, на паритетных началах принадлежащее государству и канадской нефтяной компании «КыргызПетролеумКомпани», в последние годы загружено лишь на 30% своей мощности¹¹⁴.

В целом «Газпром нефть Азия» с начала своей деятельности в КР уже инвестировала значительные по меркам Кыргызстана финансовые средства в модернизацию инфраструктуры местного рынка нефтепродуктов. Только в 2007 году в расширение и модернизацию сети АЗС в республике было вложено около **9 млн. долларов**, а в период 2008–2011 годов «Газпром нефть Азия» планировала вложить еще не менее 60 млн. долларов. По состоянию на начало 2010 года, российские инвестиции могли достигнуть **40 млн. долларов**.

---

¹¹³Компания «Дениз-Ойл» – казахстано-кыргызское СП, располагает свыше 50 АЗС на территории Кыргызстана. Доминирующие позиции компания занимает на севере страны. Большая часть активов совместного предприятия принадлежит казахстанским инвесторам.

¹¹⁴ЗАО «КыргызПетролеумКомпани» работает с 1996 года и является единственным нефтеперерабатывающим заводом в Кыргызстане. Предприятие производит ГСМ, в том числе из нефти, добываемой на местных месторождениях.

Проекты по приватизации объектов нефтегазовой отрасли

Начиная с 2003 года, российская сторона неоднократно высказывала пожелания о приватизации ряда объектов нефтегазовой отрасли КР, однако Бишкек долгое время не давал положительного ответа. Официальные власти (как в правительстве А. Акаева, так и в правительстве К. Бакиева) ссылались на действующие в республике законы, которые предусматривали крайне сложный механизм приватизации стратегически важных предприятий через долгую цепочку согласований и внесения поправок в национальное законодательство. При этом не исключено и то, что кыргызская сторона в какой-то степени просто пыталась выиграть время, так как одновременно изучала и другие предложения, в частности из соседнего Казахстана¹¹⁵.

С учетом сложившейся непростой экономической ситуации в Кыргызстане в начале 2008 года прежнее руководство республики (при К. Бакиеве) уже само предложило «Газпрому» принять участие в приватизации Государственных компаний ОАО «Кыргызнефтегаз» и ОАО «Кыргызгаз». Однако парламент КР тогда не утвердил сроки и формы приватизации этих объектов. В апреле 2008 года новый состав кыргызского парламента внес изменения в Закон «О приватизации государственной собственности в Кыргызской Республике». Согласно этим нововведениям, вопросами приватизации государственного имущества должно было заниматься правительство КР, тогда как ранее они находились исключительно в ведении национального парламента.

После урегулирования нормативно-правовых аспектов дальнейшее обсуждение вопросов приватизации «Газпромом» объектов нефтегазовой отрасли КР приняло более предметный характер. Тем не менее в

---

¹¹⁵В 2005–2006 годах казахстанская компания АО «КазТрансГаз» (входит в состав нефтегазовой компании «КазМунайГаз») также вела переговоры с правительством Кыргызстана о приобретении активов «Кыргызгаз» в счет погашения долга за отбираемый кыргызской стороной газ из магистрального трубопровода «Бухарский газоносный район – Ташкент – Бишкек – Алматы», участок которого проходит через северо-западные районы КР. В 2004 году АО «КазТрансГаз» и ОАО «Кыргызгаз» образовали СП «КырКазГаз», которому были переданы в доверительное управление активы кыргызского участка данного газопровода.

настоящее время перспективы приватизации все еще носят неясный характер, особенно с учетом смены власти в республике.

Планы «Газпрома» по приватизации ОАО «Кыргызгаз». Компания образована в соответствии с указом президента КР (А. Акаева) в 1998 году на базе части имущественного комплекса ГАК «Кыргызгаз-Мунайзат». Основным видом деятельности является закупка, распределение и продажа потребителям природного и сжиженного газа, а также оказание услуг по транспортировке газа по территории Кыргызстана. Государство в лице Госкомимущества КР имеет в уставном капитале компании долю в размере 87,9%. 5,37% акций находится у Соцфонда КР, а остальными акциями владеют юридические и физические лица. В монопольной собственности «Кыргызгаза» находятся все газотранспортные мощности Кыргызстана, в том числе около 750 километров газопроводов высокого и среднего давления, более 1600 километров газопроводов низкого давления, а также 23 газораспределительных станций.

В октябре 2008 года в рамках визита президента России в Бишкек между руководством «Газпрома» и правительством Кыргызстана был подписан Меморандум о взаимопонимании по вопросу развития сотрудничества в рамках приватизации ОАО «Кыргызгаз». Меморандум подразумевал участие российского газового монополиста в приватизации части принадлежащего правительству КР государственного пакета акций ОАО «Кыргызгаз», составляющего 75% уставного капитала плюс одна акция. При этом руководство российского концерна заявило о том, что в случае приобретения кыргызской компании «Газпром» возьмет на себя обязательства обеспечивать газом местных потребителей по тарифам, которые будут утверждаться правительством Кыргызстана. Также «Газпром» брал на себя обязательства по модернизации и реконструкции имеющихся объектов, капитальному ремонту газопроводов, а также обещал покрыть все долги ОАО «Кыргызгаз».

После проведения соответствующих консультаций в феврале 2009 года правительство Кыргызстана и «Газпром» утвердили программу подготовки соответствующих документов и нормативных актов по

приватизации «Кыргызгаза». В июне 2009 года кыргызские власти одобрили проект совместного межправительственного соглашения и данное решение получило также одобрение национального парламента. Уже в августе 2009 года правительство КР официально заявило о готовности продать «Газпрому» контрольный пакет акций компании «Кыргызгаз». По имеющейся информации, стоимость активов ОАО «Кыргызгаз» оценивается международным изданием «Слияния и поглощения» в 400–500 млн. долларов. Однако компания имеет большие долги, поэтому «Газпром» может претендовать на существенную скидку, которая снизит стоимость кыргызской компании до 75–120 млн. долларов¹¹⁶. По заявлению ряда официальных представителей правительства КР (при К. Бакиеве) только в техническую модернизацию газотранспортной системы Кыргызстана «Газпром» намерен инвестировать около 400 млн. долларов. Однако, как представляется, до политической стабилизации ситуации в Кыргызстане российская сторона может воздержаться от каких-либо конкретных шагов по приватизации ОАО «Кыргызгаз».

Планы «Газпрома» по приватизации ОАО «Кыргызнефтегаз».

Компания осуществляет геологоразведочные работы по поиску нефти и газа, бурение эксплуатационных и разведочных скважин, а также эксплуатацию нефтяных и газовых месторождений по всей территории Кыргызстана. Основным акционером компании является государство с пакетом в 85%. Остальные 15% распределены среди мелких акционеров. За 2008 год «Кыргызнефтегазом» добыто около 71 тыс. тонн нефти и 17 млн. кубических метров газа. Компания также владеет 50% акций Джалал-Абадского нефтеперерабатывающего завода «Кыргыз-ПетролеумКомпани».

Вопрос о передаче госпакета акций ОАО «Кыргызнефтегаз» в управление российскому концерну рассматривался еще в 2003 году (при А. Акаеве), после подписания «Газпромом» и правительством

---

¹¹⁶*Н.Темирбаева.* Сватовство «Газпрома». КР определилась со стоимостью пакета акций ОАО «Кыргызгаз». / Информационный портал «ЦентрАзия» (Россия), 17 сентября 2009 года, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1253284020>

Кыргызстана долгосрочного соглашения о сотрудничестве. Однако данный проект тогда так и не был реализован. В начале 2008 года, когда правительство КР (уже при К. Бакиеве) вновь предложило «Газпрому» принять участие в приватизации «Кыргызнефтегаза» и «Кыргызгаза», руководство российского газового концерна свое основное внимание сосредоточило именно на газотранспортной системе республики, оставив пока вне обсуждения вопрос о приватизации нефтегазодобывающей компании.

Проекты по освоению газовых месторождений

Скорее, исходя именно из политических и стратегических, нежели коммерческих соображений «Газпром» в последние годы проявляет заинтересованность к поиску и разработке на территории Кыргызстана месторождений углеводородного сырья.

Планы по геологоразведке и освоению газовых месторождений на участках «Кугарт» и «Восточное Майлису-4» на территории Ошской области КР (южная часть Кыргызстана), где предположительно могут залежать значительные (по меркам внутренних потребностей Кыргызстана) запасы газа.

В рамках подписанного между **ОАО «Газпром»** и правительством Кыргызстана долгосрочного соглашения о сотрудничестве, российский концерн еще в 2003 году выразил намерение участвовать в геологоразведочных работах по выявлению перспективных газовых месторождений на территории республики, в частности в Ошской области¹¹⁷. В 2006 году «Газпром» и правительство КР подписали меморандум о намерениях по созданию совместного предприятия («Газпрома» и «Кыргызнефтегаза»)¹¹⁸. Основными направлениями деятельности дан-

---

¹¹⁷Промышленно извлекаемые запасы нефти и газа находятся только в Ферганской долине, где расположена Ошская область КР.

¹¹⁸Подписанию данного соглашения предшествовали предложения «Газпрому» участвовать в развитии нефтегазовой отрасли республики, сделанные еще в конце 2005 года во время визита в Москву тогдашнего главы правительства КР Ф. Кулова. Кыргызский премьер предложил руководству «Газпрома» создать

ного СП были определены следующие: проведение геологоразведочных работ, модернизация газопроводов, а также реабилитация газохранилищ на территории республики.

В мае 2007 года «Газпром» и правительство КР достигли соглашения об общих принципах проведения геологического изучения недр, а уже в феврале 2008 года российский газовый монополист получил две лицензии на право пользования в течение 3-х лет участками «Кугарт» и «Восточное Майлису-4» в Ошской области. Чуть позже была также утверждена поэтапная (на период 2008–2011 годов) программа геологического изучения недр на этих участках. К концу 2008 года «Газпром» завершил разработку планов проведения геологоразведочных работ на указанных месторождениях, куда из России были доставлены необходимая техника и оборудование.

В случае обнаружения промышленных запасов углеводородов, стороны должны были разработать технико-экономическое обоснование их освоения, на основании которого планировалось принять окончательное решение о целесообразности создания совместного предприятия для разработки выявленных месторождений. Однако мировой финансово-экономический кризис внес первые коррективы в эти планы. В 2009 году российский концерн был вынужден приостановить все изыскательные работы на территории Кыргызстана, хотя в самом начале реализации проекта руководство «Газпрома» выражало намерения инвестировать в геологоразведку и возможное освоение перспективных месторождений в КР около 300 млн. долларов. В свою очередь, очередные коррективы в сторону неопределенности этих планов может внести фактор нестабильности в Кыргызстане.

* * *

Российско-кыргызские нефтегазовые отношения, равно как и само присутствие России в нефтегазовой отрасли Кыргызстана представляются двусмысленными и неоднозначными. С одной стороны, тот же

на базе выработанных газовых месторождений «Майлису-4» и «Сохское» в Ферганской долине подземные хранилища емкостью до 2 млрд. кубических метров газа.

«Газпром» близок к установлению практически полного и монопольного контроля над ключевыми национальными компаниями и основными элементами данного сегмента экономики Кыргызстана, а также местным рынком нефтепродуктов. Все это позволяет считать позиции РФ в нефтегазовой отрасли КР устойчивыми и доминирующими, а отношения – радужными и набирающими обороты. С другой стороны, масштабы собственно проектной и финансовой, в том числе инвестиционной активности России и российского бизнеса были и остаются крайне незначительными, а перспективы освоения тех же углеводородных месторождений на территории Кыргызстана – более чем туманными, что делает российско-кыргызские нефтегазовые отношения достаточно хрупкими.

Во-первых, на начало 2010 года объемы российских капиталовложений в нефтегазовую отрасль оцениваются предположительно в диапазоне от 130 до 140 млн. долларов, включая от **90 до 100 млн. долларов** – приобретенных активов, а также порядка **40 млн. долларов** – прямых инвестиций.

Во-вторых, российские нефтегазовые компании (тот же «Газпром») не спешат осваивать кыргызские нефтегазовые месторождения по причине их малой рентабельности. Данные месторождения, открытые в советское время, еще тогда были признаны не перспективными и остаются таковыми сегодня. Во всяком случае, даже в докризисный период 2003–2008 годов при высоких мировых ценах на углеводороды и крайне благоприятном финансовом состоянии «Газпрома» намерения российского газового монополиста по разработке углеводородных ресурсов в Кыргызстане не продвинулись дальше составления программ геологоразведочных работ и декларативных заявлений. В условиях же мирового кризиса, осложнения финансового положения концерна, реальной возможности дестабилизации Кыргызстана вероятность российских инвестиций в освоение кыргызских углеводородов, тем более представляется крайне низкой.

В-третьих, стратегический интерес для «Газпрома» в Кыргызстане представляют, по всей видимости, газотранспортные мощности и прочая нефтегазовая инфраструктура (газохранилища), а вовсе не добыча

газа. На эту мысль наводит то обстоятельство, что руководство российского концерна в ходе переговоров с кыргызской стороной с самого начала увязывало предоставление инвестиций в геологоразведку предполагаемых газоносных участков в республике с передачей правительством КР государственной доли в «Кыргызнефтегазе» и «Кыргызгазе» в собственность «Газпрому».

Однако в более широком контексте, любые задачи по развитию отношений в нефтегазовой отрасли вторичны в системе общих приоритетов России в Кыргызстане. Поэтому вне увязки вопросов усиления контроля РФ над нефтегазовой отраслью КР с вопросами укрепления позиций в других отраслях ТЭК, в первую очередь гидроэнергетической, в целом над экономикой, социальной, политической и военной сферами страны, как представляется, невозможна реализация долгосрочных интересов России не только в самой республике, но и в регионе в целом.

Гидроэнергетическая отрасль

В советский период времени, занимая третье место по гидроресурсам (45,6% потенциальных запасов в общем энергетическом балансе республики) после России и Таджикистана, Кыргызстан играл важную роль как поставщик электроэнергии в ЕЭС СССР. Еще в 1970-х – 1980-х годах были проведены комплексные исследования и подготовлены соответствующие проекты по строительству каскада ГЭС на реке Нарын. В ходе их реализации, были построены пять ГЭС с установленной мощностью 2870 МВт, которые на сегодняшний день являются основной энергетического комплекса Кыргызстана.

После распада Советского Союза и вплоть до начала XXI века кыргызская гидроэнергетика, так же, как и другие отрасли национальной экономики, переживала период глубокого кризиса и мало интересовала Россию и российский бизнес. Тем более, что, вступив в ВТО, Кыргызстан под давлением Всемирного Банка и других международных структур разделил функции выработки, передачи и распределения электроэнергии между несколькими независимыми компаниями, что

привело к нарушению единой системы управления данной отраслью, и соответственно трудностям организационного характера при реализации каких-либо межгосударственных проектов, в том числе с участием российской стороны.

В 2003 году на фоне интенсификации российско-кыргызского энергетического сотрудничества Россия и Кыргызстан заключили долгосрочное соглашение об экспорте электроэнергии через Казахстан в сибирские регионы России. В 2004 году между российским энергохолдингом «ИНТЕР РАО ЕЭС» и кыргызской компанией ОАО «Электрические станции» уже было подписано соглашение о стратегическом партнерстве и сотрудничестве, включающее пункт о совместном участии сторон в инвестиционных проектах, в частности, по завершению строительства Камбаратинских ГЭС-1 и ГЭС-2¹¹⁹. В последующем данный вопрос неоднократно обсуждался на различных уровнях, в том числе между президентами и главами правительств РФ и КР, в результате чего российская сторона согласилась инвестировать финансовые ресурсы в завершение строительства Камбаратинской ГЭС-1. Однако реализация указанных планов столкнулась с трудностями, обусловленными как наличием водно-энергетических противоречий внутри центральноазиатского региона, так и политикой руководства страны во главе с К. Бакиевым, в том числе фактами нецелевого использования предоставляемых РФ кредитов.

---

¹¹⁹Строительство Камбаратинской ГЭС-2 Кыргызстан возобновил собственными силами в начале 2008 года. На 2010 год готовность основных сооружений составляет около 70%. В рамках исполнения Постановления Правительства КР (№ 502 от 23 октября 2007 года) между ОАО «Электрические станции» и ОАО «Нарынгидроэнергострой» был составлен контракт, согласно которому ОАО «Электрические станции» выступило заказчиком, а ОАО «Нарынгидроэнергострой» – генеральным подрядчиком строительства Камбаратинской ГЭС-2. Запуск первого агрегата первоначально был запланирован на декабрь 2009 года, затем сроки были перенесены на май-июнь 2010 года.

*Проекты по совместному строительству и использованию
электрогенерирующих мощностей*

Участие в завершении строительства Камбаратинской ГЭС-1 пока является единственным проектом, в рамках которого Россия (после подписания с Кыргызстаном Соглашения о стратегическом партнерстве в энергетической отрасли) предприняла конкретные усилия.

Планы по завершению строительства Камбаратинской ГЭС-1 (расположена в Карабашском створе на реке Нарын, центральная часть Кыргызстана). Возведение каскада Камбаратинских ГЭС было начато в 1986 году. В соответствии с проектом, Камбаратинская ГЭС-1, должна была стать крупнейшим объектом из всего каскада с проектной мощностью станции 1900 МВт и ежегодной выработкой электроэнергии 5,1 млрд. кВт/ч. После распада СССР из-за прекращения финансирования строительство ГЭС было приостановлено. Обеспечить финансирование, объем которого оценивался примерно в 3 млрд. долларов, собственными средствами республика не могла.

Весной 2007 года вопрос о возобновлении строительства Камбаратинских ГЭС стал предметом обсуждения на уровне правительств России, Казахстана и Кыргызстана. В соответствии с решениями, принятыми на межгосударственном уровне, работу по организации разработки предварительного ТЭО уполномочены были вести российское «ИНТЕР РАО ЕЭС», казахстанское АО «КазКуат» и кыргызское ОАО «Электрические станции». При этом российская компания должна была выполнять функции главного координатора данной работы.

Уже в феврале 2009 года в ходе визита президента КР К. Бакиева в г. Москву было подписано межправительственное соглашение, которое предусматривало сотрудничество двух стран по сооружению и эксплуатации Камбаратинской ГЭС-1 и необходимых для ее функционирования инфраструктурных объектов. Стороны обязались создать **совместное предприятие ЗАО «Камбаратинская ГЭС-1»**, учредителями которого должны были стать «ИНТЕР РАО ЕЭС» и «Электрические станции» с равными долями участия. Российская сторона обязалась обеспечить привлечение на цели строительства ГЭС средства в

размере 1,7 млрд. долларов в виде кредитных ресурсов (льготный период 8 лет, срок погашения кредита по истечении 20 лет), предоставляемых создаваемому СП в течение четырех лет начиная с 2009 года. Предполагалось, что Камбаратинская ГЭС-1 будет находиться под управлением российской компании на срок до возврата кредитов.

Однако, после того как в начале 2010 года стали известны и получили широкую огласку факты нецелевого использования кыргызским руководством во главе с К. Бакиевым перечисленных Россией весной 2009 года средств в размере 450 млн. долларов (300 млн. кредита и 150 млн. гранта), РФ приостановила выделение кредита на финансирование строительства Камбаратинской ГЭС. В настоящее же время наибольшую неопределенность в реализацию проекта вносит крайне нестабильная обстановка в самом Кыргызстане, что явилось прямым следствием очередной смены власти в стране.

* * *

Ситуация вокруг российских проектов в кыргызской гидроэнергетической отрасли выглядит противоречивой. С одной стороны, существуют факторы, затрудняющие реализацию Россией каких-либо крупномасштабных проектов в Кыргызстане. С другой стороны, существуют и факторы, свидетельствующие в пользу высокой целесообразности существенной активизации РФ и российского бизнеса в этой отрасли, в первую очередь, с учетом ее значительного влияния на ситуацию в КР и ЦА в целом.

Во-первых, с точки зрения долгосрочной экономической привлекательности Кыргызстан имеет значительный энергетический потенциал, составляющий по оценкам специалистов до 160 до млрд. кВт/ч. Из них на долю гидроэнергетических ресурсов приходится большая часть – 142,5 миллиардов кВт/ч, из которых в настоящее время освоено всего лишь порядка 10%. При этом ежегодный объем производства электроэнергии в среднем составляет 11–14 млрд. кВт/ч, что позволяет даже

экспортировать в летний период некоторую (пусть небольшую) часть вырабатываемой электроэнергии¹²⁰.

Во-вторых, гидроэнергетика, по сути, базовый источник выработки электроэнергии в этой центральноазиатской республике – из 17 действующих электростанций 15 являются гидроэнергетическими. Поэтому тот, кто, будет контролировать гидроэнергетическую отрасль, будет иметь возможность контролировать всю кыргызскую экономику и, соответственно, иметь значительные рычаги как экономического, так и политического воздействия на Кыргызстан.

В-третьих, в условиях растущей заинтересованности Бишкека в инвестициях и кредитах для России и российских компаний складываются крайне благоприятные (если не уникальные) возможности для установления практически полного контроля над гидроэнергетической отраслью Кыргызстана и за счет этого решения болезненной для Центральной Азии водно-энергетической проблемы. В частности, могут открыться перспективы строительства под эгидой РФ крупных ГЭС в КР, в случае если Россия сумеет наладить эффективную схему межгосударственного водно-энергетического обмена, приемлемую как для Кыргызстана, так и двух крупнейших государств региона – Узбекистана и Казахстана, избежав при этом искушения манипулировать данными странами. В результате, это кардинально усилит не только российские политические и экономические позиции в Центральной Азии, но и крайне позитивно скажется на процессах реинтеграции на всем постсоветском пространстве. Тем более, что даже с точки зрения коммерческих интересов, Россия так или иначе финансово уже вложилась в гидроэнергетическую отрасль Кыргызстана (в строительство каскада Камбаратинских ГЭС) в размере **450 млн. долларов**, включая 350 млн.

---

¹²⁰ *А. Прайцева*. Энергетические проблемы Кыргызстана и пути их решения. / Ежемесячный журнал «Независимый обозреватель стран Содружества» (Россия), 4 февраля 2010 года, <http://www.nob.su/2010/02/04/yenergeticheskie-problemy-kyrgyzstana-i-puti-ix-resheniya.html>

долларов – льготного кредита и 100 млн. долларов в виде гранта кыргызскому правительству¹²¹.

Однако главное заключается в том, чтобы в РФ сумели вовремя разглядеть уникальный стратегический шанс, который представляет собой контроль над гидроэнергетикой КР, и грамотно им воспользоваться, просчитав сложную комбинацию внутренних и внешних факторов, усиленно ведущих (толкающих) Кыргызстан (а также в каком-то смысле и весь регион Центральной Азии) к дестабилизации. Поэтому для России будет принципиально важно выработать гибкий алгоритм активной политики, учитывающий не только перспективы развития гидроэнергетики или даже ТЭК и экономики Кыргызстана в целом, но и перспективы развития ситуации в регионе и вокруг него.

Атомная отрасль

Горнодобывающая промышленность в Кыргызстане начала активно развиваться еще в советский период времени. Особое внимание было уделено поискам, разведке и эксплуатации месторождений урановых руд. В середине 1940-х годов это была одна из главных стратегических задач военно-промышленного комплекса СССР. В начале 1950-х годов в Кыргызстане были открыты следующие урановые месторождения: Мин-Кушское, Каджи-Сайское, Майли-Сайское, Сумсаро-Шакафтарское. На их базе был построен Кара-Балтинский горнорудный комбинат (КГРК), который положил начало развитию атомной отрасли СССР, с 1955 по 1991 год перерабатывал радиоактивное урановое сырье. Однако уже с конца 1960-х годов, по мере истощения кыргызских урановых месторождений, они не разрабатывались, а КГРК работал на сырье, которое завозилось из Казахстана.

Проекты по переработке уранового сырья

Раздел бывшей советской атомной отрасли между странами СНГ в начале 1990-х годов привел к тому, что основные мощности по переработке урана оказались в России, а по его добыче – в странах Централь-

---

¹²¹По состоянию на начало 2010 года.

ной Азии. Поэтому не случайно, что в начале XXI века, когда начали реализовываться масштабные планы по развитию российской энергетики, у России появился интерес и к бывшим объектам атомной отрасли СССР, расположенным в Кыргызстане.

Совместная переработка сырья на Кара-Балтинском горнорудном комбинате (г. Кара-Балта, Чуйская область, западная часть Кыргызстана). КГРК введен в строй в 1955 году. В период существования СССР был одним из крупнейших перерабатывающих предприятий в атомной отрасли. Проектная мощность линии по производству урана – до 3000 тонн в год.

В 2002 году, когда в соседнем Казахстане создавалось СП «Заречное», в его состав для изготовления уранового концентрата из казахстанского сырья был включен кыргызский Кара-Балтинский горнорудный комбинат. Однако тогда совместный проект так и не был реализован и КГРК остался без загрузки. После этого Кыргызстан пытался найти покупателей за рубежом, в том числе в России, и продать часть акций предприятия. Стартовая цена была определена в размере около 6 млн. долларов. Переговоры на эту тему велись несколько лет, однако официально Бишкек никак не мог решить вопрос о передаче контрольного пакета акций комбината внешнему инвестору. А без выполнения этого условия, в частности российская сторона, отказывалась вкладывать инвестиции в обновление производственных линий комбината.

В начале 2006 года для того, чтобы сделать актив предприятия более привлекательным, кыргызское правительство решило реструктурировать долг комбината перед бюджетом по кредиту на сумму 8,35 млн. долларов¹²². После этого интерес к КБГК проявила российская частная

---

¹²²Стоимость активов КГРК на 1 января 2006 г. составляла 7,02 млн. долларов. По данным Госкомитета по управлению госимуществом, 72,28% акций предприятия принадлежит государству, 15% передано соцфонду Кыргызстана, 3% – трудовому коллективу, 9,72% продано на купонном аукционе.

Группа компаний (ГК) «Ренова»¹²³. Группа экспертов компании приехала в Кыргызстан для изучения ситуации на месте. И лишь в 2007 году, после пятого по счету тендера, госпакет акций (72,28%) Кара-Балтинского горнорудного комбината приобрела компания «**Урал платина холдинг**», входящая в состав ГК «Ренова». Данная российская бизнес-структура обязалась выплатить долг КГРК и инвестировать в производство порядка 25–30 млн. долларов. В течение нескольких месяцев были решены первоочередные задачи – восстановление на комбинате после четырехлетнего простоя профильного уранового производства, нормализация финансового положения. Был проведен ремонт основного производственного оборудования, достигнуты договоренности о возобновлении поставок сырья с горнодобывающих предприятий НАК «Казатомпром».

Уже в октябре 2008 года правительство Кыргызстана, ГК «Ренова» и Евразийский банк развития (ЕАБР) подписали соглашение о сотрудничестве в целях формирования и развития на базе КГРК современного комплекса по переработке уранового сырья и производству урановой продукции. В рамках данного проекта ЕАБР обязалось осуществить выделение кредитных ресурсов в размере 150 млн. долларов. Кроме того, известно, что на предприятии ведутся работы по подготовке к извлечению урана и других полезных компонентов из хвостохранилищ, образовавшихся в ходе функционирования предприятия еще в советский период времени и, в частности, в сотрудничестве с немецкой компанией WISUTEC изучаются различные варианты технологии переработки урановых отходов.

---

¹²³Группа компаний «Ренова» контролируется В. Вексельбергом. «Ренова» владеет и управляет активами в металлургической, нефтяной, машиностроительной, горнодобывающей, химической, строительной отраслях, энергетике, в сфере телекоммуникаций и нанотехнологий, ЖКХ и финансовом секторе в России и за рубежом. «Ренова» является акционером следующих компаний: ТНК-ВР, «Российского алюминия» (ОК «РУСАЛ»), «Комплексных энергетических систем», «Российских коммунальных систем», Уральского турбинного завода, аэропорта «Кольцово» (Екатеринбург), телекоммуникационной компании «АКАДО», группы Avelar Energy (занимается альтернативными источниками энергии) и др.

Как результат, предпринимаемые усилия ведут к росту объемов производства. Так, в 2008 году на КГРК из казахстанского сырья было произведено 1,11 тыс. тонн продукции (закись-окись урана), а в 2009 году – уже около 2,6 тыс. тонн.

Российские инвестиции в КГРК ориентировочно могли составить **20–25 млн. долларов**¹²⁴.

* * *

Таким образом, со второй половины первого десятилетия XXI века российская сторона заметно активизировала усилия, направленные на восстановление своего присутствия в атомной отрасли Кыргызстана, что является наглядным подтверждением заинтересованности России в налаживании более тесных структурно-технологических связей на постсоветском пространстве и наращиванию собственной ресурсной базы.

Во-первых, Кара-Балтинский горнорудный комбинат, практически не утративший своих производственных мощностей, после соответствующей модернизации, профинансированной российской стороной, восстановил переработку уранового сырья с казахстанских месторождений, что, безусловно, положительным образом влияет на процесс дальнейшего развития кооперационных связей между предприятиями ядерно-топливного цикла стран СНГ.

Во-вторых, получение ГК «Ренова» госпакета активов КГРК, позволяет российской стороне не только контролировать крупнейшее предприятие атомной отрасли Кыргызстана, но и делает данный проект (с учетом расположенной в непосредственной географической близости сырьевой базы Казахстана и растущего спроса на продукцию комбината в самой России) коммерчески достаточно привлекательным. Определенную важность могут иметь и российские проекты по разработке урановых месторождений (как старых, так и новых) собственно на территории Кыргызстана. В любом случае все это будет работать на улучшение экономической, политической и социальной ситуации в КР

---

¹²⁴По состоянию на начало 2010 года.

и, безусловно, на укрепление позиций РФ и усиление кооперационных связей в СНГ. Тем самым подобные проекты будут вносить свой вклад в снижение все еще значительных рисков дестабилизации республики и всего региона, а также вытеснения отсюда России.

В-третьих, учитывая сохраняющуюся в отношениях между центральноазиатскими государствами напряженность в водно-энергетической сфере (что, в свою очередь, тормозит реализацию крупных гидроэнергетических проектов и региональную экономическую интеграцию), наличие в Кыргызстане предприятий атомной отрасли позволяет России рассматривать возможность строительства АЭС, задачами которой помимо прочих были бы следующие: ликвидация дефицита сезонной (в зимнее время) электроэнергии в КР, обеспечение электроэнергией новых проектов по освоению богатой минерально-сырьевой базы и промышленно-инновационному развитию республики. Тем более, что в строительство и функционирование данной АЭС кыргызская сторона могла бы внести свой посильный вклад (в виде производственных мощностей и месторождений урана), что также не исключало бы возможность долевого участия Бишкека в реализации проекта станции. Данный подход, соответственно, работал бы на цели региональной интеграции под эгидой России. Как представляется, с учетом горного рельефа местности и сейсмологической ситуации в КР данную АЭС было бы целесообразно строить все же вне республики (например, в соседнем Казахстане).

Однако сумеет ли РФ «принести в жертву» часть своих финансовых, политических и иных ресурсов на цели собственного развития (в том числе в атомной отрасли) в угоду неких задач по стабилизации и интеграции всего постсоветского пространства и, в частности, такой далекой республики, как КР? Тем более, что эти задачи не воспринимаются всерьез определенной частью российской политической элиты и большей частью финансово-экономической элиты (не говоря уже об олигархической элите), в целом оцениваются как крайне иллюзорные.

Выводы: проблемы, прогноз и основные риски

По истечении первого десятилетия XXI века российско-кыргызское взаимодействие в ТЭК имеет место в нефтегазовой и гидроэнергетической отраслях, в которых Россия формально заняла монопольное положение. По состоянию на начало 2010 года, российские финансовые ресурсы в нефтегазовой отрасли оцениваются в диапазоне **от 130 до 140 млн. долларов**, где подавляющая часть данных финансовых средств: от 90 до 100 млн. долларов – это выкупленные активы нефтетрейдерских компаний и лишь около 40 млн. долларов – инвестиции. В свою очередь, объем российских финансовых средств в атомной отрасли составляет около 20–25 млн. долларов инвестиций, а в гидроэнергетической отрасли (строительство каскада Камбаратинских ГЭС) оценивается в 450 млн. долларов, если включить 350 млн. долларов – льготного кредита и 100 млн. долларов в виде гранта правительству Кыргызстана. Однако в реальности результаты российского проникновения в кыргызский ТЭК представляются крайне двусмысленными, а само присутствие РФ в энергетике КР можно лишь с большой долей условности назвать проектно-ориентированным.

С одной стороны, российский «Газпром» близок к установлению практически полного контроля над ключевыми национальными компаниями и основными сегментами в нефтегазовой отрасли Кыргызстана, а также местным рынком нефтепродуктов. Помимо этого, Россия начала финансировать строительство каскада двух Камбаратинских ГЭС, что открывает перспективы установления контроля и над гидроэнергетической отраслью Кыргызстана. Все это позволяет формально считать позиции РФ в КР устойчивыми и доминирующими.

С другой стороны, проект по строительству тех же Камбаратинских ГЭС так и не сдвинулся с мертвой точки, так как средства на его реализацию были использованы прежним руководством Кыргызстана нецелевым образом, а геологоразведка и освоение кыргызских углеводородных месторождений так и не начались. Поэтому масштабы собственно проектной активности РФ в энергетике КР были и остаются крайне незначительными, даже несмотря на то, что объемы российских финансовых ресурсов, выделенных на реализацию энергетических

проектов представляются существенными на фоне малых масштабов кыргызской экономики. К тому же двустороннее энергетическое взаимодействие до сих пор не затрагивает атомную отрасль (переработка уранового сырья), хотя данная отрасль была хорошо развита еще в советское время.

В итоге, похоже, что в настоящее время Россия стремится к обеспечению контроля лишь над инфраструктурой нефтегазовой отрасли Кыргызстана и кыргызским рынком нефтепродуктов, а в перспективе – рынком природного газа и крупными гидроэнергетическими объектами. Однако в более широком контексте и эти задачи, скорее всего, вторичны в системе приоритетов России в Кыргызстане, связаны преимущественно с продвижением экономических и политических интересов не столько в самой республике, сколько в регионе в целом.

Как представляется, установление контроля над инфраструктурой нефтегазовой отрасли Кыргызстана и рынком нефтепродуктов этой страны пока являются наиболее перспективными направлениями энергетического взаимодействия, тем более, что сколько-нибудь значимой внешней конкуренции в этих сегментах кыргызской энергетике нет и, скорее всего, не предвидится. Причем успех в этих направлениях может сыграть важную роль в плане проникновения и закрепления РФ и в других стратегически важных отраслях экономики КР, также усиления российских позиций в республике в целом. Это тем более реально в настоящее время, когда временное правительство Кыргызстана крайне остро нуждается не только в финансово-экономической помощи, но и в реальных и успешных экономических проектах, которые подтвердили бы легитимность новой власти.

Поэтому в настоящий момент времени для России и российских компаний открыты достаточно широкие возможности в плане установления контроля над всеми отраслями ТЭК Кыргызстана. Немаловажно и то, что сама КР, обладающая небольшой по масштабам экономикой, находящейся к тому же в глубочайшем кризисе, только выиграет от присутствия РФ и крупных российских энергетических компаний. Очевидно, что в случае грамотной реализации указанных возможностей это, скорее всего, будет способствовать усилению политических,

военных и иных позиций России не только в Кыргызстане, но и во всей Центральной Азии, благоприятно скажется на укреплении взаимодоверия в регионе и региональной стабильности.

Особо важным является то, что если Россия сумеет наладить эффективную систему межгосударственного водно-энергетического обмена, приемлемую как для Кыргызстана, так и двух крупнейших государств региона – Узбекистана и Казахстана, избежав при этом искушения манипулировать данными странами, то это кардинально усилит не только российские политические и экономические позиции в Центральной Азии, но и крайне позитивно скажется на процессах реинтеграции на всем постсоветском пространстве.

В целом сумма сложных факторов, обусловленных как негативными последствиями распада СССР, так и развитием событий в самом Кыргызстане в течение всего постсоветского периода (в первую очередь, такие, как слабость государства и непродуманные либеральные экономические «реформы», причем по западным схемам и алгоритмам) привели к тому, что республика надолго вошла в период системного кризиса. Это выражается в перманентной экономической, политической и социальной нестабильности, угрожающей полной дестабилизацией страны и даже ее распадом. Логично предположить, что это не должно предполагать реализацию Россией/российским бизнесом крупномасштабных энергетических и иных экономических проектов в Кыргызстане (по крайней мере, в краткосрочной и среднесрочной перспективе).

Тем не менее представляется, что именно сейчас у РФ есть шанс взять под контроль значительную (если не большую) часть экономики данной маленькой страны (с населением в несколько миллионов человека), но в «общем пакете» со всеми относительно затратными задачами по стабилизации социально-политической ситуации, борьбе с международным наркобизнесом и радикальным исламом. **Причем** при любом варианте российской политики риски в случае ее провала будут иметь негативный эффект для всей системы отношений России со странами Центральной Азии.

В этой связи принципиален вопрос: готова ли РФ поставить во главу угла своей политики в ЦА именно долгосрочные интересы и, следовательно, взять под максимально полный контроль процессы развития КР, вплоть до включения республики в состав федерации? Как представляется, от ответа на этот принципиальный вопрос может зависеть успех или неуспех всей политики России в Центральной Азии и в ШОС, а следовательно, будущее развития РФ и постсоветского пространства.

Прогноз

Во многом именно от самой России зависит не только будущий характер взаимодействия с Кыргызстаном в самих отраслях ТЭК и степень российского контроля над кыргызской экономикой в целом, но и собственно перспективы политического, экономического и социального развития республики, так как без введения внешнего управления страна, скорее всего, обречена на дестабилизацию.

Гидроэнергетическая отрасль. Теоретически, данная отрасль могла бы представлять для РФ наибольший интерес. Дело в том, что гидроэнергетика – по сути, единственный источник выработки электроэнергии в республике. Поэтому тот, кто будет контролировать энергетику, будет контролировать всю кыргызскую экономику и, соответственно, иметь значительные рычаги политического воздействия на Кыргызстан. Наиболее вероятный проект РФ в КР – завершение строительства двух гидроэлектростанций на реке Нарын (Камбаратинские ГЭС).

По крайней мере, именно в пользу этого свидетельствуют последние договоренности между Россией и Кыргызстаном, в частности, достигнутые в ходе серии визитов бывшего премьер-министра КР И. Чудинова в Москву в декабре 2008 года и январе 2009 года. Как известно, эти договоренности предполагали выделение Кыргызстану беспрецедентного по своим масштабам за всю историю отношений России с постсоветскими республиками кредита в размере 2 млрд. долларов, где 1,7 млрд. долларов из этой суммы предназначаются именно для строи-

тельства гидроэлектростанций «Камбарата-1» и «Камбарата-2» на реке Нарын.

С одной стороны, пока перспективы реализации вышеуказанного проекта остаются неясными. Главная причина заключается в позиции Узбекистана в отношении строительства крупных гидроэнергетических объектов в регионе. Узбекская сторона считает, что строительство тех же Камбаратинских ГЭС приведет к острому дефициту поливной воды в летний период и тем самым нанесет катастрофический ущерб сельскому хозяйству и региональной безопасности. Поэтому Узбекистан настаивает на проведении независимой международной экспертизы подобных проектов. Как представляется, вряд ли Россия будет вносить дополнительные сложности в отношениях с Узбекистаном ради осуществления крупных гидроэнергетических проектов в Кыргызстане. С другой стороны, именно у РФ, как ни у какой другой страны, есть шанс совместно с РУз найти решение и этой, во многом искусственной проблемы.

Нефтегазовая отрасль. В силу того, что запасы нефти и газа в Кыргызстане крайне незначительны, а сами углеводородные месторождения нерентабельны и технологически сложны в освоении, то не следует ожидать масштабного увеличения проектно-инвестиционной активности России и российских компаний, а тем более международной конкуренции в нефтегазовой отрасли КР.

При этом наиболее вероятным представляется, что ни «Газпром», ни любая другая российская (или даже зарубежная) компания так и не приступят к промышленной разработке месторождений нефти и газа на кыргызской территории. В частности, в случае если газотранспортные мощности и газохранилища Кыргызстана перейдут в собственность «Газпрома» (а это является лишь вопросом времени), то российскому газовому монополисту будет гораздо проще и экономически выгоднее закупать газ в других странах региона (как Узбекистан, Туркменистан, а в перспективе Казахстан), после чего продавать «голубое топливо» на кыргызском рынке. Примерно такой же алгоритм действий российских компаний, скорее всего, будет выработан в плане поставок нефти и нефтепродуктов в Кыргызстан.

В то же время нельзя полностью исключить и тот, пока крайне маловероятный сценарий, что «Газпром» или другая российская компания все же приступят к освоению кыргызских нефтегазовых месторождений. Однако, как представляется, это будут вовсе не экономические, а скорее политические проекты. Учитывая то, что запасы нефти и газа в КР не представляют коммерческого интереса, то пойти на масштабные капиталовложения в их освоение российский бизнес может только лишь под давлением руководства России, которое в данном случае будет руководствоваться стратегическими соображениями. Дело в том, что добыча того же газа в южных областях республики является принципиально важным вопросом для самого Кыргызстана, так как может позволить Бишкеку значительно снизить (или даже ликвидировать) свою зависимость от импорта из соседнего Узбекистана, с которым периодически возникают проблемы из-за своевременности оплаты за поставки «голубого» топлива. Если «Газпром» поможет Кыргызстану достичь энергетической независимости, это позволит РФ кардинально укрепить свои позиции в КР.

В целом любой из двух изложенных выше сценариев, скорее всего, будет иметь положительные последствия как для самого Кыргызстана, так и всего центральноазиатского региона, в том числе в плане укрепления доверия и процессов экономической интеграции. Если нефтегазовая отрасль КР перейдет в собственность «Газпрома» и российский концерн будет своевременно и в полном объеме производить оплату за поставки (или даже транзит) в Кыргызстан того же газа с/через территории(ю) Узбекистана, то это может сыграть ключевую роль в разрешении болезненной для узбекско-кыргызских отношений проблемы водопользования реки Сырдарья. Как представляется, в этом случае Кыргызстану не нужно будет вырабатывать в зимнее время дополнительное количество электроэнергии для внутренних нужд (как это делается уже на протяжении многих лет с момента распада СССР), а сами водохранилища можно будет ставить в режим накопления воды. В летний же период вода из кыргызских водохранилищ будет поступать в Узбекистан, а также другие страны региона на орошение полей, причем в достаточных количествах (как это и было в советское время).

В итоге, если Россия, получив в собственность нефтегазовую инфраструктуру Кыргызстана, сумеет вместе с Узбекистаном, Кыргызстаном и другими странами региона наладить эффективную систему взаимобмена водно-энергетическими ресурсами, тогда болезненный для Центральной Азии водно-энергетический вопрос решится сам собой.

Атомная отрасль. Данная отрасль кыргызского ТЭК пока не представляет особого интереса для России. Тем не менее при желании РФ урановые объекты КР могут быть задействованы в технологической цепочке топливно-ядерного цикла. Поэтому российско-кыргызское взаимодействие в атомной отрасли может возобновиться в случае, если данное направление сотрудничества будет рассматриваться в более широком контексте: стабилизации ситуации в Кыргызстане и регионе, восстановления кооперационных и интеграционных связей в СНГ.

Основные риски

Как представляется, с точки зрения современных реалий для России и российских компаний нет каких-либо серьезных рисков на пути к проникновению в энергетику (и в экономику в целом) Кыргызстана за исключением риска дестабилизации этой страны. Другими словами, помешать продвижению РФ в КР могут только форс-мажорные и пока непросчитываемые обстоятельства, связанные с развитием кризиса в Кыргызстане, или даже факторами регионального и глобального характера.

За рамками этого главного риска пока не просматривается сколь угодно существенных рисков, которые могли бы воспрепятствовать закреплению России/российского бизнеса в ТЭК Кыргызстана. Отсутствие рисков определяется полным отсутствием внешней конкуренции вокруг кыргызской энергетики. ТЭК Кыргызстана нуждается в экстренной внешней помощи (если не реанимации), так как у КР нет собственных средств на его развитие. В Бишкеке, как представляется, присутствует четкое понимание того, что срочная реабилитация порядком изношенной кыргызской энергетической инфраструктуры может быть осуществлена только с помощью России, а поэтому ни о какой серьезной альтернативе России/российскому бизнесу не может быть и речи.

В этой связи, если предположить, что ситуация в Кыргызстане все же стабилизируется (например, при активном участии России), а вертикаль власти в стране будет восстановлена, то в этом случае РФ и российские компании в ходе закрепления в ТЭК КР могут столкнуться лишь с некоторыми трудностями, значение которых не стоит преувеличивать:

- неурегулированность территориальных споров между Кыргызстаном и Узбекистаном;
- конкуренция на кыргызском рынке нефтепродуктов.

Неурегулированность территориальных споров между Кыргызстаном и Узбекистаном

Данный риск имеет отношение прежде всего к российско-кыргызскому нефтегазовому взаимодействию. В случае, если «Газпром» все же приступит к промышленной разработке углеводородных месторождений в южных областях Кыргызстана, где на сегодняшний день и находятся более-менее разведанные запасы нефти и газа, а также приватизирует там объекты инфраструктуры кыргызских компаний («Кыргызгаз» и, в перспективе, «Кыргызнефтегаз»), то у российского концерна могут возникнуть определенные трудности, обусловленные незавершенностью процесса делимитации границ между Кыргызстаном и Узбекистаном, и оспариванием ими спорных участков приграничных территорий.

В Ферганской долине на кыргызско-узбекской границе находится много спорных участков, на которых имеется ряд месторождений, газотехнических объектов и прочей нефтегазовой инфраструктуры, созданной еще в советский период и являвшейся составной частью единого нефтегазового комплекса СССР. На сегодняшний день их принадлежность до конца окончательно не определена, и они также являются предметом споров между Кыргызстаном и Узбекистаном.

Спорными являются ряд газовых магистралей и подземных газохранилищ, расположенных в Баткенской области Кыргызстана. Данные объекты еще с советского периода традиционно эксплуатировались структурами, ныне относящимися к узбекской НХК «Узбекнефте-

газ». Долгое время после распада СССР вопрос об их принадлежности не стоял так остро и Узбекистан самостоятельно продолжал эксплуатацию ряда газотехнических объектов, расположенных на спорных с Кыргызстаном территориях. Лишь с 2000 года кыргызская и узбекская стороны приступили к обсуждению данной проблемы, которая пока окончательно не разрешена из-за отсутствия договоренностей по арендной плате.

В частности, на кыргызской территории поблизости от узбекского анклава Сох расположено подземное газохранилище «Северный Сох», в которое Узбекистан ежегодно закачивает около 4 млрд. кубических метров газа. Затем накопленный газ расходуется в зимний период. По мнению кыргызской стороны, Узбекистан должен платить за аренду этого объекта около 900 тыс. долларов в год, однако Узбекистан считает эти претензии Кыргызстана завышенными.

Кроме того, на северо-востоке Баткенской области КР проложено несколько газовых ниток, в том числе и 26 километров транспортной газовой магистрали «Урсатьевская – Фергана», принадлежащих «Узбекнефтегазу». В 2008 году узбекская сторона заплатила за транзит газа более 1,5 млн. долларов, однако, как считали в свергнутом в апреле 2010 года руководстве КР во главе с К. Бакиевым, сумма оплаты должна была бы составить около 4 млн. долларов в год.

Помимо использования вышеуказанных газотехнических объектов спорным моментом также остается и эксплуатация Узбекистаном газового месторождения «Чонгара-Галча», находящегося на территории той же Баткенской области КР. Вопрос по нему неоднократно поднимался на кыргызско-узбекских переговорах.

Как представляется, если «Газпром» в случае начала работ и приватизации объектов на юге Кыргызстана будет опосредовано вовлечен в разрешение этих споров, Россия, скорее всего, без труда сумеет урегулировать данные проблемы с Узбекистаном. Уверенность в этом базируется на том, что вопрос о принадлежности и эксплуатации газотехнических объектов на территории Кыргызстана несоизмеримо мал по сравнению с масштабами, глубиной и интенсивностью российско-узбекского нефтегазового сотрудничества.

Конкуренция на рынке нефтепродуктов Кыргызстана

Учитывая практически полную зависимость кыргызского рынка нефтепродуктов от внешнего завоза, нельзя исключать вероятность столкновения здесь интересов России и ряда других стран, способных предложить Кыргызстану свою продукцию нефтепереработки. К таким, своего рода, конкурентам относятся прежде всего Казахстан, а также Туркменистан и Узбекистан. Однако, как представляется, в случае приватизации нефтегазовой инфраструктуры Кыргызстана и укрепления своих политических позиций в КР, Россия и российские компании смогут без особого труда выдержать конкуренцию с компаниями соседних государств. В случае же решения при участии России жизненно важного для региона водно-энергетического вопроса, между странами Центральной Азии и Россией появится гораздо больше возможностей для сотрудничества, нежели конкуренции.

Таджикистан

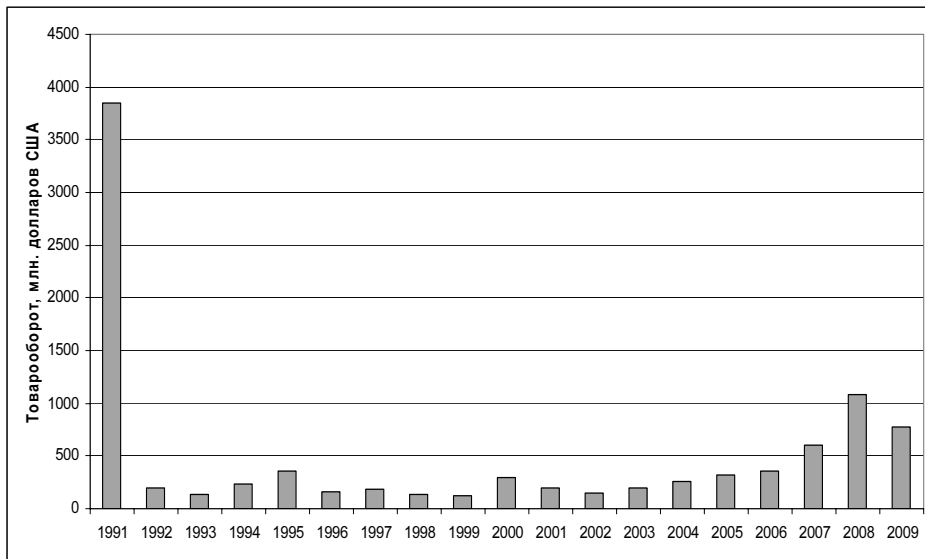
В советский период энергетическое взаимодействие между Россией (РСФСР) и Таджикистаном (Таджикской ССР) ввиду фактического отсутствия на таджикской территории промышленных запасов углеводородов и ограниченных запасов других энергоресурсов (за исключением гидроэнергоресурсов), так же, как и в случае с соседним Кыргызстаном, было минимальным и в основном касалось плановых поставок в республику российских энергоносителей. Тем не менее Таджикистан был гармонично вписан в систему межреспубликанского обмена энергоресурсами: помимо нефтепродуктов и угля из России, Казахстана и Узбекистана в республику поставлялся газ из Туркменистана и Узбекистана. В свою очередь, Таджикская ССР, обладающая значительным гидроэнергетическим потенциалом, входила в число крупных производителей и поставщиков электроэнергии в бывшем СССР. Помимо этого, на территории современной Согдийской области (бывшей Ленинабадской области) Таджикистана добывалась и перерабатывалась ура-

новая руда на Горнохимическом комбинате № 6 (Ленинабадский горнохимический комбинат, с 1990 года – ПО «Востокредмет»).

В результате распада СССР и дестабилизации внутренней ситуации в Республике Таджикистан (РТ), вызванной гражданской войной (1992–1996 года), экономические связи с Россией, в том числе и в ТЭК, практически были свернуты, что соответственно отразилось и на динамике российско-таджикской торговли. По сравнению с 1991 годом, в 1992 году двусторонний торговый оборот РФ с РТ снизился в среднем в 20 раз – с 3854 до 193 млн. долларов. Вплоть до 2006 года включительно годовые объемы российско-таджикского товарооборота изменялись хаотично, но не превышали 360 млн. долларов.

Некоторый рост интереса России и российского бизнеса к экономике Таджикистана стал возможным только с приходом к власти в РФ нового руководства во главе с В. Путиным, последовавшим вслед за этим повышением роли и места Центральной Азии в системе российских внешнеполитических приоритетов, а также со стабилизацией политической обстановки в самом Таджикистане. К тому же республика, на территории которой располагалось крупное соединение вооруженных сил РФ (201-я мотострелковая дивизия) и находились российские пограничники, рассматривалась в России как стратегический форпост в центральноазиатском регионе. Поэтому укрепление здесь позиций РФ, в том числе в экономике РТ, стало рассматриваться в качестве важной задачи. Это, в свою очередь, положительно отразилось на российско-таджикских торгово-экономических связях. В течение 2003–2008 годов обозначилась тенденция поступательного роста торговли – ее объемы выросли почти в 5 раз – с 0,2 до 1,0 млрд. долларов. В 2009 году российско-таджикский товарооборот из-за негативного влияния мирового кризиса уменьшился на 30% по сравнению с предыдущим годом – с 1 до 0,7 млрд. долларов (диаграмма № 3).

Диаграмма № 3. Торговля России с Таджикистаном (период 1991–2009 годов)

Источники: данные по товарообороту России (РСФСР) с Таджикистаном (Таджикской ССР) за 1991 год получены расчетным путем на основании информации Всемирного банка (Tajikistan: Country Economic Memorandum.– The World Bank, Washington, D.C., August 1993, Report No. 12692, p.213); данные за период 1997–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана (Key Indicators of Developing Asia and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002); данные за период 2002–2009 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана (Turkmenistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009, March 2010).

Примечание: данные за 1991 год в первоисточнике даны в советских рублях, так как в то время республики входили в состав СССР; в настоящей таблице данные за 1991 год пересчитаны в долларах США, исходя из соотношения курса советского рубля к доллару, который устанавливался Государственным Банком СССР на основе паритета покупательской способности валют (1 доллар США = 0,78 рубля); (*) означает, что данные по объемам экспорта и импорта России за 1992 год отсутствуют.

В 2008 году поставки из Таджикистана в Россию включали хлопковое волокно (около 85%) и алюминий (порядка 7%). В свою очередь,

ассортимент поставок из России в основном состоял из продукции машиностроения и металлообработки (около 80%) и продовольствия (примерно 11%) (таблица 3).

Таблица 3. Товарная структура торговли России с Таджикистаном (2008 год)

Наименование	Импорт России из Таджикистана		Экспорт России в Таджикистан	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Хлопок-волокно	243	85,2		-
Алюминий	19	6,7		-
Машины и оборудование		-	630	79,5
Продовольствие		-	88	11,2
Прочее	23	8,1	74	9,3
Всего	285	100	792	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Таджикистана (Tajikistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, March 2010).

Отсутствие в товарной структуре торговли двух стран энергоносителей свидетельствует о достаточно низком уровне российско-таджикского взаимодействия в ТЭК, которое в настоящее время представлено несколькими проектами в нефтегазовой и гидроэнергетической отраслях. Соответственно не столь значительны и масштабы российских капиталовложений в ТЭК Таджикистана. По состоянию на начало 2010 года, их объем ориентировочно составлял чуть более **800 млн. долларов**, большая часть которых (около 700 млн. долларов инвестиций) была вложена в достройку Сангтудинской ГЭС-1¹²⁵, а оставшиеся примерно 100 млн. долларов – в нефтегазовую отрасль (около 65 млн. долларов – инвестиции в геологоразведку месторождений и менее 40 млн. долларов – средства в развитие инфраструктуры на рынке нефтепродуктов).

¹²⁵ Без учета стоимости российских активов в Сангтудинской ГЭС-1.

Нефтегазовая отрасль

В советский период нефтегазовое взаимодействие между Россией (РСФСР) и Таджикистаном (Таджикской ССР), ввиду отсутствия промышленных запасов углеводородов на таджикской территории, в основном касалось плановых поставок туда российских нефтепродуктов. После распада Советского Союза Республика Таджикистан (РТ) стала испытывать острую и неудовлетворенную потребность в энергоресурсах, в том числе углеводородах. Однако крайне сложная ситуация в РТ в 1990-х годах обусловила катастрофически сложное положение национальной экономики и, соответственно, отсутствие всякой заинтересованности к ней, и нефтегазовым проектам, в частности, со стороны зарубежных инвесторов, в том числе из Российской Федерации.

Интерес РФ и российского бизнеса к нефтегазовой отрасли РТ стал отмечаться лишь с начала первого десятилетия наступившего века одновременно с повышением роли и места Центральной Азии в системе внешнеполитических приоритетов России, а также ростом цен на углеводороды. Придавая важное значение проникновению в таджикскую нефтегазовую отрасль и закреплению в республике, российское руководство обеспечило политическую поддержку действиям российских компаний в Таджикистане. На современном этапе основные проекты России / российского бизнеса в нефтегазовой отрасли Таджикистана связаны с разведкой таджикских газовых месторождений и освоением местного рынка нефтепродуктов.

Проекты по разведке и освоению газовых месторождений

В соответствии с долгосрочным (до 2028 года) соглашением о стратегическом сотрудничестве в нефтегазовой отрасли от 15 мая 2003 года, в начале 2006 года таджикская сторона предложила ОАО «Газпром» для изучения 4 нефтегазоперспективных участка «Сарикамыш», «Западный Шохамбары», «Ренган» и «Саргазон» с возможностью их дальнейшего освоения. Уже в декабре того же года российский газовый монополист получил от таджикских властей первые две лицензии на проведение геологического изучения на участках «Саргазон» и

«Ренган». Еще две лицензии на участки «Сарикамыш» и «Западный Шохамбары» были получены осенью 2008 года. Таким образом, деятельность «Газпрома» на таджикской территории была официальным образом оформлена, закреплена соответствующими документами. Оператором проектов стала дочерняя компания «Газпрома» – ЗАО «Газпром зарубежнефтегаз».

Геологоразведка газовых месторождений на участке «Саргазон» (Дангаринский район Хатлонской области, юго-западная часть Таджикистана). Предполагаемые запасы газа оцениваются в 30 млрд. кубических метров.

С целью изучения предварительной геологической информации о глубинном строении и структуре участка «Саргазон», а также проработки вопросов проведения геодезической съемки, прокладки подъездных путей и коммуникаций, в 2007 году в Дангаринском районе РТ российскими специалистами был развернут полевой лагерь и с апреля по октябрь проведены опережающие опытные сейсморазведочные изыскания. Основные же геологоразведочные работы начались лишь после того, как 15 июня 2008 года «Газпром» и правительство Таджикистана подписали Соглашение «Об основных принципах проведения геологического изучения недр на нефтегазоперспективных площадях Республики Таджикистан».

Первый этап сейсморазведочных работ на участке «Саргазон» был завершен весной 2009 года. По итогам проведенных исследований «Газпром зарубежнефтегаз» получил новые данные о глубоко залегающих (до 7 километров) газоносных пластах¹²⁶, которые ранее не были известны местным специалистам. После того как полученные данные были рассмотрены и согласованы на научно-техническом со-

---

¹²⁶Как считают специалисты «Газпром зарубежнефтегаз», геологический разрез Таджикистана очень сложный. Условно выделяются три горизонта. Первый, глубиной до 3 километров, хорошо изучен еще в советский период. Все месторождения, которые имеются в Таджикистане, относятся именно к первому уровню. Однако основные перспективы связываются с более глубоко залегающими горизонтами на глубине 5,5–7 километров.

вещании в Главном управлении геологии при правительстве Таджикистана с участием представителей ЗАО «Газпром зарубежнефтегаз», в декабре 2009 года начался второй этап работ по более сложной методике¹²⁷, который предусматривает также глубинное разведочное бурение. По оценкам специалистов, проектное время проведения доразведки данного участка составляет 6–7 месяцев при оптимальных погодных условиях. Первую скважину на площади «Саргазон», глубина которой будет составлять 5,5–6 километров, планируется пробурить в конце 2010 – начале 2011 года.

Геологоразведка газовых месторождений на участке «Сарикамыш» (Шахринавский район республиканского подчинения, западная часть Таджикистана). Предполагаемые запасы газа оцениваются в 40 млрд. кубических метров.

Сейсморазведочные работы на участке «Сарикамыш» начались в июне 2009 года. Был создан полевой лагерь и завезено соответствующее оборудование, в том числе сейсмическая станция, оснащенная современной телеметрической регистрирующей системой. Работы ведутся подрядчиком «Газпром зарубежнефтегаза» – компанией ОАО «Саратовнефтегеофизика». Завершение сейсморазведочных работ было намечено на начало 2010 года, после чего российские специалисты планировали направить в таджикские инстанции документы на согласование и утверждение места бурения первой поисковой скважины.

---

¹²⁷Новая площадная методика (ЗД) в Таджикистане до этого не использовалась из-за ее сложности и высокой стоимости. Как правило, данная методика применяется на тех участках, где поисковым бурением уже получены притоки нефти или газа, для уточнения строения месторождения, чтобы потом по итогам этой съемки правильно разместить сеть эксплуатационных скважин.

Планы по геологоразведке газовых месторождений на участках «Ренган» (район Рудаки, 20 километров южнее г. Душанбе, центральная часть Таджикистана) и **«Западный Шохамбары»** (Гиссарский район республиканского подчинения, 30 километров западнее г. Душанбе, западная часть Таджикистана). Предполагаемые запасы газа первого участка оцениваются в 35 млрд. кубических метров, второго – 30 млрд. кубических метров.

На указанных площадях работы пока не ведутся¹²⁸. Как представляется, сейсморазведка на них может начаться только после завершения работ на участках «Саргазон» и «Сарикамыш». В качестве основных проблем, затрудняющих и, соответственно, затягивающих проведение работ, российские специалисты называют сложнейшие сейсмологические условия, отсутствие необходимой инфраструктуры, а также соответствующей геологической документации данных участков. Тем не менее приехавший в октябре 2009 года в г. Душанбе на заседание российско-таджикской межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству министр энергетики РФ С. Шматко заявил, что основные геологоразведочные работы на всех четырех лицензионных площадях, включая «Ренган» и «Западный Шохамбары», ориентировочно должны завершиться к 2011 году. После их окончания будет составлено технико-экономическое обоснование, которое ляжет в основу создания российско-таджикского совместного предприятия по разработке и освоению месторождений.

В целом предварительные данные, полученные как в ходе проведенных изыскательских работ на участках «Сарикамыш» и «Саргазон», так и анализа уже имевшейся информации по участкам «Западный Шохамбары» и «Ренган», свидетельствуют о том, что все они являются достаточно (по меркам РТ) перспективными. Причем каждый из них имеет как свою специфику, так и общие характеристики, связанные с глубоким залеганием газа и его структурой (со значительными примесями серы, что обязательно должно предполагать строительство газоочистительного завода). Ориентировочные запасы газа на указанных

---

¹²⁸По состоянию на начало 2010 года.

выше нефтегазоперспективных площадях могут составлять в совокупности порядка 130–140 млрд. кубических метров¹²⁹. Эти запасы и должны стать ресурсной базой для деятельности совместного российско-таджикостанского предприятия, о создании которого стороны уже договорились.

По оценкам специалистов «Газпрома», только для проведения геологоразведочных работ и создания необходимой инфраструктуры на таджикской территории необходимо около 500 млн. долларов капиталовложений. В настоящее время¹³⁰ российские инвестиции составляют ориентировочно **65 млн. долларов** (с начала деятельности «Газпрома» в РТ): в 2006 году – 7 млн., в 2007 году – 13 млн., в 2008 году – около 16 млн., в 2009 году – до 30 млн. долларов только на проведение сейсморазведочных изысканий на участках «Саргазон» и «Сарикамыш»).

Как считают в Душанбе, практическая реализация данных проектов призвана содействовать достижению Таджикистаном энергетической независимости, обеспечить республику собственным природным газом, особенно в ситуации, когда страна полностью зависит от его поставок из Узбекистана. В среднем, Таджикистан потребляет порядка 800–900 млн. кубических метров газа в год, где лишь незначительная часть – около 2–3% добывается непосредственно в РТ.

Проекты по реализации нефтепродуктов

Проникновение российского бизнеса на рынок нефтепродуктов Таджикистана началось сравнительно недавно. В 2007 году дочерняя компания «Газпрома» – «Газпром нефть» создала в РТ сбытовое предприятие ООО «Газпром нефть Таджикистан»¹³¹. В качестве основного направления деятельности указанной структуры была определена поставка и реализация в республике бензина (в основном низкооктаново-

---

¹²⁹Всего же, как считают в «Газпроме», общие прогнозные запасы Таджикистана могут составлять порядка 3 трлн. кубических метров газа.

¹³⁰По состоянию на начало 2010 года.

¹³¹Является структурным подразделением компании «Газпром нефть Азия» (владеет 100% акций указанного предприятия), которая зарегистрирована в Кыргызстане.

го марки А-80) и дизельного топлива, выпускаемого Омским НПЗ (принадлежит «Газпром нефти»). Для этих целей компания арендовала в РТ 4 нефтебазы и начала развивать сеть автозаправочных станций. В 2008 году «Газпром нефть Таджикистан» приступила к строительству еще 7 АЗС и одной нефтебазы.

Всего до 2011 года планировалось построить в республике 25 новых АЗС и 4 нефтебазы. В настоящее время¹³² компания уже обеспечивает до 33% всего импорта нефтепродуктов, став крупнейшим нефтетрейдером в РТ¹³³. С момента открытия в 2007 году «Газпром нефтью» своего сбытового предприятия в Таджикистане общий объем капиталовложений в таджикский рынок нефтепродуктов составил порядка **37,5–38,5 млн. долларов**, из которых около 3 млн. долларов были вложены в первый год работы.

* * *

Если в 1990-х годах присутствие России в нефтегазовой отрасли Таджикистана фактически никак не обозначалось, то с началом первого десятилетия XXI века ситуация постепенно, пусть и не так быстро, но меняется: РФ оправданно проявляет все больший интерес к реализации в РТ нефтегазовых проектов. В то же время характер как российско-таджикских отношений в целом, так и проникновения России и российского бизнеса в таджикскую нефтегазовую отрасль все еще представляются неоднозначными. С одной стороны, РФ в лице «Газпрома» уже удалось занять доминирующие по сравнению с другими государствами и зарубежными компаниями позиции. С другой стороны, собственно проектно-инвестиционная активность России пока не столь высока, а перспективы освоения углеводородных месторождений выглядят крайне туманными, равно как и перспективы развития самих двусторонних отношений.

---

¹³²По состоянию на начало 2010 года.

¹³³По состоянию на начало 2010 года поставками нефтепродуктов в РТ занималось 35 местных и зарубежных компаний из России, Казахстана, Узбекистана и Туркменистана. Ежемесячные потребности республики в нефтепродуктах в среднем составляли 20 тысяч тонн.

Во-первых, объемы российских финансовых ресурсов в таджикской нефтегазовой отрасли являются незначительными и, по состоянию на начало 2010 года, оцениваются немногим более **100 млн. долларов**, из которых около 65 млн. долларов – инвестиции, а менее 40 млн. долларов – капиталовложения в целях закрепления на рынке нефтепродуктов. И это при всем том, что в Таджикистане, в отличие, например от соседнего Кыргызстана, эксперты все же прогнозируют наличие более-менее крупных для РТ запасов газа, которые в перспективе могли бы полностью удовлетворить энергетические потребности республики.

Во-вторых, таджикская нефтегазовая отрасль не представляет особого интереса для России, поскольку в Таджикистане нет такого объема углеводородов, которые могли бы иметь значение для энергетической безопасности РФ. Тем более, что перспективные месторождения в РТ, в первую очередь газовые, характеризуются повышенной технологической сложностью разработки (залегают на глубине от 5500 до 7000 метров), и по этой причине чрезвычайно дороги в освоении.

В-третьих, как показывает практика, все попытки российского бизнеса расширить свое присутствие в различных отраслях и секторах таджикской экономики путем приобретения активов предприятий и взятия под свой контроль их деятельности, сталкиваются с сопротивлением Душанбе. И нефтегазовая отрасль не является исключением. Проявляя заинтересованность в российских инвестициях, Таджикистан тем не менее особо не стремится допускать компании из России к участию в приватизации стратегических объектов своей экономики (в том числе и в нефтегазовой отрасли), желая сохранить государственный контроль над ними. Однако Россия и российский бизнес не желают работать на таких условиях, а некое компромиссное политическое решение между РФ и РТ по этому принципиально важному вопросу двусторонних отношений пока не найдено.

Однако и само нефтегазовое направление важно для России не само по себе, а лишь в контексте общей стратегии по усилению присутствия в Таджикистане и Центральной Азии. В этой связи, представляется, что главный экономический интерес РФ в РТ должен быть связан

с освоением богатой минерально-сырьевой базы республики (в таджикских недрах содержится практически вся таблица Менделеева) и, соответственно, с горнодобывающей и металлургической отраслями. Как следствие, стратегические интересы России должны быть нацелены на введение в строй новых энергогенерирующих мощностей, что возможно путем установления контроля над гидроэнергетической отраслью, удовлетворения энергетических потребностей Таджикистана и решения водно-энергетической проблемы Центральной Азии.

Гидроэнергетическая отрасль

В советский период времени энергетическая отрасль Таджикистана (Таджикской ССР), основу которой на 95% составляла гидроэнергетика, отличалась достаточно высокой рентабельностью. Таджикистан, так же, как и Кыргызстан, играл важную роль как поставщик электроэнергии в ЕЭС СССР. В республике была построена сеть гидроэлектростанций, в т.ч. Нурекская ГЭС (2700 МВт), которая вошла в 30 самых мощных гидроэлектростанций мира. После распада СССР и вплоть до начала XXI века таджикская гидроэнергетика, так же, как и другие отрасли национальной экономики, переживала период глубокого кризиса и мало интересовала Россию и российский бизнес.

Повышение интереса к гидроэнергетической отрасли РТ стало возможным только с приходом в Кремль нового руководства, последовавшим повышением роли и места Центральной Азии в системе внешнеполитических приоритетов России. Так, уже в 2004 году между правительствами РФ и РТ было подписано соглашение о порядке и условиях долевого участия России в достройке Сангтудинской ГЭС-1. Согласно этому соглашению, право на реализацию этого проекта получало РАО «ЕЭС России». В том же году частная компания «РУСАЛ» проявила заинтересованность и к достройке Рогунской ГЭС. Однако после нескольких лет деятельности в Таджикистане, российская сторона стала сталкиваться со все большими трудностями, которые и по настоящее время негативным образом влияют на масштабы, интенсив-

ность и эффективность российско-таджикского сотрудничества в гидроэнергетической отрасли.

*Проекты по совместному строительству
и использованию электрогенерирующих мощностей*

С самого начала проникновения в гидроэнергетику Таджикистана свой основной интерес российская сторона сосредоточила на крупнейших ГЭС, расположенных на реке Вахш, строительство которых началось еще в советский период времени.

Завершение строительства и эксплуатация Сангтудинской ГЭС-1 (расположена на реке Вахш в Дангаринском районе Хатлонской области, юго-западная часть Таджикистан). Проектирование ГЭС началось еще в 1970-х годах, а строительство в конце 1980-х. Всего было выполнено около 20% необходимых работ, которые в начале 1990-х годов были приостановлены из-за отсутствия финансирования в условиях распада СССР, глубокого экономического спада в самой РТ, вызванного гражданской войной и послевоенной нестабильностью.

В 2005 году в результате предварительных договоренностей между президентами России и Таджикистана и подписания соглашения между правительствами двух стран с целью достройки и дальнейшей эксплуатации гидроэлектростанции создано совместное российско-таджикское предприятие **ОАО «Сангтудинская ГЭС-1»**. В декабре 2006 года было осуществлено перекрытие реки Вахш, в январе 2008 года введен в строй первый агрегат из четырех мощностью 167,5 МВт, а в мае 2009 года – четвертый, последний гидроагрегат Сангтудинской ГЭС-1. Торжественное открытие ГЭС с участием президентов России и Таджикистана состоялось 31 июля 2009 года. Запуск четвертого агрегата позволил вывести ГЭС на полную проектную мощность в 670 МВт. Завершение строительства Сангтудинской ГЭС проходило при 100%-ном российском финансировании. Инвестиции оцениваются примерно в **700 млн. долларов**.

Доля России в уставном капитале ОАО «Сангтудинская ГЭС-1» составляет 84,03% (ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС» 69,13%, **Федеральной**

сетевой компании ЕЭС 14,9%), а доля Таджикистана 15,97%¹³⁴. Однако таджикская сторона до сих пор не оплатила свою долю в Сангтудинской ГЭС. Более того, электростанция несколько раз находилась под угрозой остановки агрегатов из-за образующейся высокой задолженности таджикских энергопотребителей. Как представляется, складывающаяся ситуация будет выступать в качестве одного из факторов, сдерживающих готовность РФ к участию в строительстве других гидроэнергетических объектов на территории РТ.

Планы по завершению строительства Рогунской ГЭС (расположена на реке Вахш в Рогунском районе республиканского подчинения, центральная часть Таджикистана). Гидроэлектростанция входит в состав Вахшского каскада, являясь его верхней ступенью. Спроектирована в середине 1970-х годов институтом «Средазгидропроект» (УзССР). Проектная мощность ГЭС – 3600 МВт, среднегодовая выработка – 13,1 млрд. кВт/ч. электроэнергии.

Строительство ГЭС началось в 1976 году. В 1987 году на гидроэнергетическом объекте приступили к возведению плотины. К 1992 году высота верховой строительной перемычки достигла 40 метров. К этому же времени был пройден 21 километр тоннелей, выполнена основная работа по строительству помещений машинного и трансформаторного залов. С распадом Советского Союза строительство ГЭС было сразу же законсервировано. В мае 1993 года верховая строительная перемычка была смыта мощным паводковым потоком, тоннели и машинный зал были частично затоплены. В итоге в течение фактически 10 лет работы на объекте не велись.

По мере же стабилизации ситуации в республике и постепенного выхода национальной экономики из кризисного состояния, руководство РТ стало предпринимать все более активные попытки по реанимации идеи строительства этого крупнейшего гидроэнергетического объекта. В 2004 году было подписано соглашение между правительством Таджикистана и российской компанией «РУСАЛ» о достройке

---

¹³⁴По состоянию на начало 2010 года.

ГЭС. На средства «РУСАЛА» было подготовлено технико-экономическое обоснование проекта, проведен ряд работ на площадке ГЭС (в частности, осушен машинный зал). Однако сторонам тогда не удалось согласовать ряд принципиальных особенностей проекта, в частности, высоту плотины¹³⁵ и ее тип. Поэтому в 2007 году Таджикистан официально расторг соглашение с данной компанией. Российская сторона при этом официально из проекта не выходила. Преемником же «РУСАЛА» стала компания **ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС»**, которая несколько раз возобновляла переговоры с таджикской стороной по вопросу своего участия в достройке ГЭС, но безрезультатно. Российский энергохолдинг выражал заинтересованность в получении контрольного пакета акций Рогунской ГЭС, а таджикские власти же предлагали миноритарный пакет, что, по мнению специалистов из РФ, делает строительство невыгодным. В 2009 году российская сторона решила отложить на неопределенное время вопрос о своем участии в данном проекте. При этом Россия фактически поддержала позицию Узбекистана, который категорически выступает против возведения станции без проведения соответствующей международной экспертизы на предмет возможных экологических и экономических последствий для всего центральноазиатского региона.

В свою очередь, летом 2008 года Таджикистан самостоятельно возобновил достройку ГЭС за счет национального бюджета, а чуть позже и средств населения (путем реализации акций). По состоянию на начало 2010 года, уже завершены работы по восстановлению строительных туннелей. Пуск первой очереди в составе двух гидроагрегатов общей мощностью 400 МВт планируется осуществить в конце 2012 года, что, однако, представляется крайне маловероятным. Стоимость завершения строительства оценивается в пределах от 1,3 до 2,2 млрд. долларов, первой очереди – 590 млн. долларов.

---

¹³⁵«РУСАЛОм» предлагался вариант бетонной плотины высотой 285 метров, в то время как таджикская сторона настаивала на высоте плотины не менее 325 метров.

Планы по строительству малых ГЭС. В ходе визита президента РФ Д. Медведева в Таджикистан в августе 2008 года на высшем уровне была достигнута предварительная договоренность о возможности участия **ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС»** в проекте строительства в Таджикистане трех гидроэлектростанций общей мощностью около 700 МВт. В настоящее время российская компания ведет обсуждение ТЭО проекта. Однако специалисты «ИНТЕР РАО ЕЭС» отмечают сложности в достижении договоренностей с властями Таджикистана, приводя в пример буксующий проект строительства Рогунской ГЭС. Как представляется, негативный фон для российской стороны создают также периодически возникающие сложности в совместном проекте по эксплуатации Сангтудинской ГЭС-1, который на данный момент с большим трудом покрывает вложенные в него Россией финансовые ресурсы, не говоря уже о получении какой-либо коммерческой прибыли.

* * *

Несмотря на достаточно высокий интерес России и российского бизнеса к гидроэнергетической отрасли Таджикистана, двустороннее сотрудничество в данном направлении пока не носит продуктивный характер. Кризисное состояние национальной экономики РТ и непоследовательность подходов руководства республики к развитию российско-таджикских отношений в целом, и разрешению болезненной для ЦА водно-энергетической проблемы, в частности, являются на современном этапе сложными препятствиями на пути к развитию взаимовыгодного двустороннего и многостороннего сотрудничества с Таджикистаном, в том числе в гидроэнергетической отрасли. Тем не менее, даже несмотря на все эти обстоятельства, гидроэнергетическая отрасль РТ по-прежнему должна сохранять свою привлекательность для РФ, входить в число приоритетных направлений внешней политики России.

Во-первых, Таджикистан по удельным показателям запасов гидроэнергоресурсов занимает первое место в мире, а по абсолютным показателям (около 300 млрд. кВт/час в год) – восьмое. В случае их макси-

мально полного использования, РТ может стать крупнейшим экспортером электроэнергии не только в регионе, но и в мире.

Во-вторых, Россия уже располагает крупными активами в гидроэнергетической отрасли Таджикистана, владея контрольным пакетом акций Сангтудинской ГЭС-1, в достройку которой было вложено порядка 700 млн. долларов. Даже с коммерческой точки зрения вполне естественным должно быть стремление российской стороны сохранить и расширить свое присутствие в таджикской гидроэнергетике, максимизировав «пакет своих акций» до контрольного.

В-третьих, проникновение в другие стратегические отрасли Таджикистана маловероятно без закрепления в таджикской гидроэнергетике, которая является главным источником выработки электроэнергии и системообразующим сегментом национальной экономики. Поэтому РФ должна продолжить увязывать инвестиции в таджикскую экономику, в том числе в нефтегазовую отрасль, с возможностью установления контроля именно над гидроэнергетической отраслью РТ.

Однако основные перспективы российско-таджикского взаимодействия в гидроэнергетической отрасли все же определяются тем, насколько успешно разрешится болезненная для стран региона водноэнергетическая проблема. Как представляется, ее комплексное решение возможно только в условиях развития реальной экономической интеграции в Центральной Азии, признаков чего, к сожалению, пока не просматривается.

Атомная отрасль

Отправной точкой отсчета в развитии атомной отрасли Таджикистана (Таджикской ССР) следует считать 1926 год, когда на севере республики было открыто Табошарское месторождение. В 1945 году там был создан Горнохимический комбинат №6 (Ленинабадский горнохимический комбинат, с 1990 года – ПО «Востокредмет»). ГХК стал первым объектом сырьевой базы советской атомной промышленности, на котором отрабатывались технологии добычи и переработки урановых руд. Именно здесь из местных источников был добыт и переработан уран для первой советской атомной бомбы. В скором времени

только на севере Таджикистана было запущено уже 7 предприятий по добыче урана. По мере истощения к началу 1960-х годов местных рудников сырье для переработки стало завозиться из Узбекистана, Казахстана, и Кыргызстана. Тем не менее еще в 1980-е годы небольшое количество сырья давали месторождение «Табошар» и расположенный рядом с г. Ленинабадом (в н.в. – г.Худжандом) рудник «Правый берег». Здесь велись опытно-промышленные работы по кучному выщелачиванию урана из бедных руд и горно-скважинному способу выщелачивания урана на месте залегания руд. Результатом всей этой деятельности стало накопление в северном Таджикистане свыше 50 млн. тонн радиоактивных отходов (одно из крупнейших захоронений урановых отходов в мире).

После распада СССР и вплоть до середины первого десятилетия нынешнего века предприятия бывшей атомной отрасли в Таджикистане не вызвали практически никакого интереса со стороны России и российского бизнеса. Это во многом было обусловлено последствиями распада единой экономики СССР и слабым интересом РФ к ее восстановлению, а также гражданской войной в республике в 1990-е годы и общим упадком таджикской экономики в постсоветский период. Однако, после того как в январе 2006 года президент РФ В. Путин, выступая на саммите государств ЕврАзЭС, предложил создать на базе бывших объектов советского атомного комплекса, расположенных на территории стран СНГ, глобальную инфраструктуру региональных центров по предоставлению услуг ядерно-топливного цикла, интерес России к Таджикистану обозначился вновь.

Официальные представители российской госкорпорации «Росатом» в последнее время неоднократно заявляли о возможности совместной деятельности, в том числе на базе производственного объединения «Востокредмет». Кроме того, у российской стороны есть определенный интерес к разработке на территории Таджикистана новых урановых месторождений, в частности в Раштском (восточная часть РТ) и Гиссарском районах (западная часть РТ), которые были обнаружены еще в советский период времени, но из-за их труднодоступности не

осваивались¹³⁶. Пока какой-либо конкретной информации по сотрудничеству в данном сегменте ТЭК Таджикистана нет, а стороны ограничиваются лишь декларативными заявлениями.

* * *

Несмотря на практическое отсутствие каких-либо значимых российских проектов в атомной отрасли Таджикистана, кооперация и интеграция между РФ и РТ в данном направлении в будущем может иметь хорошие перспективы.

Во-первых, Россия, реализуя масштабную программу развития собственного атомного комплекса, безусловно должна быть заинтересована в использовании уже имеющихся мощностей в Таджикистане, в частности ПО «Востокредмет», которое пока еще продолжает сохранять свой производственный потенциал. Тем более, что пусть и опосредовано, но российская сторона, на основании подписанного в 2006 году межправительственного соглашения, уже использует мощности филиала данного предприятия в п. Табошар для утилизации отходов твердого ракетного топлива. Это может послужить некой основой для дальнейшего развития сотрудничества.

Во-вторых, опять же в рамках реализации программы развития своей атомной отрасли для России могут представлять интерес открытые еще в советский период, но не разрабатываемые месторождения уранового сырья в западных и восточных районах Таджикистана.

В-третьих, с коммерческой точки зрения для российского бизнеса определенный интерес может представлять участие в проектах по утилизации радиоактивных отходов в местах ранее разрабатываемых месторождений на севере республики, тем более, что соответствующую встречную заинтересованность проявляет и сам Таджикистан.

Однако уровень и интенсивность кооперации и интеграции между РФ и РТ в атомной отрасли, так же, как и взаимодействия в других отраслях ТЭК, во многом будет определяться состоянием российско-

---

¹³⁶«Росатом» заинтересован в сотрудничестве с Таджикистаном по урану. / Информационное агентство «РИА-Новости» (Россия), 15 ноября 2009 года, <http://www.polimers.uaprom.net/a9381-rosatom-zainteresovan-sotrudnichestve.html>

таджикских отношений в целом, а также стремлением руководства Таджикистана создать благоприятные условия для российского бизнеса в республике. На формирование этих условий, как представляется, и должно быть нацелено основное внимание России и соответствующих министерств и ведомств.

Выводы: проблемы, прогноз и основные риски

Если в 1990-х годах присутствие России в ТЭК Таджикистана фактически никак не обозначалось, то в первом десятилетии XXI века ситуация изменилась: Москва стала проявлять все больший интерес к реализации в РТ ряда энергетических проектов в нефтегазовой отрасли и гидроэнергетике. В то же время характер проникновения России и российского бизнеса в таджикскую энергетику все еще представляется неоднозначным и двусмысленным. С одной стороны, Россия, осуществив стратегически важный для Таджикистана крупный гидроэнергетический проект (строительство Сангтудинской ГЭС), а также приступив к геологоразведке таджикских углеводородных месторождений, уже заняла доминирующие по сравнению с другими государствами и зарубежными компаниями позиции в ТЭК Таджикистана. С другой стороны, собственно проектно-инвестиционная активность России пока не столь высока, а ее перспективы в основных отраслях таджикского ТЭК (гидроэнергетической, нефтегазовой и атомной) выглядят крайне туманными.

Во-первых, объемы российских финансовых ресурсов в таджикской энергетике по состоянию на начало 2010 года оцениваются в пределах 815–835 млн. долларов, включая 115–135 млн. долларов в нефтегазовой отрасли и 700 млн. долларов в гидроэнергетической отрасли (строительство Сангтудинской ГЭС). Хотя данный объем инвестиций является существенным на фоне нынешних масштабов таджикской экономики, он вряд ли будет увеличиваться в кратко- и среднесрочной перспективе. И это при всем том, что гидроэнергетический потенциал

Таджикистана очень высок¹³⁷ и, помимо этого, эксперты все же прогнозируют наличие в Таджикистане более-менее крупных для РТ запасов газа, которые в перспективе могли бы полностью удовлетворить потребности республики.

Во-вторых, ТЭК Таджикистана не представляет особого интереса для России, поскольку в Таджикистане нет такого объема энергоносителей, которые могли бы иметь сколько-нибудь существенное значение для энергетической безопасности РФ. Тем более, что ключевая отрасль таджикского ТЭК, гидроэнергетическая, в целом находится в крайне тяжелом состоянии, пока нерентабельна для российских компаний и требует огромных инвестиций (причем в условиях нерешенности водно-энергетической проблемы Центральной Азии), а перспективные газовые месторождения в РТ характеризуются повышенной технологической сложностью разработки (залегают на глубине от 5500 до 7000 метров), и по этой причине чрезвычайно дороги в освоении. Состояние же атомной отрасли Таджикистана сегодня таково, что она вряд ли будет представлять интерес для России, по крайней мере, в среднесрочной перспективе.

В-третьих, как показывает практика, все попытки российского бизнеса расширить свое присутствие в различных отраслях и секторах таджикской энергетики путем приобретения активов предприятий и взятия под свой контроль их деятельности, сталкиваются с сопротивлением Душанбе. Проявляя заинтересованность в российских инвестициях, Таджикистан тем не менее пытается не допускать российские компании к участию в приватизации стратегических объектов своей энергетики, желая сохранить государственный контроль над ними¹³⁸.

---

¹³⁷По гидроэнергоресурсам Таджикистан занимал 2-е место в бывшем СССР после РСФСР.

¹³⁸Особенно ярко данный противоречивый подход Таджикистана к сотрудничеству с Россией проявляется в гидроэнергетической отрасли. Летом 2009 года в присутствии президентов РФ и РТ – Д. Медведева и Э. Рахмона был произведен запуск 4-го гидроагрегата ГЭС «Сангтуда-1». Этот долгострей велся еще с конца 80-х годов прошлого века и лишь осенью 2004 года Россия и Таджикистан договорились об его завершении. Однако таджикская сторона до сих пор не оплатила свою 16%-ную долю в Сангтудинской ГЭС. Помимо этого, еще в

Однако российский бизнес не готов работать на таких условиях, а некое компромиссное политическое решение между Россией и Таджикистаном по этому принципиально важному вопросу двусторонних отношений пока не найдено.

В итоге, энергетическое взаимодействие с Таджикистаном важно для России не само по себе, а лишь в контексте общей стратегии по усилению своих политических и экономических позиций в Таджикистане и Центральной Азии. Как представляется, главный экономический интерес РФ в РТ должен быть связан с богатой минерально-сырьевой базой республики (горнодобывающая и металлургическая отрасль). Однако проникновение в данные отрасли крайне трудно без закрепления в таджикском ТЭК. Прежде всего, это касается гидроэнергетики, которая является главным источником выработки электроэнергии и системообразующим сегментом таджикской экономики: тот, кто контролирует гидроэнергетическую отрасль РТ, тот по большому счету контролирует весь Таджикистан. Поэтому РФ должна продолжать увязывать инвестиции в таджикскую экономику с возможностью установления контроля над гидроэнергетической отраслью Таджикистана.

В то же время развитие таджикской гидроэнергетики посредством строительства здесь каскада крупных ГЭС невозможно без решения жизненно важного для Центральной Азии водно-энергетического вопроса относительно использования водных ресурсов бассейна Сырдарьи и Амударьи. Одним же из наиболее реальных (в современных условиях) вариантов решения этой проблемы является удовлетворение потребностей Таджикистана в углеводородных ресурсах, что снизит необходимость выработки дополнительных объемов электроэнергии, и соответственно, снимет остроту вопроса реализации крупных гидро-

---

2004 году Россия намеревалась вложить 2 млрд. долларов в строительство Рогунской ГЭС, но Таджикистан решил оставить все будущие гидроэнергетические объекты полностью в своей госсобственности. Аналогичный подход у властей Таджикистана и к российскому присутствию в нефтегазовой отрасли. Если, например, тот же Кыргызстан проявлял уступчивость, допуская «Газпром» к приватизации ключевых объектов своей нефтегазовой отрасли, то Таджикистан категорически не идет ни на какие уступки, одновременно требуя от Москвы инвестиций и политической поддержки.

энергетических проектов, равно как и понизит градус «политических страстей» в отношениях между РТ и РУз.

В целом, несмотря на второстепенность интереса России и российского бизнеса к нефтегазовой отрасли ТЭК Таджикистана, тем не менее именно нефтегазовое направление на современном этапе способно сыграть немаловажную роль в контексте проникновения и закрепления РФ в стратегически важных сегментах экономики РТ и усиления экономических, военных и политических позиций в республике и регионе в целом.

Прогноз

В ближайшей перспективе, скорее всего, не следует ожидать существенного увеличения проектно-инвестиционной активности России и российских бизнес-структур во всех отраслях таджикского ТЭК: гидроэнергетической, нефтегазовой и атомной. В этой связи масштабы и интенсивность дальнейшего проникновения РФ и российских компаний в энергетику и в целом в экономику РТ во многом будут определяться характером развития российско-таджикских политических отношений, которые, однако, нельзя назвать устойчивыми.

Гидроэнергетическая отрасль. Будущий формат российско-таджикского взаимодействия в гидроэнергетической отрасли определятся тем, насколько успешно разрешится болезненный для стран Центральной Азии водно-энергетический вопрос. Дело в том, что центральноазиатские потребители воды (в какой-то степени Казахстан и Туркменистан но, в особенности, Узбекистан) настроены категорически против строительства крупных ГЭС в Таджикистане (и Кыргызстане). Данное строительство, по мнению вышеуказанных стран, нарушит водный баланс региона и нанесет катастрофический ущерб их сельскому хозяйству и экологии. Как представляется, разрешение водно-энергетического вопроса возможно только в условиях форсирования процесса реальной экономической интеграции в Центральной Азии, признаков чего, к сожалению, пока не просматривается. По этой причине Россия, скорее всего, отложит «до лучших времен» свое участие в гидроэнергетических проектах в Таджикистане (и, скорее всего, в Кыргызстане).

Нефтегазовая отрасль. Перспективы отношений между РФ и РТ в нефтегазовой отрасли очень туманны. С одной стороны, геологоразведочные изыскания в Таджикистане только ведутся и окончательно не определены ни объемы имеющихся запасов углеводородного сырья, ни возможность их рентабельной добычи в промышленных масштабах. С другой стороны, даже в случае подтверждения наличия в РТ крупных запасов углеводородов РФ скорее всего не приступит к их разработке: по крайней мере, до тех пор, пока между Москвой и Душанбе не будут согласованы принципиальные условия контроля Россией и российским бизнесом стратегических отраслей таджикской экономики – гидроэнергетической, горнодобывающей и металлургической. В условиях же современной политики РТ решение подобных вопросов именно в пользу РФ крайне маловероятно.

Атомная отрасль. Возобновление российско-таджикского взаимодействия в атомной отрасли представляется практически невозможным. Объекты атомной отрасли Таджикистана могут играть лишь вспомогательную роль в технологической цепочке ядерно-топливного цикла на постсоветском пространстве, основными участниками которого являются Россия, Казахстан, Украина, Узбекистан. До тех пор пока данный цикл не будет функционировать в полную силу, урановые объекты Таджикистана, скорее всего, будут не востребованы. В то же время в случае возникновения необходимости поиска нестандартных решений в плане усиления влияния РФ в РТ может возникнуть и необходимость использовать атомное направление сотрудничества для ускорения двустороннего взаимодействия в других, более приоритетных направлениях (как в ТЭК, так и в экономике в целом).

Основные риски

Как представляется, основными рисками являются следующие:

- негибкий/непоследовательный подход руководства РТ к выстраиванию энергетического взаимодействия с РФ;
- внешняя конкуренция за ключевые отрасли таджикской экономики;
- ухудшение финансового состояния российских компаний.

Негибкий/непоследовательный подход руководства РТ к выстраиванию экономического взаимодействия с РФ

Стремление руководства Таджикистана во что бы то ни стало решить вопрос энергетического обеспечения республики за счет строительства крупных гидроэнергетических сооружений, в частности Рогунской ГЭС, ставит Россию в достаточно непростое положение и негативно влияет на весь фон российско-таджикских отношений. Это, несомненно, сказывается и на атмосфере присутствия российского бизнеса в республике. В частности, по мере того как Россия стала более взвешено с учетом интересов соседних с Таджикистаном центральноазиатских государств подходить к вопросу строительства крупных ГЭС, российские компании начали сталкиваться с саботажем со стороны таджикских официальных структур решений организационных вопросов энергетического сотрудничества (в частности, в нефтегазовой отрасли).

Помимо этого, нельзя исключать, что современный алгоритм поведения таджикского руководства может привести к значительным сложностям во взаимоотношениях между РФ и РТ и по другим направлениям межгосударственного сотрудничества. Одним из свидетельств этому является решение Душанбе не допускать российские компании к тендеру на разработку крупного месторождений серебра «Большой Конимансур Калон». Хотя еще в 2006 году один из крупнейших российских холдингов – «Норильский никель» направлял в таджикские профильные структуры свои инвестиционные предложения по его освоению и получил от них положительную оценку. В итоге достаточно вероятно, что деятельность российских компаний в Таджикистане может быть свернута, в то время как Душанбе будет договариваться об освоении своих природных ресурсов, в том числе энергетических, с другими зарубежными компаниями.

Внешняя конкуренция за ключевые отрасли таджикской экономики

Пытаясь усилить свое присутствие в ТЭК Таджикистана и стратегически значимых отраслях таджикской экономики, Россия может столкнуться с серьезной конкуренцией со стороны ряда других государств и зарубежных компаний. Тем более, что на протяжении последних лет РТ, находясь в состоянии глубокого экономического (в том числе энергетического) кризиса и «внешнеполитических метаний», всячески старается снизить зависимость от РФ путем максимально возможной диверсификации своих внешних связей. Повышенная активность и неразборчивость в схемах сотрудничества с партнерами Таджикистана в данном плане объясняется тем, что состояние таджикской экономики в целом катастрофическое, и поэтому Душанбе стремится привлечь финансовые средства откуда это только возможно и в данном плане делает основную ставку на соседний Китай. Показательно то, что Таджикистан – единственная страна в регионе, которая не только не опасается китайской экспансии, но и напротив – всячески содействует экономическому проникновению Китая, охотно принимает китайские кредиты, идет на уступки китайским компаниям. В частности, тендер на разработку упомянутого выше месторождения серебра «Большой Конимансур Калон», к которому Душанбе не допустил российские компании, выиграла китайская корпорация.

Учитывая откровенно «прокитайскую» внешнеэкономическую политику Таджикистана, наиболее вероятным и сильным конкурентом России может стать именно Китай, тем более, что КНР сегодня является крупнейшим финансовым донором Таджикистана, а китайские компании уже глубоко проникли в экономику республики. В частности, объем китайских финансовых ресурсов в таджикской экономике составляет не менее 732 млн. долларов (где на отрасли ТЭК приходится около 44%), включая 600 млн. долларов кредитов, 50 млн. долларов инвестиций и 82 млн. долларов приобретенных активов¹³⁹. Это позволяет говорить об устойчивых позициях Китая в таджикской экономике.

---

¹³⁹По состоянию на начало 2010 года.

В настоящее время экономический интерес КНР в РТ затрагивает преимущественно горнодобывающую отрасль, малую гидроэнергетику, транспорт и телекоммуникации. Вполне возможно, что если ведущиеся российской стороной геологоразведочные изыскания дадут положительные результаты о наличии в Таджикистане промышленных запасов того же газа, то эти месторождения могут стать объектом повышенного интереса китайских нефтегазовых компаний. Безусловно, что Китай, так же, как и Россия, будет заинтересован не столько в самих таджикских энергоносителях, сколько в возможности расширения за счет этого своего присутствия в других сегментах таджикской экономики.

Помимо этого, РФ и российские компании могут столкнуться с конкуренцией и со стороны ряда западных государств и структур, которые уже проявляют определенный интерес к таджикской энергетике, пока преимущественно к поиску углеводородов. С 2007 года геологоразведку на перспективных нефтегазоносных площадях в Согдийской области на севере РТ ведет совместное таджикско-швейцарское предприятие *Somon Oil*. В 2009 году канадская компания *Tethys Petroleum Ltd.* («Тэтис Петролеум Лимитед») получила лицензию на проведение геологоразведочных работ в Бохтарском районе на юго-западе Таджикистана, на территории которого, по мнению специалистов, могут находиться перспективные пласты, содержащие углеводороды. Впрочем, таджикская энергетика и экономика в целом вряд ли будут представлять значительный интерес для западных компаний. Как отмечалось ранее, наиболее вероятно, что главным и сильным конкурентом России в Таджикистане в средне- и долгосрочной перспективе будет все же Китай.

***Ухудшение финансового состояния российских компаний,
что приведет к свертыванию их инвестиционных программ
и нарушению взятых обязательств***

Данный риск связан с возможностью дальнейшего углубления мирового кризиса и, как следствие, резким ухудшением глобальной экономической конъюнктуры. В этих условиях российские компании, включая тот же «Газпром», скорее всего, откажутся от проектно-инвестиционной деятельности в таджикской энергетике, в том числе и

от освоения таджикских углеводородных месторождений. Тем более в случае, если запасы углеводородного сырья на месторождениях, разведываемых российскими компаниями на территории Таджикистана, не подтвердятся или их добыча в промышленных масштабах будет оценена как нерентабельная. В условиях ухудшения финансового состояния российские компании будут вынуждены идти на сокращение, в первую очередь, коммерчески малоперспективных проектов, в числе которых с высокой долей вероятности окажутся энергетические проекты в Таджикистане. При подобном сценарии развития ситуации и тем более в условиях отсутствия у российских компаний активов в Таджикистане, Россия может ограничиться лишь реализацией топлива и нефтепродуктов на рынке РТ. Это, в свою очередь, резко ослабит как экономические, так и политические позиции России в Таджикистане в целом, лишит РФ многих рычагов влияния на Душанбе в плане достижения стратегических целей как в республике, так и в регионе ЦА.

Туркменистан

Энергетическое взаимодействие между Россией (РСФСР) и Туркменистаном (Туркменская ССР) еще в бытность Советского Союза осуществлялось исключительно в нефтегазовой отрасли, так как за рамками данной отрасли туркменский ТЭК не располагал промышленными запасами других видов энергоресурсов. Благодаря значительным запасам природного газа и наличию системы магистральных трубопроводов «Средняя Азия – Центр» (САЦ), Туркменская ССР обеспечивала поставки в РСФСР крупных объемов «голубого топлива», которые играли стратегическую роль во всесоюзном ТЭК.

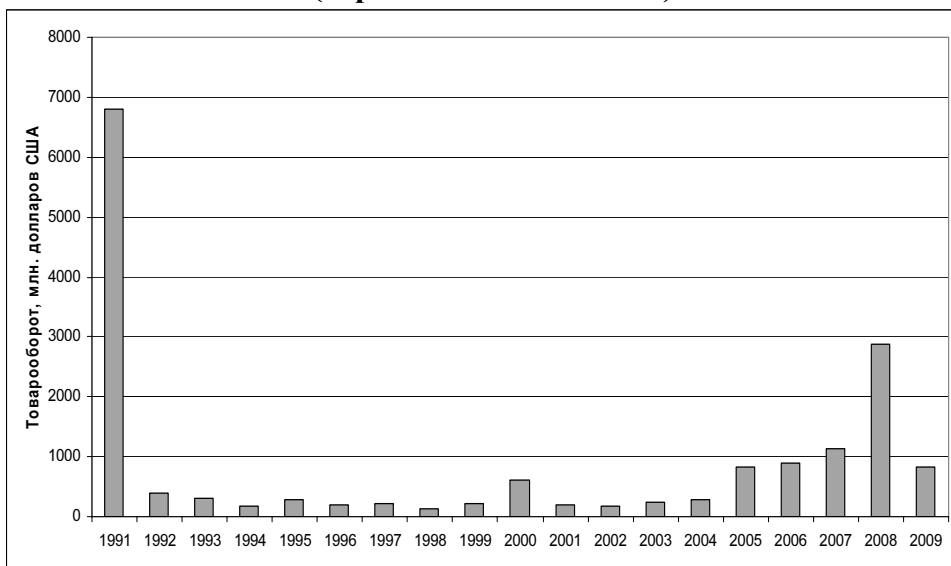
После распада Советского Союза масштабы и интенсивность отраслевой кооперации кардинально уменьшились, а нефтегазовое сотрудничество между двумя странами стало приобретать совершенно новые формы и содержание. В 1990-е годы объемы поставок из Туркменистана в Россию значительно снизились, осуществлялись в незначительных объемах и не на системной основе. Это, в свою очередь, отразилось на российско-туркменских торгово-экономических отноше-

ниях, учитывая то, что не менее 90% туркменского экспорта в Россию приходилось на газ. По сравнению с 1991 годом в 1992 году двусторонний торговый оборот России с Туркменистаном снизился в среднем в 17 раз. На протяжении 1992–2003 годов ежегодные объемы торговли находились в пределах 230–400 млн. долларов. Исключение составил лишь 2000 год, когда товарооборот достиг рекордного для того периода уровня – 602 млн. долларов, что, однако, было связано с массовой и разовой закупкой Россией туркменского газа.

Положительные тенденции в российско-туркменском взаимодействии в нефтегазовой отрасли стали очевидны после прихода к власти в России В. Путина и его команды. Именно тогда двухстороннему сотрудничеству был придан больший динамизм и сформированы предпосылки для подписания в 2003 году межгосударственного соглашения о долгосрочном сотрудничестве в газовой отрасли. До мирового экономического кризиса закупки туркменского газа шли по нарастающей. Отражением этого стал устойчивый рост объемов российско-туркменской торговли. Так, в период 2003–2008 годов двусторонний товарооборот вырос более чем в 12 раз – с 0,2 до 2,8 млрд. долларов. Однако в 2009 году российско-туркменский товарооборот уменьшился более чем в 3 раза – с 2,8 до 0,8 млрд. долларов из-за фактического прекращения (с апреля 2009 года по январь 2010 года) поставок туркменского газа в РФ (диаграмма № 4).

Диаграмма № 4. Торговля России с Туркменистаном (период 1991–2009 годов)

Источники: данные по товарообороту России (РСФСР) с Туркменистаном (Туркменской ССР) за 1991 год получены расчетным путем на основании информации Всемирного банка (Turkmenistan. – The World Bank, Washington, D.C., May 1994, p.219); данные за период 1997–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана (Key Indicators of Developing Asia and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002); данные за период 2002–2009 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана (Turkmenistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009, March 2010).

Примечание: данные за 1991 год в первоисточнике даны в советских рублях, так как в то время республики входили в состав СССР; в настоящей таблице данные за 1991 год пересчитаны в долларах США, исходя из соотношения курса советского рубля к доллару, который устанавливался Государственным Банком СССР на основе паритета покупательской способности валют (1 доллар США = 0,78 рубля); (*) означает, что данные по объемам экспорта и импорта России за 1992, 1993 и 2000 годы отсутствуют.

Структура торговли свидетельствует о практически полной сырьевой ориентации Туркменистана. В 2008 году поставки из Туркмени-

стана в РФ в основном включали энергоносители (газ порядка 90%), хлопковое волокно и другие виды текстильного сырья (порядка 2%). В свою очередь, ассортимент поставок из России включал в основном продукцию машиностроения и металлообработки (около 40%) и продовольствие (порядка 12%) (таблица 4).

Таблица № 4. Товарная структура торговли России с Туркменистаном (2008 год)

Наименование	Импорт России из Туркменистана		Экспорт России в Туркменистан	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Текстильное сырье	51	2,3		-
Энергоносители	1975	90,2		-
Машины и оборудование		-	276	40,5
Продовольствие		-	83	12,2
Прочее	164	7,5	323	47,3
Всего	2190	100	682	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана (Turkmenistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, March 2010).

Туркменский газ вплоть до мирового финансово-экономического кризиса играл принципиально важную роль для России, поскольку позволял выполнять взятые экспортные обязательства по поставкам «голубого топлива» в Европу, на Украину и одновременно откладывать инвестиции в новые дорогостоящие проекты на своей территории. Тем не менее, несмотря на значительные объемы закупаемого в Туркменистане газа (до 2009 года), прямых российских капиталовложений в туркменский ТЭК на настоящее время¹⁴⁰ практически нет, поскольку российские компании пока еще не принимают непосредственного участия в добычных проектах. Те же российские бизнес-структуры, кото-

¹⁴⁰По состоянию на начало 2010 года.

рые сейчас работают в Туркменистане, в основном выполняют контракты, оплачиваемые туркменской стороной из собственного бюджета, либо внешних заимствований.

Нефтегазовая отрасль

В советское время отраслевая кооперация между Россией (РСФСР) и Туркменистаном (Туркменской ССР) касалась в основном поставок газа с туркменских месторождений в Россию/российском направлении и координации действий по обеспечению функционирования магистрального трубопровода «Средняя Азия – Центр» (САЦ). После распада Советского Союза вышеуказанная схема в целом сохранилась, однако значительно снизились масштабы и интенсивность самого взаимодействия. Особенно это было характерно для 1990-х годов. Лишь в начале первого десятилетия наступившего века нефтегазовое сотрудничество между Россией и Туркменистаном стало осуществляться на долгосрочной договорно-правовой основе и получило новый импульс к развитию. Это нашло свое отражение в наращивании поставок природного газа в Россию/российском направлении. По мере увеличения объемов добычи газа в Туркменистане и, соответственно, роста экспорта туркменского «голубого топлива», Россия и российский бизнес стали проявлять заинтересованность в модернизации и увеличении пропускной способности имеющейся на территории Туркменистана газотранспортной инфраструктуры, строительстве новых трубопроводов, а также участии в проектах по разработке углеводородных месторождений в этой центральноазиатской стране.

Проекты по разработке и освоению месторождений

Интерес России и российского бизнеса к добычным проектам в Туркменистане, помимо коммерческой составляющей, как представляется, во многом обусловлен стремлением российской стороны получить непосредственный доступ к туркменской ресурсной базе, что гарантировало бы в будущем поставки сырья в Россию в условиях, когда Ашгабат пытается активно балансировать между зарубежными потре-

бителями углеводородов. В свою очередь, Туркменистан стремится ориентировать Россию и российский бизнес на участие в проектах по разработке месторождений на шельфе Каспийского моря, где в отличие от месторождений на суше еще не урегулированы погранично-территориальные проблемы на целом ряде участков, а их разработка связана с большими технологическими и финансовыми затратами. По некоторым оценкам, общие оценочные запасы углеводородов на туркменском участке шельфа составляют 11 млрд. тонн нефти и 5,5 трлн. кубических метров газа.

Планы по геологоразведке и последующему освоению 29-го, 30-го и 31-го оффшорных блоков на шельфе туркменского сектора Каспийского моря (южная часть туркменского сектора в непосредственной близости от линии морской границы с Ираном, унаследованной от СССР).

Еще в 2001 году российские компании **ОАО «Зарубежнефть»** и **МГК «ИТЕРА»** подписали с правительством Туркменистана Меморандум о намерении по участию в освоении ряда туркменских нефтегазовых месторождений на шельфе Каспийского моря. Для этого в 2002 году «Зарубежнефтью» и «ИТЕРой» было создано совместное предприятие «ЗарИТ», в состав которого затем вошла **НК «Роснефть»**. В 2004 году участником СП стала также Государственная корпорация «Туркменнефть»¹⁴¹. Сторонами было подготовлено к подписанию Соглашение о разделе продукции, которое предусматривало проведение геологоразведочных работ с последующей добычей углеводородов на шельфе Каспийского моря.

Первоначально планировалось, что СП «ЗарИТ» будет участвовать в разработке 29-го, 30-го и 31-го оффшорных блоков. Однако с самого начала деятельности совместного предприятия работа была замороже-

---

¹⁴¹ Доли участников СП распределены следующим образом: НК «Роснефть» – 31%, «ИТЕРА» – 31%, «Зарубежнефть» – 23%, ГК «Туркменнефть» – 15%.

на из-за того, что один из блоков – 31-й, расположен на спорной территории морского шельфа Туркменистана и Ирана¹⁴².

Планы по геологоразведке и последующему освоению 21-го оффшорного блока на шельфе туркменского сектора Каспийского моря (юго-восточная часть туркменского сектора). Прогнозируемые запасы составляют более 200 млн. тонн нефти, 92 млрд. кубических метров попутного газа и 100 млрд. кубических метров природного газа.

В 2008 году компании «Роснефть», «Зарубежнефть» и «ИТЕРА» в рамках проекта «ЗарИТ» подали туркменской стороне заявку на получение лицензии на геологическое изучение 21-го и 22-го блоков шельфа Каспийского моря, по которым территориальных споров между Туркменистаном и Ираном нет. Однако положительного ответа от туркменских властей не последовало.

В начале 2009 года «ИТЕРА» повторно и уже самостоятельно подала заявку на разработку этих блоков, получив предварительное согласие властей Туркменистана на работы лишь только на 21-м блоке. В сентябре 2009 года в ходе визита президента России Д. Медведева в г. Ашгабат, «ИТЕРА» подписала с Государственным агентством по управлению и использованию углеводородных ресурсов при президенте Туркменистана СРП по данному оффшорному блоку. Уже в конце того же года МГК «ИТЕРА» подписала Соглашение о сотрудничестве в проведении геологоразведочных работ на 21-м блоке и его дальнейшей разработке с компанией ОАО «Зарубежнефть», имеющей большой опыт морского бурения¹⁴³. Документ также предусматривает, что «За-

---

¹⁴²Иран с момента распада СССР и возникновения проблемы раздела каспийского шельфа между пятью прибрежными государствами, претендует на увеличение своего сектора Каспийского моря, в том числе и за счет туркменского участка.

¹⁴³ОАО «Зарубежнефть» – российская государственная нефтяная компания. Старейшее предприятие нефтегазовой отрасли России, которое основано еще в советский период времени для строительства объектов нефтяной промышленности за рубежом. После преобразования в открытое акционерное общество в 2004 году 100% акций компании принадлежат «Росимущество».

рубежнефть» приобретет у «ИТЕРЫ» 51%-ю долю участия в проекте после соответствующего разрешения туркменских властей.

Работы на месторождении планировалось начать в 2010 году и уже до 2013 года – провести комплекс геологоразведочных мероприятий, в том числе пробурить разведочную скважину глубиной до 7 километров. По предварительным оценкам, ежегодная добыча на указанном участке шельфа может составить примерно 4,5 млрд. кубических метров газа¹⁴⁴ и около 11 млн. тонн нефти.

Ожидается, что инвестиции в данный проект между российскими компаниями будут распределяться в зависимости от их долевого участия. По одним данным, стоимость работ по освоению месторождения оценивается примерно в 1 млрд. долларов, а по другим – 6 млрд. долларов.

Планы по освоению и разработка ряда месторождений на площади «Южный Гутлыаяк» в Центральных Каракумах (приблизительно в 100 километрах к северо-западу от г. Ашгабата).

По данным ГК «Туркменгаз», при опробовании одной из разведочных скважин, пробуренной на площади «Южный Гутлыаяк» в 2008 году, был получен промышленный приток газа и газоконденсата суточным дебитом более 200 тыс. кубических метров. Продуктивный горизонт вскрыт на глубине 4040-4060 метров. По мнению туркменских специалистов, полученные данные позволяют говорить о том, что «Южный Гутлыаяк» – это достаточно крупное газоконденсатное месторождение.

В начале 2009 года МГК «ИТЕРА» подписала контракт с ГК «Туркменгаз» на освоение и последующую разработку ряда месторождений на площади «Южный Гутлыаяк». В рамках данного проекта, предусматривается строительство «ИТЕРой» трубопроводной ветки,

---

¹⁴⁴По мнению ряда экспертов, газ с 21-го блока может пойти в Иран и/или в перспективе стать частью ресурсной базы газопровода «Набукко», и, соответственно, вряд ли будет направлен в лоббируемый Россией Прикаспийский газопровод из-за неясных перспектив этого проекта.

которая должна соединить разрабатываемые месторождения с газопроводной системой «Средняя Азия – Центр».

По состоянию на начало 2010 года, проект находился в стадии согласования ТЭО.

Вспомогательные работы и сервисное обслуживание на нефтяных месторождениях «Готурдепе», «Гумдаг» и «Гуйджик» (прикаспийская прибрежная зона, западная часть Туркменистана).

В июле 2008 года, в ходе первого визита президента РФ Д.Медведева в Туркменистан, руководство **ОАО «Татнефть»**¹⁴⁵ подписало с ГК «Туркменнефть» Соглашение по развитию сотрудничества в нефтегазовой отрасли. Данным документом было предусмотрено участие российской компании в проведении вспомогательных работ на туркменских месторождениях «Готурдепе», «Гумдаг» и «Гуйджик», в частности, определены сроки и объем работ по бурению специалистами «Татнефти» боковых и горизонтальных стволов с использованием собственного оборудования. Также было запланировано обустройство нефтепроводов и водоводов одного из промыслов «Туркменнефти» трубами антикоррозионного исполнения по технологиям и под надзором российской компании. Кроме того, в том же году «Татнефть» заключила два контракта на поставку оборудования (насосно-компрессорные трубы с полимерным покрытием для защиты от коррозии и парафиновых отложений, насосные штанги) для «Туркменнефти» на общую сумму около 200 тысяч долларов (5,9 млн. рублей).

---

¹⁴⁵Компания ОАО «Татнефть» (Республика Татарстан, РФ) – одна из крупнейших в нефтегазовой отрасли России. Компания является холдинговой структурой, в состав которой входят нефтегазоперерабатывающие и нефтехимические предприятия, а также предприятия, реализующие продукты нефтепереработки и нефтехимии, банковские, страховые и сервисные компании. Располагает высокопрофессиональным персоналом, оборудованием, опытом работы по разведке и разработке нефтяных месторождений, строительству и ремонту скважин. «Татнефть» ведет добычу на 77 лицензионных нефтяных месторождениях, основное из которых «Ромашкинское» является одним из крупнейших в мире. По объему добычи нефти компания занимает 6-е место среди российских нефтяных компаний и 32-е место в мире.

По состоянию на начало 2010 года, компания, выполняя взятые обязательства, вела работы на указанных туркменских объектах.

В целом, учитывая значительные углеводородные запасы Туркменистана, российский бизнес, безусловно, заинтересован в их разработке. Поэтому, кроме упомянутых выше компаний к освоению углеводородных ресурсов проявляют также интерес и другие российские компании, в частности «ЛУКОЙЛ» и российско-британская «ТНК – Бри-тиш Петролеум». Еще в 2005 году «ЛУКОЙЛ» выразил намерение купить за 600 млн. долларов 52% акций британо-арабской компании Dragon Oil¹⁴⁶, ведущей разработку перспективного морского блока «Челекен», включающего в себя нефтяные месторождения «Причелекенский купол», «Джейтун» и «Джигалибег» на шельфе Каспийского моря. Однако туркменские власти заблокировали данную сделку. В тот период Ашгабат рассчитывал привлечь «ЛУКОЙЛ» к разработке других, еще не освоенных месторождений Каспия, но российская компания предпочла не рисковать в условиях наличия спорных моментов между Туркменистаном и Ираном по разделу каспийского шельфа.

Новые предложения Туркменистану по инвестированию проектов по разработке и освоению нефтеносных участков на морском шельфе руководство «ЛУКОЙЛа» сделало в 2007 году. Причем к участию в этих проектах российская компания намерена была привлечь своего стратегического партнера – американский концерн ConocoPhillips. Однако Ашгабат тогда вновь уклонился от принятия каких-либо решений и до сих пор воздерживается от заключения крупных контрактов с компанией «ЛУКОЙЛ». Как представляется, такой сдержанный подход именно к «ЛУКОЙЛу», в какой-то степени обусловлен тем, что российская компания принимает участие в ряде крупных проектов в азербайджанской части шельфа Каспийского моря. Не исключено, что

---

¹⁴⁶Dragon Oil – первая иностранная компания, допущенная к туркменским морским месторождениям. В 1999 году компания заключила долгосрочный договор с правительством Туркменистана о разработке морского нефтегазового блока «Челекен» сроком на 25 лет, который вступил в силу в 2000 году. При заключении договора туркменская сторона предоставила подрядчику твердые гарантии и благоприятные условия для инвестиционной деятельности.

именно это может препятствовать планам «ЛУКОЙЛа» в Туркменистане, учитывая наличие спорных вопросов между Ашгабатом и Баку по проблеме территориальной принадлежности тех или иных участков каспийского шельфа.

Не менее запутанная ситуация складывается и вокруг планов российско-британской компании «ТНК – Бритиш Петролеум». В 2007 году ее руководство провело переговоры с президентом Туркменистана, которому было выражено намерение участвовать в проектах по разработке углеводородных ресурсов туркменского шельфа. В 2008 году компания подготовила даже конкретные предложения и техническую документацию на разработку трех блоков на шельфе Каспийского моря и направила их в Государственное агентство Туркменистана по управлению и использованию углеводородных ресурсов. Однако, по состоянию на 2010 год, туркменской стороной пока не дан ответ на эти предложения.

Трубопроводные проекты

Трубопроводные проекты занимают важное место в российско-туркменском нефтегазовом сотрудничестве, что во многом обуславливается заинтересованностью России сохранить и углубить инфраструктурную (газопроводную) взаимозависимость с Туркменистаном, тем более, что Ашгабат долгие годы стремится, наоборот, снизить эту зависимость и тем самым диверсифицировать направления экспорта газа.

Проектирование и строительство газопровода «Малай – Багтыярлык» (северо-восточная часть Туркменистана). Данный газопровод, протяженностью 184 километра, является участком магистрального трубопровода «Туркменистан–Китай» (от месторождения «Малай» на востоке страны до пункта замера газа в районе поселка Багтыярлык на границе с Узбекистаном). Проектная мощность двух веток газопровода – до 40 млрд. кубических метров в год.

В 2007 году, в целях реализации положений заключенного между Туркменистаном и КНР Генерального соглашения по проекту газопровода «Туркменистан – Китай», был объявлен международный тендер на строительство его туркменского участка – «Малай – Багтыярлык». В феврале 2008 года по результатам проведенного тендера победителем

была объявлена российская компания **ОАО «Стройтрансгаз»**¹⁴⁷, которая подписала с ГК «Туркменгаз» контракт на строительство на условиях ЕРС¹⁴⁸. Как генеральный подрядчик «Стройтрансгаз» должен был выполнить прокладку линейной части газопровода, установку осушки газа, хозяйственного замерного узла, линейно-эксплуатационной базы, узлов приема и запуска очистных сооружений, линий электропередач, осуществить монтаж линейных крановых узлов, систем электрохимзащиты и телемеханики. Кроме того, на компанию в соответствии с контрактом возлагалось строительство двух вертолетных площадок, пяти переходов через автомобильные и железные дороги, а также перехода через реку Амударья протяженностью 1,7 километра.

В рамках реализации данного проекта летом 2008 года «Стройтрансгаз» заключил контракт с российской «Трубной металлургической компанией» на поставку 28 тыс. тонн магистральных электросварных труб диаметром 1420 мм с толщиной стенки 15,7 мм и классом прочности K60 (X70).

К концу 2009 года практически все основные работы были завершены, и 14 декабря состоялся официальный пуск первой ветки газопровода «Туркменистан–Китай». Сумма контракта по строительству «Малай – Багтыярлык» составляет около 600 млн. долларов (400 млн. евро).

Проектирование и строительство газопровода «Центральные Каракумы – Йыланлы» (северо-восточная часть Туркменистана). Данный газопровод протяженностью около 200 километров пройдет от месторождений «Южный Иолотань», «Осман» и «Яшлар» на востоке страны до компрессорной станции в районе поселка Йыланлы (Дашо-

---

¹⁴⁷ОАО «Стройтрансгаз» – крупная российская инжиниринговая и строительная компания. Основана в 1990 году. Компания принимала участие в строительстве газопроводов «Ямал – Европа», «Голубой поток», обустройстве Заплярного нефтегазоконденсатного месторождения. В Туркменистане работает с 2004 года. В 2005–2006 годах компания выполнила поставки нефтегазопромыслового и бурового оборудования в рамках нескольких контрактов с Туркменбашинским комплексом нефтеперерабатывающих заводов и государственным концерном «Туркменнефть».

¹⁴⁸Проектирование, поставка материалов и оборудования, строительство.

гузская область, северная часть Туркменистана на границе с Узбекистаном). Газопровод с пропускной способностью в 3,5 млрд. кубических метров позволит соединить крупнейшие месторождения на востоке Туркменистана и ряд соседних участков с «САЦ-4», по которой туркменский газ экспортируется в Россию.

В феврале 2009 года президент Туркменистана подписал постановление, в котором содержалось поручение ГК «Туркменгаз» заключить контракт на проектирование и строительство данного газопровода. Генеральным подрядчиком по контракту стала российская компания «МРК-Инжиниринг», входящая в МГК «ИТЕРА», которая, в свою очередь, заключила субподрядный контракт с российской компанией «Краснодарстройтрансгаз».

Комплексные работы по подготовке трассы начались в первой половине 2009 года. Окончание строительства газопровода намечено в 2010 году. Стоимость данного проекта составляет 176,5 млн. долларов. По состоянию на начало 2010 года, объем освоенных капиталовложений по контракту мог составить предположительно 60 млн. долларов.

Планы по реконструкции САЦ-3¹⁴⁹ («Окарем – Бекдаш (Карабогазгол) – Европа», проходит вдоль побережья Каспийского моря через

---

¹⁴⁹Еще в начале 1970-х годов века вдоль побережья Каспийского моря от границы Туркменской ССР был протянут магистральный газопровод «Окарем – Бекдаш (Карабогазгол) – Европа», получивший официальное название «Средняя Азия – Центр-3». Его также называли Прикаспийским газопроводом. Трубопровод был ориентирован на прибрежные месторождения западного Туркменистана, которые были удалены от основного места добычи, расположенного на юго-востоке страны. Проектная пропускная способность трубы составляла 10,5 млрд. кубических метров. Однако со временем его пропускные возможности значительно сократились (до 3–5 млрд. кубических метров в год). По состоянию на начало 2010 года, единственная газовая магистраль, обеспечивающая экспорт «голубого топлива» с прикаспийских месторождений Туркменистана – это построенный в 1997 году газопровод «Корпедже – Курт-Куи» протяженностью около 200 километров, по которому туркменский газ поставляется в Иран. Его первоначальная проектная мощность была на уровне около 8 млрд. кубических метров в год. В 2006 году пропускная способность газопровода была увеличена до 15 млрд. кубических метров.

г. Бейнеу (Казахстан) и далее) и **строительству Прикаспийского газопровода (ПКГ)** должен пройти параллельно восточному побережью Каспийского моря с выходом на узловую газокomppressorную станцию Александров-Гай, Саратовская область, Россия; предполагаемая протяженность данного газопровода – около 1500 километров, из которых около 300 километров – по территории Туркменистана). Целью данных проектов является обеспечение поставок в Россию газа с приморских месторождений Туркменистана и Казахстана.

В мае 2007 года в г. Туркменбаши (Туркменистан) в ходе трехстороннего саммита президенты России, Казахстана и Туркменистана приняли две совместные декларации: о строительстве Прикаспийского газопровода (ПКГ) и о развитии газотранспортных мощностей в Центральной Азии¹⁵⁰. В декабре этого же года указанными странами было подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве в строительстве ПКГ. В рамках принятого соглашения в 2008 году были созданы координационный комитет и группа управления проектом, на которые возлагалась подготовка обобщающего технико-экономического обоснования будущей межгосударственной газовой магистрали. Уполномоченными организациями стали «Газпром», Государственный концерн «Туркменгаз» и Национальная компания «КазМунайГаз». В межправительственном соглашении о строительстве ПКГ от 2007 года зафиксированы объемы транспортировки газа по Прикаспийскому газопроводу (до 10 млрд. кубических метров в год от Туркменистана и Казахстана). В июле 2008 года Россия договорилась с Туркменистаном об увеличении проектной мощности ПКГ до 30 млрд. кубических метров в год.

Согласно достигнутым договоренностям, создание газопроводной системы в прикаспийской зоне планировалось осуществлять поэтапно. На первом этапе (2009–2010 годы) предполагалось реконструировать САЦ-3, проходящий вдоль побережья Каспия по территории Туркменистана и Казахстана. В результате пропускная способность этой ветки

---

¹⁵⁰Первый документ подписали В. Путин, Н. Назарбаев и Г. Бердымухамедов. Под вторым подписи поставили те же лица и заочно президент Узбекистана И. Каримов, не присутствовавший на саммите.

САЦ должна увеличиться до 10 млрд. кубических метров газа в год. На втором этапе (2010–2017 годы) планируется строительство нового трубопровода – ПКГ.

По мнению ряда экспертов, этот проект в равной мере выгоден всем его участникам. Туркменистану ПКГ обеспечивает быстрое увеличение поставок газа на внешний рынок за счет ввода новых экспортных мощностей. В свою очередь, иностранным компаниям Прикаспийский газопровод позволит гарантировать реализацию газа с шельфовых месторождений, что также будет способствовать их дальнейшей разработке. Главное преимущество совместного проекта в том, что уже существуют готовая инфраструктура, землеотводы и геологическая документация, разработанная еще в рамках строительства САЦ-3. Это делает его реализацию выгодным для всех участников ПКГ как по срокам, так и по стоимости строительства.

Более того, Прикаспийский газопровод изначально имел для России и важный геополитический смысл, поскольку рассматривался как конкурирующий по отношению к планируемому Евросоюзом газотранспортному проекту «Набукко» (Nabucco), который предполагает поставки туркменского, азербайджанского, а в перспективе, возможно, и иранского газа в Европу. Как представляется, в РФ обоснованно полагают, что в случае строительства ПКГ и с учетом уже функционирующих газопроводов «Средняя Азия – Центр», «Туркменистан – Китай», «Корпедже – Курт-Куи» и введенного в начале 2010 года «Довлетабат – Серахс – Хангиран» (два последних в иранском направлении), у Ашгабата просто не останется газовых ресурсов, чтобы еще заполнять и газопровод «Набукко», и в этом случае целесообразность его строительства отпадет сама собой.

Однако до сих пор не ясны ни оценочная стоимость Прикаспийского газопровода, ни сроки начала его строительства, несмотря на то, что в ходе визита президента Д. Медведева в г. Ашгабат в декабре 2009 года Россия и Туркменистан вновь подтвердили свою заинтересованность в скорейшей реализации данного проекта.

Планы по строительству газопровода «Восток – Запад». Газопровод «Восток – Запад» также именуемый «транстуркменским» протяженностью от 800 до 1000 километров¹⁵¹ будет рассчитан на ежегодную прокачку до 30 млрд. кубических метров газа. Новая газовая магистраль должна стать главным связующим звеном формируемой в Туркменистане системы газотранспортных коммуникаций, которая обеспечит возможность транспортировки «голубого топлива» в различных направлениях, в первую очередь, в направлении Каспийского моря.

Данный проект сразу же вызвал интерес у российской стороны. В июле 2008 года руководство «Газпрома» подписало в г. Ашгабате Меморандум об участии в инвестиционных проектах в газовой сфере на территории Туркменистана, в том числе и по финансированию данного проекта. В марте 2009 года во время государственного визита президента Туркменистана в Россию планировалось подписание соответствующего соглашения, однако стороны по ряду причин так и не пришли к окончательному решению. Напротив, по возвращении в г. Ашгабат Г. Бердымухамедов дал поручение правительству объявить международный тендер на проектирование и строительство газопровода «Восток – Запад», тем самым фактически лишив «Газпром» эксклюзивного права на участие в данном проекте¹⁵².

О своем намерении участвовать в строительстве газопровода «Восток – Запад» также заявляла МГК «ИТЕРА», которая совместно со своим партнером по проекту строительства трубопровода «Центральные Каракумы – Йыланлы» – компанией «Краснодарстройтрансгаз» летом 2009 года подала соответствующую тендерную заявку. Несмотря на объявленный 3-месячный срок рассмотрения заявок, туркменская сторона длительное время не объявляла о принятом решении. А в мае

---

¹⁵¹Поскольку проект находится лишь в стадии предварительного обсуждения, точный маршрут и его протяженность конкретно еще не определены.

¹⁵²В 2009 году около 70 зарубежных компаний из России, Китая, европейских и других стран изъявили желание участвовать в строительстве газопровода «Восток–Запад». При этом Ашгабат предложил «Газпрому» участвовать в тендере на общих условиях.

2010 года президент Туркменистана подписал указ о начале в июне текущего года строительства газопровода силами национального госконцерна «Туркменгаз». Стоимость проекта «Восток – Запад», по оценкам экспертов, составит не менее 1 млрд. долларов. Туркменская сторона рассматривает возможность привлечения на его реализацию иностранных инвестиций, что, следовательно, не исключает возможность российского участия в проекте.

* * *

Ни высокая заинтересованность РФ в углеводородных, в первую очередь газовых ресурсах Туркменистана, ни даже тот очевидный факт, что российское направление в силу транспортно-инфраструктурных и ценовых факторов остается главным в плане экспорта/транзита туркменского газа, в целом до сих пор так и не привели к существенному укреплению позиций и росту масштабов проектно-инвестиционной активности России и российских компаний в туркменской нефтегазовой отрасли.

Во-первых, по сравнению с другими иностранными компаниями и государствами, присутствующими в нефтегазовой отрасли Туркменистана, Россия и российские компании сохраняют преимущества лишь по одной позиции: обеспечения экспорта/транзита туркменского газа на внешние рынки (несколько лет вплоть до 2009 года, около 90% объема туркменского газового экспорта направлялось в Россию/российском направлении, однако с апреля 2009 года объемы поставок существенно снизились).

Во-вторых, присутствие РФ в самой нефтегазовой отрасли страны пока крайне незначительно, даже учитывая усиление позиций частной компании «ИТЕРА». В определенной степени это связано с тем, что в Туркменистане добыча углеводородов на суше долгое время являлась прерогативой государства (исключение было сделано лишь для китайской КННК и МГК «ИТЕРА»). Хотя ситуация постепенно меняется – в конце 2009 года в результате проведенного тендера южнокорейские LG International Corp и Hyundai Engineering, а также компания из ОАЭ Gulf Oil получили разрешение на разработку и освоение крупнейшего

месторождения «Южный Иолотань». Кроме того, британская сервисная компания Petrofac Ltd. подписала соглашение на общую сумму 4 млрд. долларов о предоставлении инженерных услуг на данном месторождении.

Однако в целом для иностранных инвесторов доступно в основном освоение шельфовых месторождений на условиях СПП¹⁵³. Такие компании, как британо-арабская «Драгон Ойл» (Dragon Oil), малазийская «Петронас» (Petronas), датская «Мэрск» (Maersk), немецкая «Винтершелл» (Wintershall) и китайская КННК, давно и достаточно успешно работают на туркменском участке каспийского шельфа.

На этом фоне большинство российских компаний пока не проявляет интереса к шельфовым месторождениям Туркменистана на Каспии, хотя еще в 2003 году именно для их разработки три российские компании «Зарубежнефть» «Транснефть» и «ИТЕРА» создали совместное предприятие. Чуть позже «ЛУКОЙЛ» и российско-британская «ТНК – Бритиш Петролеум» также попытались получить соответствующие разрешения на добычу углеводородов на шельфовых месторождениях. Однако пока только лишь МГК «ИТЕРА» с учетом особых отношений с Туркменистаном сумела добиться получения официальной лицензии на проведение работ на шельфе Каспийского моря, а также на суше – в Центральных Каракумах.

Фактическое неучастие России в освоении туркменского шельфа наводит на мысль, что российский бизнес в какой-то степени не выдерживает внешней конкуренции в плане технологий и инвестиций. Ведь туркменский участок Каспийского шельфа гораздо более глубоководный по сравнению с тем же казахстанским участком, что требует

---

¹⁵³В конце 2009 года ряд крупных западных компаний, включая Total SA, Exxon Mobil Corp., British Petroleum Plc, Chevron Corp. и Royal Dutch Shell Plc. активно лоббировали Ашгабат на предмет получения прав на разработку наземных месторождений, однако прошедшие тендеры завершились для них безрезультатно. По словам руководителя одной западной компании, который присутствовал на энергетическом форуме в Ашгабате в ноябре 2009 года, туркменские чиновники четко обозначили, что предпочитают пока ограничивать сферу деятельности западных фирм проектами на шельфе Каспийского моря.

как более продвинутых технологий, так более значительных инвестиций¹⁵⁴. Поэтому та же «ИТЕРА», получив право на разработку ряда месторождений на Каспии, намерена тесно сотрудничать не только с «Зарубежнефтью», но и другими компаниями, имеющими большой опыт реализации подобных проектов. Впрочем, нельзя исключить и того, что Туркменистан специально предлагает России и российскому бизнесу наиболее технологически сложные месторождения.

В-третьих, перспективы дальнейшего развития российско-туркменских нефтегазовых отношений представляются неясными по причине активно проводимой Ашгабатом политики диверсификации своих внешних связей и балансирования между потребителями углеводородов, что, в свою очередь, должно кардинально снизить зависимость от России, особенно в плане маршрутов транспортировки газа. В последние годы Туркменистан все более склонен рассматривать Китай в качестве главного и стратегического партнера в нефтегазовой отрасли¹⁵⁵.

Кроме того, вполне логичными воспринимаются настойчивые попытки туркменского руководства разыграть и «европейскую карту», что выражается в неоднократных декларациях в поддержку проекта «Набукко» (Nabucco). Практическим шагом в этом направлении уже стало подписание Ашгабатом в первой половине 2009 года меморандума о долгосрочном сотрудничестве в газовой сфере с немецкой ком-

---

¹⁵⁴В частности, по мнению ряда экспертов, бурение только одной разведочной скважины на туркменском участке шельфа будет стоить не менее 40 млн. долларов, а таких скважин потребуется пробурить более 20 только для уточнения запасов. Причем понадобится не менее трех лет на сами разведочные работы.

¹⁵⁵В апреле 2006 года в ходе визита президента Туркменистана С. Ниязова в КНР было подписано 7 двусторонних документов, главным из которых стало соглашение между Министерством нефтегазовой промышленности и минеральных ресурсов Туркменистана и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией о сотрудничестве в нефтегазовой отрасли. Китайским компаниям был открыт доступ к освоению нефтегазовых месторождений в Туркменистане как на суше, так и на шельфе Каспийского моря. В рамках указанного соглашения была достигнута договоренность о реализации проекта строительства газопровода из Туркменистана в Китай и продаже туркменского газа в КНР.

панией RWE, являющейся одним из шести акционеров проекта «Набукко». В результате, уже достигнуты договоренности о прямых поставках природного газа из Туркменистана в Европу, а также об участии немецкого концерна в освоении месторождений на каспийском шельфе.

В свою очередь, США и Европейский союз продолжают всячески убеждать Ашгабат переориентироваться на транзит газа в Европу, предлагая в обмен поддержку в развитии туркменской нефтегазовой отрасли¹⁵⁶.

Однако у России все еще есть некоторый шанс не только укрепить свое влияние в нефтегазовой отрасли Туркменистана, но и существенно продвинуться в развитии российско-туркменских отношений. Как представляется, для этого следует кардинальным образом пересмотреть российскую нефтегазовую политику в туркменском и в целом центральноазиатском направлении, более активно использовать заинтересованность Туркменистана к диверсификации своей экономики (в том числе промышленно-инновационным проектам под эгидой России), развитию международных транспортных коридоров, а также укреплению обороноспособности национальных вооруженных сил.

Выводы: проблемы, прогноз и основные риски

Несмотря на достаточную противоречивость отношений между Россией и Туркменистаном в энергетической сфере, а конкретно – в нефтегазовой отрасли, для которых характерны систематические осложнения и постоянные возникающие трудности, Туркменистан был и пока остается для России практически безальтернативным и страте-

---

¹⁵⁶В начале марта 2010 года в г. Ашгабате специальный посланник Госдепартамента США по вопросам евразийской энергетики Ричард Морнингстар и специальный представитель Европейского союза по странам Центральной Азии и Грузии Пьер Морель на переговорах с туркменским президентом обсудили необходимость интенсификации сотрудничества Туркменистана с западными странами в нефтегазовой сфере, в том числе и в контексте реализации проекта «Набукко».

гически важным поставщиком газа. Обладая значительными запасами «голубого топлива», Туркменистан является единственной страной на постсоветском пространстве, которая может экспортировать большую часть (почти 3/4) добываемого газа. Это обусловлено относительно невысоким внутренним потреблением газа в силу малочисленности населения (около 4,5 млн. человек) и отсутствия в стране крупной промышленности. Однако российско-туркменское сотрудничество в ТЭК до сих пор так и не привело к существенному прогрессу в двусторонних отношениях, укреплению позиций и росту масштабов проектно-инвестиционной активности России и российских компаний.

Во-первых, двустороннее энергетическое/нефтегазовое сотрудничество затрагивает в основном лишь торговую сферу: касается вопросов закупки и транспортировки туркменского газа в Россию/российском направлении.

Во-вторых, на фоне очень активно развивающегося сотрудничества Туркменистана с зарубежными странами и компаниями, сами российско-туркменские связи в энергетической/нефтегазовой отрасли находятся в стадии глубокого кризиса. Очередные сложности возникли в 2009 году, когда во время мартовского визита президента Туркменистана в Москву российско-туркменские переговоры по строительству газопровода «Восток – Запад» завершились безрезультатно, а чуть позже Ашгабат объявил о проведении международного тендера по данному проекту. Затем после инцидента на газопроводе САЦ в апреле 2009 года со стороны туркменского руководства в адрес России даже звучали прямые обвинения¹⁵⁷. И хотя в ходе визитов президента России Д. Медведева в г. Ашгабат в декабре 2009 года и в октябре 2010

---

¹⁵⁷ Ашгабат предъявил обвинения «Газпрому», заявив, что причиной взрыва стало одностороннее решение российской компании от 8 апреля 2009 года уменьшить объем отбора газа и именно поэтому у Туркменистана не было времени для снижения избыточного давления в газопроводе, что и привело к разрыву трубы. В частности, МИД Туркменистана заявил, что «такой подход является односторонним грубым нарушением условий контракта купли-продажи газа», а президент Туркменистана Г. Бердымухамедов потребовал проведения международного расследования, а также выплаты компенсации.

года удалось в целом снизить накал возникших противоречий и договориться о продолжении сотрудничества в нефтегазовой сфере, в первую очередь по возобновлению поставок туркменского газа в российском направлении, тем не менее тенденции, свидетельствующие о наличии проблем, сохраняются.

В-третьих, так или иначе, но Туркменистан все менее склонен рассматривать Россию в качестве приоритетного внешнего партнера в энергетической/нефтегазовой отрасли. Кроме того, предприняв после аварии на САЦ ряд демаршей, Туркменистан, скорее всего, также преследовал целью продемонстрировать и укрепшую политическую волю в плане кардинального снижения зависимости от России и, тем самым, еще более усилить внешнюю конкуренцию вокруг своих углеводородных ресурсов и маршрутов их транспортировки. В результате, если еще в 2007 году «Газпром» предполагал до 2010 года вложить в газовые проекты в Туркменистане около 2 млрд. долларов, то в настоящее время становится все более очевидной крайне малая вероятность столь крупных инвестиций из России.

В итоге меньше гарантий того, что РФ удастся сохранить свои позиции в туркменском ТЭК в будущем. Введенный в конце 2009 года в строй новый магистральный газопровод «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай» окончательно разрушил монополию России на экспортные поставки туркменского газа на внешние рынки.

Все вышеизложенное означает, что поставки/транзит туркменского газа в Россию/российском направлении – единственное связующее звено в российско-туркменском энергетическом взаимодействии. Исчезновение данного звена будет означать фактически полное разрушение структурно-технологической взаимозависимости российского и туркменского ТЭК и фактическое выпадение туркменского газа из топливно-энергетического баланса постсоветского пространства.

В период обострения мирового кризиса, глобальной экономической рецессии и снижения потребности в углеводородах Россия пока может обойтись без поставок туркменского «голубого топлива». Однако в дальнейшем, по мере преодоления кризиса, все может измениться: потребность в газе как российской, так и глобальной экономики карди-

нально возрастет. В этом случае, туркменский газ уже будет играть важную роль в поддержании энергетической безопасности России и всего постсоветского пространства. Учитывая же тот факт, что основные российские газовые месторождения уже демонстрируют признаки истощения, Россия вряд ли сможет в будущем, в период интенсивного экономического роста удовлетворять внутренние потребности в газе и одновременно поддерживать высокие объемы экспорта без привлечения туркменского газа.

В целом мировой экономический кризис, ухудшение финансового состояния российских энергетических компаний (того же «Газпрома»), периодические осложнения российско-туркменских отношений, активные действия Туркменистана по диверсификации внешних связей и практическое отсутствие структурно-технологической взаимозависимости российского и туркменского ТЭК, за исключением газотранспортной системы – все это предопределяет хрупкость двусторонних отношений и российских позиций в энергетической сфере/нефтегазовой отрасли Туркменистана.

Вышеуказанная ситуация сложилась в основном из-за крайне уродливого формата российско-туркменского энергетического сотрудничества, которое ограничивается, по сути, лишь газовой торговлей. Делая основной акцент лишь на обеспечение гарантий поставок туркменского газа в российском направлении, РФ вряд ли сможет сохранить и тем более усилить свои позиции в туркменской энергетической/нефтегазовой отрасли. В частности, успехи российских компаний в плане разработки углеводородных месторождений Туркменистана и переработки нефтегазового сырья сегодня выглядят уж слишком проигрышными в сравнении с успехами целого ряда других иностранных компаний, например, той же китайской КННК¹⁵⁸.

Как представляется, одним из наиболее эффективных, хотя и затратных путей по сохранению и укреплению позиций РФ мог бы стать повышенный акцент на глубокую переработку туркменских углеводо-

---

¹⁵⁸Китайские позиции в нефтегазовой отрасли Туркменистана уже являются более устойчивыми по сравнению с российскими.

родов и, в частности, создание на территории Туркменистана сети производства продуктов нефтехимии и газохимии. Именно это могло бы кардинально усилить позиции России в туркменской энергетической/нефтегазовой отрасли и обеспечить российским компаниям более широкий доступ к освоению туркменских месторождений. Однако сегодня крайне мало надежд на то, что российские нефтегазовые компании будут заниматься вопросами глубокой переработки газа и нефти в Туркменистане. В первую очередь, это связано с крайне недалеким видной экономической политикой России в целом, преобладанием коммерческих и узко-корпоративных интересов над государственными, ориентацией РФ преимущественно на экспорт сырьевых (главным образом, энергетических) ресурсов на внешние рынки. Этой же цели подчинен и современный формат энергетического/нефтегазового сотрудничества России с Туркменистаном. В итоге все это позволяет предположить, что позиции России в энергетической/нефтегазовой отрасли Туркменистана в кратко- и среднесрочной перспективе останутся крайне хрупкими, а в долгосрочной перспективе – существенно ослабнут.

Прогноз

Очевидно, что будущий характер присутствия России и российских компаний в энергетической сфере/нефтегазовой отрасли Туркменистана определится вовсе не политическими декларациями и обещаниями, а конкретными шагами РФ по сохранению и укреплению своих позиций. В случае, если и в дальнейшем сотрудничество будет ограничиваться лишь вопросами закупки туркменского газа и его транспортировки, то российские позиции в энергетической сфере/нефтегазовой отрасли Туркменистана в лучшем случае останутся примерно на нынешнем уровне, хотя и это не столь очевидно: очень многое будет зависеть от того, сумеет ли Ашгабат кардинально увеличить объемы добычи углеводородов и проводить сбалансированную энергетическую политику, в том числе, учитывающую интересы РФ.

Основные риски

Как представляется, основными рисками являются следующие:

- переориентация Туркменистаном большей части своего газового экспорта на маршруты, альтернативные российскому;
- нехватка у Туркменистана газовых ресурсов для выполнения обязательств по экспортным поставкам;
- консервация экспортно-сырьевой направленности российско-туркменского сотрудничества в энергетической/нефтегазовой отрасли.

Переориентация Туркменистаном большей части своего газового экспорта на маршруты, альтернативные российскому

Учитывая активное стремление Туркменистана к развитию сотрудничества в нефтегазовой отрасли с зарубежными странами и компаниями, в том числе в плане диверсификации поставок газа, нельзя исключать, что в перспективе, особенно долгосрочной, Ашгабат захочет и сможет переориентировать большую часть своего газового экспорта на маршруты, альтернативные российскому. В первую очередь, речь идет о поставках «голубого топлива» в Китай по магистральному газопроводу «Туркменистан – Китай», первая ветка которого введена в строй в конце 2009 года. Туркменистан уже дал принципиальное согласие о поставках в КНР до 40 млрд. кубических метров газа ежегодно, а в долгосрочной перспективе нельзя исключить, что Ашгабат и Пекин смогут договориться об еще больших объемах газового экспорта.

Другим перспективным направлением экспорта туркменского газа может оказаться газопровод «Набукко». Сейчас трудно сказать, какие объемы газа Туркменистан сможет выделить в случае строительства трубопровода, но можно предположить, что они могут быть существенны, учитывая проектную мощность газопровода – около 30 млрд. кубических метров.

Безусловно, что серьезные коррективы, причем явно не в пользу России/российского направления, могут также внести и ряд других коммуникационных проектов: расширение и продление газопроводов из Туркменистана в Иран и далее в Турцию, а также реанимация идеи

строительства газопровода через Афганистан в Пакистан (и далее, возможно, в Индию)¹⁵⁹.

Опасность исключения/выпадения туркменского газа из топливно-го баланса постсоветского пространства помимо прочего может нанести, хотя и косвенный, но достаточно ощутимый удар по российско-украинским отношениям, тем более, что они имеют тенденцию к улучшению. Дело в том, что большая часть газа, поставляемого на Украину по системе российских газопроводов, имеет туркменское происхождение. Если предположить, что в долгосрочной перспективе туркменский газ не будет поставляться на постсоветское пространство, то Украина столкнется с проблемой «энергетического голода», и, скорее всего, будет требовать у России увеличения газовых поставок по льготным ценам. Это, в свою очередь, пойдет вразрез с экономическими интересами РФ и российских компаний. В результате между Россией и Украиной может в очередной раз вспыхнуть «газовая война», причем независимо от того какие силы (пророссийские или антироссийские) будут в Киеве. При этом нелишне будет провести параллель с тем, что исключение/выпадение туркменского газа из топливного баланса Кыргызстана и Таджикистана в какой-то степени привело к обострению водно-энергетической проблемы Центральной Азии и выразилось в ухудшении отношений между Узбекистаном, с одной стороны, и Таджикистаном и Кыргызстаном – с другой.

Нехватка у Туркменистана газовых ресурсов для выполнения обязательств по экспортным поставкам

Несмотря на достаточно высокие ресурсные возможности и экспортный потенциал Туркменистана, принципиальной представляется реальная обеспеченность газом многочисленных экспортных обещаний Ашгабата, а также в целом адекватность планов развития туркменской газовой отрасли.

---

¹⁵⁹Конечно, если эти проекты получают политическую поддержку и масштабное финансирование извне.

С одной стороны, уже к 2010 году Туркменистан планировал обеспечить стабильные поставки газа в Россию в объемах не ниже 70–80 млрд. кубических метров в год и поддерживать подобные (и даже несколько большие) масштабы экспорта вплоть до 2028 года. С другой стороны, помимо значительных экспортных обязательств перед Россией, Туркменистан уже имеет экспортные обязательства перед Китаем и Ираном. Для выполнения их в полном объеме и удовлетворения внутренних потребностей Туркменистану уже в ближайшие годы будет необходимо увеличить объемы добычи «голубого топлива» примерно в 2 раза, с 70 до 113–141 млрд. кубических метров.

С позиций сегодняшнего дня можно утверждать, что планы Туркменистана по объемам добычи газа на 2010 год недостижимы, а планы на 2020 год – труднореализуемы. Более того, и сами газовые запасы Туркменистана представляются неясными. Ашгабат в целях привлечения иностранных инвестиций сильно преувеличивает свои ресурсы, задействуя для этой цели и пропагандистские средства. Так, по туркменским оценкам, запасы газа составляют порядка 25 трлн. кубических метров, между тем как международно-признанными являются только 4,97 трлн. кубометров запасов – без учета еще фактически не разведанного газового месторождения «Южный Иолотань». Запасы данного месторождения пока точно не известны, хотя оно, безусловно, относится к категории крупных, а проведенное в октябре 2008 года аудиторское исследование дает очень расплывчатую оценку: от 4 до 14 трлн. кубических метров. Достаточно показательным в данном контексте, является разразившийся в октябре 2009 года скандал по поводу просочившейся в СМИ информации о фальсификации данных о разведанных и извлекаемых запасах газа на Иолотано-Яшларской группе месторождений.

***Консервация экспортно-сырьевой направленности
российско-туркменского сотрудничества в энергетиче-
ской/нефтегазовой отрасли***

Экспорт туркменского газа, на что Россия продолжает делать основной акцент в сотрудничестве с Туркменистаном в энергетиче-

ской/нефтегазовой отрасли, формирует достаточно хрупкий фундамент для эффективного развития двустороннего сотрудничества.

С одной стороны, мировой кризис, падение спроса и, соответственно, цен на углеводороды, а с другой – ухудшение финансового положения самих нефтегазовых корпораций, включая и «Газпрома». Тот же «Газпром» в краткосрочной перспективе будет вынужден сокращать объемы закупаемого в Туркменистане газа, а также отказываться от части планов по реконструкции и увеличению пропускной способности системы газопроводов в российском направлении¹⁶⁰.

В условиях неблагоприятной ценовой конъюнктуры на углеводороды и неясности перспектив модернизации старой (советской) газопроводной системы Туркменистан может сделать основную ставку на переработку углеводородов (сжиженный природный газ, химические производства) как для внутреннего потребления, так и для экспорта. При этом Ашгабат будет по-прежнему ориентироваться на сотрудничество с западными и азиатскими корпорациями, которые по сравнению с российскими обладают более современными технологиями по глубокой переработке углеводородного сырья.

В итоге консервация экспортно-сырьевой направленности энергетического/газового сотрудничества между Россией и Туркменистаном в условиях ликвидации российской монополии на транзит туркменского газа будет вести лишь к ухудшению российско-туркменских отношений.

---

¹⁶⁰Газопровод «Средняя Азия – Центр», построенный в период 1966–1985 годов с проектной мощностью 68 млрд. кубических метров в год, на значительной части своей протяженности уже находится в изношенном состоянии, а его общая пропускная способность составляет около 50 млрд. кубических метров в год. Сегодня данный газопровод функционирует фактически на пределе своих возможностей, а планы развития его туркменского сегмента связаны, в первую очередь, с сотрудничеством Ашгабата и Москвы. Для модернизации и увеличения пропускной способности САЦ необходимы крупные инвестиции от 2 до 5 млрд. долларов, которые может выделить только такая крупная компания, как «Газпром».

Узбекистан

Благодаря открытию крупных месторождений природного газа, наличию трубопроводной инфраструктуры и развитой промышленной базы, Узбекистан (УзССР) еще в советский период времени тесно взаимодействовал с Россией (РСФСР) в рамках единого ТЭК, обеспечивая поставки «голубого топлива» в промышленные центры на Урале и европейской части СССР, а также транзит большей части туркменского газа. Кроме того, располагая значительными запасами урановых руд и мощностями по их первичной переработке (Навоийский горно-металлургический комбинат), Узбекистан был крупным поставщиком уранового сырья (закись-окись урана) на российские предприятия, производившие ядерное топливо.

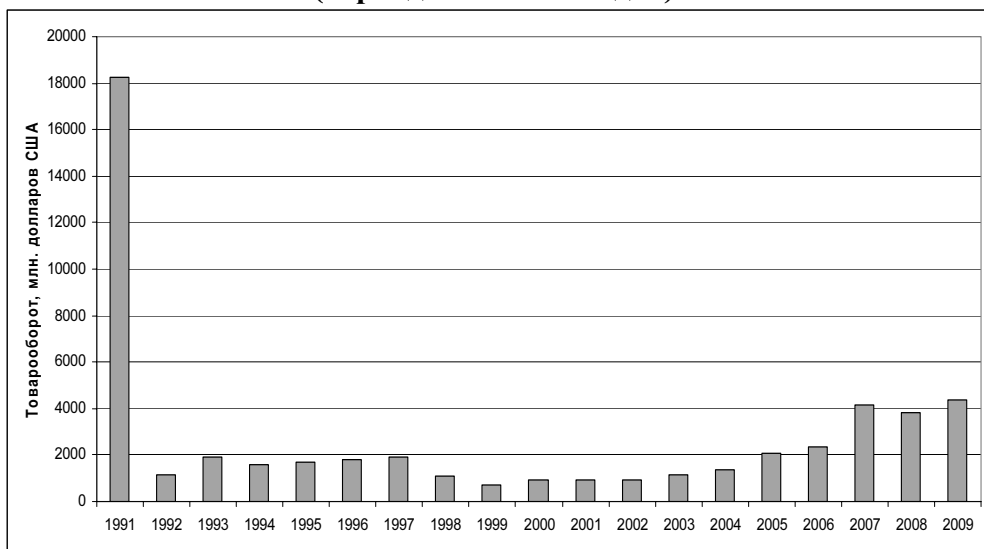
После распада Советского Союза поставки узбекского уранового сырья в Россию практически прекратились, а нефтегазовая отраслевая кооперация между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан (РУз) видоизменилась. В данном взаимодействии четко прослеживаются как период резкого спада, так и период подъема, для которых характерны свои масштабы и формы сотрудничества. На 1990-е годы пришелся спад российско-узбекского нефтегазового сотрудничества. Резко сократились объемы поставок из Узбекистана в Россию природного газа. По мере роста собственной нефтедобычи Узбекистан фактически прекратил импорт российской нефти и нефтепродуктов. Столь значительное ослабление отраслевой кооперации в основном было связано с общим упадком российско-узбекских экономических связей, а также отсутствием между двумя странами соответствующей договорно-правовой базы нефтегазового сотрудничества. Это отразилось и на российско-узбекских торгово-экономических связях. Так, по сравнению с 1991 годом в 1992 году двусторонний торговый оборот РФ с РУз снизился в среднем в 16 раз. На протяжении 1992–2003 годов ежегодные объемы торговли колебались в пределах от 0,6–1 до 1,9 млрд. долларов.

Перелом в российско-узбекском экономическом и в частности нефтегазовом сотрудничестве наступил после прихода в России к власти В. Путина и его команды. В результате подписания в 2002 году стратегического соглашения между «Газпромом» и «Узбекнефтегазом», российско-узбекское взаимодействие в нефтегазовой отрасли вступило в период подъема и стало набирать обороты. С 2004 года в Узбекистане

начинается и проектно-инвестиционная деятельность крупнейших российских нефтегазовых компаний – «Газпрома» и «ЛУКОЙЛа». Причем в последние годы российские компании добились лидирующих позиций в нефтегазовой отрасли Узбекистана по сравнению с нефтегазовыми компаниями других стран.

Интенсификация российско-узбекского взаимодействия в нефтегазовой отрасли придала определенный импульс и торгово-экономическим связям. Так, начиная с 2003 года двусторонняя торговля стала развиваться более поступательно и динамично. В период 2003–2008 годов двусторонний товарооборот вырос более чем в 3,3 раза – с 1,1 до 3,8 млрд. долларов. В 2009 году российско-узбекский товарооборот, несмотря на негативное влияние мирового кризиса, увеличился еще на 16% – с 3,8 до 4,4 млрд. долларов (диаграмма № 5).

**Диаграмма № 5. Торговля России с Узбекистаном
(период 1991–2009 годов)**

Источники: данные по товарообороту между Россией (РСФСР) и Узбекистаном (Узбекской ССР) за 1991 год получены расчетным путем на основании информации Всемирного банка – Uzbekistan: Plan of Economic Reform. – World Bank, Washington, D.C., 1993, p.156. Данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со

ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана (Key Indicators of Developing Asia and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002); данные за период 2002–2009 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана (Uzbekistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009, March 2010).

Примечание: данные за 1991 год в первоисточнике даны в советских рублях, так как в то время республики входили в состав СССР; в настоящей таблице данные за 1991 год пересчитаны в долларах США, исходя из соотношения курса советского рубля к доллару, который устанавливался Государственным Банком СССР на основе паритета покупательской способности валют (1 доллар США = 0,78 рубля); (*) означает, что данные по объемам импорта и экспорта России за 1992 и 1993 годы отсутствуют.

В 2008 году экспорт РУз в РФ включал энергоносители (30,4%), хлопковое волокно (13,2%), цветные металлы (18,8%), машины и оборудование (11,6%), продовольствие (3,5%). В свою очередь, ассортимент поставок из России включал главным образом продукцию машиностроения (около 23,7%), химическую продукцию (порядка 13,3%) и продовольствие (примерно 9,8%) (таблица 5).

Таблица № 5. Товарная структура торговли России с Узбекистаном (2008 год)

Наименование	Импорт России из Узбекистана		Экспорт России в Узбекистан	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Хлопок-волокно	246	13,2	-	-
Химическая продукция	166	8,9	264	13,3
Черные и цветные металлы	350	18,8	413	20,8
Энергоносители	566	30,4	29	1,5
Машины и оборудование	216	11,6	471	23,7
Продовольствие	65	3,5	195	9,8
Прочее	254	13,6	614	30,9
Всего	1863	100	1986	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана (Uzbekistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, March 2010).

Поскольку Узбекистан располагает крупными месторождениями природного газа, нефтегазовая отрасль РУз является предметом особого интереса России и российского бизнеса. Поэтому нефтегазовое сотрудничество между двумя странами в последнее время развивается по нарастающей. По состоянию на начало 2010 года, общий объем российских инвестиций в нефтегазовую отрасль республики достиг примерно **1,5 млрд. долларов**. Уже до 2012 года общий объем российских инвестиций в нефтегазовую отрасль Узбекистана потенциально может увеличиться до 5–6 млрд. долларов, если к тому времени улучшится финансовое состояние российских компаний.

В свою очередь, российско-узбекское взаимодействие в атомной отрасли по ряду объективных и субъективных причин пока не получило сколько-нибудь существенного реального наполнения, хотя, начиная с 2006 года, Россия демонстрирует заинтересованность в кооперации с Узбекистаном в сфере переработки уранового сырья.

Нефтегазовая отрасль

В бытность СССР взаимодействие между Россией (РСФСР) и Узбекистаном (УзССР) в нефтегазовой отрасли касалось в основном поставок газа с узбекских месторождений, координации действий по обеспечению функционирования единой газотранспортной системы (магистральные трубопроводы «Средняя Азия – Центр» и «Бухара – Урал»), а также поставок нефти и нефтепродуктов в республику.

После распада Советского Союза, особенно в 1990-е годы, отраслевая кооперация между Российской Федерацией (РФ) и Республикой Узбекистан (РУз) заметно ослабла. Лишь в первом десятилетии наступившего века нефтегазовое сотрудничество между двумя странами получило новый импульс и стало приобретать стратегический характер, что нашло свое отражение в проектно-инвестиционной активности российских компаний в узбекской нефтегазовой отрасли. На современном этапе крупнейшие российские компании «Газпром» и «ЛУКОЙЛ» занимают в ней лидирующие позиции, принимая самое активное участие в конкретных проектах на территории республики.

Проекты по освоению месторождений

Интерес российских компаний в Узбекистане прикован именно к добычным проектам, куда, в основном, и направляются основные потоки инвестиций.

Освоение газоконденсатного месторождения «Шахпахты» (юго-восточный участок плато Устюрт, Республика Каракалпакстан, северо-западная часть Узбекистана). Месторождение было открыто в 1962 году. Запасы оцениваются примерно в 46,5 млрд. кубических метров газа и 7,7 млн. тонн жидких углеводородов. Промышленная разработка месторождения началась в 1974 году с годовым отбором в 2,5 млрд. кубических метров природного газа. В 2002 году его добыча была приостановлена¹⁶¹. В настоящее время месторождение «Шахпахты» относится к категории с остаточными запасами: не менее 80% запасов природного газа уже добыто в ходе его эксплуатации.

Повторная разработка «Шахпахты» стала первым добычным проектом с участием российской стороны. В 2004 году «Газпром» и Национальная холдинговая компания (НХК) «Узбекнефтегаз» подписали СРП по доразработке газового месторождения. Оператором проекта стал консорциум в составе российской ЗАО «Зарубежнефтегаз» (дочерняя структура «Газпрома») и швейцарской Gas Project Development Central Asia¹⁶². По условиям СРП, рассчитанного на 15 лет (период 2004–2019 годов), сторонам принадлежит по 50% добываемого газа, а весь его объем должен направляться на экспорт. В период 2004–2009 годов на месторождении добыто в общей сложности примерно 1,7 млрд. кубических метров природного газа (ежегодная добыча в среднем составляет 0,5 млрд. кубических метров газа). В рамках проекта построена новая дожимная компрессорная станция, а в 2007 году осуществлен капитальный ремонт 15 скважин. Общий объем россий-

---

¹⁶¹По одной из версий, из-за высокой изношенности оборудования.

¹⁶²Месторождение «Шахпахты» было предоставлено инвестору на условиях соглашения о разделе продукции без проведения публичных торгов на основе прямых переговоров. В соответствии с условиями СРП получены также лицензии на право пользования недрами и на право добычи и реализации газа.

ских инвестиций по проекту предположительно составил не менее **35 млн. долларов**¹⁶³, большая часть из которых (не менее 25 млн. долларов) была освоена до 2008 года включительно.

Освоение и геологоразведка Кандымской группы газоконденсатных месторождений «Кандым – Хаузак – Шады» (Бухарская область, юго-западная часть Узбекистана в непосредственной близости от узбекско-туркменской границы) **и месторождения «Кунград»** (Республика Каракалпакстан)¹⁶⁴. Общие газовые запасы этих месторождений оцениваются примерно в 283–329 млрд. кубических метров (наиболее крупное месторождение «Кандым» – в 150 млрд. кубических метров), а запасы жидких углеводородов – 93 млн. тонн.

Освоение месторождений Кандымской группы и месторождения «Кунград» является наиболее крупным инвестиционным проектом российской стороны в нефтегазовой отрасли РУз. Проект осуществляется на условиях соглашения о разделе продукции, подписанного в 2004 году сроком на 35 лет (период 2004–2039 годов) в присутствии президентов России и Узбекистана. Участниками СРП являются правительство Узбекистана и консорциум инвесторов в составе «ЛУКОЙЛа» (90%) и Национальной холдинговой компании «Узбекнефтегаз» (10%). Оператором проекта определена компания «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд» (дочерняя компания «ЛУКОЙЛа»).

В конце 2007 года на месторождении «Хаузак», а в 2008 году уже и на месторождении «Шады» началась добыча газа и его поставка для дальнейшей переработки на Мубарекский ГПЗ (Узбекистан). Затем весь очищенный от примесей газ закупается «Газпромом» и экспортируется по магистральным трубопроводам САЦ и «Бухара – Урал» в российском направлении. В 2008 году добыча газа на указанных месторождениях составила 2,5 млрд. кубических метров, а в 2009 году –

---

¹⁶³По состоянию на начало 2010 года.

¹⁶⁴Месторождения Кандымской группы и месторождение «Кунград» разрабатываются «ЛУКОЙЛом» в рамках одного проекта. Дело в том, что месторождение «Кунград» расположено примерно в 350 километрах от месторождений Кандымской группы.

около 2,7 млрд. Ожидалось, что в 2010 году добыча газа достигнет 3 млрд. кубических метров.

В свою очередь, на месторождении «Кандым» в начале 2010 года завершено бурение первой эксплуатационной вертикальной скважины глубиной 2150 метров. Работы проводила подрядная чешская компания Eriell Corporation s.r.o. В дальнейшем подрядчик в рамках заключенного контракта должен пробурить еще 39 эксплуатационных скважин на условиях «под ключ», что позволит довести добычу из них газа до плановых объемов. На месторождении «Кунград» компания «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд» провела полевые сейсморазведочные работы, но по результатам интерпретации данных в 2009 году было принято решение о продлении сроков разведочных работ на данном участке.

С вводом в эксплуатацию всех месторождений Кандымской группы и месторождения «Кунград» на пиковую мощность (скорее всего, придется на период 2011–2020 годов), а также после строительства в рамках СРП Кандымского газоперерабатывающего комплекса, ежегодная добыча может составить уже около 10–12 млрд. кубических метров газа. В итоге «ЛУКОЙЛ» потенциально способен выйти на уровень 20% от всего объема добычи газа в Узбекистане.

В свою очередь, нефть и газовый конденсат, которые в перспективе планируется получать на Кандымской группе месторождений, будут перерабатывать на местных нефтеперерабатывающих предприятиях с последующей реализацией продукции как на экспорт, так и на внутреннем рынке.

Общая стоимость освоения месторождений Кандымской группы и месторождения «Кунград» оценивается в более чем в 3 млрд. долларов (хотя ранее оценка составляла 1,5–2 млрд. долларов). «Узбекнефтегаз» имеет обязательства вложить 10% от требуемого объема инвестиций, а «ЛУКОЙЛ» – 90%. По данным российской компании, объем инвестиций по проекту за период 2004–2009 годов составил около **800 млн. долларов**. В 2010 году «ЛУКОЙЛ» планировал инвестировать в разработку Кандымской группы месторождений еще 326 млн. долларов. Однако в связи с переносом начала строительства Кандымского ГПК, объемы инвестиций в 2010 году, как представляется, будут значительно меньше.

Геологоразведка и освоение ряда нефтяных и газоконденсатных месторождений юго-западной части Гиссарского региона (на границе между Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областями, южная часть Узбекистана). Оценочные запасы газа данных месторождений (пять газоконденсатных и двух нефтяных)¹⁶⁵ составляют порядка 150 млрд. кубических метров, а нефти – около 50 млн. тонн.

В 2007 году российская инвестиционно-финансовая группа **«Союзнефтегаз»** и НХК **«Узбекнефтегаз»** подписали СРП по разработке данных месторождений. Срок соглашения – 5 лет (период 2007–2012 годов) для проведения геологоразведочных работ с правом их продления еще на 3 года (до 2015 года), и 36 лет (период 2007–2048 годов) – непосредственно на добычу углеводородов. Для реализации СРП была создана компания **«Союзнефтегаз Восток Лтд»**, а для ведения нефтегазовых операций на контрактных территориях – компания **SNG Gissar Operating** (обе – дочерние структуры **«Союзнефтегаза»**). Однако в начале 2008 года компании **«ЛУКОЙЛ» «Союзнефтегаз»** за 580 млн. долларов продал 100% своего долевого участия в данном проекте.

С весны 2007 года на месторождениях **«Южный Кызылбайрак»** и **«Кошкудук»** Гиссарского региона уже ведется добыча нефти, которая поступает в накопительные пункты, а затем транспортируется на Бухарский и Ферганский нефтеперерабатывающие заводы. В 2009 году объем нефтедобычи составил около 100 тыс. тонн.

В свою очередь, на газоконденсатных месторождениях **«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд»** только в 2009 году приступил к обустройству месторождений и подготовке их к промышленной разработке. В частности, на месторождении **«Адамташ»** добыча природного газа запланирована с 2012 года. В рамках проекта планируется также построить завод, который будет заниматься отбором газоконденсата и осушкой газа. Российская сторона уже подписала подрядный контракт с японской компанией **Тоуо Engineering**, которая осуществит проектирование

---

¹⁶⁵Газоконденсатные месторождения – **«Джаркудук-Янги»**, **«Гумбулак»**, **«Аманата»**, **«Пачкамар»** и **«Адамташ»**, нефтяные месторождения – **«Южный Кызылбайрак»** и **«Кошкудук»**.

и поставку технологического оборудования для данного предприятия. В связи с тем, что газовое сырье содержит значительное количество этана (один из компонентов природного газа), часть объемов предполагается перерабатывать на Шуртанском газохимическом комплексе. Часть добытого газа «ЛУКОЙЛ», как и в случае разработки месторождений Кандымской группы, планирует частично продавать «Газпрому» (будет экспортироваться в Россию), а остальную – перерабатывать (на договорных условиях с «Узбекнефтегазом») на Шуртанском ГХК.

Если оценочные запасы нефти и газа в Гиссарском регионе подтвердятся, то при выходе на проектную мощность ориентировочно в период 2010–2015 годов, будет ежегодно добываться порядка 3 млрд. кубометров природного газа и около 700 тыс. тонн нефти.

Стоимость работ на нефтяных и газоконденсатных месторождениях оценивается примерно в 1,2 млрд. долларов. Российские инвестиции в разработку ориентировочно могли составить порядка **370 млн. долларов**¹⁶⁶, включая 22 млн. долларов (минимальная программа) в геологоразведку. В 2010 году «ЛУКОЙЛ» планирует инвестировать в дальнейшее освоение месторождений Гиссарского региона еще около 147,5 млн. долларов.

Проекты по геологоразведке и последующему освоению месторождений

Повышенный интерес к разработке углеводородной ресурсной базы Узбекистана обуславливает стремление российских компаний принимать самое активное участие и в проектах по геологоразведке предполагаемых перспективных газо- и нефтеносных участков на территории республики.

Геологоразведка и последующее освоение ряда газоконденсатных месторождений на плато Устюрт. Прогнозные запасы лишь нескольких наиболее крупных месторождений («Урга», «Куаныш» и

---

¹⁶⁶По состоянию на начало 2010 года.

Акчалакская группа) предположительно составляют порядка 1–1,27 трлн. кубических метров газа.

Еще в январе 2006 года «Газпром» и «Узбекнефтегаз» подписали Соглашение об основных принципах проведения геологического изучения недр инвестиционных блоков Устюртского региона. В свою очередь, с правительством Узбекистана (на уровне Министерства внешнеэкономических связей, инвестиций и торговли) «Газпром» подписал соглашение об основных принципах и положениях СРП месторождений «Урга», «Куаныш» и Акчалакской группы. На основании данного Соглашения российский газовый монополист приступил к разработке технико-экономического обоснования проекта и финансированию операций.

В конце 2006 года «Узбекнефтегаз» выдал «Газпрому» лицензии на право проведения работ по геологическому изучению семи инвестиционных блоков: Актумского, Куанышского, Агыинского, Насамбекского, Западно-Ургинского, Акчалакского и Шахпахтинского. Оператором данного проекта стало ООО «Устюрт-Зарубежнефтегаз» (дочерняя компания «Зарубежнефтегаза», структурного подразделения «Газпрома»).

В течение 2007–2008 годов было пробурено 12 скважин, выявлено 14 газоперспективных структур, 10 из которых подготовлено к бурению. В первой половине 2009 года в результате проведенных сейсморазведочных работ в пределах Шахпахтинского инвестиционного блока были открыты еще два перспективных месторождения природного газа – «Дали» и «Джел» (располагаются в 15 километрах к юго-западу от уже разрабатываемого месторождения «Шахпахты»). По данным предварительных исследований, дебит газа составил порядка 350 тыс. кубических метров в сутки. После оценки прироста запасов углеводородов, будут подготовлены предложения по дальнейшим направлениям геологоразведочных работ на данных месторождениях.

Однако соответствующие СРП ни по этим, ни по другим месторождениям между узбекской и российской сторонами подписаны пока так и не были. Более того, еще в мае 2008 года стало известно, что месторождения «Урга», «Куаныш» и Акчалакской группы вместо «Газпрома» будет осваивать малазийская компания «Петронас», которая под-

писала с НХК «Узбекнефтегаз» соответствующее СРП сроком на 35 лет (период 2008–2043 годов). Оператором проекта станет компания Petronas Carigali Overseas Sdn Bhd (дочерняя структура «Петронас»).

В «Газпроме» утверждают, что запасы на месторождениях «Урга», «Куаныш» и Акчалакской группы, выявленные в ходе поисковых работ, якобы не представляют коммерческого интереса. Но данные оценки могут не соответствовать действительности, так как запасы месторождений вполне устроили компанию «Петронас». Причем характерно, что параллельно с СРП малазийцы подписали с «Узбекнефтегазом» и соглашение по разработке технико-экономического обоснования строительства завода стоимостью 2,5 млрд. долларов по производству синтетического топлива из природного газа. Проект планируется реализовать в 2014 году на базе Шуртанского ГХК с переработкой 3,5 млрд. кубических метров газа и производством 1,75 млн. тонн синтетического дизельного топлива и автобензина в год. Тот факт, что малазийская компания намерена не только добывать газ, но еще и заниматься его глубокой переработкой свидетельствует о наличии достаточно крупных, имеющих промышленное значение запасов на указанных выше месторождениях. Тем более, что в 2009 году к проекту присоединилась еще и южноафриканская компания Sasol.

Как представляется, отказ «Газпрома» от участия в данном проекте, скорее всего, связан с финансовыми проблемами российского газового монополиста, из-за которых он вынужден временно сокращать свою инвестиционную программу. Не исключено и то, что добыча углеводородов на месторождениях «Урга», «Куаныш» и Акчалакской группы сопряжена с определенными технологическими сложностями, которые ведут к повышению стоимости добычи газа. В этом случае «более дорогой газ» экономически выгоднее не экспортировать, а перерабатывать на месте в продукты с высокой нормой добавочной стоимости. Однако глубокая переработка газа либо не входила в планы российского газового монополиста, либо «Газпром» не смог преодолеть те самые технологические сложности, с которыми он столкнулся на месторождениях «Урга», «Куаныш», Акчалакской группы и по этой причине решил переключиться на другие, технологически более легкие и эко-

номически рентабельные проекты. На данную мысль наводит также и то, что «Газпром» совместно с «Узбекнефтегазом» еще в 2008 году была разработана дополнительная программа активизации геологоразведочных работ в Устюртском регионе сроком до 2012 года, в соответствии с которой предусмотрена активизация совместных действий на оставшихся инвестиционных блоках: Агьинском, Актумсукском, Насамбекском и Шапахтинском. В 2009 году здесь уже велось бурение почти 20 поисковых скважин.

В рамках Соглашения об основных принципах проведения геологического изучения недр инвестиционных блоков Устюртского региона, подписанного в 2006 году, «Газпром» планировал инвестировать до 2011 года в данный проект порядка 400 млн. долларов. Известно, что за период 2007–2009 годов общий объем финансовых ресурсов, уже вложенных российской компанией в проведение геологоразведочных работ на плато Устюрт, составил не менее **270–280 млн. долларов.**

Геологоразведка и последующее освоение нефтяных и газовых месторождений в узбекской части Аральского моря. Запасы газа данных месторождений оцениваются примерно в 2 трлн. кубических метров, а нефти – порядка 150 млн. тонн (по другим данным до 1 млрд. тонн).

Проект осуществляется с 2005 года международным консорциумом в составе НХК «Узбекнефтегаз», компании «ЛУКОЙЛ», «Петронас» (Малайзия), Korea National Oil Corporation (Корея) и CNPC International (Китай). Оператором проекта является созданная в этих целях компания Aral Sea Operating Company. По условиям Соглашения, подписанного на 35 лет (период 2005–2040 годов), каждый член консорциума получил равную долю участия – по 20%. Проект планировалось реализовать в три этапа: на первом этапе было намечено провести сейсмо-разведочные работы; на втором – бурение поисковых скважин; на третьем – подготовку к разработке и последующую эксплуатацию месторождений.

Работы на первом этапе, тендер на которые в мае 2007 года выиграла российская компания ООО «ПетроАльянс», были проведены в пе-

риод 2007–2009 годов. По итогам сейсморазведки во второй половине 2009 года были подготовлены к бурению четыре участка – «Западный Арал», «Умид», «Ак-Тепе» (Северный Умид) и «Шагала». В мае 2010 года оператор проекта Aral Sea Operating Company получил при бурении первой разведочной скважины на контрактной территории «Западный Арал» промышленный приток газа. На лето того же года запланировано бурение второй разведочной скважины. Если оценочные запасы газа на месторождениях подтвердятся, это позволит добывать не менее 25 млрд. кубических метров газа в год. Свою часть добытого газа «ЛУКОЙЛ», скорее всего, будет продавать «Газпрому».

Затраты на сейсморазведочные работы в течение первых трех лет (период 2007–2010 годов) оцениваются в 100 млн. долларов. На начало 2010 года в реализацию данного проекта непосредственно «ЛУКОЙЛом» уже вложено ориентировочно **26,5 млн. долларов**. В свою очередь, общие затраты на следующий этап, который предполагает бурение поисковых скважин, оцениваются примерно в 200 млн. долларов.

Проекты по переработке сырья

Несмотря на достаточную активность российских компаний в проектах по разработке и освоению углеводородных месторождений на территории Узбекистана, их участие в проектах по глубокой переработке углеводородов ограничивается лишь планами и намерениями, перспективы реализации которых остаются туманными.

Планы по модернизации производства под выпуск сжиженного газа и бензина на Мубарекском газоперерабатывающем заводе (ГПЗ) (г. Мубарек, Узбекистан). ГПЗ введен в эксплуатацию в 1971 году. В настоящее время его мощность составляет около 30 млрд. кубических метров природного газа по переработке и производство более 570 тыс. тонн газового конденсата в год.

Проект модернизации ГПЗ предполагалось начать еще в 2005 году. Его реализацию «Узбекнефтегаз» планировал осуществлять совместно с «Газпромом» в рамках совместного предприятия на паритетных началах. Оператором проекта было определено **ОАО «Стройтрансгаз»**

(дочерняя компания «Газпрома»), которое в 2004 году выиграло тендер на строительство на Мубарекском ГПЗ установки по производству сжиженного газа проектной мощностью 336 тыс. тонн пропан-бутановой смеси и 150 тыс. тонн бензина в год. Реализация продукции планировалась как на экспорт, так и на внутреннем рынке Узбекистана.

Однако сроки реализации проекта несколько раз пересматривались, в том числе из-за изменений условий финансирования, которые вносила российская сторона. В частности, в июне 2008 года «Стройтрансгаз» предложил увеличить стоимость проекта в связи с ростом цен на технологическое оборудование. Узбекскую сторону не устроил подобный отход от первоначальных договоренностей и в августе 2008 года «Узбекнефтегаз» объявил новый тендер на поставку комплектного оборудования с проведением услуг (шеф-монтаж и пуско-наладка) для строительства установки получения сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ. Победителем тендера стала компания Zeromax GmbH.

В мае 2009 года вышло соответствующее постановление правительства Узбекистана, которое одобрило реализацию проекта и участие в нем указанной компании. Строительство установки сжиженного газа должно быть осуществлено в течение 18 месяцев, а ввод ее в эксплуатацию запланирован на четвертый квартал 2010 года. Стоимость строительства оценивается в 220,7 млн. долларов. Финансирование планируется осуществить за счет собственных средств «Узбекнефтегаза» (30,3 млн. долларов), кредита узбекского Фонда реконструкции и развития (55,4 млн. долларов), кредитов узбекских коммерческих банков (50 млн. долларов) и кредита Государственного банка развития Китая (85 млн. долларов). Предполагается, что реализация Мубарекского проекта позволит удвоить производство сжиженного газа в республике и обеспечить Узбекистану возможность стать одним из его поставщиков.

Планы по строительству Кандымского газоперерабатывающего комплекса в районе месторождения «Кандым». В рамках освоения «ЛУКОЙЛом» Кандымской группы месторождений и месторождения «Кунград» была запланирована также реализация проекта строительст-

ва ГПК. Ранее первую очередь газоперерабатывающего комплекса предполагалось ввести в эксплуатацию к 2011 году. Проектная мощность ГПК должна была составить 8,1 млрд. кубических метров газа в год с перспективой наращивания до 10 млрд. Планировалось, что будут также построены две компрессорные станции, сборные пункты, вахтовые поселки, ЛЭП, а также отдельная железнодорожная ветка длиной почти 40 километров, автодороги и подъездные пути. Однако, по состоянию на начало 2010 года, российская сторона все еще вела выбор подрядчика на проектирование данного предприятия, а в мае того же года руководство «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд» вообще заявило о переносе на неопределенный срок начала строительства газоперерабатывающего комплекса в связи с кризисом на мировом рынке газа.

Трубопроводные проекты

Участие российской стороны в трубопроводных проектах, несмотря на объективную заинтересованность в наращивании объемов экспорта газа в Россию/российском направлении, пока ограничивается лишь намерениями, переход которых в практическую плоскость маловероятно.

Планы по модернизации и увеличению пропускной способности узбекских участков газопроводов «Средняя Азия – Центр» и «Бухара – Урал». Газопровод «Бухара – Урал», проектной мощностью 19 млрд. кубических метров в год, введен в строй в 1965 году, состоит из 2 веток. Первая ветка проходит от месторождения «Газли» по территории Узбекистана и Казахстана до г. Челябинск (Россия). Другая ветка проходит параллельно первой до г. Екатеринбург (Россия). В настоящее время из-за физического износа пропускная способность узбекского участка данного газопровода не превышает 7 млрд. кубических метров газа.

В свою очередь, газопровод «Средняя Азия – Центр» (САЦ), состоящий из 5 веток, вводился в строй в период с 1966 года (первая ветка) по 1985 год (пятая ветка). Газопровод предназначен для поставок в Россию в основном туркменского, а также и некоторого количества узбекского газа. Трубопроводные ветки САЦ-1, САЦ-2, САЦ-4, САЦ-5

берут начало от месторождения «Довлетабад» (Туркменистан) и проходят через территории Туркменистана, Узбекистана и Казахстана до узловой станции Александров-Гай (Саратовская область, Россия)¹⁶⁷. Проектная мощность газопровода САЦ (всех пяти веток) составляла 68 млрд. кубических метров ежегодно. На современном этапе из-за физического износа пропускная способность данного газопровода снизилась до 50 млрд. кубических метров газа.

На основании подписанных межправительственных соглашений, начиная с 2004 года, Россия стала постепенно увеличивать объемы закупок газа как в Туркменистане, так и Узбекистане. К 2010 году даже предполагалось довести прокачку газа из Туркменистана через узбекскую территорию до 70–80 млрд. кубических метров газа, поддерживая подобные (и даже несколько большие) объемы вплоть до 2028 года¹⁶⁸. Объемы же закупаемого узбекского газа на ближайшую перспективу планировалось довести до уровня не менее 16 млрд. кубических метров ежегодно.

Но для кардинального увеличения объемов импорта узбекского (и вообще центральноазиатского) газа необходимы, в первую очередь, масштабные ремонтно-восстановительные работы на всей протяженности трассы газопроводов «Средняя Азия – Центр» и «Бухара – Урал».

Информация о российских инвестициях, в частности «Газпрома», в модернизацию газопроводной системы Узбекистана отсутствует. К тому же, ранее «Газпром» увязывал возможность предоставления инвестиций в газопроводную систему республики с контролем национальных газотранспортных сетей. Это, в свою очередь, не устраивало Узбекистан, так как РУз стремится сохранить максимальную свободу действий по диверсификации своих внешних связей в сфере нефтегазового сотрудничества. В свою очередь, Узбекистан («Узбекнефтегаз») само-

---

¹⁶⁷Ветка САЦ-3 проходит от месторождения «Довлетабад» до той же станции Александров-Гай только по территории Туркменистана и Казахстана.

¹⁶⁸В соответствии с двусторонним межправительственным Соглашением «О сотрудничестве в газовой отрасли на период до 2028 года», подписанным в г. Москве в 2003 году.

стоятельно изыскивает возможности привлечь на цели развития и реконструкции своих магистральных газопроводов (как экспортных, так и внутренних) зарубежные финансовые ресурсы. Тем более что в связи с последствиями мирового экономического кризиса и наличием финансовых проблем у самого российского газового монополиста, не совсем ясен ни характер, ни сроки возможных мероприятий на территории Узбекистана.

Планы по проектированию и строительству новой ветки газопровода «Средняя Азия – Центр». Новую ветку трубопровода протяженностью около 400 километров, планируется проложить параллельно старым веткам САЦ-1, САЦ-2, САЦ-4, САЦ-5 – от газокompрессорной станции «Дарьялык» (Дашховузский велоят Туркменистана) через территорию Узбекистана до казахстанского поселка Бейнеу. Проектная пропускная способность – до 30 млрд. кубических метров в год.

Рамочное соглашение о расширении САЦ «Газпром» и «Узбекнефтегаз» подписали еще в сентябре 2008 года во время поездки в г. Ташкент главы российского правительства В. Путина, но сама договоренность о реализации проекта была достигнута только в ходе государственного визита в РУз президента Д. Медведева в январе 2009 года. Российская и узбекская стороны заявили о намерении разработать технико-экономическое обоснование новой ветки трубопровода САЦ, которая бы позволила увеличить поставки центральноазиатского газа (туркменского и узбекского) в российском направлении. Как ожидается, условия строительства и порядок финансирования возможно будут определены в течение 2010–2011 годов.

* * *

С учетом наблюдавшегося в середине первого десятилетия XXI века политического сближения России и Узбекистана, ряду российских компаний и, в первую очередь концернам «Газпром» и «ЛУКОЙЛ», удалось занять лидирующие позиции в узбекской нефтегазовой отрасли и при прямой поддержке руководства РФ зарезервировать за собой целый ряд крупнейших газовых месторождений в республике.

Во-первых, в нефтегазовой отрасли представлена подавляющая часть российских инвестиций в РУз. Если в 1990-х годах финансовые ресурсы из России в нефтегазовую отрасль Узбекистана практически отсутствовали, то, по состоянию на начало 2010 года, их объем достиг примерно **1,5 млрд. долларов**¹⁶⁹. На этом фоне показатели инвестиционной активности других стран и компаний в нефтегазовой отрасли РУз пока выглядят более скромными. Тем более, что нефтегазовые компании других стран пока не приступили к промышленной добыче углеводородов в Узбекистане. По некоторым оценкам, российские капиталовложения в нефтегазовую отрасль РУз составляют около 60% от общего объема всех иностранных капиталовложений в республику. Дополнительным конкурентным преимуществом РФ является то, что проектно-инвестиционная активность российских компаний, как правило, нацелена на более долгосрочную перспективу – 25–35 лет. В результате, уже до 2012 года общий объем российских инвестиций в нефтегазовую отрасль Узбекистана потенциально может увеличиться до **5–6 млрд. долларов**.

Во-вторых, российские компании добились лидирующих позиций в нефтегазовой отрасли Узбекистана по сравнению с нефтегазовыми компаниями других стран и в сфере добычи углеводородов. По итогам 2009 года, объемы добычи газа российскими компаниями составили порядка 5,5% от общей добычи газа в республике. Хотя указанная доля сама по себе не велика, тем не менее очень показательна, учитывая тот факт, что нефтегазовые компании других стран в основном пока не приступили к промышленной добыче углеводородов в Узбекистане. К тому же, все российские проекты по освоению углеводородных месторождений Узбекистана находятся еще на начальной стадии, и в ближайшие годы доля российских компаний в добыче узбекского газа заметно возрастет. В среднесрочной перспективе российские компании

---

¹⁶⁹Включая 35 млн. долларов в освоение месторождения «Шахпахты», 800 млн. долларов в освоение месторождений Кандымской группы месторождений и месторождения «Кунград», 370 млн. долларов – в разведку и освоение месторождений Гиссарского региона, 270–280 млн. долларов – в разведку и освоение месторождений на плато «Устюрт» («Урга», «Куаныш» и Акчалакская группа), 26,5 млн. долларов – в геологоразведку месторождений в узбекском сегменте Аральского моря.

планируют значительное увеличение добычи газа, а также и нефти в Узбекистане. Причем наиболее оптимистические и конкретные планы имеет «ЛУКОЙЛ», который сегодня лидирует среди всех других компаний по объемам инвестиций в нефтегазовую отрасль Узбекистана, а также по объемам добычи газа в республике.

В-третьих, сохранению устойчивых позиций России в нефтегазовой отрасли Узбекистана благоприятствует и тот факт, что республика пока не располагает альтернативными российскому направлению маршрутами и возможностями по экспорту газа (введенный в эксплуатацию в конце 2009 года газопровод «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай» выйдет на проектную мощность лишь в 2012 году). В 2008 году в РФ было направлено свыше 90% экспорта узбекского газа (остальное количество «голубого топлива» – менее 10%, Узбекистан экспортировал в соседние Кыргызстан и Таджикистан). Такая «инфраструктурная зависимость», объективно способствует сохранению заинтересованности Узбекистана в дальнейшем нефтегазовом сотрудничестве именно с Россией.

Однако в будущем российские компании рискуют утратить преимущества в нефтегазовой отрасли, причем по причинам, внешне напрямую не связанным с самим нефтегазовым направлением. В частности, речь может идти об ухудшении общего политического климата в отношениях между Россией и Узбекистаном, разногласиях в подходах к решению ключевых региональных проблем (как водно-энергетическая и афганская¹⁷⁰), взаимоотношениях с другими странами Центральной Азии (особенно Таджикистаном, например, в контексте решения все той же водно-энергетической проблемы), слабости российских инициатив по развитию сотрудничества в других отраслях экономики РУз, в первую очередь по промышленно-инновационным направлениям.

---

¹⁷⁰Особенно в плане урегулирования ситуации в Афганистане, где инициативы Узбекистана фактически игнорируются Россией. Кроме того, могут быть разногласия по вопросам развития транспортно-коммуникационного сообщения через Афганистан и поддержки пребывания западного воинского контингента в этой стране, а также соседних странах.

Атомная отрасль

Атомная отрасль Узбекистана стала развиваться с открытием в пустыне Кызылкум и Ташкентской области крупных урановых месторождений. В 1970-х годах в Узбекистане при добыче урана впервые (задолго до использования за рубежом, в т.ч. США) была применена технология подземного выщелачивания. Вплоть до распада Советского Союза республика являлась одним из главных поставщиков уранового сырья на российские перерабатывающие заводы РСФСР. До начала 1990-х годов УзССР производила ежегодно в среднем до 3,5 тыс. тонн малообогащенного урана.

В постсоветский период Узбекистан в целом сохранил свой потенциал в плане разработок урановых месторождений. Вплоть до настоящего времени объемы добычи урана в Узбекистане, хотя незначительно уменьшились, но остаются на стабильном уровне и составляют в среднем около 2,5 тыс. тонн ежегодно, что соответствует примерно 7% от общемирового объема производства. Республика входит в число крупных мировых производителей урана. По состоянию на 2009 год доказанные запасы урана составили около 130 тыс. тонн или примерно 3% общемировых запасов.

Добычу урана в Узбекистане осуществляет Навоийский горно-металлургический комбинат (НГМК)¹⁷¹, который на трех рудоуправлениях (Южное, Северное и №5) методом подземного выщелачивания ведет разработку месторождений «Сугралы», «Северный», «Южный Букинай», «Бешкак», «Кетменчи», «Сабырсай», «Северный Кенимех» и ряда других. В последние годы введены в строй рудники на месторождениях «Кендыктюбе», «Лявлякан» и «Тохумбет». Хотя производство урана и играет немаловажную роль в экономике Узбекистана, в то же время, он непосредственно не задействован в энергетическом ба-

---

¹⁷¹Навоийский горно-металлургический комбинат введен в эксплуатацию в 1958 году. Является одним из крупнейших мировых производителей урана и золота. Его продукция высочайшего качества пользуется всемирной известностью. 1 октября 1991 года по решению Правительства Узбекистана на основе государственного предприятия НГМК был образован государственный концерн «Кызылкумредметзолото».

лансе республики по причине отсутствия в стране атомных электростанций (существует лишь один реактор, действующий в научных целях).

Ранее основное количество добываемого в республике урана традиционно поставлялось в Россию, но с 1993 года большая часть узбекского урана через американскую компанию Nukem Inc. стала экспортироваться в США. В 2006 году подписано соглашение между правительством Узбекистана и японской корпорацией Itochu о поставках урана в Японию, а 2009 году – Южную Корею. Заметный интерес к узбекскому урану проявляет и Китай.

Кооперация в атомной отрасли между Россией и Узбекистаном в постсоветский период начала постепенно возрождаться лишь с середины первого десятилетия наступившего века, после того как РФ на официальном уровне обозначила свою заинтересованность в развитии сотрудничества со странами СНГ, имеющими значительные запасы урана и мощности по их добыче и переработке.

*Проекты по добыче и первичной переработке уранового сырья,
а также производству ядерного топлива*

Несмотря на определенную заинтересованность России и Узбекистана в реализации совместных проектов в атомной отрасли, стороны пока так и не приступили к их практической реализации.

Планы по добыче уранового сырья на месторождении «Актау» (Навоийская область, центральная часть Узбекистана). Прогнозные запасы месторождения оцениваются в 4,4 тыс. тонн урана.

В 2006 году российская компания ОАО «Техснабэкспорт» и Навоийский горно-металлургический комбинат подписали протокол намерений о создании узбекско-российского СП по разработке уранового месторождения «Актау». Предполагалось, что соучредителями СП с российской стороны будут **ОАО «Техснабэкспорт»** и **ЗАО «Русбур-**

маш»¹⁷², с узбекской – НГМК и Госкомитет по геологии и минеральным ресурсам Узбекистана, на балансе которого находится месторождение «Актау»¹⁷³. Ожидалось, что учредительный договор о создании совместного предприятия может быть подписан в середине 2006 года, а к концу года оно приступит к работе. СП должно было ежегодно производить 300 тонн урана. Объем прямых инвестиций российских компаний в реализацию проекта прогнозировался на уровне более 30 млн. долларов.

Однако по ряду причин, обусловленных действиями как российской, так и узбекской сторон, СП так и не было создано. По имеющимся данным, переговорный процесс застопорился из-за сложностей с объединением урановых активов в самой России и стремлением Узбекистана предложить партнерам трудноизвлекаемые месторождения урана.

Планы по обогащению урана в рамках ОАО «Международный центр по обогащению урана» (МЦОУ, г. Ангарск, Иркутская область РФ). Начиная с 2007 года (момента создания МЦОУ), российская сторона неоднократно предлагала Узбекистану обогащать добытый в республике уран на территории России, в том числе в **«Международном центре по обогащению урана»** в г. Ангарске. В частности, в ходе визита правительственной делегации РФ в г. Ташкент в июле 2007 года, возглавлявший тогда делегацию 1-й вице-премьер С. Иванов выразил убежденность, что коммерческая выгода Узбекистана будет выше, чем продажа сырья, потому что у обогащенного урана большая добавленная стоимость. Однако конкретного решения по данному предложению Узбекистаном пока не принято.

---

¹⁷²ЗАО «Русбурмаш» основано в 1998 году. Основная сфера деятельности – организация и проведение буровых и геологоразведочных работ, непосредственно связанных с ними проектно-изыскательной деятельности, а также оказание консультационных услуг по указанным вопросам. В 2007 году вошла в контур управления ОАО «Атомредметзолото», с 2008 года ОАО «Атомредметзолото» владеет 51% акций ЗАО «Русбурмаш».

¹⁷³По данным Госкомитета по геологии и минеральным ресурсам РУз, прогнозные ресурсы месторождения «Актау» составляют 4400 тонн урана.

Несмотря на относительно высокий интерес России к развитию сотрудничества с Узбекистаном в атомной отрасли, а также отдельные предложения российской стороны, говорить о достижении каких-либо конкретных результатов, а тем более некоего прорыва в российско-узбекских отношениях пока не приходится.

Во-первых, ни одно из предложений по совместным проектам по тем, или иным причинам не перешло в стадию практической реализации. По состоянию на начало 2010 года, капиталовложений из РФ в атомной отрасли РУз нет, и в обозримой перспективе не предвидится.

Во-вторых, Узбекистан, являясь одним из крупнейших мировых производителей уранового сырья, за годы независимости уже сформировал устойчивый рынок его реализации как на Западе, так и в Азии. Поэтому, как представляется, для республики российское направление не является приоритетным до тех пор, пока Россия выступает лишь в качестве «одного из многих покупателей».

В-третьих, сама Россия и российский бизнес основной свой интерес в Узбекистане сосредоточили на нефтегазовой отрасли, куда и идет основной поток российских финансовых ресурсов. Развитие же сотрудничества с РУз в атомной отрасли, особенно на фоне успешно работающих проектов в Казахстане (тем более с гораздо либеральной экономической средой), по всей видимости, ошибочно рассматривается в качестве некоего резервного (запасного) варианта, который якобы не требует приложения особых и системных усилий для достижения конкретных и взаимовыгодных договоренностей.

Однако в результате всего этого и, несмотря на свой высокий потенциал, Узбекистан явно выпадает из процессов кооперации и интеграции атомных комплексов стран СНГ, что в итоге не способствует использованию данного вектора сотрудничества в целях усиления двустороннего и многостороннего под эгидой России взаимодействия по другим направлениям в сферах экономики, политики и безопасности.

Выводы: проблемы, прогноз и основные риски

В 1990-х годах российско-узбекское взаимодействие в ТЭК находилось на крайне низком уровне, касалось исключительно вопросов поставок незначительных объемов узбекского газа в РФ и не имело сколько-нибудь важного значения для обеих стран. В течение первого десятилетия XXI века, с учетом наблюдавшегося в это время прорыва в политических отношениях между Россией и Узбекистаном, масштабы энергетического сотрудничества между двумя странами кардинально увеличились. Ряду российских компаний и, в первую очередь, концернам «Газпром» и «ЛУКОЙЛ» удалось занять лидирующие позиции в узбекской нефтегазовой отрасли и при прямой поддержке руководства РФ зарезервировать за собой целый ряд крупнейших газовых месторождений в республике. Однако, несмотря на определенные успехи в нефтегазовом направлении, взаимодействие в других отраслях ТЭК между Россией и Узбекистаном реально так и не сдвинулось с мертвой точки.

Во-первых, определенные успехи в нефтегазовом направлении связаны с тем, что по сравнению с 1990-ми годами стало наблюдаться заметное оживление экономической политики РФ в ЦА, где стратегические интересы России коснулись в основном нефтегазовой отрасли.

Во-вторых, успехи России по закреплению в нефтегазовой отрасли Узбекистана не свидетельствуют о прорыве в российско-узбекских энергетических и экономических отношениях в целом. Эти успехи в основном определились слабостью внешней конкурентной среды в Узбекистане (в отличие от Казахстана и Туркменистана). Дело в том, что экспортные возможности РУз по нефти отсутствуют, а по газу – относительно невелики. К тому же сохранению устойчивых позиций России в нефтегазовой отрасли Узбекистана благоприятствует и тот факт, что республика пока не располагает альтернативными российскому направлению маршрутами и возможностями по экспорту газа¹⁷⁴.

---

¹⁷⁴Введенная в эксплуатацию в конце 2009 года первая ветка газопровода «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай» выйдет на проектную мощность не ранее 2012 года, будет ориентирована преимущественно на туркмен-

Все это значительно снижает интерес многих иностранных компаний к нефтегазовой отрасли Узбекистана, что и открыло «ЛУКОЙЛу» и «Газпрому» «дорогу» в Узбекистан.

В-третьих, негативным обстоятельством для российско-узбекских отношений в энергетике и в экономике в целом является то, что межгосударственное взаимодействие в атомной отрасли (по добыче и переработке урановых руд) так и не ожило, хотя данное направление российско-узбекского сотрудничества в советское время не уступало по своей значимости нефтегазовому. Показательно и то, что сама урановая отрасль в Узбекистане после распада Союза практически не пострадала и продолжала развиваться (благодаря мощной поддержке со стороны государства) вне связей с Россией. Это, в свою очередь, свидетельствует о фактическом разрушении некогда существовавшей структурно-технологической взаимозависимости между атомными отраслями России и Узбекистана.

В итоге, по сравнению с другими иностранными компаниями и государствами, присутствующими в ТЭК Узбекистана, Россия и российские корпорации пока сохраняют преимущества по следующим позициям:

- контроля над большинством перспективных углеводородных месторождений Узбекистана;
- монополии по обеспечению газового экспорта из Узбекистана.

Однако в будущем Россия и российские компании рискуют утратить данные преимущества по ряду причин. Дело в том, что российские бизнес-структуры в Узбекистане (также как и в Казахстане и Туркменистане) в некоторых случаях не выдерживают конкуренции с другими иностранными компаниями, поскольку не ориентируются на энергетические проекты повышенной технологической сложности. На данную мысль наводит, например, тот факт, что «Газпром» после 2 лет геологоразведочных работ (2007–2008 годы) уступил ряд крупных месторождений на плато Устюрт малазийской компании «Петронас».

скую ресурсную базу, тем более, что вопрос цены на туркменский газ (в отличие от цены на узбекский газ) тесно связан с инвестициями КНР в трубопроводную инфраструктуру.

Кроме того, российские компании, несмотря на то, что сохраняют доминирующие позиции в нефтегазовой отрасли Узбекистана, пока не участвуют в проектах по глубокой переработке углеводородного сырья, делая основную ставку на геологоразведку, добычу и транспортировку газа из РУз. Однако, это идет вразрез со стратегическими целями экономического развития Узбекистана, который акцентирует основное внимание именно на глубокой переработке углеводородов с получением продуктов газо- и нефтехимии с высокой нормой добавочной стоимости, что предусматривает снижение объемов экспорта того же газа при одновременном увеличении объемов его переработки на месте. Тем более, что экспортные возможности по нефти у РУз отсутствуют вообще (Узбекистан является нетто-импортером нефти), а экспортные возможности по газу относительно невелики (по крайней мере, на фоне масштабов потребностей России в «голубом топливе» и в сравнении с экспортными возможностями того же Туркменистана). Это связано с объективно высокими внутренними потребностями страны в углеводородах (многочисленность населения – более 27 млн. человек, наличие энергоемких отраслей промышленности и доминирование газа в топливно-энергетическом балансе страны – свыше 85%).

Учитывая же ограниченность как технологических, так и финансовых возможностей российских компаний, Узбекистан в последние годы прилагает активные усилия по привлечению в свою нефтегазовую отрасль компаний из азиатских стран – Китая, Малайзии, Кореи, Сингапура, Японии, которые обладают и более современными технологиями, и достаточными финансовыми ресурсами.

Помимо вышеизложенного, определенное значение имеет и то, что российская монополия на обеспечение узбекского газового экспорта вскоре начнет разрушаться. И хотя сам Узбекистан не строит грандиозных планов (в отличие, например, от того же Туркменистана) по диверсификации маршрутов газового экспорта, тем не менее в республике уже рассматривают планы экспорта части добываемого газа в китайском направлении. Поэтому пока неясно, какие объемы газа РУз предпочтет экспортировать в Россию/российском направлении, а какие объемы потенциально может сориентировать на Китай. Тем более, что

между тем же Казахстаном и Китаем уже подписано соглашение о ежегодных поставках до 5 млрд. кубических метров газа.

В целом энергетическое сотрудничество между Россией и Узбекистаном пока не выходит за рамки нефтегазовой отрасли, нацелено главным образом на наращивание объемов добычи, первичной переработки и экспорта углеводородов на внешние рынки. Однако, как представляется, данный формат сотрудничества не только не способствует развитию комплексного и полноценного экономического, в том числе и энергетического взаимодействия между двумя странами, но и, наоборот, даже сдерживает это взаимодействие. Добыча и экспорт углеводородного сырья – сами по себе хрупкий фундамент для выстраивания долгосрочных отношений даже в энергетической сфере, не говоря уже об экономических отношениях в целом. Поэтому, если Россия все же намерена как минимум сохранить, а как максимум усилить свои позиции в ТЭК Узбекистана, то ей целесообразно форсировать проекты прежде всего в сфере глубокой переработки углеводородов, а также в атомной отрасли.

Прогноз

Перспективы российско-узбекского сотрудничества в ТЭК в значительной степени определяются характером дальнейшего развития российско-узбекских политических отношений, ролью и местом Узбекистана во внешней стратегии России в Центральной Азии, в том числе во взаимодействии с другими странами региона и, в частности, в плане решения водно-энергетической проблемы.

Тем не менее на сегодняшний день существуют и достаточно благоприятные условия для динамичного и поступательного развития собственно двустороннего взаимодействия, по крайней мере в двух ключевых отраслях узбекского ТЭК: нефтегазовой и атомной. Другие отрасли узбекского ТЭК (угольная и электроэнергетическая) не играют (и вряд ли будут играть) сколько-нибудь значимую роль в российско-узбекском энергетическом сотрудничестве, так как не представляют интереса для России. Однако данные отрасли также могут оказать стимулирующее воздействие на российско-узбекское сотрудничество в

сфере ТЭК в случае правильного подхода к развитию сотрудничества в этих двух отраслях. Даже если предположить, что российско-узбекское взаимодействие в угольной и электроэнергетической отраслях не принесет России и российским компаниям существенной коммерческой выгоды, то оно будет способствовать усилению российских позиций в экономике Узбекистана. Это, в свою очередь, даст возможность РФ рассчитывать на определенные преференции в других отраслях узбекского ТЭК (в той же нефтегазовой отрасли) и сегментах экономики РУз.

Нефтегазовая отрасль. Перспективы нефтегазового сотрудничества между Россией и Узбекистаном в основном определяются дальнейшими шагами «Газпрома» и «ЛУКОЙЛа» по наращиванию своей проектно-инвестиционной активности: как в плане добычи углеводородов, так и в плане их переработки на территории РУз. При этом достаточно важным будет и то, насколько быстро удастся модернизировать и расширить существующую газотранспортную систему в российском направлении (газопроводы «Средняя Азия – Центр», «Бухара – Урал»), а также сохранить взаимоприемлемую схему расчетов за узбекский газ. При реализации уже осуществляемых в Узбекистане нефтегазовых проектов Россия способна добывать в Узбекистане порядка 15–16 млрд. кубических метров газа, а в дальнейшем (примерно до 2030 года), показатели, возможно, стабилизируются на данном уровне¹⁷⁵. Объемы поставок газа в Россию/российском направлении будут, скорее всего, соответствовать объемам добычи – быть немногим больше нынешнего уровня: чуть больше 15 млрд. кубических метров или немного меньше 20 млрд. кубических метров.

Атомная отрасль. Будущий характер взаимодействия России и Узбекистана в атомной отрасли во многом зависит от способности РФ вписать РУз в отработываемую схему взаимодействия с РК. Теоретически Узбекистан уже сегодня вполне может органически вписаться в российско-казахстанскую производственно-технологическую цепочку

---

¹⁷⁵ Данные оптимистичные оценки основаны на предположении, что объемы добычи газа российскими компаниями будут расти по мере разработки новых месторождений, в первую очередь на юго-западе Узбекистана (Кандымская группа) и узбекской части Аральского моря.

ядерно-топливного цикла, как только она начнет функционировать в полную силу. Технических препятствий к переработке узбекского урана на предприятиях России и Казахстана нет. Как представляется, данный вопрос может быть решен между РФ и РУз на политическом уровне. Скорее всего, это произойдет тогда, когда в России с особой остротой встанет вопрос форсированного развития своей атомной энергетики.

Угольная отрасль. Потенциал российско-узбекского взаимодействия в угольной отрасли является в целом невысоким, тем более, учитывая то, что запасы узбекского угля не представляют интереса для России вообще. Однако определенные возможности для двустороннего сотрудничества в данной отрасли все же имеются. Сегодня Узбекистан развивает свою угольную отрасль для того, чтобы увеличить долю угля в топливно-энергетическом балансе страны с целью снижения внутреннего потребления газа, доля которого в топливно-энергетическом балансе страны достигает 85%. Если бы РФ оказала бы РУз помощь (инвестиционную, технологическую) в существенной экономии газа за счет развития угольной энергетики¹⁷⁶, то Узбекистан, в свою очередь, мог бы, как минимум, заметно увеличить объемы экспорта «голубого топлива» в Россию (сыграв позитивную роль в укреплении российской энергетической безопасности), а как максимум, предоставил бы РФ другие преференции.

Электроэнергетическая отрасль. Будущий характер российско-узбекского взаимодействия в электроэнергетике представляется туманным. По-видимому, российско-узбекское сотрудничество в электроэнергетике будет востребовано только тогда, когда начнется формирование единой электроэнергетической системы России и стран Центральной Азии. Но это возможно в условиях начала процесса реальной экономической интеграции между Россией и Центральной Азией и решения болезненной водно-энергетической проблемы.

---

¹⁷⁶Имеется в виду увеличение объемов добычи угля и мощностей тепловых электростанций, работающих на угле.

Основные риски

Как представляется, основными рисками являются следующие:

- консервация сырьевой направленности российско-узбекского сотрудничества в ТЭК;
- ухудшение финансового состояния российских нефтегазовых компаний, что приведет к свертыванию их инвестиционных программ и нарушению взятых обязательств.

Консервация сырьевой направленности российско-узбекского сотрудничества в ТЭК

В случае, если Россия будет продолжать делать акцент преимущественно на добычу и транспортировку газа (как это происходит в настоящее время), то, объективно, что российско-узбекское энергетическое сотрудничество так и не выйдет за рамки нефтегазовой отрасли. Более того, со временем Россия будет терять свои позиции даже в данной отрасли Узбекистана по мере того, как в ней будет усиливаться внешняя конкуренция.

Стратегия развития узбекской нефтегазовой отрасли ориентирована на глубокую переработку углеводородного сырья. По этой причине действующие в республике компании из Китая, Малайзии, Кореи, Сингапура, а в будущем – возможно, из Японии и Индии, скорее всего, будут постепенно переориентироваться на углубленную переработку нефти и газа. Реализация на внешних рынках продуктов с высокой нормой добавочной стоимости, произведенных на территории Узбекистана, экономически более выгодна для республики, нежели экспорт узбекского сырья.

Учитывая вышеизложенное, Узбекистан по объективным причинам будет склонен постепенно отдавать все большее предпочтение азиатским компаниям, нежели российским¹⁷⁷. В дальнейшем, если азиатские

---

¹⁷⁷ В частности, малайзийская «Петронас» и южнокорейская «КОГАС» (KOGAS) уже подписали с НХК «Узбекнефтегаз» соглашения о разработке ТЭО по строительству двух заводов по переработке газа в синтетическое жидкое топливо (в Кашкадарьинской области мощностью 1,75 млн. тонн и на плато Устюрт мощностью 1,5 млн. тонн жидкого топлива соответственно).

компании будут готовы вкладывать более масштабные инвестиции в проекты по организации тех же газохимических производств¹⁷⁸, то Узбекистан, в принципе, может согласиться и на более значительные уступки им в плане доступа к разработке и добыче углеводородного сырья на перспективных месторождениях. В этой ситуации даже нельзя исключать варианта пересмотра прежних соглашений с российской стороной.

Ухудшение финансового состояния российских нефтегазовых компаний, что приведет к свертыванию их инвестиционных программ и нарушению взятых обязательств

Данный риск определяется перспективами дальнейшего развития мирового финансово-экономического кризиса и глобальной конъюнктуры цен на углеводороды. Применительно к российско-узбекскому энергетическому взаимодействию этот риск является скорее форс-мажорным фактором. Если очередной этап мирового кризиса примет неблагоприятный сценарий, то это приведет к резкому ухудшению финансового состояния крупных российских нефтегазовых компаний, так как основные источники их доходов – продажа сырья на внешние рынки. В этом случае добычные проекты российских компаний в Узбекистане вряд ли будут обеспечены соответствующими финансовыми ресурсами, так как российские нефтегазовые компании будут вынуждены частично сокращать свои инвестиционные программы и нарушать ранее взятые на себя обязательства.

---

¹⁷⁸ Не исключено, что не в последнюю очередь именно поэтому с середины 2007 года Узбекистан ужесточил требования к выполнению нефтегазовых соглашений. Еще в начале 2007 года иностранные компании были предупреждены о возможности отзыва лицензий в случае невыполнения инвестиционных обязательств. Ранее уполномоченным органом был НКХ «Узбекнефтегаз», а с июня 2007 года на основании постановления Президента Узбекистана стал Государственный комитет по геологии и минеральным ресурсам.

Основные проблемы во взаимодействии России и стран Центральной Азии в ТЭК

Несмотря на тенденцию усиления присутствия России и российских компаний в энергетическом сегменте экономик стран Центральной Азии в последние годы, характер российско-центральноазиатского взаимодействия в отраслях ТЭК высвечивает ряд крайне сложных и тесно взаимосвязанных друг с другом проблем:

- **проблема № 1:** ярко выраженная экспортно-сырьевая ориентация ТЭК России и стран Центральной Азии;
- **проблема № 2:** недооценка Россией и странами Центральной Азии необходимости форсирования процесса энергетической/экономической реинтеграции;
- **проблема № 3:** нерешенность водно-энергетической проблемы Центральной Азии.

Общая суть данных проблем заключается в том, что взаимодействие между РФ и ЦА не способствует развитию эффективных и полноценных экономических отношений как на двустороннем, так и на многостороннем уровне, в итоге не ведет к кооперации и интеграции в сферах политики, экономики и безопасности¹⁷⁹. Представляется, что данные проблемы носят системный и долговременный характер, так как выходят за рамки собственно ТЭК: являются неотъемлемой частью более сложного комплекса взаимосвязанных проблем в отношениях между Россией и государствами региона, а также Россией и внешним миром.

---

¹⁷⁹Может показаться, что исключением в данном плане являются российско-казахстанские отношения, в которых просматриваются определенные признаки той же экономической интеграции. Однако отношения между РФ и РК не меняют общей картины ярко выраженной фрагментации экономического, политического и оборонного пространства «Россия – Центральная Азия». Тем более, что тенденция сближения/интеграции России и Казахстана не является устойчивой, а масштабы того же энергетического и экономического взаимодействия между РФ и РК пока все еще очень далеки от масштабов их взаимодействия в советское время.

Проблема № 1: ярко выраженная экспортно-сырьевая ориентация ТЭК России и стран Центральной Азии

Российско-центральноазиатское энергетическое взаимодействие сосредоточено в основном в нефтегазовой отрасли и нацелено, главным образом, на добычу и экспорт углеводородов. В то же время взаимодействие между РФ и ЦА в других отраслях топливно-энергетического комплекса развито крайне слабо. Так, приоритетное значение для России имеет присутствие в ТЭК тех государств, которые располагают промышленными запасами нефти и газа: Казахстана, Туркменистана и Узбекистана¹⁸⁰. Причем деятельность российских компаний в этих странах направлена исключительно на поиск и освоение наиболее рентабельных месторождений, увеличение объемов добычи и транспортировки углеводородного сырья из региона в Россию/российском направлении, но практически не затрагивает глубокую переработку углеводородов.

В свою очередь, страны ЦА так же как и РФ, придерживаются экспортно-сырьевой ориентации, делая упор на увеличение объемов экспорта энергоносителей, в первую очередь, нефти и газа. В особенности это касается Казахстана и Туркменистана – стран, располагающих значительными экспортными возможностями по углеводородам.

В итоге Россия и Казахстан – два крупнейших на постсоветском пространстве производителя нефти экспортируют свыше 70% от общего объема ее добычи. В свою очередь, Туркменистан экспортирует на внешние рынки примерно 75% добываемого природного газа¹⁸¹.

---

¹⁸⁰ В свою очередь, присутствие ТЭК Кыргызстана и Таджикистана, не обладающих промышленными запасами углеводородов, имеет значение для России скорее как инструмент для продвижения своих экономических и политических интересов в данных центральноазиатских странах.

¹⁸¹ В сравнении с этим, крайне показательно, что те же КНР и США, несмотря на то, что входят в десятку крупнейших производителей нефти и газового конденсата, одновременно являются и основными нетто-импортерами углеводородного сырья. Причем Китай и Соединенные Штаты закупают нефти больше, чем добывают.

Однако вряд ли будет оправданным стремление России, Казахстана и Туркменистана войти в число крупнейших поставщиков углеводородов на мировом рынке и за счет этого повысить свою роль в глобальной экономике. На фоне долгосрочных мировых потребностей в нефти и газе, разведанные углеводородные запасы и экспортные возможности России и стран Центральной Азии относительно невелики.

Согласно статистическим отчетам «Бритиш Петролеум» за 2005–2009 годы, суммарные нефтяные запасы РФ и стран ЦА оцениваются порядка 5–5,5% от мировых, и даже при нынешнем уровне добычи их хватит примерно до 2020 года. Характерно, что страны ОПЕК, согласно тем же отчетам «Бритиш Петролеум», располагают около 75% мировых запасов «черного золота» и при сохранении нынешнего уровня добычи обеспечены запасами более чем на 100 лет.

Примерно аналогичная картина наблюдается и в плане газового потенциала РФ и ЦА. Россия располагает примерно 30% мировых запасов «голубого топлива». Теоретически, при современном уровне добычи природного газа в РФ (около 645 млрд. кубометров ежегодно) его запасов может хватить примерно на 50 лет. Однако необходимо учитывать тот факт, что российские экспортные возможности по природному газу ограничены из-за значительных внутренних потребностей¹⁸². К тому же большая часть перспективных месторождений российского газа расположена в труднодоступных районах, на шельфе Северного Ледовитого океана, либо в малоосвоенных областях Сибири. С учетом этого доступных газовых месторождений в РФ при сохранении нынешнего уровня добычи может хватить примерно на 25 лет. В свою очередь, страны ЦА (Туркменистан, Узбекистан и Казахстан) располагают примерно 5–7% мировых запасов природного газа и при современном уровне добычи и внутреннего потребления обеспечены «голубым топливом» на 25–30 лет.

---

¹⁸² Это связано с чрезвычайно высокой энергоемкостью российской экономики и длительным отопительным сезоном. Свыше 70% добываемого в России природного газа расходуется на производство электроэнергии для внутренних нужд.

Учитывая все вышеизложенное, логично предположить, что углеводородные ресурсы России и стран Центральной Азии имеют жизненно важное значение отнюдь не для мирового рынка, а, прежде всего, для них самих. Тем более, что в топливно-энергетическом балансе РФ и государств ЦА (а также других стран СНГ) углеводороды играют чрезвычайно важную роль – гораздо большую, чем в большинстве стран мира. В государствах Запада и развивающихся странах «третьего мира» в отличие от России и Центральной Азии (и постсоветского пространства в целом) нефть и природный газ не играют ключевой роли в топливно-энергетическом балансе, в основном направляются на промышленную переработку для выпуска продуктов нефте- и газохимии, органического синтеза, а также синтетических материалов. В России и государствах Центральной Азии (и в других странах СНГ), напротив, углеводороды (в основном природный газ, а также мазут) занимают свыше 2/3 в топливно-энергетическом балансе, в особенности это касается производства электроэнергии¹⁸³. Следовательно, Россия и страны региона, наращивая объемы экспорта углеводородов на внешние рынки, вольно или невольно закладывают мину замедленного действия под свою энергетическую безопасность в долгосрочной перспективе.

Более того, экспортно-сырьевая ориентация российского и центральноазиатского ТЭКов препятствует промышленно-инновационному развитию РФ и стран ЦА. В частности, в настоящее время целый ряд отраслей химической промышленности России и государств региона – основных переработчиков нефти, газового конденсата и при-

---

¹⁸³ Все это является наследием бывшего СССР. Еще в середине 1960-ых годов советское руководство приняло решение о реализации программы модернизации энергетики страны. Предполагалось внедрять на тепловых электростанциях Советского Союза передовые, экологически чистые технологии сжигания угля, который в то время доминировал в топливно-энергетическом балансе страны. При этом на период модернизации энергетики было решено временно (примерно на 25 лет) заменить сжигаемый на электростанциях уголь природным газом и мазутом. Однако к моменту распада СССР был осуществлен только переход с угля на природный газ, а внедрить экологически чистые технологии сжигания угля не успели. Таким образом, нефть и газ принципиально важны для энергетики РФ и стран ЦА.

родного газа, испытывает острую, но не удовлетворенную потребность в углеводородном сырье. Складывается на первый взгляд парадоксальная ситуация, когда в странах, обладающих значительными запасами углеводородов, большая часть предприятий нефтехимического синтеза (непосредственных потребителей углеводородов), а также предприятий следующего технологического звена (производителей синтетических материалов) фактически простаивает, либо имеет несущественную загрузку. Это, в свою очередь, крайне негативно сказывается на функционировании всех остальных перерабатывающих отраслей промышленности. Без применения синтетических материалов (пластмасс, лаков, клеев, полимерных композиционных материалов, искусственных волокон и т.п.) невозможен выпуск продукции на предприятиях машиностроения, авиастроения, а также текстильной и легкой промышленности. Простой и неэффективное функционирование перерабатывающих отраслей промышленности, в свою очередь, неизбежно ведет к отмиранию целых научно-технологических школ и направлений, для восстановления которых в будущем даже при наличии промышленно-инновационной политики и адресного государственного финансирования могут потребоваться десятилетия.

Проблема № 2: недооценка Россией и странами Центральной Азии необходимости форсирования процесса экономической реинтеграции

Россия, единственный возможный лидер на постсоветском пространстве, пока не проявляет желания/стремления взять на себя историческую функцию локомотива развития многостороннего и разнопланового экономического сотрудничества – реальной экономической интеграции на постсоветском пространстве, в том числе в отношениях с государствами Центральной Азии, в целом стимулировать процесс реабилитации тесных структурно-технологических связей между перерабатывающими отраслями промышленности стран СНГ.

Во многом это связано с тем, что Россия пока не определилась с долгосрочной повесткой своей внешней и внутренней политики. Складывается впечатление, что РФ использует свое присутствие в регионе

преимущественно в целях поддержки бизнес-интересов конкретных компаний и закрепления за собой некоего военно-политического статуса «евразийской державы», в то время как в плане экономического развития по-прежнему делает основную ставку на сотрудничество/интеграцию с Западом. Об этом свидетельствует в целом сохраняющийся западно-центричный внешнеполитический и внешнеэкономический курс РФ.

Отсутствие со стороны России желания/стремления стимулировать процесс реальной экономической интеграции со странами Центральной Азии (а может быть, и непонимание целесообразности этого) создает чрезвычайно серьезное препятствие к реабилитации единого экономического пространства «Россия – Центральная Азия». В основном по этой причине российско-центральноазиатское взаимодействие в ТЭК в итоге подчиняется узко корпоративным интересам энергетических компаний и нацелено скорее на извлечение коммерческой прибыли, нежели на реализацию долгосрочных и общих интересов всех государств в сферах политики, экономики, безопасности.

К тому же это осложняется еще и укоренившимися в России представлениями о центральноазиатских странах как об «экономическом бремени», бремя которое на баланс нецелесообразно. Данные представления формировались еще во времена СССР, учитывая то, что в советское время республики Центральной Азии традиционно были дотационными и регулярно получали финансовые трансферты из общесоюзного центра. Однако при этом игнорируется принципиально важный момент: «убыточность» и «дотационность» республик региона в советское время были искусственными. С одной стороны, это было связано с целым рядом ошибок и просчетов в системе организации экономической деятельности. С другой стороны, в условиях единой экономики и общей стратегии развития было непринципиально, где формировалась основная часть добавочной стоимости. Тем не менее в мышлении правящей элиты и даже академических кругов РФ, а также и в российском обществе в целом до сих пор превалирует ложный и крайне опасный посыл об «экономической ненужности Центральной Азии».

При этом напрасно считается, что тесное сотрудничество в политической и военной сферах, а также в ТЭК автоматически станет локомотивом полноценного экономического сотрудничества. Однако этого не происходит, а политическое, военное и энергетическое сближение России и стран региона не сопровождается адекватным развитием промышленно-инновационных связей и, следовательно, не опирается на прочный фундамент полноценных экономических отношений.

Помимо неготовности/нежелания России запустить и возглавить процесс экономической реинтеграции с государствами региона, немаловажное значение имеет и неготовность самих стран Центральной Азии к данной реинтеграции. Обостренное чувство национального суверенитета во многом препятствует видению многостороннего экономического сотрудничества как ситуации, выигрышной для всех сторон. Принципиально и то, что такие страны, как Узбекистан, Туркменистан и в какой-то степени Таджикистан, не желают слепо следовать неolibеральной экономической модели (в рамках которой развиваются Россия, Кыргызстан и Казахстан), не без оснований опасаясь ее многочисленных системных рисков.

В итоге Россия и страны Центральной Азии зачастую действуют разрозненно, пытаются проводить активную политику балансирования между основными мировыми и региональными центрами силы, что особенно ярко проявляется в плане энергетического взаимодействия.

Проблема № 3: нерешенность водно-энергетической проблемы Центральной Азии

Данная проблема во многом определяется пробуксовкой процесса российско-центральноазиатской экономической реинтеграции, однако, имеет и свои особенности, представляя особую угрозу безопасности и стабильности Центральной Азии, а также стратегическим интересам России в регионе, и по вышеуказанным причинам заслуживает отдельного и подробного рассмотрения.

В своей глубинной сути водно-энергетическая проблема является искусственной, напрямую связана с экономическими, политическими,

энергетическими и иными противоречиями между группой государств, в которых формируются водные ресурсы Центральной Азии: Кыргызстаном и Таджикистаном – и группой государств-потребителей данных ресурсов: Узбекистаном, Туркменистаном и Казахстаном. Водно-энергетическая проблема является прямым результатом разрушения отлаженной десятилетиями схемы водно-энергетического взаимодействия в Центральной Азии, что, в свою очередь, является следствием дезинтеграции экономического, политического и оборонного пространства бывшего СССР.

Во-первых, в советское время водно-энергетическая проблема не обозначалась, так как существовала отработанная схема взаимообмена водными и энергетическими ресурсами (нефтью, газом, углем, мазутом, электроэнергией). В эту схему были вовлечены Россия и пять республик Центральной Азии. Суть схемы заключалась в рациональном и взаимовыгодном обмене гидроэнергетических (возобновляемых) ресурсов Кыргызстана и Таджикистана (контролируют верхнее течение рек региона) на топливные (невозобновляемые) ресурсы других республик-участниц вышеуказанной схемы.

С одной стороны, в зимнее время в Кыргызстан и Таджикистан поставлялись туркмено-узбекский газ, казахстанский уголь, российский мазут, другие виды топлива в объемах, достаточных для выработки электроэнергии на тепловых электростанциях этих республик, а также для отопления их населенных пунктов. В свою очередь, Кыргызстан и Таджикистан значительно сокращали выработку электроэнергии на своих гидроэлектростанциях и ставили водохранилища в режим накопления воды. Так, в 1990 году в Таджикистан было поставлено примерно 5 млрд. кубических метров газа (примерно 6,2% от туркмено-узбекского газового экспорта), а в Кыргызстан – около 3,6 млрд. кубических метров газа (4,5% туркмено-узбекского газового экспорта).

С другой стороны, в летнее время поставки природного газа, а также угля и мазута в Кыргызстан и Таджикистан значительно сокращались. В свою очередь, эти республики переводили свои водохранилища в режим максимального сброса воды. Вырабатываемой на гидроэлектростанциях электроэнергии хватало и на собственные нужды и на по-

ставки в Узбекистан, Туркменистан, ряд областей Казахстана. Одновременно с этим, Узбекистан, Туркменистан и ряд областей Казахстана (Южно-Казахстанская и Кызылординская) получали из Кыргызстана и Таджикистана воду, подавляющая часть которой шла для сельскохозяйственных нужд.

Во-вторых, после распада СССР отлаженная в течение нескольких десятилетий схема водно-энергетического обмена была разрушена: Россия, Туркменистан и в какой-то степени Казахстан перестали быть ее важными составными частями. Отношения стали строиться исключительно на коммерческой основе. Главные же негативные последствия, возникшие в результате разрушения прежней схемы водно-энергетического обмена, достались, прежде всего, Узбекистану, Кыргызстану и Таджикистану, что в итоге и заложило основы водно-энергетической проблемы. Кыргызстан и Таджикистан стали первыми ее жертвами, а Узбекистан начал нести основную нагрузку по поддержанию энергетической безопасности двух своих соседей:

- поставки природного газа в Кыргызстан и Таджикистан в настоящее время осуществляются только Узбекистаном. С учетом исключения туркменского газа из топливного баланса Кыргызстана и Таджикистана объемы поставляемого в данные страны «голубого топлива» уменьшились почти на порядок по сравнению с советским временем;

- поставки всех видов невозобновляемых энергоресурсов в Кыргызстан и Таджикистан сегодня осуществляются не на системной и долгосрочной основе (как это было ранее), а на краткосрочной (ежегодной/коммерческой);

- хотя поставки узбекского «голубого топлива» играют жизненно важную роль в энергетическом обеспечении Кыргызстана и Таджикистана в зимний период, однако узбекско-кыргызские и узбекско-таджикские переговоры зачастую носят сложный характер: Бишкек и Душанбе традиционно испытывают острый дефицит валюты для своевременной оплаты узбекского газа. Из-за частых задержек платежей Узбекистан, в свою очередь, нередко приостанавливает поставки «голубого топлива».

В итоге, учитывая то, что помимо гидроэнергетических ресурсов Кыргызстан и Таджикистан по большому счету не располагают иными энергоресурсами, сложившаяся в регионе после распада СССР «схема» водно-энергетического обмена периодически ставит их на грань «энергетического голода» и перманентного экономического кризиса. Это вынуждает Бишкек и Душанбе использовать воду для выработки электроэнергии и в зимнее время, а также рассматривать водные ресурсы в качестве товара и продвигать планы строительства новых крупных гидроэнергетических объектов на своей территории.

В-третьих, в результате разрушения схемы межреспубликанского обмена водно-энергетическими ресурсами страны региона стали руководствоваться сугубо эгоистическими, узконациональными и коммерческими интересами, мало считаясь с интересами соседей. Это, в свою очередь, привело только к усугублению водно-энергетической проблемы:

- следствием выработки Кыргызстаном и Таджикистаном электроэнергии в зимнее время является периодическое затопление части сельскохозяйственных угодий в Узбекистане, Южно-Казахстанской и Кызылординской областях Казахстана, ряде районов Туркменистана. Помимо этого, в летний период наблюдается дефицит воды для сельскохозяйственных нужд (особенно в засушливые и маловодные годы). Все это приводит не только к экономическим потерям, но и к периодическому осложнению межгосударственных отношений. Ежегодный совокупный экономический ущерб центральноазиатским странам от затопления сельскохозяйственных угодий в зимнее время и дефицита воды в летнее время составляет, по отдельным экспертным оценкам, порядка 770 млн. долларов США. И это, скорее всего, самые минимальные потери;

- Таджикистан и Кыргызстан из-за дефицита валюты зачастую предлагают в качестве платы за узбекский газ либо бартерные схемы взаиморасчетов, либо настаивают на том, чтобы Узбекистан и Казахстан платили за воду (а именно – за ее нормированную подачу как в зимнее, так и особенно в летнее время). Узбекистан, в свою очередь, настаивает на том, что согласно международной практике, вода трансграничных рек является не экономическим, а природным ресурсом.

Причем один из главных аргументов Узбекистана заключается в том, что вода в реках – это ресурс, возобновляемый самой природой без каких-либо финансовых затрат, в то время как природный газ – невозобновляемый ресурс, добыча которого сопряжена с финансовыми затратами;

- Кыргызстан и Таджикистан планировали при поддержке России кардинально увеличить производство электроэнергии за счет возведения на своей территории новых крупных ГЭС. В случае же несогласованных со столицами других стран региона действий это может привести к катастрофическим последствиям для всей Центральной Азии: вплоть до экологической катастрофы и дестабилизации региона.

Несмотря на то, что водно-энергетическая проблема непосредственно/напрямую не затрагивает Россию, тем не менее представляет реальную угрозу интересам РФ в ЦА. С одной стороны, РФ поддерживая крупные гидроэнергетические проекты в КР и РТ (для того, чтобы усилить свои позиции в ЦА) рискует невольно оказаться втянутой в противоречия и даже конфликты между государствами региона. Однако все это грозит серьезно подорвать политические позиции России и сорвать стратегические планы по формированию российско-центральноазиатского экономического и военно-политического союзов. С другой стороны, не предпринимая системных действия по решению водно-энергетической проблемы РФ будет отдавать инициативу другим внешним силам, а сама проблема со временем может стать мощным инструментом в их руках для манипулирования центральноазиатскими странами. Это, в свою очередь, кардинально накалит обстановку в регионе. Данная перспектива представляется реальной, учитывая достаточно высокую вероятность обострения в Центральной Азии т.н. «Большой игры» крупных держав, в эпицентре которой находятся вопросы контроля над сырьевыми ресурсами и маршрутами их транспортировки на внешние рынки. Безусловно, что Россия неизбежно будет вовлечена в новый раунд этой игры.

В целом, как представляется, фундаментальной причиной, во многом определяющей все описанные выше проблемы, является приверженность России западным либеральным идеологическим догмам, алгоритмам, схемам и концептам развития. В рамках указанных стратегических догм, алгоритмов, схем и концептов в итоге и выстраиваются основные политические, военные, экономические и энергетические вектора развития российского государства, неизбежно ведущие к масштабному участию РФ в процессе глобализации.

Принципиальная ошибочность данной стратегии заключается в том, что жизненно важные национальные интересы России (политические, военные, экономические и энергетические) на данном этапе развития (этапе восстановления после геополитической катастрофы – распада СССР) имеют, в первую очередь, региональный характер, но тем не менее сознательно приносятся в жертву абстрактным (явно нероссийским) интересам некоего «глобального развития», а вернее его обслуживания. В этих условиях вопросы российско-центральноазиатского взаимодействия в ТЭК не вписаны в общую концептуальную схему долгосрочного и стратегического межгосударственного взаимодействия – региональной интеграции (аналитически обоснованная идея, которой к тому же до сих пор еще не сформулирована).

При этом складывается впечатление, что ни в России, ни в странах Центральной Азии не желают (скорее всего, по политическим соображениям) официально признать фактический крах неолиберальной модели экономического развития. Отсюда – недооценка необходимости разработки на государственном уровне промышленной политики и в целом кардинального усиления роли государства в управлении экономической деятельностью как непреложного условия преодоления экспортно-сырьевой ориентации и ускорения процесса экономической ре-интеграции.

Тем более, что только в условиях экономической реинтеграции возможно бесконфликтное решение той же водно-энергетической проблемы Центральной Азии, учитывая то, что данная проблема фактически возникла в результате экономической дезинтеграции. И, наоборот,

решение водно-энергетической проблемы способно дать мощный импульс реальной экономической реинтеграции между РФ и странами ЦА, так как введение в строй новых генерирующих мощностей позволит приступить к новому этапу освоения сырьевой базы не только Центральной Азии, но и самой России, а также не менее важно – создать дополнительные стимулы для индустриализации и ускорить совместное движение по курсу промышленно-инновационного развития.

Основные рекомендации по усилению энергетического взаимодействия России и стран Центральной Азии

Учитывая существующие проблемы, очевидно, что только кардинальная смена парадигмы экономического развития России и стран Центральной Азии может обеспечить системный прорыв и вывести российско-центральноазиатское энергетическое/экономическое взаимодействие на качественно новый уровень, сдвинет с мертвой точки процесс энергетической/экономической реинтеграции на постсоветском пространстве и придаст мощный импульс процессу реабилитации союза «Россия – Центральная Азия». Под указанной выше сменой парадигмы экономического развития подразумевается категорический отказ России и центральноазиатских стран от либеральной модели, признание ключевой роли государства в управлении процессами промышленного развития и экономической интеграции в целом. Другими словами, речь идет и об отказе РФ и ЦА от масштабного участия в процессе глобализации в пользу процесса регионализации, выработки эффективных механизмов взаимодействия с мировым рынком.

В рамках данного подхода предлагается начальный комплекс рекомендаций в направлении постепенного, но качественного изменения российского-центральноазиатского энергетического взаимодействия:

- выработка общей Программы промышленно-инновационного развития России и Центральной Азии;
- переориентация деятельности российских энергетических компаний на первоочередные нужды национальных экономик.

- объединение государственных усилий РФ и ЦА в целях максимально эффективного использования совокупного энергетического потенциала;
- поиск путей решения водно-энергетической проблемы Центральной Азии.

Рекомендация № 1: выработка общей Программы промышленно-инновационного развития России и Центральной Азии

Для возрождения пространства «Россия – Центральная Азия» в качестве мощного и технологически продвинутого экономического блока нужна общая **Программа** промышленно-инновационного развития, охватывающая ключевые отрасли национальных экономик, включая, в первую очередь, их топливно-энергетические комплексы. Очевидно, что данная Программа должна выработаться всеми заинтересованными странами-участниками, а в ее основу должны быть заложены следующие принципы:

- согласованная промышленная политика по базовым отраслям промышленности и агропромышленного комплекса;
- экономически эффективное и научно обоснованное (более эффективное, нежели в бывшем СССР) межгосударственное разделение труда;
- ключевая роль государства в контроле над банковской системой и товарно-денежном обращении;
- единая валюта для межгосударственных расчетов (при сохранении национальных валют);
- согласованная протекционистская и таможенная политика;
- согласованные коридоры курсов национальных валют и ключевые макроэкономические параметры (дефицит бюджета, параметры инфляции, допустимый уровень государственного долга);
- унификация национальных экономических законодательств по принципиальным вопросам.

Причем есть возможность начать разработку вышеуказанной Программы не с «чистого листа». Очень многое можно позаимствовать из опыта европейской интеграции 1960-х–1970-х годов, а также опыта

стран-членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ)¹⁸⁴. Необходимо вспомнить положительный международный опыт, творчески его развить (с учетом поправок на время) и применить к выстраиванию экономического блока «Россия – Центральная Азия», в котором энергетические комплексы данных стран должны функционировать как единый организм.

Несомненно, что важной составной частью Программы выстраивания экономического блока «Россия – Центральная Азия» должны быть **локомотивные проекты**, которые придадут импульс технологической модернизации и интеграции национальных ТЭК, а также их нацеливание на обслуживание промышленно-инновационного развития всех вышеуказанных стран.

В качестве одного из таких перспективных локомотивных проектов применительно к ТЭК предлагается идея создания совместного российско-центральноазиатского холдинга в такой отрасли, как энергетическое машиностроение: производство оборудования для ключевых отраслей ТЭК – нефтегазовой, угольной, атомной, гидроэнергетической.

Выбор такого направления, как энергетическое машиностроение, определяется следующими соображениями:

- энергетическое машиностроение непосредственно связано со многими смежными, в том числе и наукоемкими отраслями экономики: металлургией, металлообработкой, химической, электротехнической и электронной отраслями, приборостроением и т.п. Следовательно, раз-

---

¹⁸⁴В данных экономических блоках были отработаны и доказали свою эффективность многие механизмы долгосрочного планирования и государственного регулирования внутри- и внешнеэкономической деятельности стран-членов. В частности, межгосударственные расчеты осуществлялись в странах ЕЭС – в экю, а в странах СЭВ – в переводных рублях, при сохранении национальных валют. Другое дело, что практически все указанные выше механизмы экономического регулирования были разрушены «диким либерализмом», в рамках которого в течение 2 с лишним десятилетий «развивалась» почти вся глобальная экономика. Причем обострение кризиса в Еврзоне, по-видимому, свидетельствует о том, что неолиберальная модель оказалась неэффективной не только для стран бывшего социалистического содружества.

витие энергетического машиностроения, в свою очередь, будет развивать и данные отрасли, способствовать внедрению инноваций во всех ключевых отраслях экономики;

- комплексное развитие вышеуказанных наукоемких отраслей потребует кардинального увеличения объемов производства искусственных (синтетических) материалов, поставщиками сырья для которых являются нефтехимия и газохимия. Это, в свою очередь, объективно будет стимулировать переориентацию нефтегазовых отраслей РФ и стран ЦА на нужды собственного промышленно-инновационного развития;

- практически все уникальные ресурсы для реализации данного локомотивного проекта в системе стран «Россия – Центральная Азия» сосредоточены в России (академические наработки, технологии, промышленные и научные кадры, наукограды и т.п.). Все это дает России уникальную возможность сразу же взять инициативу в свои руки и, тем самым, фактически возглавить под своей эгидой процесс реальной энергетической/экономической реинтеграции.

Страны ЦА, в свою очередь, могут предоставить в основном такие ресурсы как рабочая сила, промышленная и транспортная инфраструктура, богатые сырьевые ресурсы, гораздо более благоприятные чем в РФ климатические условия для организации в регионе ряда особо энергоемких производств.

Рекомендация № 2: переориентация деятельности энергетических компаний на первоочередные нужды национальных экономик

Реализация курса на промышленно-инновационное развитие России и стран Центральной Азии объективно потребует кардинального пересмотра экспортно-сырьевой направленности деятельности энергетических и, в первую очередь, нефтегазовых компаний, функции которых должны быть переориентированы с обслуживания «глобального рынка» на обеспечение промышленно-инновационного развития рынка «Россия – Центральная Азия».

Во-первых, задача по переориентации функций касается, в первую очередь, нефтегазовых компаний. Дело в том, что углеводороды не столько энергоносители, сколько уникальное промышленное сырье для производства искусственных (синтетических) материалов, без применения которых в принципе невозможно функционирование перерабатывающих отраслей промышленности (от аэрокосмической до пищевой), а следовательно, не может быть и речи о промышленно-инновационном развитии и формировании эффективного рынка «Россия – Центральная Азия».

Учитывая вышеизложенное, непреложным условием реализации промышленно-инновационного курса развития России и Центральной Азии должна стать разработка конкретных правовых, административных и иных механизмов государственной политики в отношении энергетических и, в особенности, нефтегазовых компаний. Суть данной политики заключается в том, что в руках государства должны появиться эффективные инструменты мягкого (а если потребуется и жесткого) принуждения вышеуказанных компаний к преимущественному обслуживанию потребностей национальных экономик и общего рынка «Россия – Центральная Азия», полноценного экономического развития всех данных стран.

Причем ключевым элементом этого должна стать выработка эффективных экономико-правовых рычагов воздействия государства на национальные нефтегазовые компании: повышение экспортных пошлин, квотирование экспортных объемов углеводородов и продуктов их промежуточной переработки, а также стимулирование максимально глубокой переработки углеводородов¹⁸⁵ на внутренних рынках путем различного рода экономических преференций.

Во-вторых, России и центральноазиатским странам необходимо ограничить внешнеэкономическую свободу своих нефтегазовых ком-

---

¹⁸⁵ Имеется в виду выпуск стратегически важной продукции: различных видов топлива (бензина, керосина, лигроина, дизельного топлива), смазочных материалов, широкого ассортимента продуктов нефтехимического синтеза, синтетические материалы (пластмассы, искусственные волокна, лаки, клеи и т.п.).

паний в плане экспорта на внешние рынки углеводородного сырья и продукции его промежуточной переработки.

Причем принципиально важным является то, что вышеуказанные ограничения должны распространяться не только на углеводородное сырье, но также и на различные виды топлива, масел, а также на продукцию предприятий нефтехимического синтеза. Это необходимо для того, чтобы данная продукция поступала преимущественно на внутренние рынки. В случае, если ограничить экспорт только углеводородного сырья и оставить без ограничений экспорт продукции промежуточной переработки углеводородов, эта продукция будет по-прежнему в основном продаваться на внешних рынках.

В-третьих, необходимо четко понимать, что будущий характер взаимодействия России и стран Центральной Азии в энергетической сфере во многом предопределит перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Однако в плане кардинального изменения нынешнего, «экспортно-сырьевого» характера российско-центральноазиатского взаимодействия в энергетике, инициатива и ключевая роль объективно может принадлежать только России. Хотелось бы надеяться, что у российского государства хватит политической воли «подмять под себя» национальные энергетические и в особенности нефтегазовые компании, заставить руководство этих компаний действовать не в узко корпоративных, а в общенациональных стратегических интересах. От этого будут зависеть не только будущее российского ТЭК и позиции РФ в энергетическом сегменте ЦА, но и долгосрочные перспективы развития всего постсоветского пространства под эгидой России, а значит и российские геополитические позиции в формирующейся новой, многополярной системе международных отношений.

Рекомендация № 3: объединение государственных усилий РФ и ЦА в целях максимально эффективного использования совокупного энергетического потенциала

Данная рекомендация предполагает тесную межгосударственную кооперацию/ интеграцию России и стран региона в плане повышения эффективности использования совокупного энергетического потенциала (в рамках оптимального межгосударственного разделения труда): с учетом размещения источников энергоресурсов, прохождения трубопроводов, авто- и железных дорог, наличия инфраструктуры и перерабатывающих мощностей для продвижения долгосрочных и общих интересов.

Во-первых, России и странам Центральной Азии необходимо искать возможности для развития многостороннего сотрудничества и, в первую очередь, использовать потенциал такой организации, как ЕврАзЭС¹⁸⁶. Как представляется, главной проблемой в деятельности ЕврАзЭС является практическое отсутствие аналитического обеспечения и сопровождения принимаемых решений, процесса интеграции в целом.

В этой связи на базе данной организации целесообразно сформировать межгосударственную и постоянно действующую рабочую аналитическую команду с целью детальной междисциплинарной – аналитической проработки всего комплекса мер (организационных, технических, административных, правовых) по координации деятельности национальных энергетических компаний с точки зрения общих государственных долгосрочных интересов. В состав вышеуказанной группы целесообразно включить высококвалифицированных аналитиков, специалистов из профильных министерств и ведомств заинтересованных стран, национальных энергетических компаний, а также независимых экспертов, профессиональная специализация которых непосредственно

---

¹⁸⁶ Несмотря на то, что в отличие от остальных государств Центральной Азии Туркменистан не является членом ЕврАзЭС, а Узбекистан приостановил свое членство в организации, необходимо искать возможности по вовлечению их в многосторонний формат сотрудничества.

связана с энергетикой и стратегическим планированием. Основная цель – разработка рекомендаций на основе экономически обоснованных расчетов и междисциплинарного анализа наиболее эффективных энергетических проектов.

Во-вторых, России и странам Центральной Азии целесообразно координировать свои действия в плане отстаивания ими своих долгосрочных интересов на постсоветском пространстве. Выступая «единым фронтом», РФ и государствам ЦА будет гораздо легче, чем сейчас, договариваться с остальными партнерами по бывшему СССР о приватизации их промышленных объектов (энергетики, нефтехимии и т.д.) и трубопроводных систем. Кроме того, пользуясь «энергетическим инструментом», Россия и страны Центральной Азии смогут добиться от остальных постсоветских стран и многих других экономических преференций. Более того, и, возможно, это самое главное – Россия и государства Центральной Азии смогут использовать потенциал сотрудничества в ТЭК для стимулирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве в целом.

Для того, чтобы РФ и ЦА могли бы действовать в энергетической сфере сообща, заслуживает внимания идея формирования единого энергетического холдинга России и Центральной Азии в качестве транснациональной корпорации (с последующим подключении к данному холдингу Азербайджана – страны, обладающей достаточно крупными запасами углеводородов). При этом прерогативой данной корпорации должен быть весь ТЭК, включая промышленное использование источников энергии, а также фундаментальные и прикладные научные исследования в данной сфере.

Сегодня сложно сказать, насколько эффективно такая структура могла бы обеспечить оптимальное использование энергетических ресурсов. Это отдельный вопрос. Однако, очевидно и то, что она смогла бы более эффективно обеспечивать энергетическую безопасность и отстаивать стратегические интересы всех стран-участников корпорации и гораздо успешнее, чем сегодня противодействовать негативному влиянию глобальных факторов. Более того, представляется, что создание единого энергетического холдинга кардинально повысило бы заинтересованность

центральноазиатских и других стран в сотрудничестве именно с Россией, оказало бы мощное стимулирующее воздействие на экономическое развитие в первую очередь постсоветского пространства.

В-третьих, России и странам Центральной Азии целесообразно запустить ряд проектов в ТЭК, которые могли бы дать экономический эффект в самое ближайшее время. Такими проектами могли бы стать проекты по следующим направлениям:

- глубокая переработка углеводородов;
- строительство АЭС;
- строительство ГЭС;
- научное и аналитическое сотрудничество.

Глубокая переработка углеводородов предполагает максимально задействовать существующие на территории региона предприятия (а в перспективе строить новые) для глубокой переработки центральноазиатских и определенных количеств российских углеводородов (нефти, газа и газового конденсата).

Например, крайне перспективным является организация в странах Центральной Азии производственных процессов по крекингу местной нефти с учетом того, что она содержит повышенное количество т.н. тяжелых фракций (мазут, парафинистые вещества и др.). В результате этого уже в самой ближайшей перспективе было бы возможным нарастить выпуск ценной продукции (высокооктанового бензина, других видов топлива, а также широкого ассортимента продуктов нефтехимического синтеза), вместо того, чтобы экспортировать низкокачественную (с повышенным содержанием тяжелых фракций) сырую нефть¹⁸⁷.

---

¹⁸⁷ Нефть, содержащую высокую долю тяжелых (мазутных) фракций экономически целесообразно не экспортировать, а перерабатывать на месте. Так, в свое время в СССР огромные количества мазута сжигались на тепловых электростанциях для выработки электроэнергии (хотя с экономической точки зрения и это было не столь эффективным). На Западе из мазута получают высокооктановый бензин, другие виды топлива, а также широкий ассортимент продуктов нефтехимического синтеза (например, сырье для производства пластмасс). В нефтепереработке используют два вида крекинга – термический крекинг и каталитический крекинг. Причем ничего нового и секретного в крекинг-процессах нет – эти технологии можно легко приобрести и применять.

В итоге если Россия и страны Центральной Азии сумеют перерабатывать на собственных предприятиях большую часть своих нефти, газового конденсата и природного газа, объемы экспорта углеводородов на внешние рынки резко снизятся. В результате будет устранена основа для ненужной (а нередко – подогреваемой извне) конкуренции между Россией и государствами региона на внешних энергетических рынках.

Не меньшие возможности заложены для российско-центральноазиатского сотрудничества в плане **строительства АЭС**, учитывая огромные запасы урановых руд в Казахстане и Узбекистане, а также наличие производственных мощностей по переработке данных руд в ядерное топливо. Наличие в ЦА нескольких атомных станций позволило бы кардинально увеличить выработку электроэнергии как для нужд ЦА, так и для приграничных с регионом промышленных областей России, экономить ценное углеводородное сырье для химической промышленности, и, возможно это самое главное, положить начало процессу формирования единого энергетического комплекса России и Центральной Азии. Причем в ЦА можно выбрать сейсмически безопасные зоны для строительства АЭС.

Строительство ГЭС могло бы способствовать наращиванию объемов производства экологически чистой электроэнергии, а главное, – способствовать восстановлению общей системы электроснабжения России и Центральной Азии, существовавшей в советское время. Единая система электроснабжения РФ и ЦА – важное условие для восстановления технологических связей между промышленными комплексами России и центральноазиатских стран. В принципе единая система электроснабжения приграничных областей Казахстана и России уже функционирует, но крайне желательно распространить данную систему на весь регион. Это позволило бы всем странам экономить дорогостоящие невозобновляемые ресурсы (углеводороды) и значительно повысить свою энергетическую безопасность, снизить вероятность конфликта энергетических интересов, стимулировать экономический рост в целом.

В рамках сотрудничества в гидроэнергетике было бы перспективным именно совместное освоение гидроэнергетических энергоресурсов Таджикистана и Кыргызстана. Данные страны обладают огромным гидроэнергетическим потенциалом, который даже в советское время использовался менее чем на 10%.

При этом наиболее реальными проектами сегодня могли бы стать модернизация уже построенных в советское время в данных странах ГЭС и согласование позиций сторон по строительству новых¹⁸⁸. Российско-центральноазиатское сотрудничество в сфере освоения гидроэнергоресурсов могло бы не только поспособствовать энергетической интеграции РФ и ЦА, но и сыграло бы ключевую роль в разрешении крайне болезненной для стран региона водно-энергетической проблемы путем выработки взаимоприемлемого решения по использованию водных ресурсов бассейна рек Сырдарья и Амударья. Это позволило бы устранить противоречие интересов между странами-источниками водных ресурсов (Кыргызстаном и Таджикистаном) и странами потребителями (Узбекистаном, Казахстаном и Туркменистаном), что, помимо прочего, стало бы гарантом региональной безопасности.

Научное и аналитическое сотрудничество. Немаловажное значение по всем направлениям энергетического взаимодействия может сыграть то обстоятельство, что многие центральноазиатские ученые и руководители, занимающие в настоящее время ответственные посты на предприятиях и НИИ ТЭК, обучались в российских вузах и тесно связаны со своими российскими коллегами. Важно и то, что магистральные направления развития национальных аналитических школ стран региона все еще связаны с русским языком. Если будут налажены более широкие и масштабные межгосударственные (как двух-, так и многосторонние) программы научного и аналитического обмена, стажировок центральноазиатских ученых и аналитиков в России и российских ученых и аналитиков в странах Центральной Азии, как представляется, это создаст более благоприятные условия для научно-технического и аналитического обеспечения прорыва в российско-центральноазиатском сотрудничестве в энергетической сфере.

---

¹⁸⁸Строительство Рогунской ГЭС в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС в Кыргызстане.

Рекомендация № 4: поиск путей решения водно-энергетической проблемы Центральной Азии

России необходимо искать новые схемы и формы как многостороннего сотрудничества, по крайней мере, между основными «фигурантами» водно-энергетических противоречий, в первую очередь, Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, так и двустороннего взаимодействия с этими же странами.

Во-первых, важно использовать пока слабостребованный переговорный потенциал двух других стран региона, Казахстана и Туркменистана, тем более, что именно они в советское время были гармонично встроены в региональную схему водно-энергетического обмена, а в настоящее время из нее практически «выпали». Представляется, что и Астана, и Ашгабат могли бы внести на порядок больший вклад в решение водно-энергетической проблемы, в том числе в плане поддержания энергетической безопасности Кыргызстана и Таджикистана.

Во-вторых, России необходимо всемерно помогать Кыргызстану и Таджикистану удовлетворять свои энергетические потребности за счет реализации добычных проектов в нефтегазовой отрасли данных стран, а также в плане восстановления/строительства малых ГЭС и в целом использования возобновляемых источников энергии. Безусловно, что данное стремление РФ должно находить соответствующий отклик в столицах самих стран Центральной Азии, в первую очередь в Душанбе и Бишкеке. В частности, Кыргызстан и Таджикистан должны предоставить России все необходимые условия для реализации проектов по вышеобозначенным направлениям: начиная с целевого использования предоставляемых Россией средств и заканчивая передачей контрольных пакетов акций соответствующих энергетических объектов, возведенных с российским участием.

В-третьих, не менее важным для России, с точки зрения задачи активизации многостороннего сотрудничества, является усиление аналитического сопровождения деятельности ЕврАзЭС, СНГ, ШОС, ОДКБ, в целом организация межгосударственных программ комплексных аналитических исследований по ключевым вопросам взаимодействия

на постсоветском пространстве, в том числе и по водно-энергетической тематике, откровенное обсуждение в политических и экспертных кругах результатов этих исследований. В частности, возможно необходимо большее привлечение к программам в рамках ШОС Ирана, что, как представляется, только усилило бы возможность нахождения компромисса, особенно с Таджикистаном.

В целом же необходимо четко понимать, что главным гарантом успешного решения водно-энергетической проблемы и многих других проблем, появившихся в результате распада СССР, может быть только региональная экономическая интеграция. В противном случае, проблемы Центральной Азии, в том числе водно-энергетическая, с высокой долей вероятности будут только обостряться. Мировой финансово-экономический кризис может стать лишь катализатором этого. Поэтому до тех пор, пока региональная экономическая интеграция не стала главным смыслом для самой России, изложенные выше меры будут оставаться точечными и несистемными, идти в разрез с основными тенденциями и соответственно наиболее вероятными – неблагоприятными сценариями развития всего постсоветского пространства.

Глава 2. Энергетическое взаимодействие Китая и стран Центральной Азии

Внутренняя политика. Китай – страна с полноценной и динамично развивающейся экономикой, а общая стратегия Пекина нацелена на повышение эффективности планово-централизованного управления государством/обществом и, одновременно, всемерную либерализацию внутриэкономической деятельности. Данная стратегия предполагает поддержание баланса между традиционными, социалистическими и капиталистическими концептуально-идеологическими установками, принципами и ориентирами, что призвано гарантировать целостность, устойчивость развития и безопасность КНР. При этом незыблемыми остаются национально-государственная идеология и ведущая роль коммунистической партии Китая.

С точки зрения энергетики, это означает, что функции китайского ТЭК жестко подчинены целям обеспечения высокой динамики развития всех сегментов национальной экономики, поддержания социально-экономической стабильности и усиления военно-политической мощи страны. При этом **основными задачами энергетической политики Китая были и остаются следующие:** (1) поэтапное расширение внутренней сырьевой базы национального ТЭК; (2) ускоренная технологическая модернизация отраслей ТЭК; (3) диверсификация национальной энергетики в плане максимально эффективного использования всех видов энергоресурсов.

Внешняя политика. Китай стремится стать одним из ведущих игроков в глобальной экономике и мировой политике, делая основную ставку на повышение эффективности и притягательности китайской экономической модели. Одновременно, китайская стратегия ориентирована на максимально гармоничное встраивание КНР в глобальные процессы и поиск механизмов управления ими в плане пресечения тенденций, угрожающих целостности, устойчивому развитию и безопасности Китая, а также подрывающих его позиции в мире.

С точки зрения энергетики, это означает, что Китай стремится обладать эффективными механизмами защиты своих энергетических

интересов и возможностями влиять на конъюнктуру глобального и регионального энергетических рынков. При этом одной из основных задач внешней политики Китая является долгосрочное закрепление в богатых энергоносителями странах и регионах, в том числе и в Центральной Азии для обеспечения гарантий стабильного снабжения национального ТЭК сырьевыми ресурсами извне. Главным образом это касается углеводородов, а в перспективе еще и уранового сырья. Тем не менее необходимо понимать, что реализация данной задачи не является самоцелью, а подразумевает высокую готовность к сотрудничеству с другими странами, особенно соседними, поскольку это сотрудничество будет гарантировать реализацию всего комплекса стратегических интересов Китая (не только в сфере экономики, но и в сферах безопасности и политики).

Значение Центральной Азии. Несмотря на высокое значение в плане безопасности и рост интереса с точки зрения поставок энергетического и иного сырья, Центральная Азия тем не менее в целом занимает в китайской стратегии второстепенное место, рассматривается скорее в качестве стратегического тыла и дополнительной возможности (в сферах политики, безопасности, экономики и энергетики) по повышению эффективности политики КНР на приоритетных направлениях, к которым относятся отношения с ведущими государствами Запада и соседями по Азиатско-Тихоокеанскому региону.

* * *

Другими словами, стратегия Китая, подкрепленная передовым международным опытом¹⁸⁹, научным и аналитическим обеспечением реализуется в рамках долгосрочного плана/алгоритма развития, преследует целью построение сильного и самодостаточного государства, которое могло бы успешно противостоять потрясениям глобального и регионального характера, действовать на упреждение тех или иных угроз безопасности, в том числе и в энергетической сфере.

---

¹⁸⁹В том числе советским.

Тем не менее, как представляется, главным недостатком этой стратегии является сохраняющаяся в КНР недооценка принципиально высокого значения внутренних пространств Евразии, в первую очередь через призму стратегического партнерства с РФ и ЦА, что, однако, во многом предопределяется характером современной политики самих России и стран Центральной Азии, в том числе энергетической, которая подчинена узко-корпоративным интересам национальных компаний и нацелена в основном на наращивание объемов экспорта энергоносителей.

В этих условиях, Китай будет продолжать рассматривать РФ и страны ЦА не в качестве партнеров по достижению общих стратегических приоритетов, а в качестве ненадежных и временных союзников, а в сфере ТЭК – как поставщиков сырья и других энергоресурсов. Именно все это в комплексе, а не сама по себе китайская политика, ставит под угрозу интересы России в Центральной Азии, в том числе энергетические, повышает вероятность конкуренции с Китаем за энергоресурсы и другое сырье.

Роль и место отраслей ТЭК стран Центральной Азии в экономической политике Китая

После распада Советского Союза экономическая политика Китая в Центральной Азии поступательно эволюционирует в сторону повышения значимости региона в системе внутренних и внешних приоритетов Пекина, где на переднем плане находится именно энергетическое значение данного сегмента постсоветского пространства.

В первой половине 1990-х годов экономический интерес КНР к ЦА не был высоким, а китайско-центральноазиатские экономические отношения ограничивались в основном торговлей, которая была замкнута преимущественно на Казахстан и Кыргызстан. Тем более, что в начале 1990-х годов и сами центральноазиатские страны не рассматривали Китай в качестве приоритетного экономического партнера, связывая свои надежды с Россией, Западом, а также некоторыми финансово состоятельными и близкими по культуре государствами Исламского мира.

Однако уже к середине-концу 1990-х годов экономический интерес Китая к Центральной Азии обозначился более четко, что во многом было обусловлено началом реализации в КНР государственной программы по форсированному развитию своих внутриконтинентальных территорий. На практике указанный интерес выразился в первых проектах китайских компаний в нефтегазовой отрасли Казахстана и усилении присутствия китайских производителей на потребительских рынках стран региона. К тому времени центральноазиатские государства стали рассматривать Китай в качестве важного экономического партнера, проявлять больший интерес к увеличению объемов импорта китайской продукции, в основном товаров широкого потребления, а также машиностроения.

В начале XXI века значимость Центральной Азии во внешнеэкономических приоритетах Китая кардинально возросла, что было вызвано причинами как экономического, в том числе энергетического, так и геополитического характера: после событий 11 сентября 2001 года регион утратил статус периферийного, оказавшись в центре мировой политики. Пекин значительно усилил свою экономическую политику в Центральной Азии. Прежде всего, это нашло отражение в интенсификации Китаем проектно-инвестиционной деятельности, которая, однако, была и остается направленной в основном на эксплуатацию богатой минерально-сырьевой и, в первую очередь, энергетической базы региона. Одновременно еще более заметно выросло присутствие китайских производителей на рынках центральноазиатских государств и существенно увеличились объемы кредитования экономик стран Центральной Азии. По сути, тем самым руководство КНР определило экономику в качестве стержневого элемента своей стратегии в ЦА. В свою очередь, государства Центральной Азии стали рассматривать Китай уже не только в качестве важного торгового партнера, но и как стратегического инвестора/кредитора своих экономик.

Несмотря на стремительный рост масштабов китайского экономического присутствия в регионе, складывающийся формат двусторонних и многосторонних экономических отношений, в том числе в отраслях ТЭК, все еще крайне далек от идеалов и истори-

чески оправданных схем взаимодействия, нежелателен как с точки зрения долгосрочных интересов Китая, так и с точки зрения долгосрочных интересов самих государств Центральной Азии и, безусловно, России. С одной стороны, ориентация китайской экономической деятельности преимущественно на добычу и вывоз в КНР промышленного сырья, в первую очередь энергетического, объективно ведет к ресурсному истощению государств ЦА, препятствуя развитию их перерабатывающих отраслей, усилению конкуренции и даже соперничества с РФ.

С другой стороны, очевидно и то, что в условиях слабости/отсутствия промышленной политики и стратегии экономической интеграции на постсоветском пространстве республики Центральной Азии сами вольно или невольно закрепляют за собой статус «сырьевых (в первую очередь, энергетических) придатков» и превращаются в объекты все большего манипулирования в ведущейся глобальной игре за ресурсы и влияние. Все это явно не укладывается в логику позитивных тенденций развития внутренних пространств Евразии, повышая вероятность реализации здесь неблагоприятных сценариев, в том числе ведущих к конфликту интересов Китая и государств Центральной Азии, Китая и России. Тем самым создается мощный заслон на пути дальнейшего экономического роста и безопасности (в том числе энергетической) не только ЦА и РФ, но и КНР, а также других стран внутренней Евразии.

Роль и место конкретных отраслей ТЭК стран Центральной Азии в энергетической стратегии Китая

Учитывая значимость энергоресурсов для обеспечения поступательного развития китайской экономики, Пекин уделяет повышенное внимание своей энергетической и в целом экономической безопасности. В энергетической стратегии Пекина выделяются три основных вектора:

- привлечение иностранных инвестиций и передовых технологий для модернизации национального ТЭК и смежных с ним отраслей промышленности (например, энергетического машиностроения), где

основные надежды связаны в первую очередь со странами Запада, а не с Россией и тем более государствами Центральной Азии;

- обеспечение гарантированных и бесперебойных поставок энерго-ресурсов и электроэнергии из-за рубежа, где страны Центральной Азии и Россия занимают достаточно важное, хотя очевидно и не приоритетное место;

- расширение собственной энергетической базы путем наращивания внутренней добычи энергоресурсов¹⁹⁰ и увеличения масштабов генерации электроэнергии.

Как представляется, в этих условиях энергетический интерес Китая к Центральной Азии вызван рядом причин.

Во-первых, ЦА привлекательна для КНР с географической и стратегической точек зрения, принимая во внимание ее непосредственную близость и расположение внутри Евразийского континента. Данный факт весьма важен для энергетической безопасности Китая, поскольку, не имея мощных военно-морских сил, он не может эффективно защищать свои энергетические интересы во многих точках Мирового океана, что делает систему его энергетической безопасности достаточно уязвимой. В противоположность этому, энергетические маршруты из ЦА пока имеют на порядок более высокий уровень безопасности и стабильности, учитывая факт наличия общих сухопутных границ и достаточно стабильные двусторонние отношения, на сохранении чего, кстати, во многом и фокусируются основные политико-дипломатические усилия Пекина.

Во-вторых, Казахстан, Туркменистан, а также Узбекистан располагают достаточно высокими промышленными запасами нефти и природного газа, которые в перспективе могут быть существенно нараще-

---

¹⁹⁰Хотя есть и определенные свидетельства в пользу того, что Китай (подобно США) в последнее время постепенно делает все больший акцент на политику экономии/консервации внутренних невозобновляемых источников энергии и, одновременно, наращивает объемы их поставок из-за рубежа. Однако, пока представляется преждевременным говорить об этом как об устойчивой тенденции.

ны, что позволяет рассматривать эти государства в качестве альтернативных и дополнительных источников поставок углеводородов.

В-третьих, Казахстан и Узбекистан располагают высокими по мировым меркам запасами урановых руд – сырья для производства ядерного топлива, что определяет все более важный и перспективный интерес Китая к региону, особенно учитывая амбициозные планы Пекина по развитию своей атомной энергетики.

В-четвертых, Центральная Азия потенциально привлекательна для Китая в качестве будущего стратегически важного транзитного региона в случае транспортировки углеводородов из Ирана и стран Ближнего Востока. Данный транзит вполне может стать достаточно рентабельным и эффективным, так как трубопроводный маршрут через Центральную Азию в несколько раз короче морского и к тому же дешевле. Но главное, скорее всего, заключается в том, что сухопутный транзит энергоносителей через Центральную Азию сделает Китай независимым от контролируемых ВМС США морских маршрутов доставки ближневосточных и иранских углеводородов. Тем более, что в Центральной Азии уже сформирована достаточно развитая система трубопроводных коммуникаций, в том числе в иранском направлении.

В-пятых, теоретически, в гидроэнергетическом плане интерес для КНР представляют Кыргызстан и Таджикистан. Однако, на практике и, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, масштабное освоение гидроэнергоресурсов этих двух стран маловероятно, так как блокируется нерешенностью крайне болезненной для региона водно-энергетической проблемы. Намерения Кыргызстана и Таджикистана, где формируется свыше 90% водных ресурсов региона, относительно строительства крупных ГЭС все более остро конфликтуют с интересами Узбекистана, а также в какой-то степени Туркменистана и Казахстана, которые являются основными потребителями воды.

Как представляется, в условиях фрагментации экономического и политического пространства ЦА водно-энергетическая проблема не будет решена. Поэтому Китай не спешит участвовать в крупных гидроэнергетических проектах на территории региона, тем более, что данные проекты являются затратными и малоприбыльными в краткосрочной

перспективе. К тому же в Пекине понимают, что вне зависимости от того, будет ли Китай участвовать в строительстве центральноазиатских ГЭС, именно СУАР КНР является географически наиболее близким и, следовательно, коммерчески наиболее реальным для Кыргызстана и Таджикистана рынком сбыта электроэнергии. Поэтому Китаю объективно выгоднее пока занимать выжидательную позицию, предпочитая предоставить странам ЦА и их основному политическому партнеру – России право самим «распутывать клубок» региональных водно-энергетических противоречий.

Тем не менее необходимо особо отметить, что тот, кто в будущем будет контролировать гидроэнергетику Кыргызстана и Таджикистана, тот, по сути будет не только контролировать магистральные направления развития этих стран (включая добычу и переработку минеральных ресурсов), но и более того – иметь рычаги влияния на весь регион. Поэтому уже в краткосрочной перспективе нельзя исключать вероятности интенсификации международной конкуренции за контроль над крупными гидроэнергетическими объектами (и проектами) Кыргызстана и Таджикистана.

В целом же на современном этапе реальный интерес Китая к тем или иным энергетическим ресурсам Центральной Азии пока ограничивается нефтью, газом и ураном¹⁹¹.

Интересы Китая к нефтяным ресурсам Центральной Азии связаны с Казахстаном, так как только эта страна ЦА располагает относительно высокими экспортными возможностями по нефти. Экспортные возможности Туркменистана крайне незначительны, а остальные государства региона являются нетто-импортерами нефти/нефтепродуктов.

Доля нефти в энергетическом балансе КНР составляет не менее 30%. Китай находится в жесткой зависимости от импорта нефти. В среднесрочной перспективе эта зависимость, скорее всего, будет

---

¹⁹¹В частности, уголь региона не имеет сколько-нибудь важного значения для КНР, так как китайские запасы угля более чем на порядок превосходят суммарные запасы угля центральноазиатских стран.

только возрастать. Так, по данным Министерства природных ресурсов КНР, в 2009 году Китай добыл 189 млн. тонн нефти, а импортировал – 199 млн. тонн: то есть зависимость Китая от внешних поставок нефти составила чуть более 50%. По оценкам же Государственного комитета по делам развития и реформ КНР, к 2020 году потребность Китая в нефти составит уже порядка 560–600 млн. тонн, а зависимость Китая от внешних поставок «черного золота» составит не менее 65%. Это означает, что КНР в 2020 году придется импортировать не менее 365–390 млн. тонн нефти.

Учитывая данные обстоятельства, Китай предпринимает все более активные усилия в плане закрепления на нефтяных месторождениях различных стран и регионов мира, в том числе и в Казахстане. Уровень китайского присутствия в казахстанской нефтегазовой отрасли уже гораздо выше российского. Так, по итогам 2008 года, китайские компании (в основном КННК/CNPC) добыли в Казахстане примерно 15 млн. тонн нефти, что составляет около 21% от общего объема нефтедобычи в республике, то есть почти в 2,5 раза больше, чем российские. После приобретения в Казахстане ряда активов в нефтегазовой отрасли и по итогам 2009 года, китайские компании вышли на уровень добычи в 18 млн. тонн нефти (около 23% от общего объема нефтедобычи в республике)¹⁹².

Тем не менее экспортные возможности Казахстана в китайском направлении все же представляются незначимыми: большая часть казахстанской нефти уже экспортируется в западном направлении. По итогам 2009 года, западным ТНК принадлежало около 50% добытой в Казахстане нефти (около 38 млн. тонн), а самому Казахстану – примерно 19% (чуть больше 14 млн. тонн). К тому же западные компании участвуют в разработке именно наиболее крупных (хотя и более

---

¹⁹²Для сравнения: российские компании контролируют около 8% добычи. По итогам 2008 года, российские компании (в основном «ЛУКОЙЛ») добыли в Казахстане всего около 5,9 млн. тонн нефти, что составляет лишь 8,2% от общего объема добытой нефти (72 млн. тонн). В свою очередь, по итогам 2009 года «ЛУКОЙЛ» добыл около 6,4 млн. тонн нефти, что составляет порядка 8,3% от общего объема добычи (чуть больше 76 млн. тонн).

сложных в освоении) месторождений, в том числе и «Тенгиз», где сосредоточено свыше 50% всех разведанных нефтяных запасов Казахстана¹⁹³.

Экспорт нефти в КНР осуществляется по нефтепроводу «Атасу – Алашанькоу», однако до сих пор остается проблема наполняемости нефтепровода. Так, в 2009 году объем экспорта казахстанской нефти в Китай составил примерно 6,2 млн. тонн, в то время как пропускная способность первой нитки нефтепровода «Атасу – Алашанькоу» составляет около 10 млн. тонн в год. При этом сам Казахстан пока не в состоянии гарантировать поставку данного объема нефти. В частности, в период 2007–2009 годов, по нефтепроводу «Атасу – Алашанькоу» прокачивалась также и российская нефть¹⁹⁴. В итоге современные возможности Казахстана по экспорту нефти в КНР (без учета т.н. «большой нефти» с шельфовых месторождений казахстанского участка Каспийского моря, которая ожидается после 2012 года) находятся в пределах 6–8 млн. тонн в год. Это составляет около 3% от нефтяного импорта Китая в 2009 году и около 1,8% от оценочного объема китайского нефтяного импорта в 2020 году.

В дальнейшем роль и место Казахстана в поставках нефти в Китай определятся фактором начала добычи «большой нефти» с шельфовых месторождений казахстанского участка Каспийского моря. Когда это произойдет, интересы Китая и, соответственно, активность китайских компаний в Казахстане, скорее всего, кардинально возрастут. Кроме того, повысится вероятность конфликта китайских нефтяных интересов с интересами западных стран и западных ТНК. Также нельзя исключать определенной конкуренции между КНР и РФ, но очевидно и то, что эта конкуренция не будет в эпицентре международной борьбы за нефтяные ресурсы Казахстана. Как представляется, основная борьба

---

¹⁹³При этом в разработке месторождения «Тенгиз» российская сторона представлена лишь компанией LUKARCO (дочерняя компания «ЛУКОЙЛа»), располагающей всего 5% активов.

¹⁹⁴Так, в 2009 году по указанному нефтепроводу было прокачано 1,5 млн. тонн российской нефти с западно-сибирских месторождений.

за казахстанскую «большую нефть» развернется все же между китайскими и западными нефтяными компаниями.

Впрочем, нельзя полностью исключить и сценарий, связанный с тем, что надежды на «большую нефть» с казахстанского участка шельфа Каспийского моря значительно преувеличены: как по объемам, так и по срокам начала добычи «черного золота». На данную мысль наводит то, что Китай не спешит вкладывать средства в освоение шельфа Каспия, а сами сроки поступления на рынок нефти с казахстанских морских участков (в частности, с месторождения «Кашаган») многократно переносились. Более того, те же российские нефтегазовые компании, пробуриив несколько «сухих скважин», в 2009 году заметно охладели к реализации шельфовых проектов в Казахстане.

Интересы Китая к газовым ресурсам Центральной Азии связаны в основном с Туркменистаном, так как только эта центральноазиатская страна обладает высокими экспортными возможностями по газу и способна экспортировать большую часть добываемого газа. Экспортные возможности Узбекистана и Казахстана (по крайней мере, на современном этапе) по газу не велики, так как большая часть добытого газа приходится на внутреннее потребление. К тому же, большая часть будущего казахстанского и узбекского газового экспорта уже контрактрована российским «Газпромом». В свою очередь, Кыргызстан и Таджикистан не располагают промышленными запасами газа.

Более того и сама зависимость Китая от импорта газа представляется не существенной. Это связано с тем, что выработка электроэнергии в КНР осуществляется преимущественно на основе угля, доля которого в энергетическом балансе Китая составляет порядка 64%, в то время как доля природного газа не превышает 3%. К тому же, в КНР есть немалые собственные запасы газа, и в рамках программы газоснабжения страны китайское руководство предусматривает кардинальное наращивание объемов добычи собственного газа. Так, по данным Энергетического института при Госкомитете по делам развития и реформ КНР, за период 2000–2009 годы объем добычи газа в Китае увеличился

примерно в 3 раза – с 32,5 до 96,4 млрд. кубических метров, при этом среднегодовой прирост добычи составил около 13%.

Вплоть до 2009 года включительно Китай в основном обеспечивал свои потребности в газе. Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что серьезного дефицита газа Китай не испытывает и в ближайшие годы испытывать скорее всего не будет, а импортный газ рассматривается в КНР только в качестве дополнения к собственной добыче. Среднесрочные прогнозы относительно добычи/потребления газа в КНР сильно разнятся.

Так, по данным Международного энергетического агентства, прогнозируется, что в 2020 году нетто-импорт газа в Китае будет не больше 30–40 млрд. кубометров, что даже меньше современных экспортных возможностей Туркменистана (около 60 млрд. кубических метров в год). В свою очередь, по ряду китайских экспертных оценок, в 2020 году КНР будет потреблять около 200 млрд. кубических метров газа, в то время как собственная добыча составит порядка 120 млрд. кубических метров. Следовательно, нетто-импорт газа в Китае к этому времени может достигнуть не менее 80 млрд. кубических метров в год. Причем газ будет востребован преимущественно в юго-восточных промышленно развитых районах КНР.

Теоретически Туркменистан к 2020 году смог бы удовлетворить и эти потребности Китая. В советское время объем добычи газа в Туркменистане превышал 90 млрд. кубических метров, а объем экспорта – составлял свыше 70 млрд. кубических метров (по результатам 1990 года). Реальные же экспортные возможности Туркменистана представляются значительно выше данных показателей, учитывая открытые уже после обретения Туркменистаном независимости газовые месторождения. В постсоветский период Ашгабат еще при покойном президенте С. Ниязове, возлагая большие надежды на открытое в конце 1990-х годов гигантское месторождение «Южный Иолотань», планировал к 2020 году добывать примерно 250 млрд. кубических метров газа, а экспортировать – порядка 200 млрд. кубических метров. Даже если допустить, что данные планы чрезмерно оптимистичны, то, по крайней мере, половину от указанных выше объемов добычи/экспорта

Туркменистан к 2020 году все же смог бы обеспечить. Тем более, что с 2010 года Туркменистан получил возможность экспортировать газ уже и в китайском направлении (помимо российского и иранского). Так, в декабре 2009 года была введена в строй первая ветка магистрального газопровода «Туркменистан – Китай» пропускной способностью 13 млрд. кубических метров в год. К 2011 году планируется ввести в эксплуатацию и вторую ветку. В итоге, газопровод «Туркменистан – Китай» реально может выйти на свою проектную мощность – 40 млрд. кубических метров газа, а затем приступить к ее увеличению.

Однако усиление позиций Китая в Туркменистане представляется нежелательным с точки зрения долгосрочных и стратегических интересов России. Это объясняется тем, что РФ не в меньшей, а возможно и в большей степени, нежели КНР, заинтересована в доступе к туркменскому газу. Поставки газа из Центральной Азии, которые осуществляются в основном из Туркменистана, уже играют заметную роль в обеспечении энергетической безопасности России¹⁹⁵, а в случае начала реализации промышленно-инновационного курса развития – значение туркменского газа только вырастет¹⁹⁶.

Тем не менее вокруг экспортных поставок туркменского газа уже складывается непростая ситуация. Дело в том, что Ашгабат, особенно в период нахождения у власти С. Ниязова, целенаправленно формировал

---

¹⁹⁵ До мирового экономического кризиса импорт газа из Туркменистана помогал России поддерживать высокий уровень внутреннего потребления и одновременно выполнять экспортные обязательства перед Европой и рядом стран «ближнего зарубежья». Это было особенно важно с учетом того факта, что основные российские газовые месторождения, разработанные еще в советское время, уже в значительной степени истощены. Разработка же новых газовых месторождений, расположенных в арктической климатической зоне, сопряжена с огромными технологическими трудностями и финансовыми затратами. Основным поставщиком газа извне для России был и остается только Туркменистан.

¹⁹⁶ Хотя в условиях мирового кризиса и снижения спроса на газ, потребность России в туркменском газе существенно уменьшилась, тем не менее в будущем, когда мировая экономика и, соответственно, спрос на газ будут расти, то импорт туркменского газа вновь станет играть немаловажную роль в поддержании газового баланса РФ.

предельно жесткую конкурентную среду вокруг своего газового экспорта, рассчитывая получить возможность маневра между Россией и Китаем, основными претендентами на туркменское «голубое топливо», и продавать свой газ по максимально возможной цене. Вместо этого Туркменистан все больше рискует внести во многом искусственные сложности как в свои отношения с Китаем, так и с Россией. И если в дальнейшем, особенно по мере прохождения активной фазы мирового кризиса, Россия не будет гарантированно получать туркменский газ в уже оговоренных объемах, то ей, по всей видимости, придется уменьшать свой газовый экспорт в Европу (или на Украину и в Белоруссию). В свою очередь, Пекин может жестко отреагировать на то, что Туркменистан, выполняя обязательства перед Россией (в полном объеме наполняя газопровод «Средняя Азия – Центр»), в то же время не выполнит своих обязательств перед Китаем.

Впрочем, далеко не факт, что вышеизложенная ситуация приведет к конфликту российско-китайских энергетических интересов в Туркменистане. Китай принимает меры по диверсификации импорта газа, прорабатывая вариант поставок «голубого топлива» помимо Туркменистана, из Мьянмы, из той же России, а также сжиженного газа из ряда стран Ближнего Востока. К тому же в будущем нельзя исключать варианта продления газопровода «Туркменистан – Китай» до газовых месторождений Ирана. В этом случае для России и Китая откроются широкие возможности для сотрудничества в газовой сфере, а также доступ к огромным запасам иранского газа.

Интересы Китая к урановым ресурсам Центральной Азии связаны в основном с Казахстаном, а в перспективе, возможно, и с Узбекистаном, так как именно в этих центральноазиатских странах сосредоточены практически все запасы урановых руд региона, а также наиболее богатые и рентабельные месторождения урановых руд бывшего СССР¹⁹⁷.

---

¹⁹⁷Свыше 95% мирового производства урана дают всего 8 стран: Канада, Австралия, **Казахстан**, **Россия**, Нигер, Намибия, **Узбекистан** и США.

Высокий интерес Китая к урановым месторождениям Центральной Азии связан с тем, что в КНР реализуется программа форсированного развития атомной энергетики, предполагающая масштабное строительство атомных электростанций. В 2009 году суммарная мощность китайских АЭС составила 8,85 млн. кВт, а их доля в электроэнергетической отрасли – около 1,9%. К 2020 году Китай планирует построить 32 новые АЭС, увеличив мощности атомной электроэнергетики до 40 млн. кВт. При этом доля АЭС в электроэнергетике КНР увеличится до 4%. К 2030 году предполагается довести долю АЭС в электроэнергетике до 7%. Для достижения данной цели в Китае уже сформирован целевой «атомный» бюджет в размере 60,3 млрд. долларов. Главная проблема для Китая заключается в том, что масштабы собственного производства урана невелики: в 2009 году они составили примерно 900 тонн¹⁹⁸, что обеспечило около 50% внутренней потребности. Примерно еще такое же количество урана было импортировано (в основном из Казахстана).

В дальнейшем, по мере наращивания мощностей АЭС, Китаю неизбежно придется увеличивать объемы импорта урана. По оценкам китайских экспертов, к 2020 году потребности Китая в уране достигнут порядка 8 тыс. тонн. Как представляется, именно на центральноазиатский уран Китай делает важную ставку, особенно учитывая то, что географически близко расположенные Казахстан и Узбекистан, не имеют собственной атомной энергетики и мощностей по глубокой переработке урана (в отличие, например, от России), а поэтому способны экспортировать практически все 100% «атомного сырья».

Однако интересы КНР по наращиванию объемов экспорта урана из ЦА в долгосрочной (но не среднесрочной) перспективе могут войти в противоречие с интересами РФ¹⁹⁹. Тем не менее сам конфликт россий-

---

¹⁹⁸Для сравнения: в Казахстане объем производства урана в 2009 году составил около 12 000 тонн, а в Узбекистане – примерно 2500 тонн.

¹⁹⁹В соответствии с «Энергетической стратегией России на период до 2020 года», растущие потребности в электроэнергии планируется покрывать за счет увеличения мощностей АЭС. В настоящее время доля АЭС в российской электроэнергетике составляет около 16%, а к 2020 году планируется быть увеличе-

ско-китайских интересов из-за центральноазиатского урана все же представляется маловероятным. У того же Китая есть возможности закупать уран и в ряде других стран – крупнейших производителей урана, в первую очередь в Австралии и некоторых африканских государствах. В частности, еще в 2006 году Китай заключил долгосрочное соглашение с Австралией о поставках урана.

И, наоборот, возможности для сотрудничества России, Китая и стран Центральной Азии колоссальны. Соединение научно-технического и промышленного потенциала Китая и России с ресурсной базой Центральной Азии позволит совершить системный прорыв в комплексном развитии атомной энергетики всех стран, став принципиально важным фактором в основе реального (а не декларативного как сейчас) стратегического партнерства в рамках ШОС, положив начало реальной экономической интеграции, полностью обеспечив энергетические потребности для промышленно-инновационного развития.

Китайские проекты в отраслях ТЭК стран Центральной Азии

Магистральным направлением экономической деятельности Китая и китайских компаний в Центральной Азии является нефтегазовое, где основной интерес фокусируется на Казахстане и Туркменистане²⁰⁰,

---

на до 25%. При этом потребности России в уране к 2020 году составят примерно 20,5 тыс. тонн. Пока же РФ производит около 3 тыс. тонн урана, что составляет около 20% от ее нынешних потребностей. Дефицит покрывается за счет накопленных еще в советское время складских запасов, которые, по оценкам ряда экспертов, как раз к 2020 году могут быть исчерпаны. Как представляется, к этому времени и возникнет острая потребность России в центральноазиатском уране. Тем более, что в отличие от России именно в Казахстане и Узбекистане сосредоточены не менее 80% высокорентабельных и коммерчески привлекательных запасов урана (имеются в виду месторождения, где условия позволяют производить высокорентабельную и наименее затратную добычу методом скважинного подземного выщелачивания).

²⁰⁰ Доказанные запасы нефти в **Казахстане** составляют примерно 5,4 млрд. тонн (около 3% мировых запасов), а газа – примерно 1,8 трлн. кубических метров

странах, обладающих значительным углеводородным потенциалом и высокими экспортными возможностями. И хотя нефтегазовый вектор пока остается главным в энергетической и в целом в экономической политике Китая в Центральной Азии, тем не менее некоторая диверсификация экономической активности КНР в странах ЦА по отраслям экономик также имеет место. В частности, среди отраслей ТЭК помимо нефтегазовой отрасли, китайские интересы в регионе в последние годы все больше затрагивают атомную энергетику (Казахстан), электроэнергетику (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан), а также угольную отрасль (Кыргызстан). В результате экономическое влияние Китая в Центральной Азии постепенно распространяется уже на Таджикистан и Кыргызстан, которые не имеют промышленных запасов углеводородов, а также на Узбекистан, который обладает промышленными запасами нефти и газа, но не располагает высокими возможностями по их экспорту²⁰¹.

С точки зрения долгосрочных интересов России последствия усиления проектной активности Китая и китайских компаний в отраслях ТЭК государств региона могут быть крайне неоднозначными, причем в зависимости от характера политики самой РФ. С одной стороны, в случае если Россия продолжит курс на «сырьевую ориентацию» своей экономики, то может сложиться ситуация, когда

(порядка 2% мировых запасов). Доказанные запасы нефти в **Туркменистане** составляют примерно 100 млн. тонн (порядка 0,06% мировых запасов), а газа – примерно 2,9 трлн. кубических метров (3,2% мировых запасов).

²⁰¹**Узбекистан** входит в число ведущих мировых производителей газа, а его прогнозные запасы составляют примерно 2,2% от общемировых запасов. Доля страны в общемировом объеме добычи достигает 2,5%. По состоянию на 2008 год, доказанные запасы природного газа в республике составили свыше 2 трлн. кубических метров, а нефти – 82 млн. тонн, газового конденсата – 160 млн. тонн. Прогнозные же запасы газа оцениваются в 5,9 трлн. кубических метров, нефти – 817 млн. тонн, газового конденсата – 360 млн. тонн. В последние годы Узбекистан добывает более 60 млрд. кубических метров газа, направляя от 40 до 49 млрд. для внутреннего потребления и от 10 до 16 млрд. – на экспорт. В то же время, Узбекистан зависит от импорта нефти и эта зависимость в перспективе будет только увеличиваться. Как ожидается, в последующие несколько лет Узбекистан будет вынужден импортировать не менее 4,2 млн. тонн нефти.

осваивая энергоресурсы Центральной Азии и закрепляясь в экономиках стран региона, Китай, будет все больше выступать в роли конкурента слабеющей России (другой вариант: Россия будет вынуждена все больше идти в фарватере интересов Китая избегая и самой конкуренции с ним). **С другой стороны**, представляется, что в случае выбора РФ промышленно-инновационного курса развития проникновение КНР и китайских компаний в энергетический сегмент Центральной Азии откроет именно для России наиболее уникальные возможности для развития на территории региона взаимовыгодного и многостороннего сотрудничества с Китаем.

Уникальность этих возможностей продиктована еще и тем, что китайское руководство и китайские государственные компании (в отличие от руководства и частных компаний тех же стран Запада) реализуют наиболее прозрачную по отношению к России политику, продолжают не только выражать, но и демонстрировать готовность учитывать российские интересы и, более того, согласовывать свои подходы к региону. Тем более, что именно западные страны и ТНК все больше выступают в роли реальных конкурентов как РФ, так и КНР, пытаются реформатировать постсоветское пространство в рамках выгодных им схем развития, закрепив за Россией и другими странами СНГ роли сырьевых придатков экономик государств Запада.

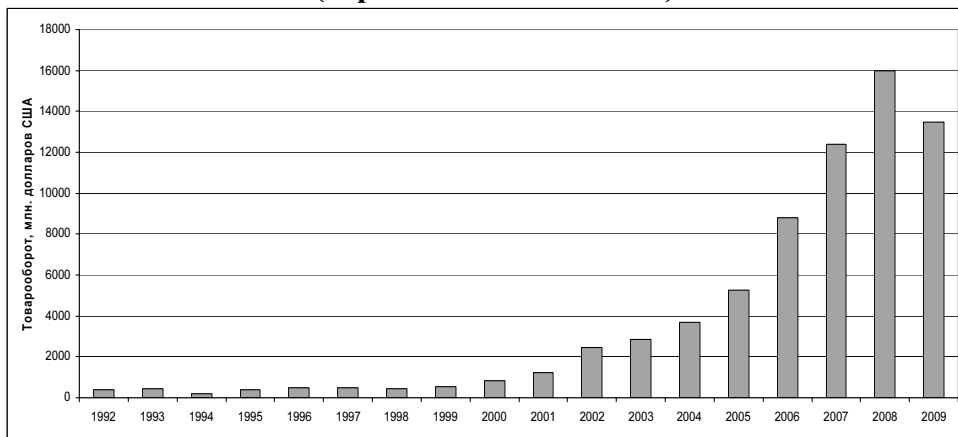
В целом, как представляется, именно растущая общность геополитических и геоэкономических интересов, а также вовсе не декларативная готовность Китая к сотрудничеству с Россией и странами Центральной Азии могли бы стать фундаментом для запуска процесса реальной экономической интеграции на постсоветском и «шанхайском» пространствах, постепенному становлению ЕвразЭС и ШОС как экономических блоков. Однако многое зависит именно от политики России и того, сумеет ли она выстроить эффективную и взаимовыгодную схему сотрудничества с Китаем вообще и конкретно в отраслях ТЭК. В частности, речь идет о такой схеме, которая далеко выходила бы за пределы современного коммерческого формата отношений – купли/продажи и транспортировки энергоресурсов.

Как представляется, именно через призму поиска возможностей для сотрудничества с КНР и следует рассматривать китайскую проектную активность в отраслях ТЭК стран Центральной Азии, при этом понимая, что эти возможности будут реальны только в случае системной перестройки в сферах экономики, политики и безопасности самой РФ.

Казахстан

С момента установления дипломатических отношений Казахстан рассматривается Китаем в качестве основного объекта экономического и, в первую очередь, энергетического интереса в Центральной Азии. Однако в первой половине 1990-х годов экономическое присутствие Китая в Казахстане было крайне незначительным и ограничивалось исключительно торговлей. Во второй половине 1990-х годов экономическое и, в частности, энергетическое проникновение Китая в Казахстан заметно интенсифицировалось. Важным стимулом повышения интереса Китая к Казахстану явился рост потребностей китайской экономики в энергоресурсах, в первую очередь нефти, что обусловило начало проектно-инвестиционной деятельности китайских компаний в республике. Ведущие энергетические корпорации из Китая стали приобретать активы в нефтегазовой отрасли Казахстана и принимать участие в освоении углеводородных месторождений на западе страны. С началом первого десятилетия XXI века масштабы и глубина китайского экономического, в том числе энергетического проникновения в Казахстан обозначились еще более отчетливо. Это выразилось и в значительном увеличении китайского торгового присутствия на казахстанском рынке. В период 2001–2008 годов поставки товаров из Китая возросли в 11,3 раза – с 0,74 до примерно 8,4 млрд. долларов, а общий товарооборот – с 1,25 до порядка 16 млрд. долларов. В 2009 году объем китайского экспорта в Казахстан уменьшился на 10,5% по сравнению с предыдущим годом и составил 7,514 млрд. долларов, а общий товарооборот – на 15,5% – до 13,482 млрд. долларов (диаграмма № 6).

Диаграмма № 6. Торговля Китая с Казахстаном (период 1992–2009 годов)

Источники: данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Казахстана; данные за период 2002–2009 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Казахстана.

Однако структура самой торговли свидетельствует о ярко выраженной экспортно-сырьевой ориентации Казахстана. Так, например, в 2008 году свыше 93% поставок в КНР пришлось на сырьевые ресурсы (энергонаосители – около 82%, черные и цветные металлы – примерно 12%). В свою очередь, ассортимент товаров, поставляемых из Китая, включал продукцию машиностроения и металлообработки (около 53%), продовольствие и товары широкого потребления (порядка 35%) и другие товары (таблица 6).

Таблица № 6. Товарная структура торговли Китая с Казахстаном (2008 год)

Наименование	Поставки из Китая в Казахстан		Поставки в Китай из Казахстана	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Химическая продукция	-	-	266	3,5
Черные и цветные металлы	-	-	1156	15,2
Энергоносители	-	-	5549	73,0
Машины и оборудование	3412	40,8	-	-
Продовольствие и прочие товары широкого потребления	2968	35,5	-	-
Прочее	1004	11,7	631	8,3
Всего	8362	100	7602	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Казахстана (Kazakhstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, March 2010).

Рассматривая Казахстан как основного торгово-экономического и энергетического объекта интереса в Центральной Азии, Китай начал проводить и более активную кредитную политику, финансируя на льготных условиях те или иные проекты, в которых основная часть кредитов осваивается именно китайскими компаниями. Помимо нефтегазовой отрасли, проектно-инвестиционная деятельность стала затрагивать и целый ряд других отраслей казахстанской экономики. Общие объемы финансовых ресурсов, так или иначе вложенных Китаем в казахстанскую экономику, оцениваются не менее чем в 33 млрд. долларов, включая примерно 11 млрд. долларов инвестиций, 10,75 млрд. долларов кредитов (включая 10 млрд. долларов полученных в 2009–2010 годах) и 12,1 млрд. долларов – приобретенных активов²⁰² (преимущественно в нефтегазовой отрасли). На долю ТЭК приходится

²⁰²По состоянию на начало 2010 года.

около 21,47 млрд. долларов финансовых ресурсов, включая 9,1 млрд. долларов инвестиций, 5,2 млрд. долларов кредитов и 7,17 млрд. долларов приобретенных активов.

В целом масштабы экономического, в том числе энергетического, присутствия КНР в Казахстане уже представляются значительными. Тем более, что деятельность Китая и китайских компаний по-прежнему затрагивает главным образом сырьевые отрасли казахстанской экономики, хотя Астана и пытается нацеливать китайский интерес на перерабатывающие отрасли, а также в целом на развитие промышленного и инновационного сотрудничества.

Нефтегазовая отрасль

Освоение нефтяных месторождений «Жанажол», «Кенкияк (надсолевой)» и «Кенкияк (подсолевой)» (Актюбинская область, северо-западная часть Казахстана). Месторождения были открыты еще в советское время. Их запасы оцениваются соответственно в 121, 25 и 28 млн. тонн нефти. Месторождения осваиваются Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (Chinese National Petroleum Corporation, КННК / CNPC). Оператором проекта является акционерное общество «КННК-Актобемунайгаз». За период 1997–2007 годов КННК инвестировала в освоение данных месторождений порядка 2,55 млрд. долларов. В 2008 году на месторождениях добыто 6 млн. тонн нефти. Корпоративными планами на 2009 год был предусмотрен объем добычи на уровне 6,25 млн. тонн. Однако в 2009 году объем добычи нефти снизился примерно на 4,2% – 6 до 5,75 млн. тонн. Еще в мае 2009 года КННК объявила о том, что откладывает на неопределенный срок планы строительства дополнительных мощностей Жанажольского газоперерабатывающего завода по причине невозможности (по крайней мере, в среднесрочной перспективе) нарастить объемы добычи углеводородов.

Освоение нефтяных месторождений «Сазан-Курак» и группы нефтяных месторождений Адайского блока (Атырауская область, западная часть Казахстана). Запасы месторождения «Сазан-Курак»

оцениваются в 26 млн. тонн, а запасы месторождений Адайского блока – в 200–350 млн. тонн нефти. Первоначально эти месторождения осваивала американская компания First International Oil Company (FIOC). Причем по месторождениям Адайского блока FIOC владела 50% акций в партнерстве с российской нефтяной компанией «Роснефть». В 2004 году китайская компания «Синопек» (Sinopet) выкупила за 160 млн. долларов активы FIOC в Казахстане. Суммарный объем добычи нефти на данных месторождениях составляет порядка 200 тыс. тонн в год.

Освоение Кумкольской группы нефтяных месторождений (Кызылординская и Карагандинская области, центральная часть Казахстана). Суммарные запасы нефти данных месторождений составляют примерно 92 млн. тонн нефти. Первоначально месторождения осваивала компания PetroKazakhstan Inc., дочерняя структура канадской компании Hurricane Hydrocarbon Ltd. В 2005 году КННК приобрела у Hurricane Hydrocarbon Ltd. за 4,18 млрд. долларов 100% акций компании PetroKazakhstan Inc. с обязательством инвестировать 43 млрд. долларов в освоение данной группы месторождений в течение 20 лет. В свою очередь, согласно официальной информации, в 2006 году «КазМунайГаз» выкупил у КННК 33% акций PetroKazakhstan Inc. за 1 млрд. долларов (скорее же всего, эти акции КННК просто переуступила в обмен на некие преференции). В течение 2006–2009 годов инвестиции КННК в освоение данной группы месторождений составили не менее чем 5 млрд. долларов. Ежегодно PetroKazakhstan Inc. добывает в среднем около 3,75 млн. тонн нефти, а в 2009 году добыто 3,89 млн. тонн. Всего же за период 1996–2009 годов на Кумкольской группе месторождений было добыто свыше 50 млн. тонн нефти.

Освоение нефтяного месторождения «Каржанбас» (Мангистауская область, западная часть Казахстана). Запасы месторождения оцениваются примерно в 55 млн. тонн нефти. Первоначально месторождение осваивалось ОАО «Каржанбысмунай», дочерней структурой канадской компании Nations Energy Co. Ltd.

В 2006 году Китайская государственная инвестиционная корпорация CITIC GROUP выкупила 94,62% акций ОАО «Каржанбасмунай» за 1,9 млрд. долларов. В среднем на месторождении «Каржанбас» добывается немногим более 2 млн. тонн нефти ежегодно, в 2009 году добыто 1,9 млн. тонн нефти. Всего же за период 1996–2009 годов добыто около 21–22 млн. тонн.

Планы по подготовке к геологоразведке и последующему освоению нефтегазового месторождения «Дархан» (северная часть казахстанского участка шельфа Каспийского моря). Прогнозные запасы месторождения оцениваются в пределах 0,4–1,4 млрд. тонн нефти. Еще в 2005 году КННК подписала с НК «КазМунайГаз» меморандум о геологоразведке и разработке данного месторождения. Позднее «КазМунайГаз» подал заявку в Кабинет министров РК на проведение прямых переговоров для получения права недропользования на «Дархане» на условиях соглашения о разделе продукции (СРП). В октябре 2008 года состоялась встреча глав правительств двух стран, которые заявили о намерении ускорить подписание соглашения по месторождению «Дархан». Однако сроки реализации проекта и характер китайского участия в нем пока представляются неясными, так как новый налоговый кодекс Казахстана, который вступил в силу с 1 января 2009 года, не предусматривает больше такой формы контракта как СРП.

Приобретение 11% акций государственной нефтяной компании «Разведка Добыча – КазМунайГаз». В 2009 году Китайский государственный инвестиционный фонд СІС приобрел за 0,939 млрд. долларов 11% акций государственной нефтяной компании «Разведка Добыча – КазМунайГаз». Эта дочерняя структура «КазмунайГаза» является крупнейшей нефтедобывающей компанией Казахстана, а на ее долю приходится около 17% добываемой в республике нефти.

Приобретение 48% акций частной нефтяной компании ОАО «Мангистаумунайгаз». На данную компанию приходится порядка 8–10% добываемой в Казахстане нефти, а в ее собственности находятся

36 нефтегазовых месторождений на территории Мангистауской области (западная часть Казахстана) с суммарным запасом нефти около 180 млн. тонн, 58% акций Павлодарского нефтеперерабатывающего завода и крупная сеть автозаправочных станций. С 1998 года владельцем ОАО «Мангистаумунайгаз» была компания Central Asia Petroleum Ltd. (Индонезия). В январе 2009 года индонезийская компания и НК «КазМунайГаз» подписали договор о приобретении «КазМунайГазом» 50% + 2 голосующие акции «Мангистаумунайгаза». На остальные 48% акций ОАО «Мангистаумунайгаз» претендовала китайская КННК. После визита в Китай в апреле 2009 года президента Казахстана факт того, что именно КННК приобретет 48% акций «Мангистаумунайгаз» стал очевиден: в рамках заключенного договора о предоставлении Казахстану китайского кредита в размере 10 млрд. долларов, 5 млрд. долларов из объема данных средств было выделено непосредственно для «КазМунайГаза». В конце ноября 2009-го сделка по приобретению КННК акций «Мангистаумунайгаз» была оформлена через казахстанские биржевые структуры. По мнению казахстанских экспертов, продавец и покупатель воспользовались биржевой площадкой, чтобы уменьшить налоговые издержки.

Строительство и эксплуатация нефтепровода «Атасу – Алашанькоу». Нефтепровод введен в промышленную эксплуатацию в 2006 году. Его строительство стоимостью около 806 млн. долларов полностью профинансировано КННК. Протяженность нефтепровода составляет 962 километра, а проектная пропускная способность – до 10 млн. тонн в год. К 2011 году пропускную способность нефтепровода планируется увеличить до 20 млн. тонн, а еще через несколько лет – до 50 млн. тонн. Оператором проекта является китайско-казахстанская компания ТОО «Казахстанско-китайский трубопровод». Учредителями данной компании на паритетных началах выступают АО «Казтрансойл» и Китайская национальная корпорация по разведке и разработке нефти и газа (CNODC). В 2007 году по «Атасу – Алашанькоу» было прокачено около 5 млн. тонн нефти. В 2008 году, когда по нефтепроводу, помимо казахстанской, стала поступать и российская нефть с за-

падносибирских месторождений, общий объем прокаченного углеводородного сырья составил 6,35 млн. тонн нефти, что на 10,8% больше объемов предыдущего года. В 2009 году по нефтепроводу «Атасу – Алашанькоу» было прокачано 7,7 млн. тонн нефти (примерно на 21,2% больше предыдущего года), включая 6,2 млн. тонн казахстанской нефти и 1,5 млн. тонн транзитной российской нефти.

Строительство и эксплуатация нефтепровода «Кенкияк – Кумколь». В декабре 2007 года состоялась презентация проекта и было подписано соглашение об основных принципах строительства нефтепровода. Масштабные работы по прокладке трубопровода начались в марте 2008 года. Субподрядчиком работ стала компания ТОО «Казахстанско-китайский трубопровод». Нефтепровод введен в строй в октябре 2009 года КННК и АО НК «КазМунайГаз». Его протяженность составляет 761 километр. «Кенкияк – Кумколь» является второй веткой нефтепровода из Казахстана в Китай (первой веткой является нефтепровод «Атасу – Алашанькоу»). Пропускная способность нефтепровода на начальном этапе составляет 10 млн. тонн нефти в год. В последующем она может быть увеличена до 20 млн. тонн в год. Ресурсной базы данного нефтепровода являются месторождения Актюбинской области и западного Казахстана. Официальный пуск в эксплуатацию данного нефтепровода состоялся в декабре 2009 года.

Строительство и эксплуатация газопровода «Жанажол – КС-13» (Актюбинская область, северо-западная часть Казахстана). Газопровод введен в эксплуатацию в 2005 году. Строительство осуществляла компания АО «КННК-Актобемунайгаз», которая в настоящее время является оператором по управлению данным газопроводом. Протяженность «Жанажол – КС-13» составляет около 150 километров, а пропускная способность – 5,2 млрд. кубических метров газа в год. Трубопровод соединил газоконденсатное месторождение «Жанажол» в Актюбинской области и компрессорную станцию № 13 на магистральной ветке «Бухара – Урал». Объем китайских инвестиций по данному проекту составил примерно 120 млн. долларов.

Строительство и эксплуатация казахстанского участка магистрального газопровода «Туркменистан–Китай». Данный участок общей протяженностью около 1300 километров является составной частью магистрального трубопровода «Туркменистан – Китай». Он представляет собой систему из двух параллельных трубопроводов с планируемым объемом прокачки до 40 млрд. кубических метров газа в год. Принципиальная договоренность о реализации проекта была достигнута еще в 2006 году, а само строительство началось летом 2008 года. Официальный пуск первой ветки газопровода состоялся в середине декабря 2009 года в присутствии председателя КНР Ху Цзиньтао и президента Казахстана Н.Назарбаева. Предполагается, что китайские инвестиции по проекту составили порядка 600 млн. долларов.

Планы по строительству газопровода «Бейнеу–Бозой–Акбулак–Шымкент». В апреле 2009 года в г. Пекине в ходе визита президента Казахстана в Китай, представители «КазМунайГаза» и КННК подписали меморандум о сотрудничестве в топливно-энергетической сфере. Китайская компания обязалась выделить 5 млрд. долларов (из 10 млрд. долларов общего кредита со стороны КНР). Около 3,6 млрд. долларов из данной суммы будут направлены на финансирование совместного строительства газопровода «Бейнеу – Бозой – Акбулак – Шымкент», протяженностью 1480 километров и проектной мощностью 10 млрд. кубических метров газа в год. Целью данного китайско-казахстанского проекта является обеспечение газом южных областей Казахстана, что позволит кардинально снизить их зависимость от поставок газа из соседнего Узбекистана. По состоянию на начало 2010 года, проект находился на стадии ТЭО.

Планы по строительству нефтеперерабатывающего завода на приграничной с КНР территории Казахстана. Первоначально речь шла о строительстве НПЗ в Китае, однако в апреле 2009 года Казахстан выступил с предложением запустить данное производство на своей территории. Планируется, что производственные мощности завода бу-

дут в значительной степени обеспечивать казахстанский рынок, а часть продукции также будет поставляться в Китай. Перспективы реализации данного проекта пока неясны.

Планы по строительству комплекса ароматических углеводов²⁰³ на Атырауском нефтеперерабатывающем заводе²⁰⁴ (Атырауская область, западная часть Казахстана). В ходе рабочего визита в Казахстан в декабре 2009 года председателя КНР Ху Цзиньтао было подписано кредитное соглашение между Атырауским НПЗ и китайской нефтяной компанией Sinopec о строительстве на казахстанском предприятии нового современного комплекса по переработке углеводородного сырья. Работы на Атырауском НПЗ планируется начать в 2010 году после разработки и утверждения ТЭО проекта.

Оказание услуг нефтегазовым компаниям, действующим на территории Казахстана. В 2004 году китайская компания Bell-Alcatel подписала контракт на сумму примерно 11,2 млн. евро (на тот период около 15 млн. долларов) с итальянской нефтегазовой компанией Agip КСО на разработку интегрированного телекоммуникационного реше-

---

²⁰³ Ароматическими углеводородами называются соединения, в молекуле которых имеется циклическая группа атомов с особым характером связи – ядро бензола. Области применения получаемых ароматических продуктов разнообразны и многогранны. Наиболее широкое применение имеет бензол. Основным направлением использования бензола является производство этилбензола – целого ряда полимерных продуктов.

²⁰⁴ Атырауский НПЗ (до 1991 года Гурьевский) – одно из крупнейших предприятий Казахстана, введено в строй в 1945 году. НПЗ впервые осуществил переработку нефти с тенгизского месторождения со значительно большим содержанием светлых фракций и, одновременно, с высоким содержанием в ней метил-этилмеркаптанов, что потребовало для ее переработки тщательной подготовки и решения как технологических, так и экологических проблем. В настоящее время доля переработки нефти с тенгизского месторождения составляет 12%. Несмотря на недостаточность вторичных процессов, заводом достигнута глубина переработки 65%. При этом отбор светлых нефтепродуктов от нефти представляет в среднем 45,9%. В настоящее время Атырауский НПЗ способен перерабатывать 4,5 млн. тонн нефти. Владелец является АО «Торговый дом «КазМунайГаз»» (99,21%).

ния для морских и наземных нефтяных платформ Кашаганского нефтегазового месторождения (казахстанский сектор Каспийского моря). В рамках проекта Bell-Alcatel развернула транспортную сеть на базе оптических мультисервисных узлов OMSN (Optical Multi-Service Node) с функциональностью Ethernet и Gigabit Ethernet. Наряду с этим была также осуществлена поставка системы видеонаблюдения (CCTV), оповещения и радиосвязи.

* * *

Таким образом, реализуемые Китаем или с китайской финансовой поддержкой проекты в нефтегазовой отрасли Казахстана указывают на очевидную заинтересованность Пекина, в первую очередь, в освоении и разработке нефтяных месторождений. Расчеты показывают, что если в 2007 году китайским компаниям принадлежало порядка 10,65 млн. тонн добытого в Казахстане «черного золота» или примерно 16,8% общего объема казахстанской нефтедобычи, по результатам 2008 года – уже около 13 млн. тонн, или около 18,6% от общего объема добычи нефти. По итогам 2009 года, с учетом приобретения в Китайском государственным инвестиционным фондом CIC 11% акций государственной нефтяной компании «Разведка Добыча – КазМунайГаз», а также покупки КННК 48% акций ОАО «Мангистаумунайгаз» КНР принадлежит уже 17,3 млн. тонн или около 22,8% добытой в Казахстане нефти.

Кроме того, в последние годы китайские структуры проявляют повышенный интерес к рынку нефтепродуктов Казахстана. Однако трудно прогнозировать возможные масштабы присутствия здесь Китая, поскольку рынок является весьма привлекательным для многих других стран и компаний. Поэтому китайские структуры скорее всего столкнутся с достаточно жесткой конкуренцией, в первую очередь, с российскими²⁰⁵ и казахстанскими²⁰⁶ компаниями.

---

²⁰⁵Так компания ОАО «Газпром нефть» (дочерняя структура «Газпрома») уже арендовала в Казахстане 11 нефтебаз и намерена развивать в республике сеть автозаправочных станций. Для этого в Казахстане во второй половине 2007 года было создано предприятие ООО «Газпром нефть – Казахстан». Уже в 2008

Что же касается газового «сегмента», то Китай на современном этапе интересуют больше казахстанские возможности по транзиту «голубого топлива», нежели его непосредственная добыча. В то же время с вводом в строй магистрального газопровода «Туркменистан – Китай», нельзя исключать роста заинтересованности китайской стороны и в разработке газовых месторождений на территории Казахстана.

Атомная отрасль

С началом первого десятилетия XXI века Китай стал проявлять растущий интерес к атомной отрасли Казахстана. Еще в 2004 году Китайская национальная ядерная корпорация²⁰⁷ подписала с НК «Казатомпром» контракт по добыче урана сроком до 2020 года. Данный контракт сопровождался договором о стратегической кооперации между Китаем и Казахстаном в области атомной энергетики. Уже в 2007 году между КНР и Казахстаном были достигнуты соглашения и о совместном производстве ядерного топлива.

Планы по производству и поставкам казахстанского ядерного топлива для китайских АЭС. В 2007 году Китайская Гуандунская ядерно-энергетическая корпорация (CGNPC) и НК «Казатомпром» подписали базовое соглашение о совместном производстве ядерного топлива для китайских атомных электростанций. Планируется, что добытый в Казахстане уран будет поступать в Китай для обогащения, а затем – обратно на Ульбинский металлургический комбинат (собственность НК «Казатомпром»), расположен в Восточно-Казахстанской

году в Казахстан из России в среднем стало поступать около 25–30 тыс. тонн нефтепродуктов ежемесячно.

²⁰⁶Казахстан в отличие, например, от Кыргызстана и Таджикистана, располагает и ресурсной базой, и определенными инвестиционными возможностями. В частности, к 2010 году только «КазМунайГаз» планировал увеличить сеть АЭС в Казахстане более чем в 2 раза, доведя свою долю на рынке нефтепродуктов до 16%.

²⁰⁷China National Nuclear Corporation / CNNC.

области), где пройдет переработку в ядерное топливо, которое будет направляться в Китай.

Добыча урановой руды на руднике «Ирколь» (Кызылординская область, южная часть Казахстана). В апреле 2009 года в г. Алматы на основе подписанного в 2007 году базового соглашения между Китайской Гуандунской ядерно-энергетической корпорацией и НК «Казатомпром» состоялось открытие китайско-казахстанского предприятия ТОО «Семизбай-У». В рамках данного СП предполагалось организовать совместную добычу урановой руды на руднике «Ирколь», промышленная эксплуатация которого началась еще в советское время. Запасы природного урана на данном месторождении составляют примерно 19 тысяч тонн. Добыча урана осуществляется методом подземного скважинного выщелачивания. Предполагаемый объем добычи должен был составить порядка 750 тонн урана в год. Выход рудника на проектную мощность ожидается в 2010 году, а в 2009 году добыто порядка 500 тонн урана. В 2010 году планируется выйти на объемы добычи в 750 тонн/год. Данные объемы добычи предполагается поддерживать в течение 25 лет. По условиям соглашения, производимая на руднике «Ирколь» продукция предназначена для удовлетворения потребностей атомной энергетики КНР.

Планы участия Казахстана в строительстве АЭС на территории КНР. В апреле 2009 года НК «Казатомпром» и Китайская Гуандунская ядерно-энергетическая корпорация подписали меморандум о создании совместного предприятия по строительству атомных электростанций в Китае. Планировалось, что сфера деятельности данного СП будет включать строительные работы, строительный менеджмент и надзор за атомными объектами. Китайско-казахстанское предприятие должно будет финансироваться на паритетных условиях Китайской ядерно-энергетической инжиниринговой компанией (дочерняя структура Китайской Гуандунской ядерно-энергетической корпорации) и НК «Казатомпром». В перспективе не исключается привлечение к участию в СП и других акционеров.

Как представляется, налицо устойчивая тенденция активизации, углубления и расширения сотрудничества между КНР и Казахстаном в атомной отрасли, которая, наряду с нефтегазовой, становится стратегическим направлением экономической политики Китая в Казахстане и китайско-казахстанского экономического взаимодействия в целом. Более того, есть все основания утверждать, что уже в среднесрочной перспективе масштабы присутствия КНР в атомной отрасли Казахстана будут, по крайней мере, не меньше, чем в нефтегазовой отрасли. Дело в том, что Пекин уделяет приоритетное значение развитию атомной энергетики и до 2030 года планирует построить 100 новых АЭС.

В этой связи Астана скорее всего твердо решила найти и закрепить за собой нишу в атомной программе КНР. При этом очевидно, что Казахстан не может рассчитывать на равноправное партнерство с Китаем в атомной сфере. Однако в Казахстане, вероятно, надеются, что статус поставщика ядерного топлива (а это уже не сырье, а полуфабрикат), а также хотя бы символическое участие в строительных работах по возведению АЭС на территории Китая и контроле их безопасности, могут позволить Казахстану получить дополнительные экономические и политические дивиденды.

Электроэнергетическая отрасль

Примерно с 2005 года обозначился некоторый интерес Китая к гидро- и теплоэнергетике Казахстана. Реализуемые и намечаемые проекты пока касаются введения в строй новых генерирующих мощностей с последующим экспортом части вырабатываемой электроэнергии в КНР. На стадии реализации находится только лишь проект по возобновлению строительства Мойнакской ГЭС на реке Чарын²⁰⁸, а остальные –

---

²⁰⁸Строительство Мойнакской ГЭС было начато в 1985 году и остановлено в 1992 году в связи с прекращением финансирования. В начале 2005 года в рамках реализации постановления казахстанского правительства «О дополнитель-

на стадии планирования. Сроки осуществления данных проектов пока не ясны. Однако можно с высокой долей вероятности утверждать, что из-за последствий мирового финансово-экономического кризиса сроки начала и окончания многих проектов могут быть перенесены.

Строительство Мойнакской ГЭС на реке Чарын (Алматинская область, юго-восточная часть Казахстана). В 2006 году Казахстан подписал контракт с Национальным банком развития Китая о кредитовании работ по возобновлению строительства Мойнакской ГЭС. Предполагаемая мощность будущей гидроэлектростанции – 250 МВт, а стоимость проекта – 340 млн. долларов. Планировалось, что после строительства ГЭС позволит обеспечить потребности Алматинской области, а также экспортировать часть электроэнергии в Китай. Главным условием КНР по предоставлению займа было следующее: строительные работы должны выполняться китайскими организациями, а оборудование должно поставляться из Китая. Проектировщиком и организатором работ по строительству деривационного тоннеля, а также здания гидроэлектростанции была определена Китайская Международная корпорация водного хозяйства и энергетики. Китайской стороной уже выделено около 200 млн. долларов. На данном этапе финансирования было завершено возведение дамбы, продолжаются работы по сооружению подъездных путей и дорог. Ввод ГЭС в эксплуатацию намечен на 2011 год.

Планы по строительству ГЭС на реке Чилик (Алматинская область Казахстана). В начале 2010 года Китай подписал с Казахстаном соглашение о строительстве еще одной ГЭС в Алматинской области республики. Проект предполагает возведение ГЭС мощностью 254 МВт. Стоимость работ оценивается в 727 млн. долларов. Оператором проекта определена китайская компания China Gezhonba Group Co. Планируемый срок введения объекта в строй – начало 2015 года.

ных мерах по развитию гидроэнергетики в Республике Казахстан» было принято решение о возобновлении строительства ГЭС.

Планы по строительству ГЭС на реке Иртыш (Павлодарская область, северная часть Казахстана). Строительство ГЭС первоначально планировалось осуществить за счет китайских инвестиций. Предполагаемая мощность будущей электростанции 5,5–7 тыс. МВт, а оценочная стоимость самого проекта – примерно 7 млрд. долларов. При этом ожидалось, что китайская сторона получит эксклюзивное право на экспорт электроэнергии, большая часть которой будет направляться в СУАР КНР. Перспективы реализации данного проекта пока неясны.

Планы по строительству каскада малых ГЭС на реке Хоргос (Алматинская область, юго-восточная часть Казахстана). На реке Хоргос планировалось построить каскад малых ГЭС общей мощностью 21 МВт. Переговоры по данному проекту начались еще в 2005 году, однако перспективы реализации данного проекта пока не ясны.

Планы по строительству двух ТЭС в Павлодарской области (северная часть Казахстана). Примерно с 2005 года Китай рассматривает возможность финансирования строительства двух тепловых электростанций, суммарной мощностью 7,2 тыс. МВт, которые должны были функционировать на угле экибастузского месторождения. Привлекательность данного проекта состоит в том, что уголь данного месторождения высокого качества и залегает вблизи поверхности, что позволяет вести добычу открытым способом. В случае реализации проекта предполагаемый объем выработки электроэнергии на двух ТЭС мог бы составить 40 млрд. кВт/ч в год²⁰⁹. Китай настаивает на том, чтобы данный проект финансировался и осуществлялся исключительно китайскими компаниями, причем до тех пор, пока не окупятся затраты на строительство вся вырабатываемая электроэнергия поставлялась бы в КНР. Однако данные условия не устраивают Казахстан. Переговоры продолжаются, но перспективы реализации данного проекта пока не ясны.

---

²⁰⁹По состоянию на начало 2010 года данный проект все еще находился на стадии разработки ТЭО.

Китайская экономическая деятельность в Казахстане ориентирована в основном на наращивание объемов производства энергоресурсов²¹⁰ и последующий их экспорт в Китай. Экономическое присутствие КНР практически не выходит за рамки отраслей ТЭКа и торговой сферы по формату «готовая продукция в обмен на сырьевые (в первую очередь, энергетические) ресурсы». Причем даже в топливно-энергетическом комплексе китайские интересы по-прежнему касаются преимущественно нефтегазовой отрасли через призму поставок углеводородного сырья в КНР.

Сам же характер экономической и энергетической политики Китая в Казахстане представляется неоднозначным с точки зрения именно долгосрочных интересов Казахстана. С одной стороны, китайские финансы пока помогают казахстанской экономике и отраслям ТЭК в частности «держаться на плаву» (особенно в период мирового кризиса). С другой же стороны, Казахстан рискует постепенно попасть в крайне жесткую зависимость от Китая, в том числе финансовую, в значительной степени утратив контроль над своими энергетическими и другими сырьевыми ресурсами, стратегическими производствами. Подобного рода «сотрудничество» не представляется взаимовыгодным с точки зрения долгосрочных экономических интересов Казахстана, так как ведет лишь к закреплению за Казахстаном роли сырьевого придатка китайской экономики, слабо способствует развитию именно инновационных и перерабатывающих отраслей казахстанской промышленности.

В итоге единственное направление, в рамках которого деятельность китайских компаний в ближайшем будущем не только не ослабнет, а с высокой долей вероятности будет только возрастать – это отрасли

---

²¹⁰На данном этапе – в основном нефти, в ближайшей перспективе – газа и топлива для атомных электростанций, а в дальнейшем – не исключено, что и электроэнергии.

ТЭКа, в первую очередь нефтегазовая²¹¹ и атомная²¹², где КНР будет по-прежнему руководствоваться не столько коммерческими, сколько стратегическими соображениями. Как представляется, в условиях мирового финансово-экономического кризиса активность Китая в Казахстане в отраслях ТЭК будет только возрастать и ориентироваться на добычу углеводородов и урана, приобретение соответствующих активов.

После прохождения активной фазы экономического кризиса, китайское проникновение в экономику Казахстана, в первую очередь отрасли ТЭК и связанные с ними сегменты, только интенсифицируется. Наиболее вероятно, что рост интереса Пекина к сотрудничеству с Астаной помимо добычных отраслей будет все больше связан с отраслями ориентированными на транспортировку в китайском направлении энергетических ресурсов, созданием новых электрогенерирующих мощностей и формированием соответствующей транспортной инфраструктуры.

Кыргызстан

С момента установления дипломатических отношений между двумя странами Китай стал рассматривать Кыргызстан не столько в качестве рынка сбыта своей продукции, сколько в качестве стратегического плацдарма для торговой экспансии в Центральную Азию и на постсоветское пространство в целом. Однако те же торговые отношения Китая с Кыргызстаном кардинально интенсифицировались лишь после 2004 года. Если в течение 1992–2004 годов объемы поставок из Китая в Кыргызстан находились в пределах 26–100 млн. долларов в год, а сам

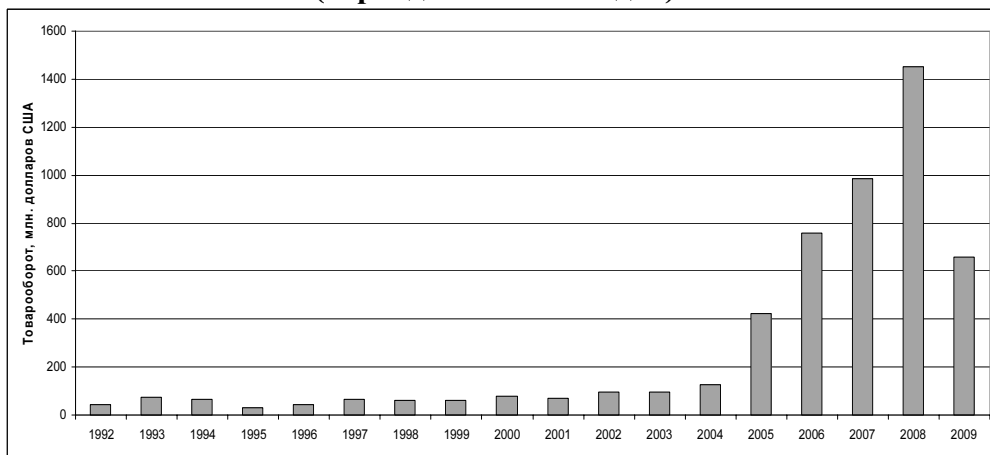
---

²¹¹ Даже в случае низких цен на нефть и газ вопросы увеличения объемов импорта углеводородов и диверсификации маршрутов их поставок будут продолжать иметь принципиально важное значение для Китая.

²¹² Именно в плане добычи урана. Тем более, что Китай осуществляет модернизацию своей атомной энергетики и, крайне вероятно, будет заинтересован в увеличении объемов поставок ядерного топлива, в том числе из Казахстана.

товарооборот – 30–125 млн. долларов, то, по итогам 2008 года, объемы китайского экспорта уже составили 1186 млн. долларов, а общий товарооборот увеличился до 1453 млн. долларов. В 2009 году объемы китайских поставок в Кыргызстан существенно снизились – с 1186 до 528 млн. долларов, а общий товарооборот – с 1453 до 657 млн. долларов (диаграмма № 7).

**Диаграмма № 7. Торговля Китая с Кыргызстаном
(период 1992–2009 годов)**

Источники: данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Кыргызстана; данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Кыргызстана.

Структура китайско-кыргызской торговли свидетельствует об устойчивой экспортно-сырьевой ориентации Кыргызстана. Так, например, в 2008 году поставки из Кыргызстана в Китай включали в основном отходы черных и цветных металлов (порядка 61%) и текстильное сырье (преимущественно кожевенное и шерсть – около 30%). В свою очередь, ассортимент поставок из КНР включал продовольствие и прочие товары широкого потребления (примерно 72%), химическую продукцию (около 10%), машины и оборудование (около 4%) (таблица 7).

Таблица 7. Товарная структура торговли Китая с Кыргызстаном (2008 год)

Наименование	Поставки из Китая в Кыргызстан		Поставки в Китай из Кыргызстана	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Химическая продукция	168	14,2	-	-
Отходы и лом цветных и черных металлов	-	-	155	58,0
Машины и оборудование	60	5,1	-	-
Текстильное сырье (кожевенное сырье и шерсть)	-	-	74	27,7
Потребительские товары и продовольствие	735	61,9	-	-
Прочее	223	18,8	38	14,3
Всего	1186	100	267	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Кыргызстана (Kyrgyzstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, March 2010).

За рамками торговой сферы экономическое присутствие Китая в Кыргызстане пока в целом незначительно, а общие объемы китайских финансовых ресурсов в кыргызской экономике оцениваются в пределах от 160 до 180 млн. долларов, включая около 120 млн. долларов кредитов и 40–60 млн. долларов инвестиций²¹³. На долю ТЭК приходится около 5–9 млн. долларов, включая 4–8 млн. долларов инвестиций и примерно 1 млн. долларов приобретенных активов. При этом финансовая активность Китая в Кыргызстане нацелена в основном на оказание технической помощи правительству республики и реализацию не-

²¹³По состоянию на начало 2010 года.

больших по масштабам проектов в горнодобывающей и транспортной отраслях, а также в отрасли производства строительных материалов. Поэтому проекты в отраслях ТЭК носят единичный характер и не являются масштабными даже по центральноазиатским меркам.

Электроэнергетическая отрасль

Кыргызстан обладает огромным гидроэнергетическим потенциалом, который составляет около 142,5 млрд. кВт/ч в год, хотя реальное производство электроэнергии всего лишь около 10 млрд. кВт/ч в год. Даже в советское время данный потенциал использовался менее чем на 10%. Учитывая это, вполне объяснимо, почему по мере роста промышленного производства в приграничном с Кыргызстаном СУАР, Китай стал проявлять определенную заинтересованность к вопросам строительства гидроэлектростанций и поставок электроэнергии из Кыргызстана. Тем не менее проектная активность Китая в гидроэнергетической отрасли Кыргызстана пока не выходит за рамки обсуждения «планов на будущее», а среди наиболее перспективных проектов выделяется лишь проект по строительству двух малых ГЭС на реке Нарын.

Планы по строительству малых ГЭС на реке Нарын (восточная часть Кыргызстана). В 2004 году Пекин и Бишкек пришли к соглашению о совместном строительстве на реке Нарын двух малых ГЭС. Однако события весны 2005 года в Кыргызстане (т.н. тюльпановая революция), которые привели к смене власти в стране, нарушили эти планы и договоренности были аннулированы. Спустя некоторое время, после прихода к власти в республике нового руководства, стороны все же вернулись к обсуждению вопросов сотрудничества в гидроэнергетической отрасли, хотя в практическую плоскость это пока не перешло.

Планы по строительству электроподстанции «Датка», развитию южных сетей, созданию линии электропередачи «Датка – Кемин». В январе 2010 года в ходе визита кыргызской делегации в Пекин ОАО «Национальная электрическая сеть Кыргызстана» подписала соглашение по проекту «Строительство ЛЭП 500 кВ «Датка – Кемин» с

китайской компанией ТВЕА (Тибиан Электрик Компании). Стоимость проекта составляет 342 млн. долларов, а финансирование предполагается покрыть за счет кредита ЭКСИМ-банка КНР. Новая линия позволит обеспечить потребителей внутри Кыргызстана электроэнергией, минуя центральноазиатское энергетическое кольцо, снизив при этом потери электроэнергии. Кыргызстан передал китайской стороне документацию для получения кредита на строительство подстанции «Датка» и линии 220 кВ. Данные объекты позволят обеспечить выработанным на ГЭС в КР электричеством потребителей Ошской и Баткенской областей. К строительству ЛЭП предполагалось приступить во второй половине 2010 года. Однако после дестабилизации политической обстановки в Кыргызстане в апреле 2010 года сроки реализации данного проекта, вероятно, будут перенесены.

В целом Китай продолжает демонстрировать неготовность к участию в крупных гидроэнергетических проектах на территории Кыргызстана, в частности по строительству Камбаратинских ГЭС. Во-первых, реализация данных проектов длительное время находится в плоскости обсуждения преимущественно между Кыргызстаном и Россией. Во-вторых, у Пекина присутствует четкое понимание целого ряда негативных последствий в результате непродуманного строительства крупных ГЭС, что обуславливается наличием сложных противоречий (в первую очередь в отношении использования водостока трансграничных рек, в данном случае Сырдарьи) между Кыргызстаном, с одной стороны, Узбекистаном – с другой. В-третьих, проекты являются крайне затратными и малоприбыльными в краткосрочной перспективе. В-четвертых, вне зависимости от того, будет ли участвовать в строительстве этих ГЭС китайский капитал, именно СУАР КНР будет оставаться наиболее близким рынком для сбыта электроэнергии из Кыргызстана. И поэтому, в-пятых, на данном этапе Китаю объективно выгоднее пока занимать в целом выжидательную позицию, предпочитая предоставить странам ЦА и РФ право самим «распутывать клубок» региональных водно-энергетических проблем.

Угольная отрасль

Китайское присутствие в угольной отрасли Кыргызстана обозначилось еще в 2006 году. В то же время, учитывая небольшие объемы разведанных запасов угля в Кыргызстане²¹⁴, интерес КНР остается незначительным. Пока в угольной отрасли Кыргызстана реально осуществляется лишь один проект с участием китайского капитала.

Добыча угля на территории Ошской области (южная часть Кыргызстана). В 2006 году на территории области создано китайско-кыргызское СП «Перити Коал» по добыче угля. В среднем ежегодно предприятие добывает не менее 41 тыс. тонн угля, а около 18 тыс. тонн экспортирует. Китайские инвестиции на реализацию данного проекта предположительно могли составить от 4 до 8 млн. долларов.

Нефтегазовая отрасль

В Кыргызстане не обнаружено промышленных запасов нефти и газа. Разведанные запасы нефти в республике составляют всего лишь около 6,3 млн. тонн, а газа – порядка 6 млрд. кубических метров. При этом в Кыргызстане добывается примерно 70–90 тыс. тонн нефти в год, а объемы добычи газа крайне незначительны и не превышают 25 млн. кубических метров в год. Учитывая все это, интерес КНР к нефтегазовой отрасли Кыргызстана в целом крайне незначителен. Тем не менее в условиях высоких цен на энергоресурсы, имевших место до осени 2008 года, китайский бизнес предпринимал попытки закрепиться и в нефтегазовой отрасли кыргызской экономики.

---

²¹⁴ Доказанные запасы угля в Кыргызстане составляют порядка 1,6 млрд. тонн. В советское время в Кыргызстане добывалось примерно 4 млн. тонн угля ежегодно. В постсоветский период угольная отрасль пришла в упадок, а добыча угля в последние годы находится на уровне примерно 400 тыс. тонн в год.

Планы по добыче нефти и газа в Баткенской области (южная часть Кыргызстана). В 2008 году Китайская международная нефтеразведочная компания Zhungneng Co. Ltd. выкупила государственный пакет акций (100%) АО «Баткеннефтегаз» за 1,1 млн. долларов. Тогда же китайская сторона обязалась инвестировать в «Баткеннефтегаз» около 66 млн. долларов, увеличив его производственные мощности и выйдя на новые рынки сбыта. Однако сроки реализации данного проекта пока не ясны.

* * *

Экономическое, в том числе энергетическое, присутствие Китая в Кыргызстане было и продолжает оставаться крайне незначительным. По большому счету Пекин отводит данному центральноазиатскому государству в основном лишь роль транзитера китайской продукции. Масштабы кредитно-финансовой и проектно-инвестиционной активности Китая в республике несущественны, что свидетельствует о второстепенности кыргызского направления в экономической и тем более энергетической стратегии Китая в Центральной Азии. В значительной степени это определяется и малым размером экономики Кыргызстана, фактическим отсутствием здесь крупных промышленных объектов и запасов стратегически важных для КНР углеводородных ресурсов, а также достаточно сложной социально-экономической и внутривосточной ситуацией в стране.

Теоретически объектами экономического интереса Китая в Кыргызстане могли бы стать гидроэнергетическая отрасль и транспортно-коммуникационная сфера. Однако на практике существует ряд обстоятельств, значительно снижающих вероятность реализации в Кыргызстане крупных проектов в обозначенных выше отраслях²¹⁵, тем более в

---

²¹⁵ Вокруг планов Бишкека по строительству крупных гидроэнергетических объектов складывается весьма непростая ситуация, грозящая осложнением отношений Кыргызстана прежде всего с Узбекистаном. В Ташкенте считают, что намечаемое строительство крупных ГЭС в верховьях реки Сырдарья как минимум нарушит водный баланс региона, нанесет значительный ущерб экологии и аграрному сектору. Узбекистан традиционно занимает жесткую пози-

условиях мирового финансово-экономического кризиса. В результате реализация крупных экономических проектов КНР в ТЭК Кыргызстана представляется крайне маловероятной, особенно в условиях мирового финансово-экономического кризиса.

В этой связи можно предположить, что в краткосрочной перспективе масштабы присутствия Китая в Кыргызстане останутся примерно на нынешнем уровне и, скорее всего, не будут существенно выходить за рамки торговой сферы и предоставления кредитов на те или иные небольшие, хотя, возможно, и значимые социально-экономические проекты. Процесс экономического проникновения Китая в Кыргызстан, в том числе в ТЭК (прежде всего гидроэнергетику), может ускориться лишь только в случае интенсификации экономического сотрудничества в самой Центральной Азии (что маловероятно) и урегулирования жизненно важного для региона водно-энергетического вопроса (что также маловероятно).

Таджикистан

Практически до середины первого десятилетия XXI века экономическое присутствие Китая в Таджикистане было минимальным, ограничиваясь периодическими поставками небольших партий китайских товаров широкого потребления. Слабость китайско-таджикских экономических связей в 1990-е годы и в начале первого десятилетия этого века в основном обуславливалась гражданской войной в Таджикистане в период 1992–1996 годов, а после этого – хрупкой внутривосточной ситуацией в стране: достаточно трудным и длительным процессом установления гражданского мира. Помимо этого, немаловажным фактором, осложнявшим развитие китайско-таджикских отношений, была географическая изоляция Китая и Таджикистана.

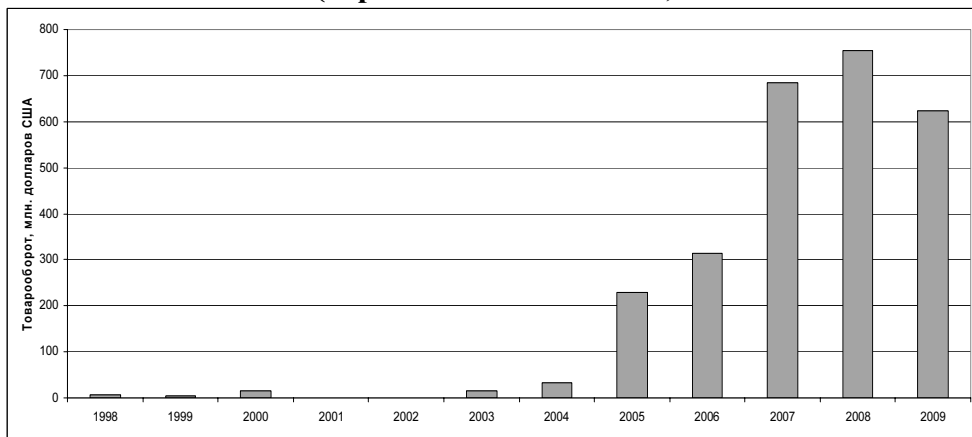
цию в данном плане, так как является крупнейшим потребителем водных ресурсов Сырдарьи, формирование которых происходит на территории Кыргызстана. Водно-энергетический вопрос вряд ли будет решен в кратко- и даже среднесрочной перспективе. Учитывая это, Китай, скорее всего, не станет формировать свое участие в крупных гидроэнергетических проектах в Кыргызстане.

Хотя республика и имеет общую границу с Китаем (более 500 километров), однако долгое время она была недоступной для развития тех же торговых отношений, так как проходит по высокогорной местности, где ранее отсутствовала транспортная инфраструктура. В результате транспортировка тех же китайских товаров в Таджикистан осуществлялась через территории других стран: Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана.

Более того, Таджикистан стал последней страной региона, с которой Китаю удалось прийти к соглашению по погранично-территориальным вопросам. По сути, лишь после этого стало возможным открытие в 2004 году первого контрольно-пропускного пункта «Карасу» и функционирование прямого автодорожного сообщения между двумя странами через перевал «Кульма». Одновременно с этим Китай стал предоставлять Таджикистану льготные кредиты, в первую очередь, под закупку китайских товаров.

Все это привело к кардинальной интенсификации китайско-таджикской торговли. Наиболее значительный рост объемов торговли пришелся на 2005 год, когда товарооборот между Китаем и Таджикистаном вырос более чем в 9 раз по сравнению с предыдущим годом и составил 229 млн. долларов. Очередной импульс развитию торговых связей был дан в 2007 году, по результатам которого китайско-таджикский товарооборот увеличился примерно в 2 раза. По итогам 2008 года, объемы торговли выросли еще на 10%. В 2009 году товарооборот Китая с Таджикистаном снизился на 17,3% по сравнению с предыдущим годом – с 755 до 624 млрд. долларов (диаграмма № 8).

Диаграмма № 8. Торговля Китая с Таджикистаном (период 1998–2009 годов)

Источники: данные за период 1998–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Таджикистана; данные за период 2002–2009 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Таджикистана.

Примечание: данные по торговле за 2001 и 2002 годы отсутствуют. Однако объемы товарооборотов в указанные выше годы были крайне незначительны.

Наряду с интенсификацией китайско-таджикской торговли, мощный импульс получил процесс проникновения КНР и китайских компаний в различные отрасли таджикской экономики. Крайне показательно, что всего лишь за несколько лет, в период 2005–2009 годов, китайский бизнес занял достаточно прочные позиции во всех ключевых отраслях республики, в том числе электроэнергетике.

Причем Китай стал и главным кредитором Таджикистана, существенно опередив международные финансовые структуры и другие страны. Решающую роль здесь сыграла уже апробированная тактика предоставления льготных кредитов на различные проекты, имеющие важное экономическое и социальное значение. Данные кредиты, как правило, осваиваются китайскими же компаниями. Общие объемы китайских финансовых ресурсов в республике оцениваются в размере не менее 732 млн. долларов, включая 600 млн. долларов кредитов, 50 млн.

долларов инвестиций и 82 млн. долларов приобретенных активов²¹⁶. На отрасли ТЭК приходится около 322 млн. долларов кредитов.

Электроэнергетическая отрасль

С середины первого десятилетия нынешнего века Китай стал проявлять повышенный интерес к электроэнергетической отрасли Таджикистана. Безусловно, что этот интерес носит стратегический характер, так как без введения новых энергетических мощностей, создания и развития соответствующей инфраструктуры невозможна реализация многих других проектов, в первую очередь по добыче минерально-сырьевых ресурсов.

Планы по строительству Зеравшанской ГЭС (Хатлонская область, юго-западная часть Таджикистана). В январе 2007 года китайская компания Sinohydro подписала с правительством Таджикистана контракт на строительство ГЭС на реке Зеравшан мощностью 150 МВт. Годовая выработка электроэнергии после ее ввода в строй планировалась в объеме 537 млн. кВт/ч. Данный проект, оценочной стоимостью 260 млн. долларов, должен был финансироваться под кредит ЭКСИМ-банка КНР, однако уже в июле 2007 года Sinohydro приостановила реализацию проекта. Основная причина – крайне негативное отношение к строительству Узбекистана, который считает, что реализация данного проекта приведет к острому дефициту воды в Самаркандской области, расположенной ниже по течению реки Зеравшан. Перспективы реализации данного проекта пока неясны.

Строительство высоковольтной линии электропередач «Юг – Север». В 2006 году китайская компания Tebian Electric Apparatus Stock Company (ТВЕА) приступила к строительству линии электропередач ЛЭП-500 «Юг – Север» протяженностью более 350 километров. Данная ЛЭП объединит южную и северную части страны в единую

---

²¹⁶По состоянию на начало 2010 года.

систему электроснабжения. Кредитование проекта в размере 267 млн. долларов осуществляется ЭКСИМ-банком КНР. В конце ноября 2009 года состоялась торжественная церемония сдачи в эксплуатацию линии электропередач ЛЭП-500 «Юг – Север», которая способна обеспечить поставку с юга страны в Согдийскую область (север Таджикистана) 27 млн. киловатт-часов в сутки.

Строительство высоковольтной линии электропередач «Лолазор – Хатлон» (Хатлонская область, юго-западная часть Таджикистана). Проект был реализован на основе соответствующего межправительственного соглашения. В период 2006–2008 годов китайская компания ТВЕА построила линию электропередач ЛЭП-220 «Лолазор – Хатлон» протяженностью около 90 километров, которая позволила обеспечить населенные пункты Кулябского района Хатлонской области Таджикистана электроэнергией, вырабатываемой на ГЭС «Сангтуда-1» и «Сангтуда-2». Общая стоимость проекта составила 58 млн. долларов, 55 млн. из которых были покрыты кредитом ЭКСИМ-банка КНР. В 2009 году ЛЭП-220 «Лолазор – Хатлон» была сдана в эксплуатацию.

Планы по подготовке к строительству Нурабадской ГЭС-2 (23 километра от устья реки Обинхингоб – притока реки Вахш, Хатлонская область, юго-западная часть Таджикистана). В августе 2008 года китайская компания Sinohydro подписала меморандум с Министерством энергетики и промышленности Таджикистана о строительстве гидроэлектростанции на реке Обинхингоб – Нурабадской ГЭС-2 с проектной мощностью 200 МВт и ежегодной выработкой электроэнергии в объеме 740 млн. кВт/ч. Согласно документу китайская компания берет на себя обязательства по проектированию и строительству «под ключ» Нурабадской ГЭС-2, включая прокладку двухцепной линии электропередач 220 кВ от открытого распределительного устройства (ОРУ) Нурабадской ГЭС-2 до ОРУ Нурабадской ГЭС-1. Ориентиро-

вочная стоимость проекта – примерно 200 млн. долларов. Расходы полностью берет на себя китайская сторона²¹⁷.

* * *

В целом же, начиная с середины первого десятилетия XXI века, масштабы китайского экономического присутствия в Таджикистане, в том числе в отраслях ТЭК, постоянно растут и уже представляются существенными, учитывая малые размеры экономики республики. Особое значение китайский фактор оказывает на развитие электроэнергетики. При этом складывается впечатление, что именно на примере Таджикистана наиболее заметна логика обрабатываемой Китаем схемы планомерного проникновения и закрепления в экономиках стран Центральной Азии.

Однако характер экономической политики КНР в Таджикистане представляется неоднозначным. С одной стороны, китайские финансы и проекты поддерживают экономику Таджикистана, тем более, что республика остро нуждается в помощи извне. С другой стороны, подавляющее большинство китайских финансовых ресурсов в таджикской экономике (свыше 80%) – это кредиты, то есть долги, которые Душанбе, в силу объективных и субъективных причин вряд ли сможет вернуть. Это, в свою очередь, создает предпосылки для попадания Таджикистана в «долговую кабалу».

В итоге среди всех стран ЦА именно Таджикистан близок к тому, чтобы быть де-факто «экономически поглощенным» Китаем. Пока трудно сказать, как это скажется на перспективах экономического и социального развития республики. Очевидно лишь одно: погружение Таджикистана в «долговую яму» будет только способствовать дальнейшему усилению экономических позиций Китая в этой стране и, соответственно, влияния Пекина в Центральной Азии в целом.

В краткосрочной перспективе, в условиях мирового финансово-экономического кризиса активность Китая и китайских компаний в

---

²¹⁷По состоянию на начало 2010 года, проект находился на стадии разработки ТЭО.

Таджикистане, скорее всего, останется примерно на нынешнем уровне. По мере же преодоления негативных последствий мирового кризиса, процесс китайского проникновения в таджикскую экономику только интенсифицируется. Тем более, что Душанбе в отличие от столиц других центральноазиатских стран не испытывает особых опасений в отношении «экономической экспансии» КНР.

Учитывая же тот очевидный факт, что в условиях Таджикистана промышленным источником электроэнергии может быть только гидроэнергетика, это, в свою очередь, будет определять повышенный интерес Китая к строительству гидроэлектростанций. В то же время интенсификация проектно-инвестиционной деятельности КНР в гидроэнергетической отрасли Таджикистана представляется возможной только в случае разрешения болезненного для центральноазиатского региона водно-энергетического вопроса. Дело в том, что Узбекистан – основной потребитель водных ресурсов Амударьи, формирующихся в Таджикистане, настроен против строительства крупных ГЭС в Таджикистане (в частности, Рогунской ГЭС), полагая, что, помимо прочих негативных последствий, это вызовет и острый дефицит воды.

Китай в принципе может ориентировать свою проектно-инвестиционную деятельность в гидроэнергетической отрасли Таджикистана и на увеличение выработки электроэнергии на старых объектах, построенных еще в советское время²¹⁸. Вывод на полную мощность старых ГЭС в Таджикистане позволит без строительства новых объектов энергетики в несколько раз увеличить выработку электроэнергии в республике, не вызывая при этом недовольства других стран региона²¹⁹. Этому может способствовать и реализация проектов по восстановлению и строительству малых ГЭС.

---

²¹⁸По состоянию на начало 2010 года, эти объекты (в частности, одна из крупнейших на постсоветском пространстве Нурекская ГЭС) находились в эксплуатации, но в силу ряда причин вырабатывали электроэнергию ниже своей проектной мощности.

²¹⁹Тем более, что проектная мощность построенных в советское время в Таджикистане гидроэнергетических объектов значительно превышает потребности

Как представляется, на начальном этапе данного объема электроэнергии китайским компаниям могло бы быть вполне достаточно. В дальнейшем Китай через возможности двусторонних отношений и механизмы регионального сотрудничества в рамках ШОС скорее всего будет стараться найти взаимоприемлемое решение водно-энергетической проблемы. Кроме того, нельзя исключить и того, что в условиях острого дефицита валютных средств, особенно в период мирового финансово-экономического кризиса, Узбекистан и Таджикистан все же сумеют договориться о возобновлении отработанной в свое время схемы обмена энергетическими и водными ресурсами, существовавшей в бывшем СССР. Все это будет только способствовать усилению не только энергетических, но также экономических и политических позиций Китая как в Таджикистане, так и в Центральной Азии.

Туркменистан

Вплоть до середины первого десятилетия XXI века Китай особо не стремился к расширению своего экономического присутствия в Туркменистане, что во многом определялось географической удаленностью двух государств друг от друга. Масштабы присутствия китайских производителей на туркменском рынке долгое время не были заметны даже на фоне внешнеторговых связей самого Туркменистана.

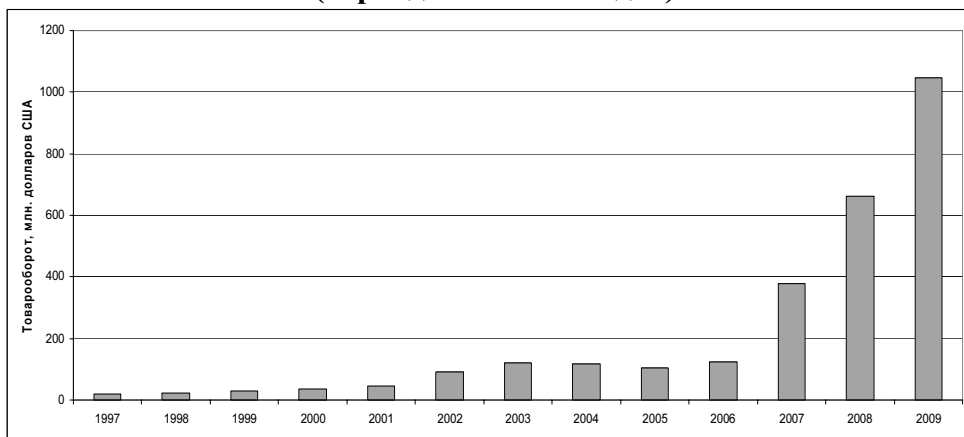
Китайское экономическое присутствие в Туркменистане стало заметным лишь после 2006 года, когда Пекин четко обозначил свой долгосрочный стратегический интерес к газовым ресурсам этого центральноазиатского государства. Практически сразу же увеличились и объемы торговли. По результатам 2006 года, китайско-туркменский товарооборот увеличился более чем в 2 раза, достигнув 125 млн. долларов. Несколько больший рост объемов торговли пришелся на 2007 год, когда товарооборот увеличился в 3 раза, достигнув 377 млн. дол-

---

Таджикистана: многие из данных объектов создавались для поставок электроэнергии в промышленные центры Узбекистана.

ларов. В 2008 году китайско-туркменский товарооборот вырос еще на 76% и составил уже 663 млн. долларов, где объемы поставок из Китая вышли на уровень 568 млн. долларов. В 2009 году китайско-туркменский оборот увеличился на 58% по сравнению с предыдущим годом и достиг 1048 млн. долларов, где объемы китайского экспорта составили 915 млн. долларов (диаграмма № 9).

**Диаграмма № 9. Торговля Китая с Туркменистаном
(период 1997–2009 годов)**

Источники: данные за период 1997–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана; данные за период 2002–2009 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана.

Сложившаяся на протяжении последних нескольких лет структура китайско-туркменской торговли показывает, что почти весь китайский экспорт в Туркменистан составляют машины и оборудование, предназначенные в основном для реализации проектов китайских компаний в туркменской нефтегазовой отрасли.

Например, по итогам 2008 года, ассортимент поставок из Китая состоял в основном из продукции машиностроения и металлообработки (около 90%). В свою очередь, поставки из Туркменистана в Китай включали в основном энергоносители (около 81%), а также хлопковое волокно и другие виды текстильного сырья (порядка 6%) (таблица 9).

Таблица 9. Товарная структура торговли Китая с Туркменистаном (2008 год)

Наименование	Поставки из Китая в Туркменистан		Поставки в Китай из Туркменистана	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Текстильное сырье	-	-	7	6,8
Энергоносители	-	-	80	84,5
Машины и оборудование	524	92,2	-	-
Продовольствие и товары широкого потребления	28	5,0	-	-
Прочее	16	2,8	8	8,7
Всего	568	100	95	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана (Turkmenistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, March 2010).

Одновременно с увеличением объемов торговли стал наблюдаться стремительный рост масштабов проектно-инвестиционной деятельности Китая и китайских компаний в нефтегазовой отрасли Туркменистана, а также в отраслях, представляющих особый интерес для самого Ашгабата. При этом Китай стал широко использовать уже отработанный на других странах Центральной Азии финансовый механизм, который заключается в предоставлении льготных кредитов на те или иные экономические проекты.

Общие объемы китайских финансовых ресурсов в туркменской экономике оцениваются более чем в 1,1 млрд. долларов, включая порядка 700 млн. долларов – кредитов и 450 млн. долларов – инвестиций²²⁰. На долю ТЭК приходится примерно 628 млн. долларов, включая 448 млн. долларов инвестиций и 180 млн. долларов кредитов.

²²⁰По состоянию на начало 2010 года.

Кредиты, как правило, осваиваются самими же китайскими компаниями, равно как и поставки оборудования для реализации указанных проектов осуществляются в основном из самого Китая. Взамен же финансовой поддержки Туркменистан предоставил КНР достаточно широкий доступ в свою нефтегазовую отрасль.

Нефтегазовая отрасль

Так как ресурсные и экспортные возможности Туркменистана по нефти невелики, главный интерес для Китая представляют туркменский природный газ. На всем постсоветском пространстве Туркменистан является единственной страной, которая обладает высоким экспортным потенциалом по газу, имея возможность экспортировать большую часть (свыше 3/4) добываемого «голубого топлива». В основном это связано со значительными запасами газа, которые, по туркменским оценкам, составляют около 25 трлн. кубических метров.

Причем необходимо отметить, что туркменские оценки, по-видимому, сильно завышены. По другим данным, доказанные запасы туркменского газа значительно ниже: около 3 трлн. кубических метров, без учета еще фактически не разведанного газового месторождения «Южный Иолотань», на которое Туркменистан возлагает большие надежды. Запасы этого месторождения пока точно не известны, хотя оно относится к категории крупных. Проведенное же в октябре 2008 года аудиторское исследование дает очень расплывчатую оценку: от 4 до 14 трлн. кубических метров.

В то же время, даже если предположить, что Ашгабат существенно преувеличивает газовые запасы страны, в любом случае внутренние потребности республики относительно доказанных запасов невелики, учитывая малочисленность населения (около 5 млн. человек) и отсутствие крупной промышленности (за исключением самой нефтегазовой отрасли). Поэтому в любом случае Туркменистан сможет экспортировать большую часть добываемого газа, что делает туркменскую нефтегазовую отрасль привлекательной для КНР. Начиная с 2007 года ряд

китайских компаний, в первую очередь КННК (CNPC), стали реализовывать в республике целый ряд проектов.

Подготовка к освоению газоносной территории «Багтиярлык» (восточная часть Туркменистана, правобережье реки Амударья). С 2007 года на основании полученной от туркменского правительства лицензии на проведение геологоразведочных работ КННК осуществляет комплексные мероприятия по подготовке скважин, сооружению очистных газонакопительных установок, компрессорной и измерительной станций. В 2008 году было пробурено 6 новых скважин, закончен капитальный ремонт 6 ранее действовавших и законсервированных скважин. В 2009 году были подготовлены к эксплуатации в общей сложности 30 скважин: 23 отреставрированных и 7 новых. По состоянию на начало 2010 года китайские инвестиции в данный проект предположительно могли составить не менее 360 млн. долларов.

Строительство газоперерабатывающего завода вблизи газоносной территории «Багтиярлык». Согласно достигнутой в 2007 году между Туркменистаном и Китаем договоренности, китайская КННК приступила к строительству газоперерабатывающего завода мощностью 5 млрд. кубических метров газа в год. ГПЗ предназначен для первичной переработки газа (очистка от сероводорода, влаги и иных твердых и жидких примесей) с последующей его поставкой в КНР по газопроводу «Китай – Туркменистан». Ввод завода в эксплуатацию состоялся в конце 2009 года.

Геологоразведка газового месторождения «Южный Иолотань» (юго-восточная часть Туркменистана). В соответствии с достигнутой еще в 2006 году договоренностью между КННК и правительством Туркменистана, в течение 12 лет китайская компания планировала осуществить на месторождении бурение 12 разведочных скважин. В конце 2008 года британская аудиторская компания Gaffney, Cline & Associate объявила итоги независимого исследования, которое подтвердило, что ресурсы месторождения «Южный Иолотань» составляют

от 4 до 14 трлн. кубических метров газа. В свою очередь, еще 2007 году Туркменистан объявил, что запасы данного месторождения достигают порядка 7 трлн. кубических метров. В конце декабря 2009 года государственный концерн «Туркменгаз» заключил с компаниями Китая, Кореи и Объединенных арабских эмиратов (ОАЭ) ряд контрактов по освоению месторождения «Южный Иолотань» на общую сумму свыше 9,7 млрд. долларов. Корейские компании (LG International Corp. и Hyundai Engineering Co. Ltd.) построят комплекс по очистке газа от серы. Китайская компания CNPC Chuanqing Drilling Engineering Company Ltd. (дочерняя структура CNPC/КННК) спроектирует и возведет объекты по освоению ряда участков месторождения. Аналогичные работы на других участках данного месторождения проведет Petrofac International LLC из ОАЭ. Компания Gulf oil & Gas FZE (ОАЭ) будет разрабатывать подземные сооружения и скважины.

Строительство и эксплуатация туркменского участка магистрального газопровода «Туркменистан – Китай». Протяженность газопровода от туркменских месторождений на правом берегу реки Амударья до казахстанско-китайской границы составляет около 2000 километров: по территории Туркменистана – 188 километров, Узбекистана – 525 километров, Казахстана – 1293 километра. По данному трубопроводу газ будет поставляться в китайскую провинцию Гуандун (южная часть тихоокеанского побережья КНР), поэтому общая протяженность газопровода, в том числе по территории Китая, составит около 7000 километров. В 2006 году подписано генеральное соглашение между Китаем и Туркменистаном по строительству магистрального газопровода «Туркменистан – Китай». Сооружение туркменского участка данного газопровода началось в 2007 году²²¹. Официальный пуск первой ветки газопровода состоялся 14 декабря 2009 года в присутст-

---

²²¹Генеральным подрядчиком строительства является российская компания «Стройтрансгаз», которая выиграла соответствующий тендер. Компания осуществляет строительство линейной части газопровода, установки оборудования по осушке газа, хозрасчетного замерного узла, линейно-эксплуатационной базы, узлов приема и запуска очистных сооружений, линий электропередач.

вии руководителей Казахстана, Китая, Туркменистана и Узбекистана. Оператором газопровода является китайская компания CNPC Exploration and Development (дочерняя структура КННК). Учитывая то, что данный газопровод проходит по территориям Узбекистана и Казахстана, CNPC Exploration and Development также сотрудничает с казахстанской НК «КазМунайГаз» и узбекской НХК «Узбекнефтегаз».

Газопровод «Туркменистан – Китай» рассчитан на экспорт в КНР до 40 млрд. кубических метров газа ежегодно. На проектную мощность трубопровод планируется вывести в 2012 году. Примерно 13 млрд. кубических метров из этого объема должно поставляться с участков, переданных в пользование CNPC, а остальные – с месторождения «Малай» (разрабатывает «Туркменгаз»). Финансирование строительства газопровода осуществляется КННК. В то же время имеется информация о том, что в 2008 году две другие китайские компании: PetroChina и CNODC – на паритетных началах также инвестировали около 2 млрд. долларов в строительство данного газопровода. Общий объем инвестиций по газопроводу «Туркменистан – Китай» составит примерно 6,7 млрд. долларов, включая примерно 88 млн. долларов на сооружение туркменского участка газопровода.

Планы по организации производства нефтяного оборудования в г. Балканабате (западная часть Туркменистана). Еще в 2001 году государственный концерн «Туркменнефть» и Ланьчжоуский завод нефтехимического машиностроения заключили контракт о создании СП по производству нефтепромышленного оборудования в г. Балканабате, а также участия китайских специалистов в модернизации морского порта в г. Туркменбаши. Однако тогда эти планы по ряду причин не были реализованы. В 2007 году уже между Министерством нефтегазовой промышленности и минеральных ресурсов Туркменистана и Китайской инженерно-строительной компанией NFC достигнута очередная предварительная договоренность о создании совместного китайско-туркменского предприятия по производству нефтяного оборудования. По состоянию на начало 2010 года, перспективы реализации данного проекта пока остаются неясными.

Поставки китайского нефтегазового оборудования. Поставки в Туркменистан китайского нефтегазового оборудования (в основном буровых установок, транспортных средств, а также запасных частей и комплектующих к ним) осуществляются преимущественно путем прямой закупки техники из КНР за счет средств бюджета Туркменистана. Это имеет отношение больше к торговым связям двух стран, нежели собственно к вопросам китайской проектно-инвестиционной деятельности. При этом в ряде случаев Пекин предоставляет Ашгабату кредиты для закупки техники китайского производства, а кредитором выступает Экспортно-импортный банк КНР (ЭКСИМ-банк). Сведения об этом зачастую носят крайне разрозненный характер. Известны лишь следующие факты:

- в 2001 году Государственный концерн «Туркменнефть» и Ланьчжоуский завод нефтехимического машиностроения заключили контракт на изготовление и поставку в Туркменистан двух буровых установок на сумму 22,2 млн. долларов;
- в 2001 году «Туркменгаз» заключил контракт с Китайской нефтяной корпорацией по технике и разработке на поставку буровой установки типа ZJ70D стоимостью 14,7 млн. долларов, а также оборудования для ремонта скважин на сумму около 1,2 млн. долларов;
- в 2002 года правительство Туркменистана заключило соглашение с КННК на поставку четырех буровых установок для «Туркменгаза» на общую сумму уже в 52,4 млн. долларов;
- в 2003 году «Туркменгаз» заключил с Китайской нефтяной корпорацией по технике и разработке контракт на закупку четырех буровых установок типа ZJ70D и транспортных средств, а также комплектующего оборудования на общую сумму свыше 50 млн. долларов;
- в 2004 году «Туркменгаз» и Китайская нефтяная корпорация по технике и разработке заключили контракт на изготовление и поставку 10 подъемных агрегатов, запасных частей и инструментов к ним на общую сумму более 14,5 млн. долларов;

– в 2006 году Китай предоставил Туркменистану льготный кредит в размере около 25 млн. долларов для закупки ряда китайских товаров и услуг (проектирования и строительства установки по охлаждению и смягчению воды головных сооружений крупнейшего месторождения природного газа – «Довлетабад-3», производительностью 6000 кубических метров в час; комплектующих для четырех буровых установок ZJ70D китайского производства, которые госкомпания «Туркменгаз» ранее закупила у Китайской нефтяной корпорации по технике и разработке; бурового оборудования для реконструкции трех российских буровых установок РУЗД-86 и поставки одной буровой установки типа ZJ70D китайского производства для госкомпании «Туркменгеология»; семь подъемных агрегатов типа XJ250 с запасными частями китайского производства для госкомпании «Туркменнефть»).

* * *

Таким образом, несмотря на практически полное отсутствие интереса Пекина к туркменской экономике в 1990-е годы, получившая развитие во второй половине первого десятилетия наступившего века тенденция усиления экономического присутствия Китая в Туркменистане является устойчивой. Тем более, что китайские компании сумели занять достаточно прочные позиции в этой центральноазиатской стране всего лишь за несколько лет, в период 2006–2009 годов. При этом КНР по сути уже является ключевым донором туркменской экономики и, в первую очередь, нефтегазовой отрасли. Более того, масштабы китайского финансирования в ближайшее время могут возрасти кардинально, если учесть намерения Пекина предоставить еще 3 млрд. долларов кредита на освоение новых газовых месторождений в восточных районах страны²²², на которые туркменское руководство возлагает особые надежды в своих планах по добыче и экспорту газа.

---

²²²В июне 2009 года между Китаем и Туркменистаном подписан пакет соглашений, в соответствии с которым Пекин предоставит Ашгабату дополнительный целевой кредит в размере 3 млрд. долларов на освоение крупнейшего в стране газового месторождения «Южный Йолотань».

Основное внимание Китая к Туркменистану, скорее всего, и в дальнейшем будет фокусироваться на нефтегазовой отрасли: освоении газовых месторождений, добыче и экспорте газа в КНР. При этом проектно-инвестиционная активность Китая в Туркменистане будет возрастать даже в условиях мирового финансово-экономического кризиса и низких цен на энергоносители. Бесперебойное снабжение китайской экономики углеводородами, диверсификация маршрутов их поставок является для Китая принципиально важной задачей, и в данном случае Пекин будет руководствоваться не столько коммерческими, сколько стратегическими интересами.

В то же время рост присутствия Китая в нефтегазовой отрасли Туркменистана способен привести к конфликту российских и китайских энергетических интересов. Поставки туркменского газа играют немаловажную роль в обеспечении энергетической безопасности России.

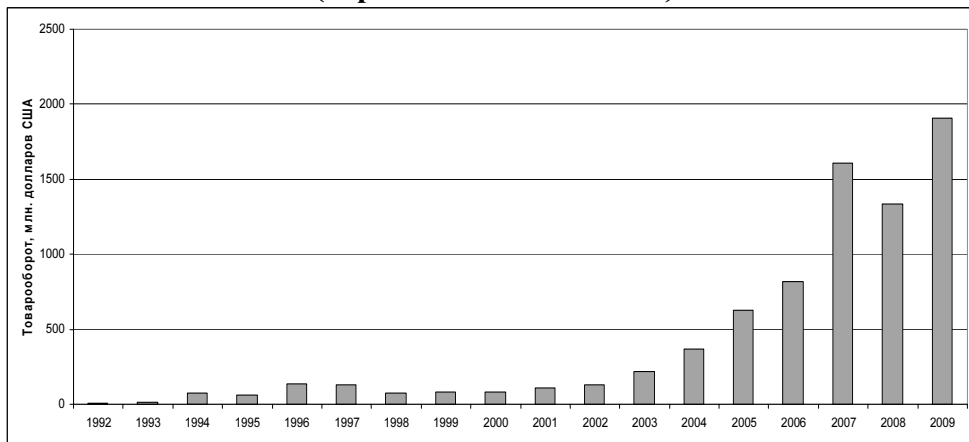
В этой связи Туркменистан все больше рискует внести во многом искусственные сложности как в свои отношения с Китаем и Россией, так и в отношения между КНР и РФ. С одной стороны, многое будет зависеть от того, насколько гибкую и грамотную политику выстроит Туркменистан с Россией, Китаем, другими государствами и транснациональными корпорациями, заинтересованными в поставках туркменского газа. С другой стороны, далеко не последнее слово останется за самими Россией и Китаем, если они сумеют выработать приемлемую для обоих государств формулу экономического сотрудничества в Центральной Азии, апробировав ее и на Туркменистане.

Узбекистан

На протяжении 1990-х годов и даже в первые годы XXI века Китаю по ряду причин в целом не удавалось экономически закрепиться в Узбекистане. Вплоть до 2002 года включительно китайско-узбекские экономические связи ограничивались преимущественно торговлей. Тенденция поступательного роста экономического присутствия Китая в Узбекистане наметилась только лишь после 2003 года. Если за пери-

од 1992–2002 годов объемы китайских поставок в Узбекистан не превышали 114 млн. долларов в год, а сам товарооборот – 136 млн. долларов в год, то в 2008 году импорт из Китая уже достиг 791 млн. долларов, а общий товарооборот – 1335 млн. долларов. В 2009 году китайско-узбекский товарооборот увеличился на 43% по сравнению с предыдущим годом, достигнув 1910 млн. долларов. Причем объемы китайского экспорта увеличились в 1,83 раза и составили 1453 млн. долларов (диаграмма № 10).

**Диаграмма № 10. Торговля Китая с Узбекистаном
(период 1992–2009 годов)**

Источники: данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана; данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана.

Хотя сырьевая составляющая экспорта Узбекистана в целом гораздо меньше сырьевых составляющих экспорта других стран Центральной Азии, однако, структура китайско-узбекской торговли свидетельствует о все еще значительной доли сырьевых ресурсов в поставках из Узбекистана в КНР – около 40%. Так, например, в 2008 году экспорт Узбекистана в Китай включал хлопок-волокно (около 15%), цветные металлы (порядка 11%), химическое сырье (около 10%), машины и

оборудование (порядка 9%). В свою очередь, ассортимент поставок из Китая состоял, главным образом, из продукции машиностроения (около 59%), продовольствия (примерно 8%), химической продукции (порядка 11%) (таблица 10).

Таблица 10. Товарная структура торговли Китая с Узбекистаном (2008 год)

Наименование	Поставки из Китая в Узбекистан		Поставки в Китай из Узбекистана	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Хлопок-волокно	-	-	86	15,8
Химическая продукция	90	11,4	55	10,2
Цветные металлы	-	-	61	11,3
Черные металлы	85	10,7	-	-
Энергоносители		-	23	4,2
Машины и оборудование	465	58,8	51	9,3
Продовольствие и товары широкого потребления	62	7,9	-	-
Прочее	89	11,2	268	49,2
Всего	791	100	544	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана (Uzbekistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, March 2010).

Усиление китайского торгового присутствия в Узбекистане стало возможным, в первую очередь, благодаря осуществляемой Китаем программе экспортного кредитования – предоставления целевых кредитов, которые используются для закупки китайских товаров и услуг. Одновременно с ростом объемов китайско-узбекской торговли стала просматриваться и тенденция интенсификации проектно-инвестиционной деятельности Китая в Узбекистане.

Интерес китайских компаний фокусируется на целом ряде отраслей узбекской экономики, в первую очередь, отраслях ТЭК и смежных отраслях: нефтегазовой, электроэнергетической, химической. Общий объем китайских финансовых ресурсов в Узбекистане оценивается на уровне не менее 640 млн. долларов, включая 167 млн. долларов кредитов и 473 млн. долларов – инвестиций²²³. На долю ТЭК приходится примерно 489 млн. долларов, включая 389 млн. долларов инвестиций и 100 млн. долларов кредитов.

Нефтегазовая отрасль

Началом китайского проникновения в нефтегазовую отрасль Узбекистана следует считать 2004 год, когда Китайская национальная нефтегазовая компания и Национальная холдинговая компания «Узбекнефтегаз» подписали рамочное соглашение о развитии сотрудничества. КННК планирует осуществить целый ряд проектов в нефтегазовой отрасли Узбекистана. В настоящее время ряд проектов уже находятся на стадии реализации.

Планы по освоению нефтяных месторождений в Ферганской долине (Ферганская, Андижанская и Наманганская области, восточная часть Узбекистана). На территории Ферганской долины Узбекистана находится более 500 низкодебитных месторождений нефти, которые эксплуатируются более 90 лет и стабильно дают около 2 тонн нефти в сутки. В 2006 году Китайская национальная корпорация по разведке и разработке нефти и газа (CNODC, дочерняя структура КННК) подписала соглашение с НХК «Узбекнефтегаз» на проведение геологоразведочных работ в пределах ферганского нефтегазоносного региона. На первом этапе, в течение 2006–2008 годов, планировалось провести сейсморазведочные работы. В случае открытия новых месторождений на инвестиционных блоках, CNODC и «Узбекнефтегаз» должны были создать ряд СП. При этом для освоения новых месторождений китай-

---

²²³По состоянию на начало 2010 года.

ская сторона была готова предоставить гарантии на привлекаемые финансовые средства в размере около 106 млн. долларов. Однако наибольший интерес китайский бизнес пока проявил лишь к месторождениям в Наманганской области. Так, в начале 2007 года CNODC заявила об отказе в разработке нефтяных месторождений в Андижанской области, мотивировав свое решение нерентабельностью капиталовложений в связи с высокими ставками налога на недра при добыче углеводородов. Одновременно с этим в том же 2007 году между НХК «Узбекнефтегаз» и КННК было подписано Соглашение об основных принципах сотрудничества по совместной доразведке и последующей разработке месторождения «Мингбулак» в Наманганской области. Уже в 2008 году НХК «Узбекнефтегаз» и КННК подписали учредительный договор и устав совместного предприятия «Мингбулакнефть». Учредителями данного СП, созданного на паритетных началах с долей участия сторон 50/50, выступили ОАО «Андижаннефть» и CNODC. В настоящее время осуществляется бурение скважин, которое началось во второй половине 2009 года.

Подготовка к освоению нефтяных и газоконденсатных месторождений в Бухарско-Хивинском регионе и на плато Устюрт (западная и северо-западная части Узбекистана). В мае 2005 года НХК «Узбекнефтегаз» и КННК подписали соглашение о создании на паритетных началах совместного предприятия UzCNPC Petroleum с уставным капиталом около 96 млн. долларов. Основными целями деятельности СП были определены проведение геологоразведочных работ и последующие разработки месторождений с трудно извлекаемыми запасами жидких углеводородов (нефть и газовый конденсат). На баланс совместному предприятию было передано 23 месторождения, расположенных в Бухарско-Хивинском регионе и на плато Устюрт. В конце 2006 года компания UzCNPC Petroleum приступила к геологоразведке на 5 инвестиционных блоках. Ожидается, что в случае получения положительных результатов СП сможет добывать нефть и газовый конденсат в объеме до 1 млн. тонн в год. Предполагается, что китайская компания инвестирует в проект в течение 25 лет порядка 600 млн. дол-

ларов. В течение 2006–2011 годов объемы китайских инвестиций по данному проекту могут составить не менее 208 млн. долларов. На начало 2010 года в рамках минимальной программы освоено 88 млн. долларов из вышеуказанной суммы. В 2010 году китайская CNODC планировала вложить еще 58 млн. долларов в разведку упомянутых выше пяти нефтегазовых блоках, а в 2011 году – остальные 62 млн. долларов. При этом будет пробурено 15 поисково-разведочных и 12 оценочных скважин. При обнаружении новых месторождений в осваиваемых регионах китайская корпорация и «Узбекнефтегаз» откроют на паритетных началах совместное предприятие, которое и будет заниматься их разработкой.

Планы по подготовке к освоению нефтегазоносных месторождений в узбекской части Аральского моря (северо-западная часть Узбекистана). Запасы газа данных месторождений оцениваются примерно в 1 трлн. кубических метров, а нефти – порядка 150 млн. тонн. Проект осуществляется Международным консорциумом инвесторов (МКИ) в период до 2040 года. В состав МКИ с 2005 года входят «Узбекнефтегаз» (Узбекистан), «ЛУКОЙЛ» (Россия), «Петронас» (Petronas, Малайзия), КНОК (CNOOC, Корея) и КННК (Китай). Оператором проекта является созданная для этих целей компания Aral Sea Operating Company. По условиям соглашения, подписанного на 35 лет (период 2005–2040 годов), доля китайской стороны в МКИ составляет 10%. Если оценочные запасы газа подтвердятся, промышленная добыча на этих месторождениях потенциально может составить не менее 25 млрд. кубических метров газа в год. Первоначальная стоимость геологоразведочных работ по данному проекту оценивалась в размере 100 млн. долларов. Средства должны были вкладываться на паритетных условиях иностранными участниками МКИ (всеми участниками, кроме НХК «Узбекнефтегаз»). Предполагается, что на начало 2009 года из вышеуказанной суммы уже было инвестировано порядка 54,8 млн. долларов (включая инвестиции КННК в объеме примерно 13,7 млн. долларов). К концу 2009 года ожидалось завершение геологоразведочных работ, и для этого в проект планировалось вложить еще 45,2 млн. долларов (включая примерно 11,5 млн. долларов инвестиций КННК).

Однако в 2009 году было освоено около 28 млн. долларов, включая 7 млн. долларов инвестиций КННК. Завершить геологоразведочные работы и освоить оставшиеся 17 млн. долларов планировалось в 2010 году.

Строительство узбекского участка газопровода «Туркменистан–Китай». В июне 2008 года на территории Бухарской области (западная часть Узбекистана) началось строительство узбекского участка газопровода «Туркменистан – Китай», состоящего из двух параллельных веток, каждая протяженностью по 525 километров²²⁴. Оператором проекта является созданное в 2007 году китайско-узбекское СП ООО Asia Trans Gaz. Co. Уполномоченным органом от Узбекистана по реализации данного проекта является НХК «Узбекнефтегаз», а со стороны КНР проект контролируется компанией Trans-Asia Gas Pipeline Co. Ltd. (дочерняя компания КННК). На трассе узбекского участка газопровода планировалось построить три газокomppressorных пункта, возвести измерительные узлы, вахтовые поселки и другие инфраструктурные сооружения. Проект осуществляется за счет инвестиций КННК. Стоимость первой ветки узбекского участка газопровода «Туркменистан – Китай», которая была сдана в эксплуатацию в конце 2009 года, ориентировочно составила около 244,35 млн. долларов. На начало же 2010 года объем освоенных инвестиций предположительно составил около 280 млн. долларов. В 2010 году КННК планирует инвестировать 883,6 млн. долларов в строительство узбекского участка второй ветки газопровода «Туркмения–Узбекистан–Казахстан–Китай».

Участие в финансировании строительства установки по производству сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ (г. Мубарек, Кашкадарьинская область, юго-западная часть Узбекистана). Еще в 2004 году в рамках СП «Узбекнефтегаз» и «Газпром» планировали строительство установки по производству сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ. Тогда оператором проекта была определена компания ОАО «Стройтрансгаз» (дочерняя компания «Газпрома»), которая в 2004 году выиграла соответствующий тендер. Предполагалось, что проектная мощность

---

²²⁴Первая ветка газопровода введена в строй в декабре 2009 года, а вторую планируется ввести в конце 2011 года.

установки составит около 336 тыс. тонн сжиженного газа (пропан-бутановая смесь) и 150 тыс. тонн бензина в год. Реализация продукции предусматривалась как на экспорт, так и на внутреннем рынке Узбекистана. Однако в июне 2008 года «Стройтрансгаз» предложил увеличить стоимость проекта в связи с ростом цен на технологическое оборудование. Узбекская сторона отклонила эти предложения и заявила о намерении отказаться от участия «Стройтрансгаза» в реализации проекта. В августе 2008 года «Узбекнефтегаз» объявил новый тендер на поставку комплектного оборудования с проведением услуг (шеф-монтаж и пуско-наладка) для строительства установки получения сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ. Победителем тендера стала швейцарская компания Zetomax GmbH. Финансирование проекта планируется осуществить за счет кредита Государственного банка развития Китая – 85 млн. долларов, собственных средств НХК «Узбекнефтегаз» в размере 30,3 млн. долларов, кредита узбекского Фонда реконструкции и развития в размере 55,4 млн. долларов, кредитов узбекских коммерческих банков – 50 млн. долларов. В настоящее время проект находится на стадии реализации.

Планы по организации совместного производства нефтегазового оборудования на территории Узбекистана. В 2008 году Китайская нефтяная корпорация по технологии и развитию (СРТДС) объявила о своем намерении организовать в Узбекистане производство труб и станков для нефтегазовой отрасли. В декабре этого же года в НХК «Узбекнефтегаз» состоялись переговоры с представителями СРТДС, в ходе которых стороны вновь обсудили возможности реализации этого проекта. В частности, предполагалось создать на базе АК «Узнефтегазмаш» ряд СП по производству (и сборке) следующей продукции: труб для строительства газопроводов, обсадных труб для бурения скважин, стальных канатов, станков для ремонта скважин, а также насосов для добычи нефти²²⁵.

---

²²⁵По состоянию на начало 2010 года, окончательное решение по проекту не принято.

Электроэнергетическая отрасль

Начиная с 2006 года Китай финансирует в Узбекистане ряд проектов в электроэнергетической отрасли. Данные проекты предполагают строительство малых гидроэлектростанций (МГЭС) и осуществляются узбекской компанией «Узсувэнерго» при Министерстве водного и сельского хозяйства РУз на средства кредитов, предоставленных ЭКСИМ-банком КНР. Эти проекты являются частью реализуемой Узбекистаном программы, в рамках которой предусматривается ввести в строй 41 малую гидроэлектростанцию.

Планы по строительству второй очереди Тупалангской МГЭС (Сурхандарьинская область, южная часть Узбекистана). Размер китайского кредита – 31,4 млн. долларов. Уже в начале 2006 года правительство Узбекистана приняло решение приостановить реализацию данного проекта из-за проблем с наполняемостью строящегося водохранилища. Дальнейшие перспективы реализации данного проекта неясны.

Поставка китайского оборудования для строительства Андижанской МГЭС-2 (Андижанская область, восточная часть Узбекистана). Размер кредита – 10,03 млн. долларов. МГЭС введена в строй в 2010 году.

Поставка китайского оборудования для реконструкции Ахангаранской МГЭС (Ташкентская область). Размер кредита – 5 млн. долларов. Ввод объекта в эксплуатацию состоялся в 2010 году.

Строительство ряда объектов электроснабжения г. Ташкента. В 2010 году планируется возвести ряд объектов для дополнительного (внешнего) электроснабжения г. Ташкента. Данный проект находится на стадии реализации. Размер кредита ЭКСИМ-банка КНР – 26,4 млн. долларов.

Как представляется, рост интереса Китая к Узбекистану, в том числе к ТЭК, который обозначился с середины первого десятилетия XXI века, продиктован не столько экономическими, сколько геополитическими соображениями, учитывая тот факт, что республика во многих отношениях является ключевым государством региона. Тем не менее масштабы присутствия Китая в экономике Узбекистана в целом представляются все еще относительно скромными. За рамками нефтегазовой отрасли экономическое присутствие Китая в Узбекистане сводится преимущественно к предоставлению кредитов на те или иные значимые для республики проекты, оказанию услуг, а также заключению (на тендерной основе) торговых соглашений на поставку в Китай тех или иных видов узбекского сырья. Теоретически интересы китайского бизнеса могли бы гораздо больше и глубже затрагивать вопросы добычи урана, тем более, что Пекин концентрирует свои усилия именно на скупке активов в сырьевых отраслях во многих странах и регионах мира. Однако Ташкент пока воздерживается от широкомасштабной продажи своих сырьевых и стратегических активов иностранным компаниям, в том числе китайским.

Основные выводы

После 2001 года по мере трансформации периферийного статуса Центральной Азии в стратегический на первый план для Китая выходит именно энергетическая и в целом экономическая составляющие региональной политики. По сути, тем самым руководство КНР определило энергетику и в какой-то степени экономику в качестве стержневого элемента своей стратегии в ЦА. Одним из важных индикаторов этого может служить масштабное увеличение китайских финансовых ресурсов, направляемых в регион и предназначенных в первую очередь для отраслей ТЭК стран ЦА. Если в конце 1990-х годов эти ресурсы составляли менее 1 млрд. долларов и были представлены исключительно в нефтегазовой отрасли Казахстана, то за первые 10 лет XXI ве-

ка их объем увеличился более чем в 20 раз, а сама китайская финансовая активность стала затрагивать, хотя еще и не равномерно, но уже все без исключения страны Центральной Азии, где порядка 88% этих средств представлены в отраслях ТЭК.

На современном этапе энергетическая политика КНР в ЦА жестко подчинена общей стратегии Пекина по обеспечению максимально благоприятных внешних условий для достижения системного прорыва в плане модернизации, дальнейшего устойчивого роста экономики и последующего превращения страны в один из глобальных экономических центров силы. Пытаясь приблизиться к решению этих сложных задач, Китай решил более активно задействовать и центральноазиатский вектор своей политики, сделав выбор в пользу кардинального укрепления позиций в национальных экономиках стран Центральной Азии за счет интенсификации там проектно-инвестиционной деятельности и увеличения объемов предоставляемых кредитов в первую очередь в отраслях ТЭК.

Не будет большим преувеличением сказать, что Пекин нацелен на постепенное вовлечение региона в орбиту своего геоэкономического влияния. Следует особо отметить, что КНР проводит данную стратегическую линию крайне осторожно, ни в малейшей степени не афишируя своих политических/геополитических амбиций в ЦА. При этом экономическое проникновение Китая в Центральную Азию направлено прежде всего на освоение и импорт энергетических ресурсов (в основном нефти и газа), всемерное стимулирование экспорта китайских товаров (в том числе энергетического оборудования) и услуг. Китайско-центральноазиатские торговые отношения уже прочно сложились в формате «готовая продукция в обмен на сырье», а растущие масштабы присутствия Китая в Центральной Азии объективно способствуют лишь закреплению за странами региона сырьевого статуса.

Подобный характер присутствия КНР в ЦА во многом определяется как объективными, так и субъективными причинами, главная из которых – отсутствие в регионе единого экономического пространства, в первую очередь, промышленного и транспортного. Ярво выраженная фрагментация центральноазиатского экономического пространства,

дробление в прошлом единой промышленной и транспортной инфраструктуры региона на национальные сегменты в значительной степени препятствует реализации долгосрочных форм экономического сотрудничества с Китаем. В особенности это касается вопросов глубокой переработки промышленного (того же углеводородного) сырья и сотрудничества в инновационной сфере.

Поэтому складывающийся формат отношений крайне нежелателен как с точки зрения долгосрочных интересов КНР, так и тем более с точки зрения долгосрочных интересов самих государств ЦА и РФ. Ориентация китайской экономической деятельности на добычу и вывоз в Китай промышленного сырья будет способствовать ресурсному истощению региона и отмиранию перерабатывающих отраслей промышленности. Это, в свою очередь, будет вести к вызреванию в Центральной Азии зон социально-экономического кризиса. В худшем случае КНР и РФ рискуют получить огромное дестабилизированное пространство на границах и, как минимум, утратить уже приобретенные в странах ЦА позиции.

Развитие ситуации по данному сценарию, безусловно, окажет негативное воздействие на социально-экономическую ситуацию в приграничных с ЦА китайских и российских регионах. Более того, может рухнуть вся система безопасности, которую Китай и Россия выстраивали после распада СССР. Причем мировой финансово-экономический кризис способен стать лишь катализатором усиления всех этих проблем.

В итоге энергетическое присутствие Китая в Центральной Азии представляется неоднозначным и двусмысленным. С одной стороны, Китай добился значительных успехов в плане проникновения в ключевые отрасли ТЭК стран региона. **С другой стороны,** это не привело к формированию равноправных и взаимовыгодных отношений между Китаем и государствами региона, не способствует комплексному развитию центральноазиатских государств, в том числе укреплению их безопасности.

Учитывая же уроки истории, можно предположить, что характер дальнейшего энергетического присутствия Китая в регионе и формат китайско-центральноазиатских энергетических отношений во многом

зависят от того будет ли развиваться транзитная роль Центральной Азии в экономическом и, в первую очередь, энергетическом взаимодействии между различными частями Евразии. Очевидно, что это может произойти только в случае постепенной переориентации значительной части евразийского товарооборота и, в первую очередь, поставок энергетического сырья с морских коммуникаций на трансевразийские сухопутные маршруты, что реально лишь в условиях наличия политической воли и скоординированных действий стран, расположенных во внутренних пространствах Евразии: Китая, Центральной Азии и России.

Как представляется, необходима консолидация усилий Пекина, Москвы и столиц стран региона в плане обеспечения рентабельности трансевразийских сухопутных коммуникаций²²⁶. Именно это может стать главным стимулом к выстраиванию механизмов многопланового и полноценного экономического (включая энергетического) сотрудничества на двустороннем и многостороннем уровнях, в том числе в рамках ШОС. Широко разветвленная и хорошо развитая трансевразийская транспортно-коммуникационная система, в свою очередь, обеспечит экономическую рентабельность запуска под эгидой того же ШОС крупных инновационно-промышленных проектов. Это в итоге позволит активизировать процесс региональной экономической интеграции в Центральной Азии, положить начало формированию ШОС как реального блока, призванного обеспечить комплексную безопасность и поступательное экономическое развитие огромных пространств внутренней Евразии.

---

²²⁶Тем более, что современные условия вполне позволяют сделать трансевразийский сухопутный транзит более конкурентоспособным, а в ряде случаев даже и выигрышным по сравнению с морским маршрутом. Это может быть достигнуто в условиях меньшей протяженности маршрута и сокращения времени доставки грузов, а также путем удешевления транспортировки по суше за счет применения эффективных логистических схем и расширения пропускной способности сухопутных коммуникаций.

Основные проблемы

Несмотря на рост масштабов экономического, в первую очередь, энергетического, присутствия Китая в Центральной Азии, характер современных китайско-центральноазиатских экономических отношений высвечивает сложный комплекс проблем, непосредственно касающихся не только стран региона и Китая, но также и России.

Первой проблемой является экономико-географическая изоляция Центральной Азии, а также ряда смежных территорий Китая и России от основных рынков, мировых товарных и финансовых потоков. В условиях современной нелиберальной модели глобального экономического развития именно вышеуказанное обстоятельство ставит экономико-географически замкнутые евразийские территории в крайне тяжелое и невыгодное положение, в том числе в плане инвестиционной привлекательности. Во многом этим и обуславливается хроническое отставание в экономическом развитии внутреннего пространства Евразии, включающего помимо Центральной Азии значительные территории России и Китая²²⁷. Причем изоляция РФ и ЦА в системе евразий-

---

²²⁷ Безусловно, что на первый взгляд данная проблема наиболее актуальна прежде всего для ЦА, так как связана с удаленностью региона от морских коммуникаций и его экономико-географической замкнутостью внутри Евразии, что с особой силой проявилось в результате распада единой экономической системы бывшего СССР. В то же время названная проблема не менее актуальна для РФ и КНР, ряд районов которых обладают схожими с ЦА экономико-географическими условиями. **Во-первых**, известно, что в современной мировой экономике морской транспорт в целом более предпочтителен, чем железнодорожный, автомобильный и воздушный. Это связано с целым рядом преимуществ: гораздо большей грузоподъемностью морского транспорта, меньшим расходом топлива в расчете на 1 тонно-километр, отсутствием необходимости в оплате пошлин при транспортировке грузов морем, а также амортизационных отчислений для поддержания коммуникаций в рабочем состоянии (в отличие, например, от сухопутных коммуникаций). Именно фактор дешевизны морского транспорта по сравнению с сухопутным еще 500 лет назад сыграл ключевую роль в упадке Великого шелкового пути и вплоть до настоящего времени определяет перманентное отставание в экономическом развитии внутриконтинен-

ских сухопутных коммуникаций проявляется даже в сфере трубопроводного транспорта, обладающего целым рядом преимуществ перед остальными видами транспорта. Так существующая система трубопроводов в России и Центральной Азии не может быть задействована для евразийского транзита нефти и газа, хотя их географическое положение региона и достаточно развитая трубопроводная инфраструктура теоретически могли бы позволить это. Формирующаяся же система трубопроводов в других направлениях, в том же китайском, в целом пока не предполагает этого.

тальных регионов от приморских во всем мире. Однако особенно ярко это проявляется в Евразии, имеющей огромное внутреннее пространство. Поэтому страны Центральной Азии, а также ряд промышленных регионов России (Урал, Сибирь, Поволжье и ряд других) и внутренние районы Китая (особенно западные, такие как Синьцзян-Уйгурский автономный район) связаны общим условием – географической удаленностью от морских коммуникаций – главных артерий мировой торговли. **Во-вторых**, именно после распада единого экономического пространства СССР география стала диктовать странам ЦА свои «правила игры», экономически сильно затруднив для них доступ к морским портам. Например, Узбекистан после обретения независимости оказался одним из двух во всем мире т.н. дважды замкнутых государств (другая страна – Лихтенштейн), которому для выхода к открытому морю необходимо преодолеть границы как минимум двух государств. В свою очередь, Таджикистан стал обладать еще более сложными экономико-географическими условиями, так как большая часть таджикской территории расположена в высокогорной местности, а наиболее эффективное сухопутное транспортное сообщение может развиваться только через тот же т.н. дважды замкнутый Узбекистан. Хотя ряд граничащих с Центральной Азией внутренних районов Китая и России находятся в очень схожих географических условиях, однако экономики Китая и России в отличие от Центральноазиатского региона не «раздроблены» на национальные сегменты. **В целом** проблема экономико-географической изоляции носит труднопреодолимый характер в «узко энергетическом» смысле и «узко ШОСовском формате»: ее невозможно решить без понимания **долгосрочной общности интересов стран-членов организации – совместного экономического освоения, развития огромного внутриконтинентального пространства Евразии.**

Второй проблемой является ярко выраженная сырьевая ориентация экономик России и стран Центральной Азии. Однако если экономические системы центральноазиатских стран исторически сформировались преимущественно как сырьевые, то российская экономическая система заняла сырьевую нишу в глобальной экономике уже после распада СССР, утратив тем самым свое прогрессивное влияние на экономическое развитие Центральной Азии. Этим во многом и обуславливается складывающийся крайне неэффективный формат экономических отношений между Россией и странами Центральной Азии, с одной стороны, и Китаем – с другой стороны: «сырье в обмен на готовую продукцию».

Третьей проблемой является полное отсутствие экономической интеграции в самой Центральной Азии, а также в рамках ЕврАзЭС и ШОС как наиболее действенных институтов интеграции для внутренних территорий Евразии. Пробуксовка экономической интеграции в Центральной Азии связана, главным образом, с отсутствием естественного лидера, который мог бы взять на себя функции локомотива данного процесса в региональном масштабе. Ситуация в ЕврАзЭС, в свою очередь, определяется тем, что Россия – единственный естественный лидер Сообщества, пока не в состоянии предложить своим партнерам эффективный, привлекательный и взаимовыгодный интеграционный проект. Отсутствие же экономической интеграции в рамках ШОС обуславливается тем, что локомотивы данной интеграции – Китай и Россия, сами пока не имеют полноценных экономических отношений друг с другом. В результате Россия и Китай практически не уделяют внимания реальному экономическому укреплению ШОС.

Вышеобозначенные проблемы во многом обусловлены тем, что стратегические направления экономического (в том числе энергетического) развития, с одной стороны, Китая, а с другой – государств Центральной Азии и России принципиально отличаются друг от друга. Если стратегия экономического развития Китая ориентирована на полноценное и комплексное инновационно-промышленное развитие стра-

ны, в первую очередь, перерабатывающих отраслей и выпуск наукоемкой продукции с высокой нормой добавочной стоимости, то современные «стратегии» России и государств Центральной Азии ориентированы преимущественно на увеличение объемов добычи и экспорта сырьевых ресурсов, а также диверсификацию направлений их поставок на внешние рынки.

Подобная асимметричность стратегий предопределяет принципиальное различие целей и задач, которыми руководствуются, с одной стороны, Китай, а с другой – государства Центральной Азии и Россия в процессе экономического, в том числе энергетического взаимодействия. Существующий на современном этапе крайне неэффективный формат экономических отношений Китая с центральноазиатскими странами и Россией – «сырье в обмен на готовую продукцию», служит лишь узко-корпоративным интересам и краткосрочным целям коммерческого характера, но категорически не способен разрешить сложный комплекс проблем в экономических и иных отношениях.

Поэтому, несмотря на все успехи, достигнутые Китаем в Центральной Азии, китайские позиции в регионе, в том числе энергетические, представляются все же неустойчивыми. С одной стороны, основные проблемы являются следствием распада СССР и напрямую касаются РФ, а поэтому не могут быть концептуально оценены вне российского контекста. С другой стороны, данные проблемы напрямую связаны с **асимметрией стратегических направлений** развития Китая, государств Центральной Азии и России: в первую очередь, в плане недооценки ими жизненной важности интенсификации, углубления и повышения качества взаимодействия друг с другом как с точки зрения внутренней, так и с точки зрения внешней политики, в том числе и энергетическом контексте.

В целом именно ярко выраженная асимметрия стратегий КНР, стран ЦА и РФ предопределяет кардинальное различие целей и задач, которыми руководствуются эти государства в своем развитии и, соответственно, выстраивании отношений с внешним миром, в том числе друг с другом. Это значительно препятствует формированию полноценных и взаимовыгодных отношений между Китаем, странами Цен-

тральной Азии и Россией как на двусторонней, так и на многосторонней основе, ведет к тому, что между ними не возникает общности долгосрочных интересов в сферах экономики, политики и безопасности, в том числе с точки зрения энергетики. Поэтому представляется, что именно второстепенность друг друга в системе приоритетов является самым главным источником основных проблем, реальных и потенциальных угроз, с которыми сталкиваются и будут продолжать сталкиваться КНР, ЦА и РФ.

Глава 3. Последствия и возможности для России в результате усиления позиций Китая в ТЭК стран Центральной Азии

Дальнейшее проникновение Китая и китайских компаний в энергетический сегмент государств Центральной Азии и, соответственно, усиление позиций КНР в отраслях ТЭК стран региона может иметь для РФ как негативные, так и позитивные последствия. Однако негативные последствия определяются не политикой Китая и китайских компаний, а общей динамикой развития ситуации в самой Центральной Азии, где КНР является лишь одним из многих факторов.

Сценарий № 1: реалистичный

Как представляется, в случае если Россия в ближайшее время принципиально не пересмотрит и в корне не изменит основополагающих «принципов» своей внутренней и внешней «стратегии», в том числе и в ее энергетическом контексте, – в сторону преодоления сложившейся асимметрии развития с Китаем и, соответственно, форсирования интеграции (в первую очередь в сферах экономики и безопасности) на постсоветском пространстве и в рамках ШОС, то влияние РФ будет неизбежно снижаться по всем направлениям внешней политики. Центральная Азия здесь не станет неким исключением.

Во-первых, будет постепенно сокращаться доступ России к энергетической и иной сырьевой базе Центральной Азии. Другие внешние игроки как Китай, Европейский Союз и ТНК, нацелены на усиление своего контроля над энергоресурсами региона. Уже в среднесрочной перспективе (до 2020 года) все это может существенно ущемить энергетические интересы РФ, особенно в плане доступа к центральноазиатским запасам газа и урановых руд. Если по нефти, гидроэнергоресурсам и углю российский ТЭК почти не зависит от Центральной Азии, то природный газ и урановое сырье региона могут сыграть немаловажную роль для экономики России. Особенно это проявится именно в среднесрочной перспективе, в период неизбежной для РФ масштабной мо-

дернизации электроэнергетической отрасли и значительного увеличения доли АЭС в выработке электроэнергии.

Во-вторых, дальнейшее проникновение Китая в ТЭК стран Центральной Азии как напрямую, так и косвенно будет способствовать ужесточению внешней конкурентной среды в энергетическом сегменте стран региона. Косвенно, присутствие КНР будет оказывать стимулирующее воздействие на процесс проникновения в энергетику стран ЦА компаний иных государств, в том числе восточноазиатских и западных. Это проявится после окончания мирового кризиса, когда достаточно богатый энергоресурсами регион с высокой долей вероятности станет объектом международной конкуренции. Тем более, что международная конкуренция только усилит многовекторность в политике самих государств Центральной Азии. Все это, в свою очередь, серьезно затормозит процесс российско-центральноазиатского сближения и ускорит процесс их дальнейшего размежевания, в том числе в энергетической и в целом в экономической сфере²²⁸.

В-третьих, экспортно-сырьевая ориентация экономик РФ и стран ЦА не только препятствует налаживанию реального китайско-российского стратегического партнерства в Центральной Азии, но, более того, повышает риск конфликта российских и китайских интересов в регионе. В период развития мирового экономического кризиса вероятность данного конфликта крайне низка, однако, по мере выхода мировой экономики на траекторию устойчивого роста, потребности и Китая, и России в центральноазиатских энергоресурсах кардинально возрастут, что будет способствовать накалу соперничества двух держав в регионе. Такое соперничество может привести даже к распаду ШОС и

---

²²⁸ Например, будет пробуксовывать процесс реабилитации единой топливно-энергетической системы России и Центральной Азии, что объективно является непреложным условием экономической реинтеграции на постсоветском пространстве. А восстановление единого экономического пространства постсоветских государств – непреложное условие их долгосрочного эффективного развития в целом. Двадцатилетний период постсоветского «развития» показал, что ни одна из постсоветских стран не способна создать эффективной экономики в узких национальных рамках.

значительному охлаждению российско-китайских отношений, что крайне нежелательно для России.

Сценарий № 2: оптимистичный

Как представляется, в случае если Россия сумеет принципиально пересмотреть и в корне изменить основополагающие «принципы» своей внутренней и внешней «стратегии», в том числе и в ее энергетическом контексте, – в сторону преодоления сложившейся асимметрии развития с Китаем и, соответственно, форсирования интеграции (в первую очередь в сферах экономики и безопасности) на постсоветском пространстве и в рамках ШОС, то в этом случае перед РФ и ЦА откроются уникальные возможности использовать активность КНР в регионе для выстраивания прочных и взаимовыгодных отношений в рамках ШОС, в том числе в энергетической сфере.

Во-первых, переориентация ТЭК России и стран Центральной Азии с нынешней, внешнеторговой по сути функции на комплексное развитие национальных экономик и, прежде всего, глубокую переработку сырья и высокотехнологичные сектора позволит России и государствам региона интегрировать свои энергетические комплексы. Залогом этого является то, что ТЭК бывших советских республик создавался и функционировал в течение многих десятилетий как единый организм, и сегодня энергетические сектора РФ и стран ЦА во многом остаются взаимно дополняемыми.

Во-вторых, интеграция ТЭК России и стран региона даст России уникальный шанс перезапустить и возглавить процесс экономической, а затем и политической реинтеграции на постсоветском пространстве. Залогом этого является то, что ТЭК России и Центральной Азии суммарно составляют почти всю энергетику бывшего СССР, а без энергоресурсов РФ и ЦА не смогут развиваться экономики остальных постсоветских государств в особенности таких как Украина и Белоруссия, насыщенных объектами крупной промышленности и в крайне незначительной степени обеспеченных собственными энергоресурсами. Реабилитация под эгидой России единого энергетического, экономиче-

ского, военного и политического пространства на территории бывшего СССР кардинально повысит возможности РФ продвигать свои стратегические интересы в отношениях с КНР.

В-третьих, выступая в отношениях с Китаем «единым фронтом» с позиций общности долгосрочных интересов, Россия и страны Центральной Азии получают возможность выстраивать формат взаимовыгодного взаимодействия с КНР, в том числе и в сфере энергетики. Для России и стран региона принципиально важной целью должна быть не продажа энергоресурсов в Китай, а использование китайского потенциала для собственного развития. Под этим подразумевается получение доступа к новейшим технологиям и инновациям, накопленным Китаем за несколько десятилетий реформ, а также и к китайским инвестициям в совместные наукоемкие и высокотехнологичные проекты, в частности, в отраслях того же ТЭК. Однако порознь и тем более в условиях конкуренции между собой Россия и страны Центральной Азии не смогут выстроить с Китаем именно такой формат отношений, в том числе и в сфере энергетики.

Основные рекомендации

Несмотря на сохраняющийся комплекс сложнейших проблем на пути развития взаимовыгодных и устойчивых отношений с Китаем, потенциал российско-китайско-центральноазиатского сотрудничества представляется колоссальным. Залогом всего этого является то, что **только у КНР, ЦА и РФ объективно есть общий долгосрочный интерес – совместное освоение, развитие и оборона огромного пространства внутренней Евразии.** Как представляется, лишь при наличии политической воли Китая, стран Центральной Азии и России осознать (1) главенство вышеуказанного ключевого приоритета над всеми остальными, (2) необходимость считаться с долгосрочными интересами друг друга и жертвовать краткосрочными коммерческими интересами ради стратегических выгод от создания прочного и взаимовыгодного экономического союза в рамках ШОС, возможно обеспечение прорыва в комплексном развитии

внутренних пространств Евразии, включающих ЦА, западный Китай и ряд внутренних регионов России.

Главным локомотивом по преодолению асимметрии стратегических направлений развития Китая, России и государств Центральной Азии, формирования между ними реального (а не декларативного как сейчас) стратегического союза должно стать налаживание в рамках ШОС сотрудничества по преодолению экономико-географической изоляции внутренних пространств Евразии за счет создания на территории России и стран Центральной Азии эффективной системы транспортных, в том числе транспортно-энергетических коммуникаций, в первую очередь между Китаем и Европой, Ираном и Европой, Ираном и Китаем.

В результате, это не только позволит возродить былую роль внутренней Евразии как торгово-транспортного моста, но и наполнить ее новым геоэкономическим и геополитическим смыслом, придать мощный импульс полноценному развитию внутриконтинентальных территорий, обеспечить прорыв в плане налаживания многостороннего сотрудничества Китая, России и стран Центральной Азии, заложив тем самым фундамент для формирования между ними реальных партнерских и союзнических отношений. Для реализации данной идеи уже есть все необходимые условия: институциональная основа – ШОС и широкая нормативно-правовая база, а также уже де-факто существующая система транспортных коммуникаций в КНР, ЦА и РФ, которая нуждается в модернизации и расширении пропускной способности. Следовательно, необходима лишь политическая воля стран-членов Организации по совместному формированию единого транспортного пространства и экономически эффективных транспортно-логистических схем.

При этом задача создания Энергетического клуба ШОС – повышения эффективности сотрудничества в отраслях ТЭК должна решаться только в комплексе с более масштабными задачами в рамках ШОС в сфере межгосударственных отношений вообще (в том числе формирования системы региональной безопасности) и экономического сотрудничества в частности. В противном случае энергетическое взаимодействие в ШОС скорее всего так и останется на малоэффективном уровне.

не, будет подчинено краткосрочным, коммерческим целям и обслуживать преимущественно поставку сырьевых ресурсов в Китай. Тем более, что пока складывается впечатление, что в основу функционирования ТЭК некоторых стран-членов ШОС заложены принципы рентабельности национальных компаний и получения ими максимальной коммерческой выгоды, а не принципы подчинения деятельности ТЭК интересам обеспечения устойчивого и комплексного развития всех отраслей национальной экономики, и тем более не принципы долгосрочной стабильности всех стран-членов организации.

В рамках вышеуказанного концептуального подхода предлагается следующий комплекс рекомендаций:

- рекомендация № 1: преодоление асимметрии стратегических направлений развития Китая, с одной стороны, России и государств Центральной Азии – с другой;
- рекомендация № 2: формирование транспортно-энергетического моста «Ближний Восток – Иран – Центральная Азия / Россия (Европа) – Китай (АТР)»;
- рекомендация № 3: разработка долгосрочной Программы развития ЕврАзЭС и ШОС на основе общности стратегических интересов Китая, России и стран Центральной Азии;
- рекомендация № 4: энергетическое сотрудничество в рамках ШОС по другим направлениям.

Рекомендация № 1: преодоление асимметрии стратегических направлений развития Китая, с одной стороны, России и государств Центральной Азии – с другой

Преодоление асимметрии стратегических направлений развития Китая, России и стран Центральной Азии на начальном этапе в основном зависит от самих РФ и государств ЦА.

Во-первых, Россия и страны Центральной Азии должны решительно отказаться от экспортно-сырьевой модели и сориентировать национальные экономические стратегии на те же цели (экономической мо-

дернизации и промышленно-инновационное развитие), на которые ориентируется Китай.

Во-вторых, РФ необходимо отказаться от прозападной и западно-центричной политической ориентации, а странам ЦА – от курса на многовекторность, а в итоге сделать основную ставку на евразийский вектор: развитие внутренней Евразии на основе реального, а не декларативного, стратегического партнерства друг с другом и с КНР.

В-третьих, прежде чем выстраивать стратегическое партнерство с Китаем, государства Центральной Азии и Россия должны сначала возродить свой собственный союз, разумеется, уже на иной политической основе, нежели во времена бывшего СССР. Прежде всего необходимо выработать новую модель региональной экономической интеграции в системе «Россия – Центральная Азия», а на институциональном уровне – в рамках ЕврАзЭС, сделав акцент на промышленно-инновационном развитии.

В целом, как представляется, только это позволит России и странам Центральной Азии сообща выстроить новую архитектуру именно союзнических отношений с Китаем в сферах экономики, политики и безопасности. При этом очевидно, что будет необходима тесная координация деятельности между ЕврАзЭС и ШОС. В экономическом плане в рамках ШОС будет нужно выработать взаимоприемлемые решения по защите производителей постсоветских стран и одновременному учету интересов Китая в странах-членах ЕврАзЭС. В свою очередь, в плане политики и безопасности для РФ и ЦА будет принципиально важно заручиться всесторонней и максимально возможной поддержкой КНР, поскольку можно предположить, что тот же Запад в целом негативно отреагирует на процесс реинтеграции на постсоветском пространстве.

Рекомендация № 2: формирование транспортно-энергетического моста «Ближний Восток – Иран – Центральная Азия / Россия (Европа) – Китай (АТР)»

Как представляется, решение проблемы экономико-географической изоляции должно быть предметом первоочередного внимания в рамках создаваемых в ШОС различных структур и подструктур, в том числе Энергетического клуба. В качестве локомотивного проекта, способного подвести ШОС к следованию долгосрочной линии в своем развитии, представляется рассмотреть идею строительства системы магистральных газо- и нефтепроводов между крупнейшими мировыми производителями углеводородов (Ближний Восток и Иран) и наиболее динамично развивающимися регионами мира (Китай и страны АТР), предусмотрев к тому же возможность ответвления в сторону Европы.

Главным объективным препятствием в реализации данного проекта будет горный рельеф на пути транспортировки углеводородов через территорию Ирана, но при соответствующей политической воли и техническом решении это препятствие может быть преодолено. Более того, очевидно, что однозначно против данного проекта будут выступать США и их ключевые союзники, однако, речь идет о принципиальном изменении хода уже запущенных процессов развития Евразии, а не о следовании в фарватере американской политики и схемы форматирования глобальных и региональных процессов.

На начальном этапе предлагаемая система трубопроводов может проходить по маршруту: «Иран – Туркменистан – Узбекистан – южный Казахстан – СУАР КНР». В дальнейшем возможно увеличение протяженности данного маршрута за счет подключения к нему других (помимо Ирана) стран-поставщиков (из Ближнего Востока) и стран-потребителей (из АТР) углеводородов. Позднее евразийский сухопутный транспортно-энергетический мост может быть продлен и в западном направлении по маршруту «Ближний Восток–Иран–Центральная Азия–Россия–Европа», где Россия уже будет транзитной страной.

Причем евразийский транспортно-энергетический мост от Ближнего Востока как в сторону Китая, так и в сторону Европы целесообразно

прокладывать через Центральную Азию, так как направления в обход региона характеризуются наличием крайне сложного (преимущественно горного) рельефа. Более того в регионе уже существует достаточно развитая система трубопроводов и строится новая: как в российском, так и китайском направлениях.

Реализацию проекта в принципе можно осуществить по уже отработанному механизму Каспийского трубопроводного консорциума с той лишь разницей, что это будет стратегически на порядок более важный и масштабный проект. Представляется, что его детальную разработку следует осуществлять параллельно с форсированием процессов интеграции нефтегазовых комплексов России и стран Центральной Азии (в рамках ЕврАзЭС). При этом условии Россия автоматически будет полноправным участником всех маршрутов транспортно-энергетического моста, несмотря на то, что на начальном этапе они не будут проходить через российскую территорию.

Теоретически транспортно-энергетический мост способен окупить себя в короткие сроки, а главное – составить конкуренцию морским маршрутам. Так, наполнение трубопроводов достаточными объемами нефти и газа может быть легко обеспечено, учитывая наличие огромных углеводородных ресурсов на Ближнем и Среднем Востоке (около 3/4 мировых запасов) и одновременно растущих энергетических потребностей Китая, государств АТР и Европы. Тем более, что зависимость Китая и стран АТР от импорта нефти из арабских стран и Ирана будет возрастать и следовательно будет возрастать заинтересованность крупнейших мировых поставщиков и потребителей углеводородов в обеспечении гарантий безопасности их транспортировки.

Кроме того, транспортировка углеводородов по трубопроводам через территорию Центральной Азии, как представляется, может быть рентабельна. Тот факт, что маршрут пройдет по степным и пустынным районам, а также в относительно теплой климатической зоне, существенно облегчит и удешевит строительство и эксплуатацию всей системы трубопроводов. Тем более, что данный проект эффективно впишется в осуществляемые в Китае работы по формированию трубопроводной системы из СУАР в восточные провинции КНР.

Учитывая потенциально высокую экономическую рентабельность, а главное – стратегическую важность системы трубопроводов, логично предположить, что значительная часть углеводородных потоков из стран Ближнего и Среднего Востока (или, на начальном этапе – из Ирана) может быть переориентирована на этот маршрут.

Для реализации проекта необходимо максимально эффективно задействовать механизмы ШОС, тем более что Иран имеет статус наблюдателя в данной организации. Поэтому **именно Иран мог бы претендовать на первоочередное вступление в ШОС в качестве полноправного члена** данной организации (или, по крайней мере, на особый формат отношений с ШОС), а также, не исключено, на получение и другой поддержки, в том числе в рамках иранской программы мирного освоения атома.

В целом транспортно-энергетический мост будет важным и выгодным проектом для всех участников, так как его идея соответствует не только их коммерческим, но и долгосрочным и стратегическим интересам.

С точки зрения интересов России и стран Центральной Азии (де-факто уже «встроенных» в единую транспортно-коммуникационную систему, а также в целом обладающих структурно-технологической взаимозависимостью) это будет означать преодоление периферийности в евразийской (по сути – глобальной) «схеме» добычи и транспортировки энергоносителей, дальнейшее усиление (а не ослабление) этой взаимозависимости. Как результат – существенное перераспределение континентальных (по сути – мировых) потоков энергоресурсов в пользу России и центральноазиатских стран. Помимо этого, евразийский транспортно-энергетический мост исключит возможный конфликт энергетических интересов России с интересами Китая в Центральной Азии.

С точки зрения интересов Китая вышеуказанный евразийский транспортно-энергетический мост придаст существенный импульс промышленному развитию СУАР, обеспечит Китаю и странам АТР альтернативный и беспрепятственный сухопутный доступ к углеводородным ресурсам Ближнего и Среднего Востока, станет дополнительным гарантом стабильности поставок углеводородов в наиболее дина-

мично развивающиеся страны мира в требуемых объемах, в целом делает их менее зависимым от морских коммуникаций.

В свою очередь, для стран Ближнего и Среднего Востока это будет означать диверсификацию доступа на традиционные рынки сбыта своих углеводородов, интенсификацию связей с Китаем, а также АТР в целом и кардинальное снижение зависимости от контролируемых США морских маршрутов транспортировки углеводородов.

Кроме того, осуществление проекта потребует масштабных и разноплановых работ, что даст большой портфель заказов не только нефтегазовым компаниям стран-членов ШОС, но и главное – смежным отраслям промышленности этих стран (металлургия, машиностроение, металлообработка, синтетические материалы и т.п.). Тем самым, данный проект будет способствовать экономической интеграции в рамках ЕврАзЭС и ШОС, становлению ШОС как экономического блока.

В итоге уже сейчас России и странам региона совместно с Китаем и Ираном целесообразно начать обсуждение и лоббирование строительства транспортно-энергетического сухопутного моста в ходе двусторонних и многосторонних консультаций.

Однако РФ и КНР надо быть готовым и к тому, что реализация проекта сухопутного транспортно-энергетического моста проекта вызовет не просто недовольство, а мощное противодействие США и их ближайших союзников, так как масштабное перераспределение углеводородных потоков с морских коммуникаций на внутриевразийские в корне противоречит геэкономическим и геополитическим интересам Соединенных Штатов. Тем более, что военно-морская мощь США, предназначенная помимо прочего для охраны глобальных морских коммуникаций, окажется просто ненужной для Азии и Европы. Но готовы ли РФ и КНР целенаправленно идти на охлаждение отношений с США ради собственного стратегического геэкономического и геополитического выигрыша? Возможно, что именно данный проект и станет испытанием ШОС на политическую прочность.

Рекомендация № 3: разработка долгосрочной Программы развития ЕврАзЭС и ШОС на основе общности стратегических интересов Китая, России и стран Центральной Азии

Разработка данной Программы продиктована необходимостью формирования общности долгосрочных интересов КНР, стран ЦА и РФ в глобальном развитии, что в перспективе должно привести к устойчивым многосторонним отношениям (на уровне реального, а не декларативного стратегического партнерства) в сферах политики, экономики и безопасности. Залогом этого является геоэкономическая взаимодополняемость Китая, стран Центральной Азии, России и объективная общность их геополитических интересов в контексте освоения, развития и обороны внутренних пространств Евразии.

С одной стороны, Программа должна предусматривать в качестве главной цели создание эффективных механизмов межгосударственного взаимодействия, которые могли бы обеспечить взаимовыгодный обмен всеми возможными национальными ресурсами РФ, КНР и стран ЦА (политическими, экономическими, энергетическими, инновационно-технологическими, информационными, интеллектуальными и иными), для скорейшего решения конкретных стратегических задач в сферах политики, экономики и безопасности.

С другой стороны, Программа должна исходить из того, что только взаимовыгодные экономические отношения на многосторонней основе могут стать фундаментом тесных и устойчивых связей во всех других сферах межгосударственных отношений. В соответствии с данным принципом. Программа должна быть нацелена, в первую очередь, на стимулирование экономического, главным образом, транспортно-коммуникационного и инновационно-промышленного взаимодействия между странами-членами ЕврАзЭС и ШОС в ряде ключевых отраслей.

Как представляется, начинать разработку Программы придется фактически с «чистого листа», так как вряд ли в Китае и России и тем более в Центральной Азии есть сколько-нибудь значительные аналитические наработки по масштабному и долгосрочному освоению, развитию и обороне внутренней Евразии. В этой связи принципиальное

значение имеют межгосударственные аналитические и как их составная часть – научные исследования.

Аналитический/исследовательский компонент. Для разработки Программы необходима, в первую очередь, консолидация интеллектуальных ресурсов Китая, России и Центральной Азии, интенсификация обмена аналитической и иной информацией, организация и проведение объединенных единым планом крупных междисциплинарных научно-прикладных и аналитических исследований.

Одним из главных направлений вышеуказанных исследований должен стать поиск тех или иных масштабных подпрограмм и конкретных проектов в качестве локомотивов реального сближения Китая, Центральной Азии и России. Данные локомотивные подпрограммы и проекты не должны являться «чисто экономическими», так как уже по своему определению являются междисциплинарными и потребуют масштабного привлечения значительных политических, экономических, информационных, интеллектуальных и многих других ресурсов.

На начальном этапе организацию исследований, их политическую поддержку, финансовое, техническое, кадровое обеспечение было бы целесообразно осуществлять на основе уже подписанных документов в рамках ЕврАзЭС и ШОС. В последующем потребуются заключение других (более качественных и конкретных по форме и содержанию) межгосударственных соглашений и, возможно, создание дополнительных структур в рамках ЕврАзЭС и ШОС с гораздо более масштабными целями и задачами (нежели те, которые стоят в настоящее время), привлечение на порядок больших ресурсов и соответственно их аналитическое обеспечение.

Общую координацию (не путать с руководством) исследований следует возложить на представителей аппаратов администраций президентов (в случае КНР – Госсовета) и/или правительств стран. Результаты данных исследований предполагается использовать высшим политическим руководством Китая, стран Центральной Азии и России для выработки комплексов мер по стимулированию межгосударственного сотрудничества.

Как представляется, на стадии разработки Программы финансирования аналитического/исследовательского компонента должно осуществляться исключительно за счет средств государственных бюджетов КНР, стран ЦА и РФ и/или национальных программ инновационно-промышленного развития, причем на паритетных началах. Какие-либо источники финансирования из «сырьевых» отраслей неприемлемы, так как в этом случае может иметь место лоббирование узкокорпоративных и иных краткосрочных интересов.

Рекомендация № 4: энергетическое сотрудничество по другим направлениям

В рамках Энергоклуба ШОС представляется целесообразным поиск и других локомотивных проектов, к которым могут быть привлечены и страны-наблюдатели Организации. На начальном этапе в качестве ключевых направлений предлагается рассматривать следующие:

- энергетическое машиностроение;
- глубокая переработка углеводородного сырья;
- атомная энергетика;
- гидроэнергетика.

Энергетическое машиностроение (машиностроительная отрасль ТЭК)

Как представляется, отрасль энергетического машиностроения могла бы стать одним из перспективных направлений для стимулирования экономического сотрудничества в ШОС. Отрасль энергетического машиностроения предложена прежде всего потому, что именно с Китаем Россия и другие страны бывшего СССР имеют достаточно большой опыт по сотрудничеству в плане производства энергетического оборудования. Этот опыт еще не забыт и может быть использован. Кроме того, энергетическое машиностроение непосредственно связано со многими смежными, в том числе и наукоемкими отраслями экономики: металлургией, металлообработкой, химической, электротехнической и электронной отраслями, приборостроением и т.п.

Немаловажное значение здесь имеет и тот факт, что отрасли энергетического машиностроения постсоветских стран, прежде всего России, и Китая способны дополнять друг друга в плане эффективного использования взаимных преимуществ и компенсации недостатков. Так, например, российская отрасль энергетического машиностроения по определенным позициям (например, оборудование для атомной энергетики) пока сохраняет технологические преимущества. В то же время по целому ряду позиций китайская отрасль энергетического машиностроения, освоившая современные западные технологии, имеет преимущества, однако при необходимости может быть адаптирована под стандарты стран СНГ.

Более того, взаимный обмен передовыми технологиями и научно-техническими достижениями (причем не на коммерческой, а на политической основе) способен обеспечить системный прорыв в развитии не только отрасли энергетического машиностроения и ТЭК в целом, но и дать импульс к постепенному развитию кооперации и в других отраслях экономики стран-членов ШОС.

Глубокая переработка углеводородного сырья

Приоритетность данного направления обусловлена необходимостью развития химической отрасли, нефтегазовых отраслей ТЭК (как поставщиков сырья для химической отрасли) и многих других отраслей экономики, являющихся потребителями продукции химической отрасли.

Предлагается создать в рамках ШОС сеть совместных предприятий (СП), нацеленных на глубокую переработку углеводородного сырья на территории не только Китая, но и России, а также стран Центральной Азии с последующей реализацией готовой продукции на внешних рынках. Причем, наряду с использованием уже существующих производственных мощностей, предлагается рассмотреть вопрос о совместном строительстве новых предприятий вблизи углеводородных месторождений, чтобы избежать высоких затрат на транспортировку. Например, ту же центральноазиатскую (казахстанскую) нефть, содержащую высокую долю тяжелых фракций, экономически более целесо-

образно не экспортировать, а перерабатывать на месте с применением крекинг-процессов. В частности, путем крекинг-процессов из мазута эффективнее получать высокооктановый бензин, авиационный керосин, другие виды топлива.

Одновременно с этим, энергетическое сотрудничество в ШОС следует ориентировать и на глубокую переработку газа путем создания сети газохимических производств на территории России, Китая и стран Центральной Азии вблизи газовых месторождений.

При этом необходимо всемерно поощрять китайских инвесторов осуществлять глубокую переработку углеводородов на территории России и стран ЦА (снижение налогов, арендных платежей, отсрочки по тем или иным видам налоговых выплат и т.п.). Кроме того, России и странам центральноазиатского региона целесообразно согласованно увязывать вопросы поставок в Китай нефтегазового сырья с объемами поставок в Китай и продуктов глубокой переработки углеводородов с совместных предприятий, расположенных на территории РФ и ЦА.

Развитие экономического сотрудничества в сфере глубокой переработки углеводородов могло бы дать мощный импульс масштабному освоению ресурсов внутриконтинентального пространства Евразии и стимулировать реальную экономическую интеграцию в рамках ЕврАзЭС и ШОС. Представляется, что кооперация в сфере глубокой переработки углеводородов станет взаимовыгодной и будет положительно воспринята и поддержана в тех же странах ЦА, где уделяется повышенное внимание вопросам кардинального повышения экономической эффективности деятельности отраслей ТЭК.

Для России и стран Центральной Азии данная сфера сотрудничества будет означать подъем химической и целого ряда других отраслей промышленности, в целом преодоление экспортно-сырьевой ориентации экономик, а также развитие внутреннего рынка и создание новых рабочих мест, проникновение на китайский рынок. Для Китая – это широкое проникновение на рынок всего постсоветского пространства, укрепление и развитие ШОС, становление его как экономического блока.

Более того, той же России крайне важно вообще увязывать и решать вопросы сотрудничества с Китаем в нефтегазовых отраслях с продвижением иных экономических проектов, а также с вопросами взаимовыгодного сотрудничества в политической и военной сферах. Как представляется, именно такая логика может обеспечить взаимовыгодный обмен новейшими технологиями, интеллектуальной собственностью и другими ресурсами между Россией и Китаем. Например, в обмен на те или иные российские военные технологии Китай мог бы передать России ряд новейших технологий в сфере глубокой переработки углеводов и получения синтетических материалов.

Атомная энергетика

Данное направление касается преимущественно российско-китайского формата взаимодействия, однако, способно стимулировать и налаживание многосторонней кооперации в рамках ШОС, в первую очередь, в высокотехнологичных отраслях.

Атомные технологии – это потенциально наиболее эффективная сфера взаимовыгодного российско-китайского сотрудничества в отраслях ТЭК, так как именно здесь преимущества России и Китая друг перед другом выражены наиболее ярко. Специфика научно-технического развития Китая вообще и атомных технологий в частности состоит в том, что Китай в приоритетном порядке развивал не столько фундаментальные научные заделы, сколько передовые инновационные производства, опираясь на новейшие научно-технические достижения других стран. В плане создания таких производств Китай уже опережает Россию.

В то же время в плане фундаментальных заделов Китай пока заметно отстает от России. Китай по-прежнему вынужден импортировать ряд товаров и изделий, производимых на основе ядерных технологий. В свою очередь, Россия обладает значительными научными и технологическими разработками, однако реализовать их самостоятельно практически не может вследствие слабой развитости промышленно-инновационной инфраструктуры, равно как и прикладных разработок.

В этой связи логично предположить, что двусторонняя кооперация в атомной энергетике, если будет стимулироваться на политическом уровне может обеспечить системный технологический прорыв и России и Китая. Под стимулированием российско-китайской кооперации подразумевается создание эффективных межгосударственных механизмов привлечения российских и китайских ресурсов в развитие совместных НИОКР на базе российских фундаментальных заделов и китайской производственно-инновационной инфраструктуры.

В первую очередь, здесь необходимо более активно использовать возможности Государственной корпорации «Российская корпорация нанотехнологий», в состав которой входят всемирно известные Курчатовский институт, московский и санкт-петербургский физико-технические университеты, которые являются законодателями в фундаментальных разработках для атомной промышленности.

Кроме того, следует обусловить доступ Китая к передовым научным и техническим разработкам России с привлечением китайских инвестиций в модернизацию российской инновационно-производственной инфраструктуры, а также в целом с участием Китая в других приоритетных для России проектах. При этом важно продумать механизмы защиты российской интеллектуальной собственности.

Возможности для запуска российско-китайской кооперации в атомной энергетике достаточно велики, в том числе и потому, что сегодня Китай реализует программу строительства атомных электростанций. Предполагается, что к 2030 году в Китае будет действовать порядка 30 АЭС, а их доля в выработке электроэнергии составит около 7%. Для этого в Китае уже сформирован целевой «атомный» бюджет в размере 60,3 млрд. долларов.

Кроме того, к российско-китайскому взаимодействию в атомной отрасли могут быть привлечены и страны Центральной Азии, учитывая то, что почти все залежи урановых руд СНГ, потенциально рентабельных для промышленного освоения, находятся в Казахстане и Узбекистане. В принципе процесс российско-казахстанской и китайско-казахстанской кооперации по производству ядерного топлива уже начался, но желательно включение в данный процесс и Узбекистана.

В частности, заслуживает внимания идея строительства на территории Центральной Азии силами России, Китая, Казахстана и Узбекистана в рамках консорциума стран-членов ШОС крупной атомной электростанции (формула: «российские технологии + китайские кредиты/инвестиции + казахстанский и узбекский уран»). Институциональная и юридическая основа для организации такого многостороннего межгосударственного проекта уже есть, а запасов урановых руд в Казахстане и Узбекистане более чем достаточно. Реализация данного проекта могла бы покрыть дефицит электроэнергии в ЦА, а также ряде областей РФ и на западе КНР. Все это дало бы не только экономический эффект для всех участников проекта, но и послужило бы кардинальному укреплению ЕврАзЭС и ШОС, положило бы начало процессу превращения данных организаций в реальные экономические блоки.

Помимо этого, вовлечение огромных запасов центральноазиатского «ядерного топлива» в энергетический баланс региона помогло бы в решении болезненного для ЦА «водно-энергетического» вопроса. Как представляется, если АЭС покроет дефицит электроэнергии в Кыргызстане и Таджикистане в зимний период, то для этих стран отпадет необходимость в строительстве дополнительных крупных гидроэлектростанций, а также и в импорте значительных количеств узбекского газа. Решение водно-энергетического вопроса, в свою очередь, разблокировало бы процесс региональной интеграции, а также интеграции в рамках ЕврАзЭС и ШОС.

Гидроэнергетика

Данное направление потенциально могло бы способствовать расширению энергетического сотрудничества в рамках ШОС, наращиванию объемов производства экологически чистой электроэнергии. Это позволило бы странам-членам ШОС экономить дорогостоящие невозобновляемые ресурсы и значительно повысить свою энергетическую безопасность, снизить вероятность конфликта энергетических интересов, стимулировать экономический рост в целом.

Наиболее перспективным было бы освоение гидроэнергетических энергоресурсов именно Сибири и Дальнего Востока (а не ЦА) в целях выработки электроэнергии для нужд экономики России (включая указанные регионы), приграничных провинций Китая и, возможно, стран ЦА. Обоснованием целесообразности этого является то, что потребности стран-членов ШОС в дешевой электроэнергии велики, а в перспективе будут расти. Очевидно, что проекты в этом направлении также предусматривают строительство линий электропередач, что будет способствовать объединению пространства ШОС в единую систему электроснабжения.

Только на последующих этапах кооперация в гидроэнергетической отрасли могла бы интенсифицировать процесс совместного (!) в рамках ШОС освоения гидроэнергетического комплекса самих государств Центральной Азии. Речь идет в первую очередь о более активном освоении гидроэнергетических ресурсов Таджикистана и Кыргызстана. При этом наиболее реальными проектами сегодня могли бы стать строительство Рогунской ГЭС в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС в Кыргызстане (являются долгостроями советского времени). Однако всему этому должно предшествовать глубокое и многостороннее изучение вопросов возведения крупных гидроэнергетических объектов (оценка рисков и угроз, выработка механизмов компенсации потерь) и, безусловно, тесная увязка этих вопросов с процессом региональной экономической интеграции.

Кроме того, чтобы освоение гидроэнергоресурсов Кыргызстана и Таджикистана не вошло в противоречие с интересами других стран региона – потребителей водных ресурсов бассейна Сырдарьи и Амударьи, необходимо выстроить взаимовыгодную схему межгосударственного обмена энергоресурсами. В принципе можно вернуться к схеме, существовавшей в советское время и доказавшей свою эффективность. По сути это была схема энергетического бартера, когда газ, уголь и мазут поставлялись в Кыргызстан и Таджикистан для выработки электроэнергии зимой в обмен на поставки из этих стран гидроэлектроэнергии в летнее время. Но возрождение данной схемы представляется возможным в условиях процесса региональной экономической ре-

интеграции, признаков чего пока не просматривается. С позиций сегодняшнего дня, учитывая современную ситуацию в ЦА и вокруг нее, представляется, что достижение прорыва в этом направлении возможно только в среднесрочной, а то и долгосрочной перспективе. Впрочем, уже упоминавшаяся выше идея проекта строительства в ЦА мощной АЭС силами стран-членов ШОС может кардинально облегчить решение и водно-энергетической проблемы региона, не говоря уже о налаживании реального китайско-российско-центральноазиатского партнерства.

* * *

В целом принципиальное изменение в пользу долгосрочных национальных интересов России формата китайско-центральноазиатских экономических и в том числе энергетических отношений возможно лишь при условии развития транзитного статуса России и Центральной Азии – торгово-экономического и энергетического моста между различными частями Азии и Европы. С точки зрения энергетики это наиболее вероятно осуществить в тесном взаимодействии с Ираном. Только следование такой исторически оправданной логике долгосрочного и стратегического поведения позволит создать более благоприятные условия для многостороннего, многопланового и взаимовыгодного сотрудничества России с Китаем, в том числе в рамках ШОС, в целом заложить основу для запуска под эгидой Организации масштабных и прорывных экономических проектов: транспортно-коммуникационных и промышленно-инновационных. И именно это может превратить ШОС в полноценный экономический блок, стать залогом стабильного и долгосрочного развития внутренней Евразии.

Как представляется, на современном этапе только Россия по своему историческому, геополитическому и геоэкономическому потенциалу способна в корне изменить ход уже запущенных на постсоветском пространстве центробежных тенденций. Экономическая реинтеграция под эгидой РФ принципиально важна потому, что только вместе постсоветские страны смогут сформулировать и отстаивать общие, долгосрочные и стратегические интересы, которые неизбежно

будут вести их к формированию союзных отношений с КНР. В противном случае, Китай будет вынужден выстраивать сугубо эгоистическую схему отношений и с Россией, и с Центральной Азией, руководствуясь лишь собственными интересами. Это представляется вполне естественным, так как Пекин вряд ли станет учитывать некие «стратегические и долгосрочные интересы» других стран, если они сами о них не думают. **В итоге** именно Россия должна стать инициатором масштабных и кардинальных, а главное – позитивных перемен как в китайско-российских, так и китайско-центральноазиатских отношениях. Другого выбора у России нет: если она действительно хочет сохраниться в прежних границах, остаться внутренне целостной и стабильной, обрести устойчивость и поступательность долгосрочного развития.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

ПАРАМОНОВ Владимир Владимирович родился в г. Москве, окончил Свердловское суворовское военное училище, Новосибирское высшее военно-политическое общевоинское училище, одну из российских академий, офицер запаса ВС РУз. Ранее работал в качестве научного, старшего научного сотрудника, заведующего сектором «США и Европа» Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан, руководителя Центра системных исследований, лектора Высшей школы стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан, главного научного сотрудника / координатора исследований Центра экономических исследований при службе государственного советника Президента Республики Узбекистан по вопросам социально-экономической политики. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Геостратегия США в Центральной Азии». Проходил научно-исследовательские стажировки в ряде зарубежных университетов, в том числе Университете Джорджии (США), Университете Джонса Хопкинса (США), Университете Вулверхемптона (Великобритания), Университете Оксфорда (Великобритания), Университете Лондона (Великобритания). Автор и соавтор около 200 публикаций по вопросам стратегии США, РФ и КНР в Центральной Азии (аспекты внешней политики, экономики, безопасности, энергетики, институционального сотрудничества), российско-китайских отношений, а также информационно-аналитической работы.

СТРОКОВ Алексей Владимирович родился в г. Ташкенте, окончил Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева, офицер запаса ВС РУз. Работал научным сотрудником Государственного института органической химии и технологии (Саратовская область, Россия), научным, старшим и ведущим научным сотрудником Института химии и физики полимеров Академии наук Республики Узбекистан, аналитиком в системе Вооруженных сил Республики Узбекистан, аналитиком Центра системных исследований, лектором Высшей школы стратегического анализа и прогнозирования Республи-

ки Узбекистан. Привлекался в качестве эксперта к проектам ПРООН (Узбекистан) и Центра экономических исследований при службе государственного советника Президента Республики Узбекистан по вопросам социально-экономической политики. Защитил кандидатскую диссертацию в области химии. Автор и соавтор более 100 публикаций по вопросам стратегии РФ и КНР в Центральной Азии, российско-китайских отношений.

СТОЛПОВСКИЙ Олег Анатольевич родился в г. Ташкенте, окончил Череповецкое высшее военное училище радиозлектроники, Ташкентский государственный институт иностранных языков. Служил на различных аналитических должностях в ВС СССР, после 1991 года – Министерстве обороны Республики Узбекистан, полковник запаса. Работал в Высшей школе стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан в качестве заведующего кафедрой «Проблемы безопасности». Автор и соавтор более 50 публикаций по вопросам региональной безопасности, Афганистану, политики РФ и КНР в Центральной Азии.

Проект «Центральная Евразия», www.ceaisa.ru ОСНОВНЫЕ КНИГИ АВТОРОВ

Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. **Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность.** – Бишкек, 2008. – 200 с.

Отношения России и Китая с Центральной Азией имеют богатую историю, в которой политика, экономика и безопасность тесно переплелись друг с другом. Традиционно центральноазиатское направление было одним из ключевых во внешней политике России и Китая. Это представляется естественным, учитывая расположение региона в цен-

тре Евразии – на стыке географии и интересов политики, экономики и безопасности двух данных держав.

Распад СССР привёл к фактическому коллапсу экономических связей России с республиками Центральной Азии (Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном), одновременно дав мощный импульс к развитию, а затем – интенсификации экономических отношений государств региона с Китаем. При этом на протяжении 1990-х годов Россия не придавала особого значения развитию отношений с регионом, в то время как Китай и многие другие страны стали постепенно занимать пустующие ниши.

В последние годы Россия, осознавая важность постсоветского пространства для укрепления своих международных позиций, стала форсировать процесс политического сближения со странами региона. Это, в свою очередь, способствовало значительной активизации экономических отношений и связей в сфере безопасности.

К чему может привести наблюдающееся сегодня, возможно, впервые в истории одновременное стремительное усиление присутствия России и Китая в Центральной Азии? Как представляется, попытаться найти ответ на этот крайне сложный вопрос можно только посредством детального анализа действий Москвы и Пекина в регионе и, в первую очередь в сфере политики, экономики и безопасности.

Россия в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. **Russia in Central Asia: Policy, Security and Economics (Россия в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность, на английском языке)**. – Нью-Йорк, 2009. – 118 с.

В истории любой страны бывают моменты, когда она подходит к определённой черте, за которой сама жизнь вынуждает принимать решение о кардинальном пересмотре стратегии своего развития. Как пра-

вило, подобное происходит, когда прежний стратегический курс либо исчерпал себя, либо оказался глубоко ошибочным.

Именно у такой черты находится современная Россия. Главной же причиной тому является становящийся все более очевидным провал взятого еще в начале 1990-х годов прошлого века внешнеполитического курса. Фундаментальные основы данного курса были заложены сразу же после распада СССР, когда ельцинская Россия начала осуществлять политику по освобождению от «груза национальных республик».

Есть все основания утверждать, что период российской истории, начавшийся после распада СССР, впоследствии назовут «смутным временем» по аналогии с началом XVII века, когда обрушилась вся система государственной власти в России, а позиции Москвы в тогдашней системе международных отношений кардинально ослабли.

Сегодня Россия Медведева–Путина вновь столкнулась с проблемами поиска своего места в стремительно изменяющемся мире. Одним из лучших свидетельств этому является анализ шагов, предпринимаемых Россией в Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) в сфере политики, экономики и безопасности.

Китайский экономический экспресс в центре Евразии: новая угроза или исторический шанс?

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. **Китайский экономический экспресс в центре Евразии: новая угроза или исторический шанс? (Экономическое присутствие Китая в Центральной Азии)**. – Барнаул, 2010. – 160 с.

Экономическая политика Китая в отношении Центральной Азии, являясь составной частью общей стратегии Пекина по превращению Китая в один из центров мировой экономики, постепенно эволюционирует в сторону повышения значения региона для китайской экономики.

В первой половине 1990-х годов Китай фактически не предпринимал сколько-нибудь существенных попыток по экономическому про-

никновению в Центральную Азию. Но уже к середине – концу 1990-х годов экономический интерес Китая к Центральной Азии обозначился более чётко, что во многом было обусловлено реализацией в КНР государственной программы по форсированному развитию своих внутриконтинентальных территорий. На практике указанный интерес выразился в начале проектно-инвестиционной деятельности китайских компаний в нефтегазовой отрасли Казахстана и значительном увеличении масштабов присутствия китайских производителей на потребительских рынках центральноазиатских государств.

В начале первого десятилетия XXI века значимость Центральной Азии для Китая кардинально возросла, что было продиктовано причинами уже не столько экономического, сколько военно-стратегического характера, поскольку после событий 11 сентября 2001 года регион утратил статус периферийного и оказался в центре мировой политики. В этой связи Пекин фактически перешёл к тактике «мягкой экспансии» в Центральной Азии. Это выразилось в динамичном росте масштабов проектно-инвестиционного присутствия Китая и китайских компаний уже во всех странах региона, что оказало к тому же мощное стимулирующее воздействие и на китайско-центральноазиатскую торговлю.

Однако к чему ведёт этот процесс? И что, в частности, этот процесс несёт самой России, для которой регион является зоной жизненно важных интересов, а экономическая интеграция с Центральной Азией – одним из принципиальных условий подъёма национальной экономики?

Последний исторический шанс России: освоение, развитие и оборона внутренней Евразии

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. **Последний исторический шанс России: освоение, развитие и оборона внутренней Евразии (Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность).** – Барнаул, 2010. – 121 с.

После распада Советского Союза Китай предпринимает всё более системные и целенаправленные попытки обрести контроль над процессами в Центральной Азии, что не встречает сколько-нибудь заметного и организованного противодействия ни со стороны центральноазиатских государств, ни со стороны каких-либо внерегиональных сил. Однако, Китаю пока не удалось и в перспективе, скорее всего, так и не удастся создать исторический прецедент: заполнить геоэкономический и геополитический вакуум в Центральной Азии.

Несмотря на все успехи, достигнутые Китаем в Центральной Азии, китайские позиции в регионе представляются все же неустойчивыми. Глубинные причины этого следует искать не в самой стратегии Пекина, а в характере присутствия Китая в Центральной Азии и складывающемся формате китайско-центральноазиатских отношений, которые свидетельствуют о наличии крайне сложного комплекса проблем на пути развития взаимовыгодного и устойчивого сотрудничества.

С одной стороны, основные проблемы во многом обусловлены фактором распада СССР и напрямую касаются России, а поэтому не могут быть концептуально оценены вне российского контекста. С другой стороны, данные проблемы напрямую связаны с асимметрией стратегических направлений развития Китая, государств Центральной Азии и той же России: в первую очередь, в плане недооценки ими жизненной важности интенсификации, углубления и повышения качества взаимодействия друг с другом как с точки зрения внутренней, так и с точки зрения внешней политики. В итоге складывающаяся ситуация в корне противоречит общим жизненно важным интересам Китая, стран Центральной Азии и их исторически естественного союзника – России, тем более, что сами эти государства не осознают общности целей и приоритетов развития, не прилагают достаточных усилий к их поиску и концептуальному оформлению.

Как представляется, необходима консолидация усилий Пекина, Москвы и столиц стран региона в плане выстраивания механизмов многопланового и полноценного сотрудничества на двустороннем и многостороннем уровнях, в том числе в рамках ШОС. Прорывом в этом направлении может стать формирование широко разветвлённой и

хорошо развитой трансевразийской транспортно-коммуникационной системы, которая в свою очередь обеспечит экономическую рентабельность запуска под эгидой того же ШОС крупных инновационно-промышленных проектов. Это и позволит активизировать процесс региональной экономической интеграции в Центральной Азии, положить начало формированию ШОС как реального блока, призванного обеспечить комплексную безопасность и поступательное экономическое развитие огромных пространств внутренней Евразии.